Хайнц Фельфе

МЕМУАРЫ РАЗВЕДЧИКА

Политиздат

Heinz Felfe
Im Dienst des Gegners

10 Jahre Moskaus Mann im BND

Rasch und Röhring

Felfe
des Gegners
10 Jahre Moskaus Mann im BND

Хайнц Фельфе

МЕМУАРЫ РАЗВЕДЧИКА

Шпионаж в пользу войны

Разведка в пользу мира

Москва
Издательство
политической
литературы
1988

ББК 63.3(4Ф)
Ф39

Фельфе Х.

Ф39 Мемуары разведчика. Пер. с нем.— М.: Политиздат, 1988.— 319 с.
ISBN 5-250-00247-1

Автор, бывшнй офицер разведкн германского рейха, затем сотруднпк западногерманской разведывательной службы БНД, рассказывает о сложном путн, который привел его к борьбе протнв тех, кто стронт планы подготовкн новой войны. В книге разоблачаются подрывные акцнн западных спецслужб протнв СССР, другнх соцналнстнческнх стран

Рассчитана на шнрокие круги чнтателей

Ф $\frac{0804000000-097}{079(02)-88}$ 185—88

ББК 63.3(4Ф)

ISBN 5-250-00247-1

От автора

Эта книга написана в 1985 г. В ее основу легли записи, сделанные мной весной 1969 г.— вскоре после освобождения из тюремного заключения в ФРГ,— в которых я зафиксировал свои воспоминания (в первую очередь для себя самого) о годах второй мировой войны и наступившей затем конфронтации между Востоком и Западом. О публикации книги тогда еще не думал. Однако, когда в 1985 г. мое имя стало все чаще называться в прессе ФРГ и других стран Запада в связи с разоблачениями боннских шпионских афер, я решил сказать свое слово и опубликовать эту книгу вначале в Федеративной Республике Германии.

Я хотел показать, что вопреки решениям держав-победительниц часть генерального штаба вермахта «третьего рейха», не понеся никакого ущерба и не пройдя демократического перевоспитания, продолжила прежнюю работу 12-го отдела генерального штаба под названием «иностранные армии Востока», а именно: ведение разведки против Советского Союза и других социалистических стран. Вначале под патронажем американцев, а с 1956 г. в рамках самостоятельной федеральной разведывательной службы (БНД).

Я постарался объективно показать свой жизненный путь, который привел меня от службы в нацистском Главном управлении имперской безопасности к работе разведчика-интернационалиста. В западногерманском издании я использовал материалы из различных архивов. Для читателей этого издания некоторые места получили дополнительные пояснения, отдельные, разрозненные отрывки на сходные темы собраны воедино, убраны некоторые повторы, вкравшиеся опечатки и неточности.

Берлин, осень 1987 г. *Хайнц Фельфе*

Шпионаж в пользу войны

Годы учебы

В детстве я не высказывал определенного желания относительно будущей профессии. Я только знал, что не хочу быть чиновником, как мой отец. Скорее меня влекло к техническим специальностям, хотел стать инженером, например.

Но это никак не касалось моего отношения к отцу. Чистый и честный по характеру, прямолинейный по своим политическим взглядам, он многое дал мне и решающим образом повлиял на формирование моего характера. Для меня он, если не брать его профессию, был примером. После окончания военной службы отец поступил на работу в полицию и дослужился до должности начальника отдела по наблюдению за нравами в Дрездене. Отец был начитанный, стремящийся к расширению своего кругозора человек. Раз в месяц он обязательно ходил в оперу. От него я унаследовал тягу к знаниям, хотя в школе это на первых порах и не проявлялось. Каждую субботу я получал от него в подарок книгу. К дням рождения, рождеству и другим памятным датам от отца и других родственников я получал в среднем ежегодно до 20 книг, и скоро моя библиотека стала очень большой. К сожалению, она была полностью уничтожена 13 февраля 1945 г. во время англо-американского воздушного налета на Дрезден — город Августа Сильного и Сикстинской мадонны.

Кроме того, отец для меня являлся олицетворением доброты. Он никогда не поднимал на меня руку, потому что был убежденным противником насилия в любой форме.

В 1928 г. отец вышел на пенсию. Над Германией в это время начали сгущаться зловещие тучи экономического кризиса, безработицы и ожесточения политических нравов. Беспомощно и с разочарованием смотрел он на развитие событий, на крах своей мечты о спокойной и обеспеченной старости. Теперь пришлось приспо-

сабливаться к существующим условиям. Однако нужда не поселилась в нашем доме, у нас даже еще оставались средства и на то, чтобы оказывать помощь другим.

Как чиновник отец отличался исключительной пунктуальностью. Даже почерк его мог служить образцом каллиграфии. Став пенсионером, он по-прежнему не терпел расхлябанности. На каждый день и неделю у него всегда имелась четкая программа.

Отец был беспартийным и считал, что чиновнику заниматься активной политической деятельностью не следует, хотя он должен обладать активным политическим мышлением. Это, по его мнению, было необходимо для того, чтобы, во-первых, всегда действовать «в высших интересах немецкой нации» и, во-вторых, сохранять «собственное критическое политическое суждение». Так отец последовательно воспитывал и меня.

Он любил Германию, гордился вкладом своей родины в мировую культуру. Политическую и моральную этику немецкого чиновника отец видел в том, чтобы верно служить своему отечеству и подчинять ему личные интересы. Дисциплина, порядок и прилежание были для него неприкосновенными добродетелями и решающими факторами, которые, по его мнению, должны гарантировать внутреннюю сплоченность всего немецкого народа. Действовать в этом направлении он считал своим высшим патриотическим долгом. Отсюда логически следовало, что нарушение дисциплины и порядка является предательством интересов Германии, подрывом ее национальных устоев, ее добродетелей и силы независимо от того, с чьей стороны это нарушение исходило. В этой связи он выступал даже за чрезвычайные меры, если существующие законы не обеспечивали спокойствие и порядок, отдавал приоритет военным мерам перед политическими, юридическими, экономическими и другими соображениями.

Отец считал, что на Германии в историческом и географическом плане лежит особое обязательство быть для народов Европы образцом порядка и дисциплины. Таким был мой отец. Когда я, находясь в плену в Нидерландах, узнал о его смерти, то пролил немало слез.

О моей матери мало что можно сказать. Она была второй женой отца и на 20 лет моложе его. Очень энергичная, а иногда импульсивная, она определенным образом дополняла по характеру отца. Ее родители име-

ли дело в Баутцене[1]. Когда в городе бывали базарные дни, сорбские крестьяне оставляли свои товары в доме бабушки и дедушки, где я часто гостил. Беседы с крестьянами для меня всегда оказывались интересными, и я даже познакомился поближе с одним пареньком из их среды. Позже он стал священником. Для сорбского крестьянского сына это кое-что значило. Во времена нацизма я с ужасом узнал, что его арестовали. Впечатления от тесного общения с сорбами (мой отец тоже говорил по-сорбски) были одной из причин того, что я никогда не мог понять и тем более одобрить расовую теорию нацистов.

Школа, в которую меня отдали родители по рекомендации одного знакомого профессора педагогики, была основана в Дрездене после первой мировой войны и считалась передовым для того времени государственным учебным заведением. В процессе обучения в ней опробовались и применялись новейшие знания в области педагогики и юношеской психологии. Для новичков эта школа выглядела, наверное, чем-то вроде страны чудес. Совместное обучение мальчиков и девочек, обмен учениками между классами, регулярное пребывание одного из классов в полном составе в школьном интернате в сельской местности — конкретные примеры новых для того времени методов школьного воспитания. Развитие на специальных курсах музыкальных способностей или склонности к ремеслам было так же естественно, как и преподавание в небольших по числу учеников — от 15 до 30 человек максимум — классах. Столы и стулья для учащихся с первого класса, практическая работа с микроскопом и инструментами для анатомического препарирования, с теодолитом и мерной рейкой, регулярная демонстрация кинофильмов и ежегодные выборы директора школы коллегией учителей — все это являлось новшеством для 20-х годов.

Непререкаемым принципом считалось, что каждое мнение заслуживает внимания, если оно излагается серьезно и обоснованно и если даже с ним не согласны остальные. Контраргументы требовалось также всегда высказывать открыто. Так, при содействии учителей уже в ранние годы у учеников воспитывалось чувство уваже-

[1] Город в области, заселенной преимущественно сорбами — славянским меньшинством в Германии, сейчас входит в состав ГДР.— *Прим. перев.*

ния к духовному миру и уровню других. Сами учителя вели преподавание в таком же духе.

В школе уделялось также должное внимание спортивной подготовке. Моим тщеславным желанием было входить в число лучших по этому предмету, что мне часто и удавалось. Регулярно мы совершали туристские походы, которым очень радовались. И единственно, что омрачало тогда нашу жизнь 10—12-летних подростков, так это необходимость после двух походов писать сочинение о своих впечатлениях.

В школе не выставляли оценок в обычном смысле, а выносили суждения. Поскольку преподавательский состав и учебный план являлись для того времени прогрессивными и никак не соответствовали господствующим тогда представлениям, школа вскоре прослыла «красной». Действительно, часть учителей находилась под влиянием социалистических идей, поэтому многие семьи из прогрессивных кругов посылали своих детей именно в эту школу. Это привело к тому, что разница в социальном положении семей и их политических взглядах не являлась барьером между учениками, как в других школах, терпимость ко взглядам других и дружеские чувства были в порядке вещей.

Из того, что мне дала школа, помимо общеобразовательных знаний следует отметить основы ремесла и развитие музыкальных задатков. Я посещал уроки игры на фортепьяно и виолончели. В школьном оркестре играл на виолончели, а также контрабасе. В это же время у меня пробудился интерес к социальным вопросам, политике и особенно истории. Контакт со школьными товарищами из семей с марксистской ориентацией, вся атмосфера в школе способствовали тому, что я никогда не испытывал страха перед коммунизмом или коммунистами, присущего немецкому бюргерству, и впоследствии это значительно облегчило мне принятие личных решений.

Эта школа, носившая имя Альбрехта Дюрера, на десятилетия предвосхитила свое время. Поэтому естественно, что после 1933 г.[1] она никак не вписывалась в структуру страны и после нескольких неудачных попыток привести ее в соответствие с господствовавшими представлениями была закрыта в 1936 г. Некоторых учителей еще до этого либо уволили, либо направили в другие школы.

---

[1] Год прихода к власти Гитлера.— *Прим. перев.*

Но я к тому времени уже решил оставить школу и заняться практической подготовкой к профессии инженера. Я, конечно, сожалел, что школу закрыли, но о причинах этого особенно не задумывался.

Среди молодежи того времени считалось хорошим тоном входить в скаутские организации. В 10 лет я также вступил в союз свободных скаутов, который откололся от объединения немецких скаутов. Руководителем свободных скаутов являлся местный врач, с его племянником я дружил. Но эта группа, стоящая на довольно левых позициях, вскоре самораспустилась. Затем я вступил в национал-социалистский союз учащихся. Мое решение не было политическим, поскольку такового трудно ожидать от мальчика в 13 лет. Это была скорее реакция противодействия, потому что саксонское министерство культуры в 1931 г. запретило принадлежность к союзу. Для молодежи запретный плод сладок как тогда, так и сейчас, неважно, идет ли речь о набеге на чужие яблони или о предписании соблюдать покой и порядок.

Когда 30 января 1933 г. президент Гинденбург назначил Гитлера рейхсканцлером и поручил ему формирование правительства, в родительском доме это было воспринято без всяких эмоций. За минувшие годы было слишком много выборов в рейхстаг и новых правительств, которые приносили только разочарование. Единственное, на что надеялись мои родители — и эту надежду разделяли очень многие,— что наконец будет найден выход из экономического беспорядка и нищеты.

Еще перед приходом Гитлера к власти национал-социалистский союз учащихся распустили и он полностью вошел в состав организации «гитлерюгенд» («гитлеровская молодежь»). Но шумливая деятельность местного руководства этой организации меня не устраивала, и между нами сразу же возникли конфликты. Кроме того, во мне усмотрели «идейного уклониста», причислив к сторонникам отколовшейся от НСДАП фракции под названием «Черный фронт», которая считалась «социал-революционной». По-видимому, это послужило причиной того, что меня решили куда-нибудь сплавить и затем письменно уведомили о моем переводе в состав отрядов СА. Я воспротивился, потому что мне в то время еще не исполнилось 18 лет. До 18 марта 1936 г., то есть до моего восемнадцатилетия, я как бы находился в «политическом отпуске». Но после руководство органи-

зации «гитлерюгенд» вновь решило направить меня в СА, однако я и на этот раз не согласился. «Если уж куда-нибудь идти,— говорил я,— то лучше в СС, я не хочу иметь ничего общего с этими хулиганами из СА». СС казалась мне более благородной и солидной организацией. Ее подлинное лицо я, конечно, тогда распознать не мог, тем более что все прикрывалось большой демагогией. В СС я стал членом автоклуба и получил права на вождение автомашины и мотоцикла, а также на участие в мотокроссах. Будучи молодым и здоровым, я радовался возможности найти в этом клубе выход своей энергии и азарту.

Я был убежден, что Гитлер дал наконец немецкому народу то, в чем он нуждался в смутное время Веймарской республики: ясную цель, строгий порядок и дисциплину. Во всяком случае, так думал мой отец, и я считал, что он прав. Мне это казалось разумным, а значит, и необходимым. Следовало разорвать цепи Версаля, мобилизовав для этого все силы. Без порядка и дисциплины это было невозможно сделать. А партия Гитлера, по моему тогдашнему разумению, как раз и заботилась о наведении порядка и дисциплины.

Таким образом, будучи еще совсем молодым человеком и под влиянием моей деятельности в эсэсовском клубе, я видел в национал-социалистском движении силу, которая может повести Германию к новому экономическому и политическому расцвету. Если просачивалась информация о жестоком терроре, о преступлениях нацистов, то мы считали это злобной вражеской пропагандой или распространением сплетен.

О коммунизме и его целях у меня тогда были совершенно неверные представления. Я даже не хотел над этим размышлять, поскольку — как я тогда представлял — коммунизм, стремясь к полной ликвидации частной собственности, вызовет большой хаос, а Германия в этом совершенно не нуждалась. Для меня, не имевшего никаких познаний, но полного предрассудков, коммунизм был тогда просто неприемлем. Кроме того, я верил национал-социалистской демагогии. Например, когда я в конце мая 1938 г. узнал о смерти известного мне публициста Карла фон Осецкого, у меня и мысли не возникало, что он мог умереть в результате унижений и истязаний в фашистском концлагере. И если бы мне об этом сказали, я бы все равно не поверил. Я был ослеплен.

Еще один пример. Я, как и мои друзья, был убежден, что Гитлер своим Мюнхенским соглашением в конце сентября 1938 г. предотвратил войну. В своем юношеском восторге мы думали: этот человек, этот Гитлер, он добьется всего, чего хочет, он настоящий фюрер. Как мы могли тогда осознать, чем являлось Мюнхенское соглашение на самом деле, что это — поджигательский скачок ко второй мировой войне? Но я, кажется, забегаю вперед.

Кто помнит эти времена в Германии на основе личного опыта, тот поймет мои мысли. После Олимпийских игр в Берлине в 1936 г., на которых я тоже присутствовал, среди молодежи распространились эйфорические и одновременно националистические настроения. Заграница полностью признала Германию. Дискриминация после первой мировой войны, репарации, внутренняя разобщенность — все было забыто, все, казалось, движется вперед по мирным рельсам и выглядело так, как будто перед нами лежит долгое мирное будущее. Такие мысли и чувства владели не только нами, молодыми, но и взрослыми. И мы, не имеющие жизненного опыта, не могли заглянуть поглубже. Предостерегающих голосов либо не слышали, либо не обращали на них внимания, поскольку они нам казались абсурдными.

Между тем я стал все чаще ощущать усталость от учебы в школе и начал приставать к отцу, чтобы он разрешил мне ограничиться неполным средним образованием. Мой отец считал меня уже достаточно взрослым и созревшим для того, чтобы отвечать за собственные решения, и согласился. Не последнюю роль при этом сыграли материальные соображения, так как пенсия отца не повышалась вместе с начавшимся ростом дороговизны, а посещение средней школы стоило теперь в месяц в два раза дороже. Учебные пособия и другие школьные принадлежности тоже подорожали. Оглядываясь назад, я должен сказать, что дальнейшее обучение практическим путем мне не повредило. Однако это был кружный путь, и притом каменистый.

После окончания школы весной 1934 г. я начал обучаться точной механике на заводе оптических приборов. Это было как раз то, что соответствовало моим тогдашним запросам. Я хотел быть инженером и стал посещать вечернюю школу инженеров, одновременно изучая на вечерних курсах стенографию. Но вскоре я понял, что моих технических способностей хватало только для при-

менения в домашнем обиходе, как основа для специальности они оказались недостаточными. Тогда у меня уже пробудился интерес к духовным, гуманитарным специальностям. Я долго раздумывал, чем мне заняться: медициной, историей или правоведением? От своих друзей я достаточно наслышался о все возрастающих трудностях при изучении медицины. Особенно много рассказывали о страшном экзамене после пятого семестра, перед которым все дрожали. И я решил, что, изучая юриспруденцию, смогу легче преодолеть стоявшие в то время перед каждым студентом трудности и буду лучше чувствовать себя именно в этой области. Способности к абстрактному мышлению, необходимые для этих наук, у меня имелись. Кроме того, юридическое образование давало ключ ко многим профессиям, таким, например, как судья, прокурор, бургомистр, дипломат, юрисконсульт, адвокат. Юристы могли также работать в экономике, промышленности, в области финансов. Такой широкий диапазон меня привлекал, поскольку, если избранное занятие окажется неподходящим, можно будет легко сменить поле деятельности. Так я и решил остановиться на изучении вопросов права и государства.

Но прежде всего следовало получить свидетельство о полном среднем образовании. А тут меня призвали на трудовую повинность, что, казалось, уже обрекало мои планы на неудачу. Однако руководство трудового лагеря, куда я был направлен, узнав о моих намерениях, переадресовало меня в числе 33 таких же кандидатов в другой лагерь, где в рамках созданного тогда союза по содействию студентам рейха проводилась ускоренная 18-месячная подготовка к сдаче так называемых «экзаменов для одаренных» за курс полной средней школы. Четверых из 33 кандидатов, в том числе и меня, допустили к этим экзаменам.

В сентябре 1939 г. моим планам чуть не помешала развязанная Гитлером мировая война. После 10-дневного участия в военных действиях я очутился в госпитале с тяжелым воспалением легких и больше в строй не вернулся. В госпитале у меня было достаточно времени, чтобы подумать о смысле войны. Я находил ее оправданной и необходимой, так как по-прежнему верил всему, что изрыгала мощная пропагандистская машина Геббельса. Если обновление Германии в данный момент может быть осуществлено только путем войны, то мы, значит, должны пройти этот тяжелый путь ради такой

великой цели. Я надеялся, что он окажется коротким и не будет стоить Германии больших жертв. Первоначальные успехи вермахта укрепляли меня в этой иллюзии. Но то, что это будет для нашего народа путь, ведущий ко все возрастающим жертвам и даже к гибели нации, я начал осознавать все больше и больше только позднее.

Мое выздоровление затягивалось. Меня перевели в Дрезден, в местный госпиталь. Подготовка к сдаче экзаменов за полную среднюю школу уже началась, и по моей просьбе мне дали продолжительный отпуск, а вместе с этим и денежное довольствие. 28 февраля 1940 г. меня по состоянию здоровья демобилизовали из вермахта, и я смог со всей энергией посвятить себя достижению поставленной цели.

Преподаватели на курсах были в большинстве своем высококвалифицированными специалистами. И мы все учились с прилежанием и настойчивостью, соблюдая дисциплину и помогая друг другу. Когда в марте 1941 г. подошли экзамены, преподаватели дрожали не меньше нас: независимый государственный экзаменационный инспектор не знал жалости. Но скоро и он убедился, что мы полностью владели материалом.

Итак, свидетельство о полном среднем образовании было у меня в кармане, а вместе с ним и возможность поступить в один из университетов для изучения правовых наук.

Еще за несколько месяцев до экзаменов на аттестат зрелости у нас на курсах появились представители различных государственных учреждений, которые начали вербовать нас на службу в своих ведомствах и отраслях, естественно, при условии успешного окончания в дальнейшем высшего учебного заведения.

Меня заинтересовала служба на руководящих постах в охранной полиции прежде всего потому, что вербовщик от этого ведомства упомянул о возможности получить место полицейского атташе в дипломатической службе. Такие должности уже существовали в Токио, Риме, Виши и Мадриде.

После отборочного экзамена, на котором проверялись только имеющиеся знания и степень спортивной подготовки, я был вновь призван на военную службу и затем откомандирован в Берлин на учебу как кандидат на руководящую работу в охранной полиции, входившей в СС. Конечно, это были гораздо более благоприятные

обстоятельства, чем они складывались для меня в начале войны в Польше.

Мне назначили ежемесячную стипендию в 180 рейхсмарок (тогда этого вполне хватало на жизнь), полностью компенсировали плату за учебу, а также выдали деньги на учебные пособия. Так я начал жизнь студента со свободным посещением Берлинского университета Фридриха-Вильгельма, ныне Университет им. Гумбольдта. Единственно обязательным было являться раз в неделю на специальные лекции и коллоквиум, которые велись эсэсовскими юристами и знакомили с полицейским правом и вообще со службой. Позже прибавились еще обязательные занятия спортом, особенно верховой ездой и фехтованием. По крайней мере, на бумаге я числился служащим в системе Главного управления имперской безопасности (РСХА) и, как таковой, пользовался бесплатным проездом на всех видах транспорта Берлина.

Должен сознаться, что меня тогда захлестывали эмоции. Мы, откомандированные на учебу служащие СС, чувствовали себя элитой нации, призванной осуществить грандиозные предначертания ведущей роли немецкой нации, в которые твердо верили. По-другому мы и не могли чувствовать. Кипевшие в нас критические настроения и дух протеста молодости ловко и бесстыдно использовались, чтобы привлечь нас к осуществлению преступных целей Гитлера. В то же время нам казалось, что мы были свободны от всякого принуждения и вели вольную студенческую жизнь в Берлине, которая давала большие возможности для удовлетворения наших интересов. Единственное, на что можно было пожаловаться, так это только на то, что лекции были переполнены слушателями, тем самым уменьшалась возможность более интенсивного обучения и контакта с профессорами. Я испытывал большую тягу к знаниям и кроме обязательных по учебной программе дисциплин захватывал и другие области, посещая лекции по криминологии, судебной медицине, психологии, графологии, по вопросам преступности среди молодежи и др., хотя экзаменов по ним не было.

Если в Дрездене я вращался в узко ограниченном кругу, то сейчас передо мной открывались широкие возможности контактов, которые я активно использовал. Я считал своим долгом как можно глубже знакомиться с самыми разными духовными течениями того времени,

читал книги Бруно Брема, Ганса Гримма, Томаса Манна, увлекся романом Ремарка «На Западном фронте без перемен». Большое впечатление на меня произвела книга англичанина Уорвика Дипинга «Капитан Сорелл и его сын». Особое любопытство возбуждали во мне книги, сожженные нацистами на костре перед Берлинской оперой. Я всячески старался достать их.

Нам был хорошо известен Эрнст Тельман под именем Тедди. Определенное впечатление производили на нас и такие известные тогда личности, как анархист Макс Хельц, такие противники Гитлера, как, например, пастор Мартин Нимеллер, епископ Мюнстера граф Гален, призывавший в своих пасторских посланиях к борьбе против нацистов. Причины нашего интереса не были политическими, просто эти люди привлекали тем, что выступали против чего-то и мужественно отстаивали свое мнение. Имея привычку думать самостоятельно и объективно, я, конечно, замечал противоречия между словами и делами руководства рейха, но считал это неизбежной болезнью роста движения, сопутствующим явлением. Тем не менее я все-таки стал более критически относиться к тому, что видел, точнее формулировать свое мнение. Как это ни парадоксально звучит для сегодняшнего читателя, но немаловажными в этом плане оказались еженедельные коллоквиумы с участием специалистов из СС. На них (так сказать, в своем кругу) с непривычной для меня откровенностью говорилось о всех недостатках в партии и государственном аппарате и указывалось, что после войны появится необходимость проведения различных реформ и на нашу долю — будущего поколения руководящих кадров — выпадут задачи решающего значения. Партия подвергнется чистке, государственный аппарат будет изменен в направлении его большей целесообразности. Все это, разумеется, было просто активной демагогией.

Сейчас это трудно понять, но нам тогда все казалось правдоподобным. Более того, именно такую задачу мы считали своей миссией. Она была решающим стимулом принятых нами обязательств. Однако в любом случае нам оставалось присуще одно: критическое отношение ко всему. Мы позволяли себе многое, что других привело бы к суду за пораженческие настроения. У нас был, например, профессор по государственному праву, которого сместили с высокой должности в СС за открытое высказывание своего несогласия с методами и способа-

ми ведения войны. Он и перед нами разъяснял и отстаивал свою точку зрения. Однако подобные случаи были абсолютным исключением, а мы их, к сожалению, ошибочно считали нормой, и это опять-таки входило в намерения нацистских пропагандистов.

Между прочим, я читал и «Берлинер локальанцайгер», и «Фолькишер беобахтер»[1], но так, между делом, и никогда их не выписывал. А надо было, наверное, читать повнимательнее, используя существовавшие во мне зачатки критического отношения. Тогда кое-что, происшедшее позднее, не смогло бы застать меня врасплох.

Неизгладимый след в моей жизни оставило воскресное утро 22 июня 1941 г. Еще лежа в постели в своей студенческой комнате, я включил радио. Необычные звуки фанфар предвещали какое-то важное известие. С большим волнением и замешательством выслушал я сообщение диктора о том, что началась новая война, а именно на Востоке, против Советского Союза. Я уставился на висевшую на стене карту мира и сопоставил размеры маленького великогерманского рейха с огромной территорией Советского Союза. Ганс фон Зеект и многие другие офицеры германского генерального штаба все время предупреждали против войны с Россией. Что же произошло?

К этому вопросу для меня, будущего юриста (их тогда называли «хранители права»), прибавился еще один. Как могло руководство «третьего рейха» так запросто растоптать заключенный всего лишь 23 августа 1939 г. с Советским Союзом договор о ненападении? Этот договор играл в наших дискуссиях большую роль, мы приветствовали его. И вот теперь рухнула надежда на скорое окончание войны, длившейся уже два года. Этого я постичь не мог. И цеплялся за мысль, что все еще обойдется.

Я подал заявление о допуске к досрочному экзамену за университетский курс по нормам военного времени и получил разрешение. Вместо пяти курсовых работ мне следовало написать только одну. И такую выгоду упускать было нельзя. Значит, предстояло интенсивно поработать, так как никто не мог предвидеть, какие еще неожиданности принесет война. Одно было ясно: необходимо как можно быстрее закрепить достигнутое на

[1] Нацистские газеты в гитлеровской Германии.— *Прим. перев.*

пути к избранной профессии, получив диплом или аттестат.

Но со страхом ожидавшиеся «сюрпризы» войны уже очень скоро дали себя знать. Срок и объем обучения в университете был сокращен. Во всех учреждениях и на всех предприятиях проводилось прочесывание кадров, чтобы перебросить освободившихся людей на Восточный фронт.

В университетах тоже просеивали кадры, например ассистентов, незаменимых и исполнительных помощников заведующих кафедрами, а это привело к тому, что немногие оставшиеся не смогли обеспечивать весь объем работы. Большое число лекций либо сократили в объеме, либо вообще вычеркнули из плана. Доценты меняли свою гражданскую одежду на серо-зеленую полевую форму, за ними последовало и немало студентов. Оставшиеся студенты едва ли могли эффективно продолжать учебу.

Вообще в университете воцарилось настроение как перед концом света. Те, кто смог избежать отправки на фронт, предавались радостям жизни, а на учебу смотрели только как на пустую формальность. Кроме того, мы, еще будучи студентами, чувствовали, с каким презрением относилось государственное руководство к юридическим наукам. Ведь именно Гитлер часто нападал на судейское сословие и всячески принижал его значение. Нам уже было известно его намерение создать новый тип «хранителей порядка». На эту же тенденцию указывал новый метод политического руководства в вопросах права, который выражался в простой регистрации слишком мягких приговоров по отношению к настоящим правонарушителям и свертывании нежелательных судебных процессов. Этот разрыв с традиционным толкованием права был особенно очевиден, поскольку мы только что детально прошли курс об учении Монтескье и его системе разделения властей.

Я должен был считаться с возможностью нового призыва в армию. На это указывал и досрочный экзамен, поскольку его главная цель состояла в том, чтобы как можно быстрее поставить вермахту свежеиспеченных «стажеров (К)», где «К» обозначало экзамен по нормам военного времени. Но прозябать в какой-нибудь резервной части или военном учреждении казалось мне бесцельным и маложелательным.

Поскольку я уже давно пришел к мысли, что практический опыт работы в полицейской службе мне не по-

вредит, а информативное ознакомление с деятельностью различных полицейских учреждений во время каникул было в силу обстоятельств коротким и поверхностным, я предложил свою кандидатуру на регулярные курсы по подготовке комиссаров уголовной полиции. Мотивировкой являлось то, что мне хочется дополнить мое обучение как кандидата на полицейскую службу. По окончании этих курсов я бы ликвидировал разрыв между мной и моими старшими товарищами, обучавшимися на закрытых курсах, и, сэкономив время, сделал бы большой шаг вперед. Кроме того, мое денежное содержание равнялось бы ставке комиссара уголовной полиции, а не простого стажера. Это создавало материальные предпосылки для женитьбы.

Мою просьбу удовлетворили, и я был зачислен на очередные курсы по подготовке кандидатов на должность комиссара уголовной полиции. Заниматься на курсах предстояло с июля 1942 г. по март 1943 г. Я оказался единственным кандидатом из числа лиц свободной профессии и составлял конкуренцию почти 30 полицейским со стажем, которые с большим трудом пробивались вверх по служебной лестнице и надеялись увенчать этими курсами свою карьеру. Правда, я не смог документально подтвердить подготовительную практику на полицейской службе в течение 23 месяцев, предписанную для кандидатов на должность комиссара уголовной полиции из числа лиц свободной профессии. Однако в порядке исключения мне засчитали учебу в университете по спецнабору и краткую практику в полиции во время каникул. Как я преодолею разрыв между мной и моими сокурсниками, значительно превосходившими меня по практике работы, являлось уже моей заботой. Надо сказать, что духовное убожество некоторых слушателей курсов было ужасающим, их кругозор простирался лишь от полицейской каски до носков сапог. Уже только поэтому я не думал осрамиться. Я был молод и привычен к умственному труду, так что за девять месяцев на курсах не ожидал особых трудностей. Требовалось только немного внимательности и хорошая память, чтобы перенять у моих коллег практические приемы работы и усвоить их профессиональный жаргон. По всем юридическим дисциплинам я знал все, чему учили на курсах.

Выполнение заданий после утренних лекций было рутинным делом, которым мы обычно занимались группой. Обладая навыком к записи лекций, быстрым умом

и врожденной склонностью к систематизации, я брал на себя запись лекций, а затем диктовал их одному из коллег на стенограмму. Тот отпечатывал несколько экземпляров текста и раздавал всем участникам нашей небольшой группы. Третий занимался изготовлением чертежей, графиков и т. п. Применяя этот рациональный метод, мы экономили много времени. Такая система разделения труда очень помогала мне в последующем, когда надо было организовать работу рационально и объединить свои усилия с другими для достижения большей эффективности. Я никогда не принадлежал к числу тех, кто стремится все сделать сам, не доверяя другим. Иначе я не смог бы одолеть тот большой объем работы, который позже мне приходилось выполнять, да еще беря на себя дополнительно функции других моих коллег и тем не менее делая все удовлетворительно и даже успешно.

Это разделение труда во время учебы на курсах дало мне возможность дополнительно посещать во второй половине дня или по вечерам лекции в университете, чтобы подготовиться к экзаменам по нормам военного времени.

Если мне легко давались на курсах предметы, имеющие отношение к полицейской службе, то по такому предмету, как «мировоззренческая подготовка», у меня возникли трудности. Здесь было разумнее не пускаться в диспуты и не показывать, что я гораздо подробнее, чем это допускалось, занимался изучением других философских систем, конечно «декадентских». Но без дискуссий все же не обошлось.

Когда учеба на курсах подходила к концу, я с некоторым опасением ожидал выпускных экзаменов. Я мог получить по предмету «мировоззрение» либо высшую оценку за активное участие в дискуссиях и умение защищать свои взгляды, либо, чего и опасался, низшую оценку за идеологические отклонения. Но во время неофициального предварительного экзамена доцент, который вел этот предмет, кстати преподаватель физкультуры по основной профессии, дал мне, в отличие от моих коллег, не обязательную — узкую и рассчитанную на короткое время — тему для выступления, а тему на выбор для специального доклада на 10—15 минут. Я смог так усложнить все дело, произвести на него такое впечатление количеством цитат и ссылок на литературные источники, что он решил, будто я исключительно интен-

сивно и сверх программы занимался его предметом. Это, по его мнению, мог позволить себе только тот, кто уже разделался с главными обязательными заданиями. А вообще результаты экзаменов больше зависели от случайных факторов, чем от подлинных знаний кандидатов.

Письменные и устные выпускные экзамены на курсах закончились для меня благополучно. Нервозность, которая была у моих коллег, меня не охватила, а уверенное поведение на устных экзаменах дало мне плюсовые очки и избавило от более интенсивного опроса. По всем предметам я получил высшие оценки, сдав экзамены лучше всех остальных, хотя они имели за плечами до 10 лет стажа полицейской службы. Это явилось многообещающим результатом для самого молодого слушателя курсов, да еще «аутсайдера», который числился в уголовной полиции, а не в государственной тайной полиции (гестапо), как большинство других слушателей. Как показывал опыт, такое успешное окончание курсов могло выгодно сработать позже, при распределении на службу. Мне, например, можно было высказать три пожелания насчет места службы. Кроме того, это подавало надежду на скорое повышение.

Итак, в марте 1943 г. я стал комиссаром уголовной полиции и кандидатом на руководящий пост в охранной полиции. Я собирался писать докторскую диссертацию по проблемам преступности среди молодежи, однако вскоре трудности военного времени вынудили меня отказаться от этой мысли, но, как я считал, не надолго.

Конечно, мне совсем не понравилось то, что меня после короткого пребывания в уголовной полиции Дрездена перевели в Верхнюю Силезию, где я должен был отслужить обычные «испытательные полгода». Верхняя Силезия считалась тогда чем-то вроде штрафной колонии, места ссылки. Как лучший выпускник курсов, я мог надеяться и на более престижное место. Мой выходивший за рамки обычного устный демарш перед начальником управления кадров всей уголовной полиции получил обезоруживающий ответ, из которого я узнал, что получение отличных оценок не всегда дает преимущества. Мне было разъяснено, что нехватка персонала в руководящем эшелоне уголовной полиции заставляет отозвать из города Гляйвица в Верхней Силезии последнего комиссара уголовной полиции со стажем. А поскольку тамошний начальник уголовного отдела — господин

с тяжелым характером, то выбор пал на меня, так как известно, что я не дам себя в обиду. Это, конечно, меня слабо утешало в свете того, что мне, по-видимому, предстояло. Но, говорил я себе, шесть испытательных месяцев пройдут быстро, а после я уж найду себе другое применение и другое место службы.

Условия службы в Гляйвице оказались действительно малоприятными. Шеф был из выслужившихся шуцманов и представлял собой тот тип полицейских кайзеровской эпохи, которые полагали, что уже одним своим присутствием и грозным выражением лица они могут обеспечить повиновение и порядок. Какой-либо научной подготовки и даже интереса к знаниям у него не было. Формалист, мелкий несамостоятельный чиновник с замашками суверена, он не переносил, если другие в чем-то его превосходили. С ним трудно было ладить. Я вызвал его немилость уже тем, что мои результаты на занятиях спортом оказались лучше, чем у него, хотя что тут удивительного, я был на 40 лет моложе. Однако он воспринял это как посягательство на свой авторитет. Но вскоре мне представилась возможность подать рапорт с просьбой о переводе. В нашем полицейском участке произошли служебные неурядицы, при разбирательстве которых вышестоящие инстанции признали мою правоту, и я даже получил поощрение.

К этому времени мое личное дело комиссара уголовной полиции уже украшала пометка «годен к руководящей работе», что подтверждало квалификацию для занятия руководящей должности на более высокой служебной ступени. Когда мой рапорт о переводе рассматривался в Берлине, как раз поступил запрос из VI управления РСХА о направлении в его распоряжение квалифицированных руководящих сотрудников в связи с необходимостью расширения этого ведомства. В первую очередь имелись в виду кандидаты на руководящую работу. Все они имели высшее образование, в какой-то степени знали иностранные языки и уже давно оставили службу в своих родных местах в связи с переводом в другие полицейские ведомства.

В VI управление были переведены многие мои приятели с закрытых курсов, а вместе с ними и я, поскольку в это время рассматривался мой рапорт о переводе. Таким образом, теперь мы встретились как равные коллеги в стенах VI управления Главного управления имперской безопасности.

Рекогносцировка в джунглях разведывательной службы

Когда я в конце августа 1943 г. явился в VI управление РСХА и доложил начальнику группы «Западная Европа» Ойгену Штаймле о прибытии для дальнейшего прохождения службы, я ничего не знал о задачах и структуре этого ведомства, в полном названии которого имелось слово «заграница». Главное здание VI управления находилось в берлинском районе Шмаргендорф на Беркаэрштрассе, 32. Однако там размещалась только часть этого управления. Его служебные здания были разбросаны по всему Берлину и за его пределами. Во время учебы на курсах комиссаров уголовной полиции нас знакомили со структурой Главного управления имперской безопасности, однако о VI управлении нам никаких деталей не сообщили. Было только сказано, что если мы не имеем отношения к этому управлению, то нам и не надо что-либо знать о нем, а если появится необходимость — узнаем. Таким образом, у меня сложилось представление об этом управлении как о весьма важном учреждении. Поэтому я шел туда с большими надеждами.

При поступлении в VI управление я не имел ни разведывательной подготовки, ни соответствующего опыта. Единственными квалификационными данными явились мое высшее юридическое образование и сданный с отличием экзамен на комиссара уголовной полиции.

Мой шеф в течение многочасовой беседы рассказал мне о моей новой работе и познакомил с проблемами внешней политической разведки. Он хотел направить меня в реферат по Швейцарии и Лихтенштейну, руководитель которого и его заместитель должны были в скором времени оставить свои посты, поскольку получили назначение в оккупированные районы. Передо мной поставили задачу как можно быстрее и полнее освоить работу, чтобы впоследствии возглавить этот реферат.

Таким образом, я должен был одновременно изучить общие проблемы и методы разведывательной работы, а также конкретные задачи и возможности указанного реферата. Под общей проблематикой имелось в виду знакомство с тем, что такое разведывательная работа вообще, чем отличается политическая разведка от военной, как они разграничиваются, как работают обе эти службы, какие средства и возможности находятся в их

распоряжении, с какими учреждениями можно сотрудничать, как подыскивается, вербуется и вводится в действие агентура, как создаются для нее каналы связи, то есть возможности передачи ею информации для секретной службы. Прежде всего требовалось полностью освоить, какого рода информация интересовала эту службу. Здесь надо было развить и поддерживать правильную интуицию, что во все времена являлось решающим для любого сотрудника разведывательной службы. Ему всегда следовало держать нос по ветру, чтобы заранее позаботиться о знании таких вещей, которые могут стать актуальными только спустя недели или месяцы, с тем чтобы, когда эти сведения потребуются начальству, они уже были в наличии.

Проще всего, пожалуй, проходило освоение специфических проблем моего реферата, поскольку ежедневная работа с текущей корреспонденцией и ведущимися делами давала возможность легко составить представление о положении в Швейцарии. Кроме нескольких вступительных бесед, я никаких особых разъяснений не получил. В конкретных случаях мне надлежало контактировать с моими коллегами и получать от них помощь. К этому я прибегал, чтобы как-то почувствовать твердую почву под ногами. Руководитель моей группы в заключение первой беседы сказал: «Пройти этот вступительный «засушливый» период должен каждый начинающий сотрудник, но, оценивая вас, я полагаю, что скоро вам ничем другим не захочется заниматься. У нас перед вами открыты все возможности, больше, чем в любом другом ведомстве. Итак, желаю успеха и хорошей выносливости, чтобы устоять на ногах».

На первых порах я счел необходимым ознакомиться с учреждениями, которые имели отношение к вопросам разведки, узнать о разграничении компетенций и разделении задач, о координации и сотрудничестве. И прежде всего изучить структуру Главного управления имперской безопасности и задачи его управлений. Мне хотелось кое-что выяснить и насчет работы абвера, то есть подчиненного верховному командованию вермахта отдела заграничной военной контрразведки, прерогативой которого являлся и военный шпионаж. Но мне, конечно, в первую очередь и сразу же пришлось заняться текущими делами, чтобы на практике освоить то, что относилось к самой разведывательной работе, то есть добыче секретной информации.

Будучи молодым и бойким по характеру, я старался приобрести все знания, которые считал для себя нужными, обращался ко всем коллегам, кто мог бы меня просветить и изъявлял готовность рассказать новичку хоть что-нибудь о своей работе. Тем самым уже в начале моей карьеры в секретной службе я нарушил существующие правила конспирации и секретности. Так называемый приказ № 1, подписанный Гитлером, преследовал как раз обратные моим цели: никто не должен знать больше, чем это требовалось для его непосредственной работы.

О работе СС и полиции я имел некоторое представление, но многое из того, что я увидел вблизи, неожиданно оказалось совершенно другим, чем представлялось на расстоянии. Прежде всего, трудно было распознать, что такой производящий внушительное впечатление монолит, как СС и полиция, в действительности оказывался таковым только внешне. Внутри же велась постоянная борьба за влияние и руководящие должности. Отсутствие единства и соперничество среди руководящих работников были наиболее яркими чертами внутреннего положения в РСХА и полиции. Конечно, рядовые сотрудники мало что знали об этом.

Чем интенсивнее велась подготовка к войне после прихода к власти нацистов, тем шире и централизованнее становился аппарат полиции и секретных служб, не в последнюю очередь для подавления оппозиции внутри страны. В начале второй мировой войны было создано Главное управление имперской безопасности (РСХА). Приказом рейхсфюрера СС и начальника немецкой полиции в министерстве внутренних дел от 27 сентября 1939 г. в РСХА объединялись под началом Гейдриха главное управление охранной полиции министерства внутренних дел, главное управление безопасности при рейхсфюрере СС, управление государственной тайной полиции и управление уголовной полиции. Об объединенных в РСХА ведомствах Гейдрих в 1941 г. будто бы с удовлетворением сказал, что о них будут говорить «со смешанным чувством боязни и ужаса», что они станут известны своей «жестокостью и граничащей с садизмом бесчеловечностью и бессердечием».

РСХА, объединявшее сразу после своего создания шесть управлений, к середине 1940 г. расширилось до семи. Эта структура сохранялась до конца войны, хотя в отдельных управлениях менялись задачи, проводились перегруппировки и организационные перестановки. Кад-

ры, обучение и подготовка, организационные, административные и правовые вопросы находились в ведении I и II управлений. Центры внутри- и внешнеполитической деятельности СД[1] находились в управлениях III (внутренняя СД) и VI (внешняя СД). Охранная полиция продолжала свое существование в управлениях IV (изучение противника и борьба с ним — гестапо) и V (борьба с преступностью — уголовная полиция). VII управление (изучение и использование проблем мировоззрения) занималось анализом литературы по вопросам идеологии и других аналогичных информационных материалов.

О целях создания РСХА, ориентации его управлений и переплетающихся между собой задачах охранной полиции и СД, особенно о взаимодействии гестапо и СД, было написано много докладных записок, исследований и заключений экспертов, исходивших в основном из главного управления СД. Концепции, разработанные в 1938 — 1939 гг., не оставляют никаких сомнений в том, что, как это позже установил Нюрнбергский трибунал, создание РСХА относится к «шагам, которые вели к агрессивной войне». В одном из исследований особо подчеркивалось, что намеченное «переформирование» идет навстречу требованиям «военных инстанций», чтобы, «взяв за основу теорию тотальной войны, установить тотальный контроль за политическим развитием внутри страны и за ее пределами, по крайней мере в верхних сферах политики». В этих целях «слияние СД и охранной полиции» должно стать, как сказал Гиммлер, «еще одной вехой» на будущем «внутригерманском театре военных действий» в деле «последовательного осуществления линии политического развития СС», то есть «в процессе слияния полиции и СС».

Следует отметить, что в то время штабная канцелярия СД была подчинена еще не достигшему даже 30-летнего возраста юристу Вальтеру Шелленбергу. После создания РСХА он возглавил группу IV Е (контрразведка) в управлении гестапо, а в июне 1941 г. принял руководство VI управлением (внешняя разведка). Сын фабриканта из Саарбрюккена, который вырос до бригадефюрера СС[2] и стал ближайшим соратником

[1] СД (зихерхайтсдинст) — служба безопасности в гитлеровской Германии.— *Прим. перев.*

[2] Соответствует званию генерал-майора.— *Прим. перев.*

Гейдриха и Гиммлера, в свое время взял на себя обязательство перед «работающей на полных оборотах организацией» нацистского режима «не давать этой машине остановиться, а находящимся у рычагов управления и постоянно растущим людям доставлять приятное чувство упоения властью». Так писал о себе сам Шелленберг в своих мемуарах. Вступив в 1933 г. в СС и НСДАП [1], он из внештатного шпика гестапо и зарубежного агента СД стал профессионалом секретной полицейской службы в руководящем аппарате СС. Участвуя в разработке упомянутых выше концепций, он не только оказывал прямое влияние на становление РСХА, его структуры и функций, но и сознательно содействовал подготовке второй мировой войны и других преступлений. Шелленберг сделал стремительную карьеру и быстро стал одной из центральных фигур в РСХА. При изучении его деятельности можно многое узнать о функционировании фашистского конспиративного механизма.

После краха главы абвера адмирала Канариса в структуру РСХА был включен отдел заграничной контрразведки (абвер) верховного командования вермахта, первоначально существовавший самостоятельно под названием управление «Миль» (точнее, военное управление рейхсфюрера СС). Шеф этого управления, полковник Георг Александр Ханзен, причастен к покушению на Гитлера 20 июля 1944 г., что раскрылось несколько позже. Когда его арестовали и казнили, началось быстрое слияние бывшего отдела заграничной контрразведки верховного командования вермахта с VI управлением РСХА.

Управление VI (заграница), как и другие управления РСХА, делилось на группы и рефераты. Одна группа занималась организационными и административными вопросами, остальные же были созданы по политико-географическому принципу. Например, группа VI С занималась районами русского и японского влияния, VI D — англо-американского, VI Е — Центральной Европой. Я попал в группу VI В — «Западная Европа». Реферат VI В 3 ведал Швейцарией и Лихтенштейном. В каждом реферате работа велась по трем направлениям: добыча информации, ее оценка и использование, ведение картотеки и архива. Начальники групп и самостоятельных рефератов, в то время имевшие в основном

[1] Партия национал-социалистов, основанная Гитлером.— *Прим. перев.*

чин оберштурмбаннфюрера или штурмбаннфюрера СС [1], что равнялось на гражданской службе старшему правительственному или правительственному советнику, составляли руководящий штаб Шелленберга.

Мой начальник Штаймле, до того как я с ним познакомился, входил в состав одной из тех «айнзацгрупп» СС, которые совершили тягчайшие преступления в Советском Союзе. После войны в ходе процесса по делу «айнзацгрупп» он был приговорен американским судом к смертной казни, но, как и во многих других подобных случаях, после нескольких лет заключения в тюрьме для военных преступников в Ландсберге его освободили.

Группа Штаймле состояла из следующих рефератов: Бельгия, Голландия и Люксембург (VI В 1), Франция (VI В 2), Швейцария и Лихтенштейн (VI В 3), Испания и Португалия (VI В 4). Когда я начал службу в этой шпионско-подрывной группе, то оказался далеко не единственным новичком. В то время в РСХА и особенно в управлении внешней разведки осуществлялись крупные кадровые перестановки, вызванные значительным увеличением числа сотрудников. Опытные специалисты по руководству агентурой направлялись в оперативные зоны, то есть непосредственно в места действий разведки, а в берлинском центре и его филиалах их заменяла молодежь из СД или СС, в основном с высшим образованием или из числа окончивших специальные курсы. Поступали кадры и из сферы штатских чиновников. Шелленберг рассчитывал добиться таким образом «более восприимчивого качества руководства», чтобы лучше соответствовать изменившейся военной обстановке.

Наше начальство считало необходимым воодушевить нас тем, что, мол, во всем Главном управлении имперской безопасности чувствуется «свежий ветер», так как руководство назначило надлежащего шефа РСХА. После гибели Гейдриха, который на посту имперского протектора Богемии и Моравии был произведен в обергруппенфюреры [2], Гиммлер сначала сам руководил РСХА, пока весной 1943 г. не назначил на пост шефа СД и охранной полиции обергруппенфюрера Эрнста Кальтенбруннера.

Помимо охранной полиции (гестапо и уголовная полиция), которая не имела права действовать против служащих вермахта, внутри вермахта имелась еще тайная

[1] Соответственно подполковник и майор.— *Прим. перев.*

[2] Генерал.— *Прим. перев.*

военная полиция (ГФП). Созданная на время войны, она в основном состояла из призванных на военную службу полицейских. Согласно директиве, изданной шефом верховного командования вермахта генерал-фельдмаршалом Вильгельмом Кейтелем за шесть недель до нападения на Польшу, в задачи ГФП входило подавление «всех враждебных народу и государству устремлений» в гарнизонах, а также в районах боевых действий и оккупированных вермахтом областях и «проведение полицейского расследования в случаях государственной измены и измены родине, шпионажа, саботажа, порчи военной техники, дезорганизующих или разлагающих действий, а также при прочих наказуемых действиях против государства и вермахта». Эта директива предписывала ГФП сотрудничать в пределах германского рейха непосредственно с гестапо. В результате такого сотрудничества ГФП была в 1942 г. подчинена охранной полиции, хотя и продолжала свою зловещую деятельность в фашистском вермахте. С шефом ГФП оберфюрером [1] Вилли Крихбаумом у меня было мимолетное знакомство осенью 1944 г. В начале 50-х годов я его снова встретил уже в качестве вербовщика в ФРГ бывших сотрудников гестапо и СД для организации Гелена [2]. Об этих встречах я еще расскажу.

Работая в разведке, одной только верностью «третьему рейху» да здравым умом обойтись было нельзя. Этому ремеслу, как, впрочем, и любому другому, нужно было научиться. Но не меньшее значение, чем соответствующее образование, здесь имели также удача и нечто вроде шестого чувства.

Разведывательная служба, по крайней мере в ее административной части, является таким же учреждением, как и другие. Есть распределение обязанностей, организационные планы, которые определяют, кто какую задачу решает, то есть в этом смысле — все как в обычном государственном учреждении. И все-таки разведку нельзя сравнить ни с одним учреждением. Скажем, в ведомстве по учету земель каждый чиновник отвечает за какой-то округ, регистрирует все поступающие оттуда сообщения об изменениях в землепользовании и владении, взимает налоги и пошлины, назначает новые об-

---

[1] Чин полковника в СС.— *Прим. перев.*

[2] Секретная разведывательная служба в Западной Германии.— *Прим. перев.*

меры земельных угодий, то есть одна и та же все время повторяющаяся работа, в которой практически ничего не меняется. В разведывательной же службе может совершенно внезапно возникнуть новая ситуация, чтобы к ней приспособиться, потребуется полная реорганизация труда.

Для разведывательной службы не годится застывшая структура, как для других учреждений. Разведка должна быстро приспосабливаться к новой ситуации и в организационном, и в кадровом отношении. Определенная степень организации труда требуется везде, но она особенно необходима в разведывательной службе, иначе сводится на нет всякая направленность и целеустремленность в работе. Кроме того, отдельные сотрудники в разведывательной службе пользуются значительно большей самостоятельностью в принятии решений и более широкими полномочиями, чем одинаковые по служебному положению и категории оклада служащие других учреждений.

Источники внешней разведки после их проверки и постановки на учет получали так называемый номер V. Буква V означала и означает сейчас в западногерманской разведывательной службе начальную букву немецкого слова «фертрауэнсперзон» — «доверительное лицо». Это лицо, которое пользуется доверием секретной службы, тайно работает на нее и для защиты переписки с ней использует цифровой шифр. Для обеспечения анонимности такого лица оно во всех документах проходило под номером. В касающейся его внутренней переписке, например при оформлении денежных переводов и пр., назывались не имя и фамилия, а только его номер.

Кто скрывается за тем или иным номером, знал только сотрудник, занимающийся данной страной, но его об этом очень редко спрашивали даже имеющие на это право. Как правило, лицо, получившее обозначение V, знало, что работает на немецкую секретную службу, то есть делало это сознательно. Только в некоторых случаях отдельные доверительные лица не знали, на какую конкретно службу они работают, но им было известно, что они действуют в пользу германского рейха.

При применении цифровых шифров каждая страна получала кодовый номер, что облегчало использование полученной информации в центральной картотеке, ведь компьютеров тогда еще не было. Для всех резидентур,

действовавших в данной стране или работавших против нее с территории третьих стран, также существовали цифровые кодовые группы для прикрытия их доверительных источников. Для моей страны, Швейцарии, существовал код 144, наш резидент там (на жаргоне VI управления — главный уполномоченный) имел кодовый номер 7900. Все завербованные им доверительные источники получали соответственно номер, который обязательно начинался цифрами 79.

Были источники, знания которых мы использовали, но сами они об этом никакого понятия не имели и даже, может быть, не хотели этого. Такие источники получали псевдоним, ставившийся после их кодового номера, например 144/7923/Соломон.

В делах VI управления встречались и такие источники, в обозначении которых отсутствовала буква V. Эти лица не являлись ни доверительными источниками, ни агентами, но данные о них подлежали особенно тщательной маскировке. В большинстве своем они были прямыми или косвенными информантами, которые вели с нами беседы и давали информацию, возможно имея на то разрешение свыше.

Так, например, в моей практике мне часто встречались обозначения Зоммер-1, Зоммер-2 и Зоммер-3. Как оказалось, это были швейцарцы, контактировавшие с самим Шелленбергом. Они поддерживали связь с германской разведкой с ведома своего начальства в интересах Швейцарии. Под шифром Зоммер-1 скрывался не кто иной, как начальник швейцарской военной разведывательной службы генерал-полковник Роже Массон, а Зоммер-2 и 3 были офицерами его штаба.

Такие контакты между внешними секретными службами не были чем-то необычным, пока речь шла о партнерстве между ними, а не о зависимости одной от другой. Мы, конечно, знали, что другие офицеры упомянутого штаба поддерживали аналогичные контакты с англичанами и американцами. Из развития таких контактов и на основании готовности партнеров к беседам и взаимной помощи можно было очень легко сделать вывод о том, как Швейцария оценивает военную обстановку и шансы воюющих держав.

Вышеупомянутое правило применения кодов и шифров независимо от того, шла ли речь об отдельных лицах или целых операциях, было несомненно необходимым. Непосвященный, если он соприкасался с каким-

то делом, не получал никаких сведений о лицах, обстоятельствах и целях этой работы. Правда, часто сами сотрудники путали присвоенные ими клички с подлинными именами занятых в операции людей. Кроме того, у сотрудников при зашифровке не всегда хватало фантазии, чтобы подыскать наиболее безопасное наименование для проводимых ими операций. Сведущим работникам разведки не составляло особого труда догадаться, что под шифром «столяр» скрывается источник по фамилии Циммерман (плотник). У нас даже считались дилетантами те сотрудники, которые своему источнику по фамилии Шварц (черный) давали кличку Вайс (белый). Позднее стали применяться уже более хорошо замаскированные обозначения, как, например, операция «Восход солнца». Это название придумал тогдашний американский резидент в Швейцарии, а в будущем шеф ЦРУ — Аллен Даллес, когда он договаривался с генералом СС Вольфом о частичной капитуляции немецких войск в Италии и надеялся, что в результате этих переговоров, представлявших собой операцию американской разведывательной службы, взойдет солнце в его понимании.

Прежде чем пойти по инстанциям для использования, каждая информация или сообщение из любого источника подвергалась тщательной проверке и оценке. В первую очередь действовал принцип, что информация должна найти подтверждение из другого источника. Если такого подтверждения не было, но полученная информация должна пойти дальше, то следовало указать, что данная информация не подтверждается, но заслуживает доверия, поскольку такое развитие событий предусматривалось раньше или источник информации в силу своего длительного сотрудничества с германской разведкой является проверенным и надежным.

Каждая поступавшая в VI управление информация получала оценку, как в школе, от 1 до 6 (1 — высшая оценка, 6 — низшая). Эта система имела недостаток, поскольку полученная информация оценивалась только с точки зрения важности момента. По другой системе, которую впоследствии БНД переняла от американцев, принцип оценок был лучше, хотя и здесь, как при любой оценке, субъективное влияние оказывалось неизбежным. По этой системе прежде всего оценивались положение и надежность источника. Эти качества обозначались буквами от А до F. Качество самой информации оценивалось цифрами от 1 до 6. Таким образом, буква обозна-

чала ценность и положение источника, а цифра — ценность полученной информации. Под буквой A теоретически имелся в виду высокопоставленный, абсолютно надежный и долговременно используемый источник на разведываемой территории. Так, например, если речь шла о заключении государственного договора, экономического соглашения и т. п., то буквой A обозначался высокопоставленный участник переговоров от одной из договаривающихся сторон. Если это был один из переводчиков какой-либо делегации, то он уже обозначался буквой B, поскольку не знал хода мыслей и тактики кого-либо из партнеров. К категории C относилась, например, секретарша при делегации, которая могла сообщать об общем ходе переговоров и настроениях их участников. Буквой D обозначались лица, еще более удаленные от непосредственного участия в переговорах. Буквы E и F обозначали уже негативную категорию, причем источник под буквой F считался ненадежным.

Следует отметить, что при разбивке на буквенные категории учитывались результаты изучения источника на основании продолжительности его сотрудничества и проверки. Если все эти данные оказывались положительными, то отношения с источником не менялись даже при получении от него информации, которая объективно была неверной или сомнительной. Например, руководитель какого-нибудь военного предприятия, являющийся сотрудником секретной службы, относится к категории B или C, поскольку он располагает информацией о военной технике из своей отрасли промышленности. Возможно, он услышал от своего шофера, что водитель какого-либо иностранного министра говорил об отрицательной позиции своего шефа по какому-либо политическому вопросу. Если такая информация в дальнейшем оказывалась объективно неверной, то она просто получала классификацию 6, то есть абсолютно неправильной и не подлежащей использованию.

Конечно, такая система оценок, как уже говорилось, зависела и от субъективных моментов, но, по крайней мере, это была попытка проводить оценку на двух уровнях, давая характеристику источника и информации по отдельности. Во всяком случае, следует иметь в виду, что оценка источника основывалась главным образом на информации, полученной и переданной самим агентом. Если агент получал информацию из вторых или третьих рук, то в своем донесении он это четко отмечал.

Случалось, что полученная информация являлась новой или неподтвержденной. Тогда сотрудник, дающий ей оценку, мог внести в нее субъективный момент, оказав больше доверия информации на основании долговременного сотрудничества с ее источником. Но такая оценка могла оказаться и неверной.

Поясняя эту шкалу оценок, сотрудники БНД иногда в шутку приводили следующий пример. Если дается оценка А 1, то это означает, что президент США передает разведке документы прямо из Белого дома, а их достоверность подтверждают по меньшей мере три государственных секретаря или директор ЦРУ. F 6 дается тогда, когда неизлечимый душевнобольной сообщает о своем полете на Венеру. Золотой серединой является оценка С 3 с уклоном в сторону С 2 или С 4. Такие оценки лучше себя оправдывают, поскольку высшие или низшие оценки вызывают недоверие начальства, оно начинает требовать проверки или подтверждения, а это только мешает работе.

Все эти оценки подшивались к текущему делу источника. В этом деле собирается все, что касается использования источника, его продуктивности и обеспеченности необходимой техникой. Там же содержатся материалы о прилежании источника, успешности его работы и о выплачиваемых вознаграждениях. Имена источников в текущих делах никогда и нигде не указываются. Данные о самом лице, его личные документы, а также материалы о его вербовке и данная им расписка находятся в личных делах, которые содержатся отдельно и строго в секрете.

На основании текущего дела офицер, ведущий его, в состоянии быстро — как говорится, с первого взгляда — получить представление о подлинной ценности источника, о достоверности получаемой информации и произведенных расходах. На основании общей продуктивности и обобщенной оценки информации источника можно легко определить его надежность, если возникнут сомнения.

В VI управлении РСХА личные и текущие дела велись соответствующим рефератом. В центральной картотеке отмечался только источник и реферат, ведущий его дело. В эту же картотеку заносились так называемые предупредительные сигналы, которые отмечали факты мошенничества источника в разведывательной работе, что является самым страшным для всех разведывательных служб.

Вознаграждение доверительных лиц было в большинстве своем не очень щедрым, но в отдельных случаях достигало значительных размеров. Оно выражалось в деньгах, ценных вещах, ответных услугах и т. п. Все это не имело какой-либо установленной нормы и отличалось от случая к случаю, как, в общем, и все в разведке.

Особой проблемой являлось обучение агентов. Здесь не было накоплено достаточного опыта. В довоенной практике СД специальное обучение агентов предусматривалось лишь в редких случаях. Агентуре давались в основном общие указания, навыки работы с тайнописью и зашифровки текстов донесений, и это считалось уже достаточным. На деле, конечно, все оказывалось сложнее. Агент, работающий на территории чужой страны, даже если он являлся только разъездным агентом, то есть использующим официальную поездку в целях разведки, должен был знать и уметь намного больше.

По этой причине Шелленберг в конце 1942 — начале 1943 г. создал в своем управлении группу S (обучение). Ее начальником стал тогда еще мало кому известный австриец Отто Скорцени [1]. Находившаяся еще в процессе строительства школа в Шевенинге (Нидерланды) должна была со временем снабжать хорошо обученной агентурой рефераты VI управления по всем странам.

Сама система обучения была позаимствована у англичан. При допросах захваченных английских агентов-парашютистов выявлялись сведения, свидетельствовавшие о тщательной и всесторонней подготовке таких агентов. Вначале будущие агенты проходили общую подготовку. К ней относились умение водить автомашину и мотоцикл, в том числе и зарубежных марок, знание всех правил дорожного движения в других странах и даже вождение локомотивов. Необходимой практикой были прыжки с парашютом и получение навыков в изготовлении средств для проведения актов саботажа с помощью легкодоступных материалов. В программу обучения входили также изготовление взрывчатки, фотографирование, снятие чувствительного слоя фотопленки для облегчения его сокрытия.

---

[1] Позднее эта группа S VI управления была преобразована в группу по выполнению особых заданий (например, освобождение Муссолини), и ей были приданы только что образованные специальные подразделения СС, созданные по образцу дивизии «Бранденбург» управления внешней контрразведки (так называемая служба II).— *Прим. авт.*

Наряду с этими общими и нужными любому агенту знаниями проводилось также специальное обучение в соответствии с задачами и личностью каждого агента. Прежде всего разрабатывалась личная легенда. Часто агент выступал под фальшивыми личными данными. В таком случае он даже во сне должен был безошибочно назвать не только все свои данные, но и сведения о своей семье и родственниках. Особенно это касалось данных, поддающихся проверке, как, например, адреса, описания местности и т. д. Ему следовало знать, как выглядят предприятия, где он работал согласно документам, кто были его соседи по называемому им месту жительства, с кем он якобы вместе ходил в школу. Если агент предназначался для работы в другой стране, а там ему необходимо было не привлекать к себе внимания, то он должен был не только свободно владеть языком, но и знать все особенности этой страны. Так, высаженные с подводной лодки в Англии немецкие агенты обратили на себя внимание только тем, что в кассе вокзала попросили спальные места. Они не знали, что в Англии давно уже не ходят спальные вагоны, и тем самым вызвали подозрение работников станции. Агент обязан знать обычаи и нравы жителей страны пребывания, вплоть до поведения за столом или вообще манеры приема пищи. Не следует, например, пугаться, попав в английский отель, где служитель разбудит вас рано утром в номере, подав чай прямо в постель. К этому моменту нельзя, естественно, иметь на ночном столике какие-либо предметы, выдающие ваше иностранное происхождение, как, например, иностранную валюту.

В качестве отдаленной перспективы Шелленберг ставил перед собой задачу развивать секретные службы не враждующих с Германией стран и сплотить затем эти службы в разведывательное сообщество, которое работало бы на один общий пул и, в свою очередь, снабжало бы необходимыми сведениями участвующие в нем страны. Тем самым Шелленберг наметил цель, которая была в основных чертах достигнута после войны в НАТО в форме неофициального сотрудничества различных западных разведывательных служб под руководством американского ЦРУ.

До создания высшей разведывательной школы для руководящего персонала секретных служб так и не дошло. Шелленберг хотел возродить для этого к жизни старую дипломатическую академию в Вене, с тем чтобы

использовать ее многолетний авторитет и международное признание для маскировки при подготовке офицеров секретной службы.

Из всех промахов и ошибок в дальнейшем были сделаны некоторые выводы. Те, кто создавали западногерманскую федеральную разведывательную службу под началом генерала Гелена и планировали ее деятельность, знали, что нужно сделать лучше и эффективнее. Но одна установка была принята без изменений, а именно та, которую Шелленберг, говоря о будущих целях своего ведомства, следующим образом изложил в своих мемуарах: «Первоочередным принципом работы считаются решительные действия всех секретных служб против России, причем прежде всего следует учитывать разведывательные интересы собственной службы».

Итак, в пору моей работы в VI управлении РСХА при подготовке агентуры в задачи рефератов по странам входило обеспечение получивших необходимые общие знания агентов специальной информацией, облегчающей выполнение поставленных перед ними задач. Сюда входило знание топографии страны пребывания, внутриполитической и экономической обстановки, соперничающих или конкурирующих группировок в стране. Для меня эта проблема решалась сравнительно легко. Швейцария, граничащая с Германией, не была неведомой страной, кроме того, там говорили по-немецки, и немцы из Германии не бросались сразу в глаза. И даже во время войны у меня имелись возможности совершать туда поездки, чтобы самому приобрести необходимые сведения о людях и стране, а затем уже дома принять участие в подготовке своих агентов. Кроме того, завербованные в Швейцарии агенты нуждались только в чисто разведывательном обучении, а это входило в задачу резидента или руководителя агентурной сети на месте, если агент не мог на какое-то время приехать в Германию. Однако приезжали они редко, так что мне главным образом приходилось только заботиться о подготовке и отправке разъездных агентов. Такой агент использовал организованные или подлинные деловые поездки для сбора разведывательной информации. Ему достаточно было проехать мимо определенной местности, чтобы узнать, действует ли какой-то аэродром, какие там находятся самолеты. В ходе поездки легче было завязать беседу с каким-либо политиком или промышленником. Для нас такие контакты были полезны, так как позволяли полу-

чить сведения о позиции политических деятелей и правительства Швейцарии по тому или иному вопросу или установить ее промышленный потенциал и связи со странами союзной коалиции.

Один из моих разъездных агентов, с которым я долго работал, являлся техническим директором оружейного завода в Тюрингии. Его поездки на соответствующие предприятия в Швейцарии представляли для нас большой интерес, поскольку он во время этих поездок встречался с шефом швейцарской полиции по делам иностранцев Генрихом Ротмундом. Они были друзьями по школе и университету, поэтому их беседы носили самый откровенный характер. Для каждой такой поездки я готовил целый каталог вопросов по многим отдельным и общим проблемам, обычно около тридцати, чтобы он мог вставлять их в разговор или придавать беседе нужное направление.

В общем и целом, как уже говорилось, порядок в VI управлении был таков, что каждый занимался своим делом и только изредка слышал что-либо о проблемах коллег и соседей. Собственно, согласно приказу № 1, и полагалось знать только непосредственно касающиеся тебя вопросы. Но иногда мне доводилось узнавать вещи, к которым я не имел прямого отношения. Это случалось, например, когда коллега по работе в беседе делился со мной своими заботами, потому что достаточно хорошо знал меня и ценил мои советы или просто нуждался в поддержке. Вот так однажды ко мне обратились с просьбой получить из Швейцарии различные предметы гардероба: плащи, головные уборы, рубашки, носки, причем американского или английского происхождения. Я узнал, что эти вещи требуются для операции «Розель». Под таким шифром скрывался план заброски VI управлением в Соединенные Штаты агентуры на подводной лодке после аналогичной, но неудачной попытки разведывательной службы — абвера, руководимой еще адмиралом Канарисом. В 1942 г. этой службой были заброшены в США на подводной лодке две группы по четыре агента. Один из них захотел присвоить всю выделенную для этой операции сумму в 80 тыс. долларов и добровольно сдался американским властям. Сначала они ему не поверили и сочли за сумасшедшего. Когда же он с большими трудностями смог убедить их в подлинности своих показаний, они начали действовать с поразительной быстротой и точностью. Вскоре обе группы были арестованы.

В этой операции особенно ярко проявилось то, что при отборе и проверке агентов не выявили самое пагубное качество в шпионской работе — жадность. Из-за этого качества, чрезмерно развитого у одного агента, потеряли свободу, а может, и жизнь, семь других. Вся работа по подготовке и проведению операции оказалась напрасной, не говоря уже о моральном ущербе в результате ее провала.

Поскольку абвер не выполнил своей задачи (а она все еще стояла на повестке дня), то ее передали сопернику службы Канариса — внешней политической разведке, то есть VI управлению, которое присвоило операции наименование «Розель». Отчасти в силу нездорового соперничества обеих разведслужб — каждая старалась обскакать другую — подготовка «Розель» велась в VI управлении особенно тщательно, и тем не менее при этом была одна погрешность, которую я смог распознать заранее. Эта ошибка моих коллег из реферата по США могла бы подвергнуть агентов большой опасности. На этот раз в США забрасывались не группы, а отдельные, действующие сами по себе агенты. По разработанной для них легенде им предстояло выдавать себя за людей, давно проживающих в США. Поэтому они должны были не только в совершенстве владеть английским языком, вернее, его американским диалектом, но также знать все манеры и жизненные привычки американцев, иметь вещи, естественно, только американского производства, американские газеты, в которые можно было бы завернуть, например, ботинки. С этой целью мой коллега и попросил меня достать эти газеты в Швейцарии. Но он не подумал о том, что продаваемые в Швейцарии американские газеты были европейскими изданиями и в газетных киосках США их вообще не продавали. С таким же успехом его агенты могли завернуть свои ботинки в швейцарскую газету, и уже одно это указывало бы на то, что они недавно прибыли из Европы, судя по дате ее выхода, или по крайней мере могут говорить по-немецки (если газета была на немецком языке). Конечно, это вызвало бы подозрение, и неизбежное в таких случаях даже поверхностное расследование повело бы в опасные глубины. Для критического глаза сотрудников контрразведки газета из Швейцарии была бы таким же предлогом для подозрений, как и американская газета, издаваемая в Европе.

Я решил помочь моему коллеге и послал своего агента в аэропорт Цюриха с приказом порыться в мусорных

корзинах, поискать выброшенные пассажирами подлинные американские газеты или же выпросить их у экипажа. Мы получили достаточно макулатуры, чтобы снабдить целую бригаду агентов. К сожалению, я не знаю, что стало потом с посланными агентами.

Как выглядел аппарат военной разведки, то есть абвера, контрпартнера внешней политической разведывательной службы, как разграничивались их компетенции и как организовывалось их сотрудничество? Эти вопросы также встали передо мной в начале моей новой работы. Я не хотел, чтобы накопление моего собственного опыта происходило за счет моих же возможных будущих успехов в работе. Я хотел заранее и достаточно четко обозначить мою сферу действия. Тем более что в Швейцарии работал внушительный аппарат абвера, так что мне не мешало о нем знать.

На лекциях в школе руководящих кадров охранной полиции я уже кое-что слышал об абвере, который был, собственно, не абвером, то есть контрразведкой, а военной шпионской организацией вермахта, его секретной информационной службой. Ее история не производила особого впечатления. Во время первой мировой войны достижения абвера ничем не превосходили деятельность соответствующих ведомств наших противников. К истории этой службы принадлежали имена шефа разведки времен первой мировой войны полковника Вальтера Николаи и предшественника адмирала Канариса капитана 1 ранга Конрада Патцига.

В мое время организацией военной разведывательной службы руководило управление заграничной контрразведки верховного командования вермахта. Его шефом являлся адмирал Канарис, о котором много писали после войны, особенно его бывшие подчиненные. Когда Канарис 1 января 1935 г. принял руководство небольшим отделом контрразведки в германском военном министерстве, никто не мог предвидеть, каких размеров достигнет этот аппарат в «третьем рейхе». В период ремилитаризации для шпионской деятельности вермахта не существовало ни финансовых, ни кадровых ограничений. Еще перед войной, подготовку к которой прикрывало ведомство Канариса и его многочисленные агенты за рубежом, абвер не останавливался перед нарушением международного права. Воздушная разведка с больших — до 12 тыс. метров — высот не признавала государственных границ. Одна из эскадрилий разведывательных самолетов сфо-

тографировала все важные для ведения войны сооружения в Европе: порты, мосты, аэродромы, военные объекты, промышленные предприятия и т. д. Таким образом, военно-картографическая служба вермахта получила все данные, необходимые для составления хороших карт.

Занимаясь противоречащей международному праву разведкой чужой территории с воздуха, абвер стал своего рода застрельщиком для американского ЦРУ, которое позднее запускало свои самолеты У-2 для полетов над Советским Союзом и Китаем даже после того, как один такой самолет с пилотом Пауэрсом был сбит 1 мая 1960 г. над Уралом, вблизи Свердловска.

О современной организации военного шпионажа нам в ходе нашего обучения ничего не рассказывали. Намеками и недомолвками у нас старались создать впечатление, что абвер — это организация волшебников, от которой ничего нельзя скрыть, которая все знает и все может. Создание себе подобного ореола и усиленная его пропаганда относятся, очевидно, к одной из задач военной разведки вообще. Почти 20 лет спустя организация Гелена (она начиналась как военная разведка) строила свою репутацию точно по такому же образцу. Даже такой презентабельный журнал, как «Шпигель», напечатал однажды большую статью, в которой пытался создать впечатление, будто бы организация Гелена «знает все, что происходит в восточном блоке».

В качестве единственной основы для разграничения компетенций нам были известны письменно зафиксированные «Принципы сотрудничества между государственной тайной полицией и контрразведывательной службой вермахта» от 21 декабря 1936 г., которые мы называли «10 заповедей». Какого-либо соглашения между внешней политической разведслужбой и абвером не существовало. Поскольку VI управление образовалось уже во время войны, в таком соглашении не было необходимости, и позже его также сочли ненужным.

В силу происхождения, воспитания и образа мыслей многие офицеры абвера (а в основном они начинали службу еще в кайзеровской армии) стояли вне политики и с точки зрения нацистов были «реакционерами». Среди них часто встречалось мнение, что военный шпионаж — это деятельность для джентльменов, а полицейская работа или политическая разведка — занятие, недостойное офицера. «Аполитичное» воспитание кайзеровского рейхсвера (военнослужащие рейхсвера, а затем и вермах-

та не могли принадлежать к какой-либо партии и не имели права голоса) давало здесь свои поздние плоды.

Управление контрразведки (абвер) состояло из группы «заграница», центрального отдела и контрразведывательных отделов I, II и III. Группа «заграница» занималась такими формальными вопросами, как организация протокола вермахта, оснащение вспомогательных крейсеров, обработка иностранных журналов и трофейных документов. Центральный отдел вел административную работу и шпионажем не занимался, хотя отдельные его сотрудники не могли оставить это занятие. Шпионажем занимались отделы I, II и III. Отдел I (так называемая секретная служба связи) вел активный шпионаж, отдел II занимался организацией саботажа и диверсий. Для этих целей ему была придана дивизия «Бранденбург». Отдел III имел своей задачей вести борьбу против шпионов, а также разведку против иностранных разведывательных служб, то есть устанавливать их дислокацию, персонал, методы и цели их деятельности, проводить мероприятия по их дезориентации.

Такие задачи вызывали необходимость тесных контактов отдела III в центре и его филиалов на местах (они были в каждом военном округе) с гестапо, поскольку лишь оно имело полномочия производить арест установленных агентов противника. Отдел III, в свою очередь, делился на три группы. Наиболее значимой была группа III F — контршпионаж. Если другим подразделениям абвера и прочим службам безопасности было предписано избегать контактов с соответствующими службами противника и сворачивать свои планы, когда они приводили к соприкосновению с этими службами и их агентами, то сотрудники группы контршпионажа стремились и стремятся сейчас к контактам с разведчиками противника.

В задачи этой группы входило распознавать органы вражеской разведки, вести против них разведывательную работу, ложными действиями вводить их в заблуждение или вообще парализовывать их деятельность. Следовало как можно точнее и полнее устанавливать их дислокацию, персонал, техническое оборудование (радиостанции, пункты снабжения, лаборатории и мастерские), транспортные средства и их опознавательные знаки, места подключения к телефонной сети и т. д. Что касается персонала — от начальника до шофера,— то интерес представляли образ жизни и привычки, черты характера и слабости, их сотрудничество с другими ведомствами и службами. Особое внимание следовало уделять методам работы вра-

жеской разведки, ее целям и направлениям деятельности, а также ее знанию объектов и вопросов, подлежащих охране на ее собственной территории. Одной из существенных целей контршпионажа являлось обнаружение вражеских агентов, их дезориентация и своевременный арест.

Ясно, что в области контршпионажа использовался особо опытный и квалифицированный персонал, который мог смотреть не только вперед, но и, как принято говорить в этих кругах, «заглядывать за угол». В конце концов, такая игра с огнем была не так уж безопасна. Поиски соприкосновения с разведывательной службой противника сопряжены с гораздо большим риском, чем у агентов других направлений разведки.

Эта сфера рассматривалась как высшая школа разведывательной работы. Тот, кто был хорошим сотрудником в системе отдела III, особенно в области контршпионажа, являлся наиболее предпочтительным кандидатом для работы в любой другой сфере разведки, в то время как хороший сотрудник в системе отдела I далеко не всегда мог найти применение в сфере III отдела.

Работа службы внешней политической разведки имела много общего с деятельностью в области военного шпионажа, но в то же время существенно отличалась от практики абвера. В его задачи входила добыча информации о военном и экономическом потенциале зарубежных стран, в том числе и дружественных, обнаружение и изучение их служб контрразведки и безопасности, осуществление в случае необходимости актов саботажа и диверсий. Задачей внешней политической разведки являлось получение всеобъемлющих данных о политической обстановке в мировом масштабе, постоянное обновление этих данных, поскольку политическая информация устаревает значительно быстрее, чем военная.

Основную массу военных сведений, особенно в мирное время, добывают так называемые местные наблюдатели, то есть агенты, которые живут вблизи какого-либо военного объекта и без особых трудностей узнают обо всех изменениях: расквартировании войск в казармах, наличии самолетов на аэродромах, проведении маневров и их масштабах, составе офицерского корпуса, заменах в нем и т. д. Более серьезную трудность представляет быстрая передача этих сведений аппарату военной разведки, так чтобы они не потеряли своей ценности. Быстрая и надежная передача сведений в обоих направлениях является кардинальной проблемой всех разведок во все времена.

Конечно, местный наблюдатель может проводить только внешние наблюдения, а разведке хочется знать, какие планы и намерения имеет чужеземная или тем более вражеская армия, каковы устройство и организация снабжения ее укреплений и т. п. В этом случае разведка должна найти источники, которые имеют доступ к таким особо охраняемым документам и объектам. Получить пригодную информацию по упомянутым вопросам, конечно, трудно, но возможно. Это наглядно подтверждается тем, что абвер еще перед войной располагал всей документацией и фотографиями о «линии Мажино», причем получил их из рук французских военных. Насколько важны были добытые сведения, показывает быстрый захват этого гигантского укрепленного сооружения. Тем самым была предотвращена длительная, упорная борьба за восточный фланг Франции, удалось избежать второго Вердена.

Источник, который имеет доступ к подобным документам, то есть чаще всего находится в самом объекте, называется источник проникновения (источник Р). Часто такой источник ведет совсем неприметный образ жизни, но, например, писарь в штабе армии может быть важнее, чем командир батареи в каком-нибудь форту. В поисках политической информации нельзя прибегать только к использованию внешних наблюдений, здесь надо искать контакты с лицами, которые что-либо знают, которые информированы. Это сравнительно небольшой круг людей, и в поисках контактов среди них большей частью наталкиваешься на закрытое общество, к которому еще надо найти подходы. Но и здесь имелись и имеются возможности завязать беседу с интересующими политическую разведку людьми. Журналисты, представители различных объединений, союзов и обществ, депутаты представляют собой полезный круг собеседников. Часто, сами того не ведая, они выбалтывают вещи, которые и не являются секретными, но позволяют разведке на их основе составить мозаичную картину, когда множество разноцветных камешков дают отличное художественное полотно. То же самое получается и из множества сведений политического характера. Надо только, чтобы в центр по обработке информации поступал непрерывный поток отдельных, пусть даже разрозненных сведений, которые дадут возможность извлечь из них полезный экстракт и отбросить то, что непригодно.

Во времена лихорадочной деятельности противника и постоянно меняющейся обстановки абсолютно необходи-

мо, чтобы добытая информация как можно быстрее поступала в распоряжение разведывательной службы, то есть канал связи должен функционировать хорошо и надежно. Какая польза с того, что сообщения о непосредственно предстоящих событиях поступают в центр по обработке тогда, когда об этом событии уже пишут газеты.

В общем и целом политической разведке труднее, чем военной. Многие ее сведения, как говорится на жаргоне разведчиков, быстро «скисают». В результате они подтверждают только качественный уровень источника и указывают на трудности в организации оперативно функционирующего канала связи.

Но секретные службы черпают сведения не только из сообщений агентов. Тщательная обработка газет и журналов дает и политической, и военной разведке много полезной информации, дополняющей общую картину обстановки. Оглядываясь назад, я могу сегодня сказать, что во время войны значительная масса поступавшей в VI управление информации была взята из открытых или полуоткрытых источников (на жаргоне разведки — «белый» или «серый» материал). В настоящее время доля такой информации в разведывательных службах достигает 80 процентов и даже выше.

Под «белым» и «серым» материалом следует понимать общедоступную информацию, как, например, газеты, журналы, книги, материалы пресс-центров и информационных агентств, патентная документация, научные публикации, а также специальные сведения, доступные только ограниченному кругу лиц: материалы для служебного пользования, задачи и результаты научных исследований, перехваченные и расшифрованные радиопереговоры, сообщения о месте расположения кораблей, статистика экспорта и импорта, ежегодные справочники и т. д.

Перехват, а в определенных условиях — расшифровка радиопереговоров в общем даже не являются незаконным делом, когда производятся на собственной территории. Если, к примеру, радиоцентр федеральной пограничной охраны в Хангеларе под Бонном или сеть радионаблюдения БНД перехватывают радиопереговоры иностранных правительств или воинских частей, то никто не может им этого запретить, поскольку все, что носится в эфире, принадлежит всем, так же как бутылка с письмом принадлежит тому, кто ее выудит из моря. Иначе обстоит дело, когда самолеты без разрешения пролетают на больших высотах над территориями других государств, производя

тайное фотографирование. Но пока такой самолет не опознан и не принужден к посадке, не приходится говорить о нарушении международного права и его расследовании. Если разведка производится с облетающего Землю спутника, то ни доказать это, ни воспрепятствовать этому нельзя.

Указанные выше пути давали и дают возможность получить общую картину о положении внутри другого государства, особенно о его экономическом потенциале. Наряду с контролем радио- и телефонной связи (пункты цензуры зарубежной корреспонденции принадлежали абверу, и внешняя политическая разведка почти не имела к ним доступа) существовал еще ряд отдельных источников, от которых поступала хорошая информация (так называемые связи высшего класса). Всего около 5 процентов от общего количества информации секретной службы составляли сведения, полученные от таких связей, и эти сведения заслуживают названия шпионских в узком смысле слова. Но именно эта немногочисленная информация от связей высшего класса служит подтверждением бесчисленного количества других сообщений, углубляет их, в силу чего представляет исключительную ценность, и поиск таких связей ведется непрерывно. Мотивы действий агентов, дающих такую информацию, бывают различными при их одинаковой эффективности и честности. Во время войны я наблюдал, что многие источники рассматривали свою деятельность в разведке, особенно за рубежом, как разновидность обязательной воинской службы. Некоторые были убежденными нацистами и работали в силу верности своей партии, идеям национал-социализма. Значительно больше агентов не были нацистами в узком смысле слова. Они считали, что как немцы они обязаны помогать своему отечеству в трудные для него времена, не требуя каких-либо личных преимуществ. Другие надеялись на получение косвенных преимуществ, как, например, освобождение от воинской службы или поддержка их предприятий за рубежом.

Некоторые из них были просто авантюристами, искавшими приключений и опасностей на таком театре военных действий, где не стреляли, а боролись оружием ума, хитрости и притворства. Нельзя сбрасывать со счетов и таких, которые работали за звонкую монету. От них не отказывались, но при работе с ними требовалась особая осторожность, поскольку надо было всегда иметь в виду, что тот, у кого больше денег, может их перевербовать. Тогда возникала весьма нежелательная ситуация, кото-

рая могла стать опасной, ибо это уже контршпионаж. В подобных случаях следовало своевременно позаботиться о том, чтобы получить на них как можно скорее компрометирующие материалы, преграждающие им путь к конкурирующей разведке. Тем самым создавалась возможность для довольно хорошего сотрудничества с ними, хотя бдительность по-прежнему оставалась необходимой.

Авантюристы, находившие удовольствие в этой деятельности, а также агенты по убеждению, если только они не были фанатиками, лучше всего годились для использования. Однако их обучение, постоянное руководство ими требовало большого искусства от офицера-руководителя, личные качества которого были решающими для успешной работы его агентов. Эти проблемы существовали во время войны в обеих секретных службах Германии. В принципе они имеют такое же значение в разведывательной работе и сегодня. Конечно, времена изменились, как изменились политические отношения, конъюнктура и задачи, но принципы разведывательной работы в основном остаются сегодня такими же, как и вчера.

Обе немецкие разведывательные службы — абвер и политическая разведка — тесно и неплохо сотрудничали с министерством иностранных дел. Дипломаты получали от них политическую информацию и обзорные материалы, особенно от VI управления. Обе разведки в свою очередь — по желанию министерства иностранных дел — разрабатывали специальные задания для своих резидентов за рубежом. За это министерство иностранных дел предоставляло свои должности для персонала обеих служб в дипломатических и консульских представительствах за рубежом, давало им возможность пользоваться дипломатической курьерской службой, а в случае надобности позволяло использовать дипломатическую радиосвязь для передачи срочных телеграмм секретных служб.

Во время моей деятельности в VI управлении мы сотрудничали также с журналистами в Швейцарии, используя их как источник информации. Как тогда, так и сейчас такое сотрудничество имело свои проблемы и трудности. Но журналисты кое-что знали и умели отличать важное от второстепенного, поэтому мы в Швейцарии предпочитали устанавливать контакты скорее с журналистами, чем, скажем, с членами зарубежной организации нацистской партии. Эта организация объединяла нацистов из состава немецкой колонии в Швейцарии. Ее периферийные отделения с большой охотой, но и с такой же неуклюжестью

поддерживали симпатизирующие нацистам группы или партии страны пребывания. Тем самым они быстро испортили отношение швейцарских властей к местной немецкой колонии, поскольку любая поддержка экстремистских политических объединений страны воспринималась как недружественный акт, вмешательство в ее внутренние дела или даже как подрыв ее суверенитета. Эти нацистские организации находились, естественно, под наблюдением полиции, так что мы остерегались поддерживать контакты с зарубежной организацией НСДАП. К тому же ее наиболее ретивые функционеры были абсолютно непригодными для разведывательной работы в силу своей ограниченности. Таким образом, с этой стороны мы не получали сколько-нибудь полезной помощи в нашей работе.

Значительную помощь немецким секретным службам оказывали до 1945 г. следующие три учреждения: «служба Зеехаус», управление исследований ВВС и криптографическое бюро верховного командования вермахта (служба тайнописи и расшифровки.— *Прим. перев.*). В июле 1940 г. в министерстве иностранных дел был создан центр по прослушиванию зарубежных радиостанций. С его созданием ограничивалась или прекращалась деятельность соответствующих конкурирующих учреждений. Скоро к этому центру присоединилось министерство пропаганды, и он получил официальное название «Специальная служба Зеехаус министерства иностранных дел и министерства народного просвещения и пропаганды». По собственной оценке его руководства, эта служба была самым крупным центром радиоконтроля на континенте. Здесь осуществлялись прием, запись, перевод и размножение текстовых передач зарубежных радиостанций. «Служба Зеехаус» являлась частью принадлежавшего рейху «германского общества зарубежного радиовещания Интеррадио АГ», которое имело собственные передаточные и контрольные радиостанции по всему миру.

Первоначальными задачами Интеррадио были выработка выгодных в пропагандистском плане норм радиовещания и оказание влияния на зарубежные радиостанции. Специальной задачей «службы Зеехаус» стала запись зарубежных передач. Согласно служебной инструкции эта служба должна была собирать сырьевой материал, осуществлять его обработку в политическом и разведывательном плане и вести самостоятельную разведывательную работу. Только в берлинском центре «службы Зеехаус» этим делом занимались от 500 до 600 сотрудников.

Так называемое управление исследований ВВС для маскировки своего подлинного характера и задач организационно относилось к министерству гражданской авиации. Здесь осуществлялось наблюдение за телефонной сетью германского рейха, то есть по запросу компетентных органов производился контроль телефонных абонентов. В этом случае велась дословная запись имевших место переговоров, которая отпечатывалась на бумаге коричневого цвета, отсюда жаргонное обозначение «коричневые донесения». По возможности выяснялась личность звонившего. Кроме того, подключались к трансатлантическим и проходившим через Германию внутриконтинентальным кабелям, контролировали дипломатическую радиосвязь и иностранную курьерскую почту. Объем получаемой там без всякого риска информации был поистине огромен.

Заявки на контроль телефонных абонентов в управление исследований имели право подавать несколько учреждений, причем случалось, что телефон, на который поступала заявка, уже находился под контролем по заявке другого учреждения.

Наряду с некоторыми высшими учреждениями рейха (например, министерство иностранных дел) делать заявки имели право гестапо, абвер, СД и внешняя политическая разведка. Уголовная полиция такой возможностью не располагала, поскольку она, согласно уголовному кодексу, должна была получать разрешение на контроль телефонов и корреспонденции только у судьи. Если судья выдавал разрешение, то это часто доходило до интересующего полицию лица, и тогда результаты были небогатыми.

Таким образом, упомянутые учреждения собственных точек телефонного контроля не имели, управление исследований направляло им «коричневые донесения», из которых они могли узнать очень многое о находящемся под контролем круге лиц, например личные качества и слабости, политические взгляды и многое другое, что имело значение в разведывательном плане.

Бесспорно, в одиночном телефонном разговоре ведущий разговор может применить маскировку, попытаться изменить свое поведение, скрыть склад характера. Но в течение длительного времени и в разговорах со многими партнерами такую маскировку невозможно соблюсти до конца. Со временем становится ясным, что за человек в действительности говорит по телефону, какого он поля ягода.

Телефонный контроль был в любом случае урожайнее, чем секретный контроль корреспонденции, который (так-

же по заявкам других учреждений) могло организовать гестапо. При написании письма его автор может лучше владеть собой, чем в разговоре, когда часто прорывается темперамент и спадает надетая перед разговором маска.

Расшифровкой перехваченных секретных радиопереговоров занималось дешифровальное бюро верховного командования вермахта, что, к удивлению, ему неплохо удавалось.

Руководитель реферата Швейцария — Лихтенштейн

Итак, я уже знал, в чем заключались задачи VI управления, то есть политической разведывательной службы, знал, кто еще занимался разведкой и кто мог бы оказать мне помощь и поддержку. Теперь следовало определить потенциальные возможности собственного реферата и посмотреть, кто из его аппарата может помочь мне приобрести знания, необходимые для руководителя реферата, каковым я был назначен после короткого периода общего ознакомления с новой работой. Откровенно говоря, я сам себе казался человеком, который, не умея плавать, упал в глубокую воду и ищет, за что бы ухватиться. Однако тонуть я не собирался.

Мой реферат, который, как уже говорилось, имел обозначение VI B 3 — Швейцария — Лихтенштейн, был не очень многочисленным. Как начальнику реферата, мне предстояло еще вести направление а — добыча информации. Направления b (обработка) и с (реализация) вели офицеры старше меня по чину. Мне же — зеленому юнцу и новичку — следовало позаботиться о налаживании по возможности лучшего взаимодействия с ними. К счастью, в разведывательной службе воинские звания не имели такого значения, как в армии. Кроме того, сотрудник, который занимался реализацией и был на два чина выше меня, находился со своими делами и картотеками вне Берлина, так что проблем субординации не возникало. Мой заместитель (по званию также выше меня) оказался из той же самой категории кандидатов на руководящую работу, и у нас с ним установились товарищеские отношения.

В реферате и его отделениях в Берлине мне подчинялись кроме названных выше руководителей направлений еще 8—10 сотрудников и несколько машинисток-стено-

графисток, в большинстве своем — откомандированные солдаты вермахта или войск СС. Были также призванные по положению о трудовой повинности гражданские, в основном юристы, из них один адвокат, один асессор и один судебный чиновник. Занимались они главным образом обработкой документов и составлением обзорных справок.

В начале своей деятельности я совершил поездку в Мариенбад, где находились все дела и картотеки моего реферата. Для связи с этим отделением существовал телетайп и ежедневно курсировали курьеры. В разведывательной работе постоянно нужна была картотека и документация к делам, чтобы проводить сопоставительное изучение поступающей информации или данных на интересующих разведку лиц. Для получения необходимых справок помимо упомянутых средств связи использовался и телефон. В общем, этого хватало для того, чтобы в течение нескольких часов получить нужную справку, а затребованные дела поступали на следующий день. Среди хранившейся у нас документации я обнаружил всевозможную справочную литературу по Швейцарии: адресные и телефонные книги, экономические справочники, списки номерных знаков автомашин, списки членов различных организаций и союзов, все необходимые периодические издания — от газет и еженедельников до ежегодных сборников промышленной и торговой палаты. Имелись даже списки высших учебных заведений страны.

Нас, как политическую разведку, не интересовало военное положение Швейцарии. Случайно попавшую к нам информацию на эту тему мы тотчас же пересылали в управление абвера верховного командования вермахта. Это относилось, в частности, к большей части информации, которая поступала от одного нашего источника в комитете Международного Красного Креста и касалась военных потерь как немецкого вермахта, так и армий союзников, особенно в результате потопления кораблей. Около 90 процентов информации от этого агента мы пересылали вермахту. Конечно, было бы экономичнее передать его абверу, но ни наша разведывательная служба, ни абвер не испытывали большого желания поступать таким образом. Даже внутри одной службы передача доверительных лиц из одного подразделения в другое — совсем не обычное явление, хотя, может быть, в интересах дела это и целесообразно. Причиной такого перевода становится либо указание вышестоящей инстанции, либо расхождение между возможностями источника и заданиями веду-

щего подразделения, в результате чего официальное место работы источника уже не может служить ему прикрытием и данное подразделение теряет к нему интерес. Такое переключение источника на другое подразделение нежелательно для офицера-руководителя уже потому, что он опасается раскрытия применявшихся до этого методов и возможных недостатков руководства. Ведь никто не захочет позволить даже коллегам заглядывать в свои карты. В низовых заграничных точках к этому примешивалось еще и опасение, что будет обнаружено присвоение казенных денежных средств, так как там часто несколько вольно обращались с разрешенными расходами, то есть деньги, которые якобы передавались источнику, на самом деле облегчали жизнь офицера-руководителя.

Политическая разведка старалась использовать в Швейцарии все информационные возможности. Для нас, как и для других участвовавших в войне государств, Швейцария была местом действия, где буквально сталкивались разведывательные службы многих стран и где разведчики встречались друг с другом даже там, куда не смели заглядывать дипломаты.

Наш главный уполномоченный (резидент) в Швейцарии Ганс Дауфельт — ловкий, умеющий держать себя в обществе человек — довольно хорошо справлялся со своими задачами в рамках своих скромных возможностей. 1908 г. рождения, он отличился еще до войны во время учебы в школе юнкеров войск СС и в результате попал не в армию, где ему пришлось бы заниматься шагистикой, а в главное управление СД. Там, а позже в VI управлении в качестве начальника группы Дауфельт накопил значительный опыт разведывательной работы и был зачислен в кадровый резерв для работы за рубежом. За успехи его регулярно повышали в звании, а в январе 1944 г. произвели в оберштурмбаннфюреры. При назначении резидентом внешней политической разведки в Швейцарии он получил в МИДе должность вице-консула и был определен в генеральное консульство в Лозанне. Техническую работу при нем вели две секретарши, одна из которых обслуживала также вмонтированный в обычный для того времени радиоприемник коротковолновый передатчик для радиосвязи с нами. В течение двух лет Дауфельт, используя свое официальное положение, создал обширную сеть источников информации, которая была даже слишком велика для него одного. Но работал он не без успеха,

поступающая от него еженедельно курьерская почта подтверждала его активность.

Считать, что швейцарская полиция ничего не знала о нашей разведывательной деятельности, было бы самообманом. В то время, когда немецкие армии еще одерживали победы, мы могли рассчитывать на благожелательный нейтралитет и выполнение наших пожеланий. Но чем больше военное счастье отворачивалось от немецкого рейха, тем ощутимей становился действительно нейтральный характер швейцарского нейтралитета, а затем уже просто не приходилось говорить о благожелательности и дружественном отношении. Кончилось тем, что Швейцария вообще перестала отвечать на немецкие ноты.

В отличие от политической разведки абвер уже перед войной создал хорошо функционирующий и подготовленный к военным действиям разведывательный аппарат. Одно его название —«организация на случай войны»— показывает, что вся организационная работа проведена еще в мирные времена, и с наступлением военных действий не было необходимости создавать соответствующий аппарат в срочном порядке. То, что в Швейцарии существовал такой аппарат абвера, нам было известно, но мы от этого ничего не имели. Виной явилась неприязнь, существовавшая между военными и нами, и кроме того, конкурирующие службы, как часто бывает, вовсе не заботились о том, чтобы облегчить жизнь друг другу. «Предприятию» VI управления из трех человек в Швейцарии противостояла организация абвера из 18 штатных сотрудников, которые были внедрены в германскую миссию в Берне, генеральное консульство в Цюрихе и консульство в Женеве. Шефом организации абвера являлся капитан I ранга Ганс Майснер, работавший под прикрытием должности генерального консула. После войны он стал начальником земельного управления по охране конституции в Бремене. Помимо трех офицеров, занимавших также руководящие посты, в Берне работал еще ротмистр фон Пескаторе, который после войны стал ответственным работником в организации Гелена, а затем в федеральной разведывательной службе, где руководил отделом по контршпионажу в мюнхенском генеральном представительстве. Только в Берне кроме пяти офицеров абвера работали еще семь человек технического персонала и три радиста. Сегодня кажется непонятным, почему во время войны немецкие разведслужбы не имели достаточно больших резидентур в Швейцарии, но это факт.

В Испании, например, было внедрено в посольство или работало под его защитой значительно большее число сотрудников абвера. Там находились и технические сооружения (радиопеленгационная служба, центр радиоперехвата, собственная радиостанция абвера) для наблюдения за морскими базами и кораблями противника. Филиалы абвера имелись и в Африке, в частности в Танжере и Тетуане (21 человек), где как и в Швейцарии, существовали возможности непосредственных контактов с разведслужбами союзников. Согласно соответствующим документам, на 8 октября 1943 г. в Испании работали 202 сотрудника абвера, а спустя два месяца их уже было 214.

Если даже в Швейцарии и нельзя было контролировать передвижение военно-морских сил союзников и их радиосвязь, все равно надо сказать, что заграничные точки берлинских разведслужб были там укомплектованы слабо, о чем говорит и сравнение с сетью абвера в Испании. Конечно, VI управление тоже имело своего главного уполномоченного в Мадриде, который располагал хорошими контактами в политических и общественных кругах режима Франко.

Действовавшие в Швейцарии наряду с абвером закупочные и экономические учреждения вермахта никаких связей с военной разведкой не имели. В их задачу входила закупка необходимых для военной промышленности товаров, например часов, запалов и взрывателей, редкого сырья, медикаментов и т. п. Шпионажем они вообще не занимались.

После знакомства с организационными проблемами и формальностями работы по Швейцарии мне предстояло еще многое узнать о самой разведывательной деятельности, о разработке задач, о методах ведения разведки и др. Наряду с этим необходимо было продолжать постоянное руководство работой нашего резидента в Швейцарии и двух его сотрудниц, обеспечивать их всем необходимым. Помимо чисто служебных задач приходилось заниматься также некоторыми частными делами нашего персонала в Швейцарии.

Итак, на меня свалилось очень много работы, которая была для меня совершенно новой. Внутри РСХА имелось два подразделения, которые могли мне помочь в будущем, оба входили в IV управление. Одно из них — центральная регистратура выдачи виз, а другое — контрразведывательная группа. В центральной регистратуре фиксировались все визы на въезд и выезд, через ее посредство легко устанавливалось, кто из интересующих

нас иностранцев регулярно приезжал в Германию или следовал транзитом в другую страну. Эти путешественники — в основном деловые люди — во время войны представляли для секретной службы особый интерес. У них всегда имелась легко подтверждаемая причина поездок, которая выдерживала любую проверку и тем самым облегчала преодоление главной трудности, а именно въезд в другие страны. Кроме того, они всегда общались с достаточным количеством собеседников, от которых могли получить какую-то информацию о политическом или экономическом положении интересующей нас страны или сведения о других возможных источниках информации. Эти разъездные агенты используются каждой разведкой в огромных количествах, как раньше, так и теперь [1].

От группы по контрразведке поступала информация или данные о ее реализации, облегчавшие нашу собственную оперативную работу. Сведения об установленных агентах зарубежных разведок в Германии давали нам полезные указания насчет того, как лучше провести ту или иную операцию, чтобы не столкнуться с органами безопасности других стран или ввести их в заблуждение.

Данные из контрразведывательного реферата по южному региону Европы показывали, что даже нейтральная Швейцария не могла или не хотела отказаться от шпионажа, в том числе и в Германии. Были известны также и методы работы швейцарской разведки. Накопленные со временем сведения говорили о ее связях с разведками западных союзных стран, что могло оказаться полезным в нашей работе. Будучи сотрудником секретной службы, даже если занимаешься только разведкой, полезно знать, где можно встретить сотрудников такой же службы другой страны, или, как мы их называли, «коллег из другого номера полевой почты».

Шеф VI управления Шелленберг дал строгое указание соблюдать при разведывательной работе в Швейцарии особую осторожность, чтобы не вызвать политических осложнений. Работать непосредственно против Швейцарии запрещалось, можно было только использо-

---

[1] Преемнником центральной регистратуры выдачн внз прн гестапо является в ФРГ центральное бюро по регистрации нностранцев, расположенное в Кёльне. В 50-х годах его хотелн ликвнднровать, но затем передали федеральной разведывательной службе. Это же бюро служнт сборным пунктом курьерской почты БНД.— *Прим. авт.*

вать имеющиеся там условия для получения информации о противниках Германии в войне. Кроме того, предусматривалась весьма осторожная разработка возможностей установления контактов с нашими западными противниками, особенно с американцами и англичанами, с целью подготовить почву для неофициальных переговоров. Изучение и подготовка таких возможностей стояла в числе первоочередных задач нашего реферата. Мы знали представителей английской, а позже и американской разведок в Швейцарии и старались получить четкую картину их деятельности. Французскому посольству мы не уделяли особого внимания. Оно нас не интересовало, поскольку подчинялось контролируемому Германией правительству Виши.

Советский Союз не имел дипломатического представительства в Швейцарии. В этом направлении мы могли работать только через международные организации или экономические связи. Конкретные задания здесь перед нами не ставились, но плох тот «референт-страновед», как мы себя называли, который действует только в рамках данных ему заданий и указаний. В любое время от него может потребоваться информация по теме, которая вдруг становится важной, а кто стал бы спорить, что важнейший противник Германии в войне представлял интерес и в такой маленькой стране, как Швейцария.

Несомненно, швейцарские власти знали, что вице-консул генерального консульства Германии в Лозанне был нашим резидентом, знали его персонал и радиостанцию. Тем более мы, как, впрочем, и другие разведки, были заинтересованы в том, чтобы не потерять терпимое отношение швейцарских служб к нашей деятельности, поскольку официально в Швейцарии — как раньше, так и теперь — любая разведывательная или секретная работа карается законом. Это относится и к тем случаям, когда такая работа не направлена против Швейцарии или ее интересов.

Поскольку нам был отлично известен английский генеральный консул Кейбл, надо полагать, что и швейцарцы знали, кто он. Однако Швейцария сквозь пальцы смотрела на его деятельность, и мы соответственно могли рассчитывать на такую же молчаливую терпимость по отношению к нашему резиденту. В этом смысле, применяя профессиональный жаргон, его можно было назвать «легальным резидентом», который вел свою работу, прикрываясь для виду дипломатическим или другим по-

стом, гарантировавшим ему относительную безопасность, тогда как офицер разведки, бывший просто резидентом в чужой стране, работал и руководил агентурой, не имея дипломатического иммунитета и пользуясь лишь обычным гражданским прикрытием.

Мой реферат не только осуществлял руководство и оказывал помощь нашему главному уполномоченному и его персоналу в решении как служебных, так и личных вопросов, но и непосредственно завязывал отдельные связи, вводил их в действие и руководил ими. В этой работе принимали некоторое участие периферийные точки аппарата СД, прежде всего в Южной и Западной Германии. В таких случаях мы осуществляли профессиональный с точки зрения разведки контроль и руководство этими акциями.

Для передачи в Центр из-за рубежа, в данном случае из Швейцарии, добытых сведений резидент мог использовать дипломатическую курьерскую почту, а в экстренных случаях устанавливать с нами прямую радиосвязь. Конечно, это противоречило Венской конвенции 1815 г., которая учредила правила дипломатической связи и запретила использование дипломатической почты для шпионских целей. Однако эта конвенция никем не соблюдается, и никто не упрекает в этом друг друга, потому что каждое государство занимается тем же самым. Министерство иностранных дел разрешило нам также при пользовании дипломатической почтой применять специальные конверты, так что шеф соответствующей дипломатической миссии не знал содержания корреспонденции, направляемой нами с диппочтой, хотя и был лицом, ответственным за всю почту.

Так называемые зеленые конверты изготовлялись из специального картона и имели размер 41×26 см. На лицевой стороне обозначался печатным шрифтом отправитель (вице-консул Ганс Дауфельт, генеральное консульство, Лозанна) и получатель (министерство иностранных дел, отдел курьерской связи). Особенности сгибов и структура материала делали невозможным тайное вскрытие такого конверта без его повреждения. Кроме того, на обратной стороне и на закрывающем клапане имелись два небольших отверстия в бумажном слое, через которые можно было проверить структуру картона. При запечатывании конверта эти отверстия закрывались, а через картон пропускался специальный шнур, который образовывал геометрическую фигуру и завязывался осо-

бым узлом. Узел заливался сургучом, а на сургуч ставилась печать.

Получатель такого конверта сначала проверял его на внешние признаки попыток вскрытия, затем отделял клапан и через отверстия проверял шнуровую маркировку. Открыть незаметно такой конверт не представлялось возможным, можно было только заменить его, если имелись точно такие же конверты (в оригинальном исполнении, а не подделка), шнур и печать. Но сегодня и это стало невозможным, поскольку в бумажную массу добавляются флюоресцирующие вещества, показывающие под ультрафиолетовыми лучами светомаркировку, которая не поддается копированию.

Дипломатическая почта из Лозанны поступала в министерство иностранных дел в Берлине через немецкое посольство в Берне и соответствующим образом шла обратно. Помимо регулярного еженедельного курьера использовались также в случае необходимости специальные курьеры, так что почтовая связь работала бесперебойно и удовлетворительно.

Для экстренных случаев использовалась радиосвязь. Эта радиолиния не принадлежала министерству иностранных дел, и поэтому швейцарские власти не регистрировали ее как дипломатическую. Передающая и принимающая аппаратура в Лозанне была вмонтирована в большой радиоприемник с замаскированным ключом морзянки. Передача в Лозанну осуществлялась из берлинского радиоцентра для связи с зарубежной агентурой. В обиходе этот центр назывался институтом Гавеля. Он принадлежал VI управлению, находился в юго-западной части Берлина и был связан с управлением телетайпной линией.

С весны 1944 г. я ежедневно получал из криптографической службы верховного командования вермахта пакет с расшифрованными радиопереговорами между польским правительством в изгнании в Лондоне и миссией Польши в Берне. Специалистам из упомянутой службы удалось раскрыть применяемый поляками радиоключ, и мы смогли прочитать накопившиеся за несколько лет перехваченные, но нерасшифрованные радиограммы. Было небезынтересно ретроспективно оценить правильность давно сделанных прогнозов предстоящих тогда событий, а вместе с тем политическую компетентность и трезвость взглядов отправителей радиограмм. При их сопоставлении с текущими радиограммами для меня

было важным установить, что автор, скажем польский военный атташе в Берне, в течение ряда лет придерживался того или иного мнения, а сейчас изменил его или в своих прогнозах проявил недостаточную точность.

Обработка этих сведений давала такой хороший урожай, что я отказался от оперативных мероприятий против польской миссии в Берне. Все необходимые подтверждения к получаемым материалам давала нам подруга польского военного атташе, швейцарка, жившая в Варшаве. Эта привлекательная молодая женщина была родом из Женевы, но уже в течение длительного времени жила в Варшаве, где ее врасплох застала война. С моей помощью она основала там торговую фирму. Я добился предоставления ей соответствующих экспортных лицензий. Таким образом, она могла, не вызывая подозрений, ездить из Варшавы в Швейцарию через Берлин, чтобы оформлять свои дела. То, что ее приватные визиты к польскому военному атташе в Берне организовывались и финансировались нами, до конца войны оставалось ему неизвестным.

Время от времени я получал анализы иностранной дипломатической переписки из исследовательского центра военно-воздушных сил. Каким образом он добывал такие сведения, я так и не узнал, но, очевидно, соответствующие возможности для этого имелись.

Вопреки представлениям, которые внушали и внушают кинодетективы и телевидение о шпионаже и суперагентах, вся добыча секретной информации и ее использование проходят совсем не так романтично. Только в очень редких случаях удается внедрить классного агента в действительно нужное место или заиметь его там и наладить работу с ним, когда возникает нужда в информации оттуда. Хотя идеал любой разведки — иметь агентуру в ключевых точках своего противника, причем важных не только сейчас, но и в будущем, эта цель далеко не всегда достижима. Часто оперативный работник рад уже, если ему удается в случае необходимости отыскать среди имеющихся у него источников такого, который может более или менее быстро найти подход к интересующему объекту. В большинстве случаев, когда цель недостижима, приходится прибегать к сбору отрывочной и разрозненной информации, которая в результате кропотливой, напоминающей составление мозаичной картины работы в конце концов дает сколько-нибудь достоверное представление по интересующим вопросам.

Однако для этого требуется очень много времени и терпения, а также наличие хорошего и опытного специалиста по оценке информации, способного разрешить подобный ребус. Тем не менее в такой картине остается еще много белых пятен, которые можно заполнить только предположениями, намеками или чисто эмпирическими выводами.

Не у каждого найдется достаточно интуиции для такой работы, и даже лучший специалист по оценке может нет-нет да и ошибиться. Ведь он находится в положении археолога, который к найденному туловищу должен приделать руки и ноги, а то и голову. До сих пор то и дело разгорается спор ученых насчет современного дополнения к скульптурной группе «Лаокоон». Есть такие, кто считает, что общеизвестное изображение этой схватки со змеями (а обнаружена была только его часть) дополнено неверно и в действительности эта скульптурная группа выглядела совсем иначе, чем сейчас в школьных учебниках. Так же иногда обстоит дело со специалистом по оценке, который, исходя из лучших побуждений, может составить искаженную картину на основании неправильных выводов и комбинаций. Поэтому для него важно, чтобы к нему поступали полученные независимо друг от друга сообщения по одному и тому же объекту или проблеме от различных агентов.

Самым главным нашим противником в Швейцарии несомненно была английская разведывательная служба. Англичане уже перед войной вели разведку в Германии весьма активно и после начала войны смогли без перерыва или ограничений продолжать свою деятельность. Представителем английской секретной службы в Германии являлся генеральный консул Великобритании в Кёльне Кейбл, которого с началом войны перевели в Швейцарию. Его мы все знали хорошо, но того, что стояло за ним, я не знал, а это могло бы значительно облегчить начало моей деятельности. Имевшиеся в моем реферате сведения были слишком общими, что вынуждало меня часто обращаться к моим коллегам по Великобритании. Однако о помыслах Кейбла и органов, руководивших им из Лондона, они мне ничего нового сообщить не могли. Только одно сведение поразило меня, а именно о том, какими огромными, а подчас и неограниченными средствами располагала Интеллидженс сервис. Я не только чувствовал себя подавленным, но считал абсолютно бесперспективным успешно работать против англичан и тем

более пытаться в чем-то обойти их разведывательную службу. Если английская секретная служба с ее колоссальными финансовыми возможностями не смогла, насколько мы знали, добиться первоклассных результатов в работе против Германии, то что же могли сделать мы с нашими скромными средствами?

В период «третьего рейха» в результате стремления к экономической независимости Германии в стране имелось очень ограниченное количество валюты. Рейхсмарка являлась неконвертируемой валютой, все валютные операции проходили через банки. С имеющимися в наличии запасами твердой валюты рейхсбанк и министерство экономики обращались весьма бережно, особенно после начала войны. Шелленберг добился того, что ежемесячный валютный бюджет VI управления повысили со 100 тыс. до нескольких миллионов рейхсмарок. Но как могло хватить этой суммы, если разведка должна была вестись по всему миру? В задачи VI управления входила работа против США с территории латиноамериканских государств, ведение разведки против Советского Союза, работа против Англии с территории всех европейских государств, а на Балканах надо было вести поиски какой-то выгодной нам рабочей формулы для всех возможных вариантов расстановки сил в регионе, вплоть до поддержки создания нужного правительства в каком-либо государстве.

Проведение специальных акций (например, освобождение Муссолини и последующее создание его теневого правительства) было также делом рук VI управления и стоило многих денег. Что же тут значили несколько миллионов валютного месячного бюджета?

По всем этим причинам приходилось изыскивать пути более легкого финансирования операций разведывательной службы. Кроме проблемы приобретения средств в иностранной валюте имелись также трудности по переводу этих денег в нейтральную или вражескую страну. Насколько было бы проще, если бы за границей у Германии имелся достаточный капитал и мы могли бы перечислять необходимую сумму прямо нужному получателю путем оформления замаскированных или дутых деловых расчетов, не вызывающих подозрения у налоговых, таможенных и других контролирующих ведомств.

Одним из путей превращения рейхсмарки в иностранную валюту являлся сбыт за границей дефицитных медикаментов, например инсулина, морфия. При продаже

этих товаров на черном рынке в Швейцарии можно было получить прибыль до 100 процентов и более, причем в желанной валюте — либо в долларах США, либо в швейцарских франках. Часто мы не могли снабдить нашего агента необходимой суммой в валюте для проведения определенного мероприятия: либо не позволял бюджет нашего управления, либо таможенный и валютный контроль на границе мог привести к провалу агента. В таких случаях мы снабжали агента медицинским заключением о наличии у него сахарного диабета и большой партией инсулина в ампулах. Медицинское свидетельство защищало его от подозрений таможенников, а затем он превращал провезенный инсулин в валюту. Наряду с инсулином и морфием большим спросом в Швейцарии пользовались гормональные препараты.

Однажды (я еще недолго просидел на стуле начальника реферата) на мой стол легла записка, которая уже обошла несколько рефератов, потому что никто не знал, что с ней делать. Сообщение поступило из Дании и содержало данные на врача Вернета, испытывавшего у себя на родине затруднения с проведением исследований в области гормональных препаратов. Он занимался проблемой усиления недостаточно выраженных мужских половых признаков путем постоянного введения гормонов половых желез.

Трудности заключались в том, что тогда не могли изготовлять медикаменты с длительным замедленным действием, а неравномерный прием и дозировка вызывали вредные последствия. Приложенные к сообщению результаты лабораторных испытаний и опытов вроде бы подтверждали, что, хотя работа и не была доведена до конца в плане применения гормонов и их промышленного изготовления, она обещала дать положительные результаты, судя, по крайней мере, по опытам на животных.

У меня сложилось мнение, что возникшие проблемы надо решить, а затем организовать прибыльную продажу этих гормонов в Швейцарии. Насчет возможностей сбыта я не сомневался, потому что одним из побочных действий пилюль являлось повышение мужской потенции, а для этого всегда найдется клиентура. Таким путем можно было бы быстро получить значительное количество валюты для нужд разведывательной службы. Я полагал, что если стимуляторы всегда находили хороший сбыт, то почему бы не попробовать продавать гормоны с таким действием.

Чтобы помочь продолжить эту находящуюся в стадии исследований и опытов работу, у VI управления возможностей не хватало. Тогда я написал докладную записку Гиммлеру. Поскольку все бумаги рейхсфюреру СС не должны были превышать одну страницу, я предельно сжато сформулировал идею и на первое место выдвинул то соображение, что упомянутая исследовательская работа может дать средство в борьбе с гомосексуализмом и даже в его лечении. Мне было известно, что эта проблема была «идеей фикс» Гиммлера, который ввел для эсэсовцев и полицейских, подчинявшихся собственной, внутренней юрисдикции, такую драконовскую меру, как смертная казнь, за проступки в этом плане.

В докладной я не упомянул о том, что указанные гормоны могут повышать мужскую потенцию, поскольку Гиммлер, имея болезненно пуританский характер, не оценил бы такого их свойства. Я предложил предоставить д-ру Вернету возможность завершить свои исследования в Германии и в случае успеха начать массовое производство этого препарата, чтобы затем продавать его в Швейцарии. Выручка пошла бы на пополнение валютного бюджета внешней политической разведывательной службы.

Фирма по сбыту гормональных пилюль в Швейцарии могла бы не только принести нам значительные средства, но и облегчила бы финансирование наших людей. Более того, наличие банковских счетов швейцарской торговой фирмы позволило бы осуществлять любые финансовые трансакции.

Моя докладная преодолела все препоны, прошла через начальников группы, управления и шефа РСХА, и вскоре мне сообщили из секретариата Гиммлера, что он принял мое предложение. Главному врачу СС дали указание оказать д-ру Вернету всяческую поддержку и ежемесячно информировать меня о ходе работы, чтобы своевременно подготовиться к организации сбыта препарата в Швейцарии. Я потом каждый месяц звонил в канцелярию главного врача СС, но в ответ слышал только, что до осуществления операции с пилюлями дело еще не дошло. Исход войны положил конец этому замыслу.

В мои обязанности в общем-то не входило заниматься данной информацией о работе д-ра Вернета в Дании и давать ей какой-то ход, поскольку это совершенно не касалось разведки, и тем более в Швейцарии. Но я усмотрел

здесь возможность извлечь пользу для разведывательной работы, проявил инициативу и начал дело с перспективой на успех. В результате я получил положительную оценку начальника группы и шефа управления, что облегчило мою дальнейшую работу.

В связи с этим делом я был вызван к Шелленбергу, который, очевидно, хотел познакомиться с инициативным новичком. Он встретил меня словами: «Ах, вы — Фельфе, так вот вы какой».

В ходе разговора он без стеснения заявил мне, что в нашей работе не надо принимать в расчет идеологию. Засчитывается только успех. По его мнению, следовало больше действовать в открытую по этому принципу, ибо есть еще слишком много неспособных людей, которые плохую работу прикрывают идеологическими фразами. Только много позже я понял, что Шелленберг бесстыдно, походя выдал мне, новичку, карт-бланш на совершение преступлений. Подобные взгляды Шелленберга явились причиной того, что изучение идеологии противника не было включено в сферу деятельности его управления.

Осенью 1943 г. ко мне пришел сотрудник группы по США и Англии, с которым я до тех пор почти не поддерживал личного контакта. Правда, мы иногда помогали друг другу в оперативной работе, но это осуществлялось через переписку или по телефону. Я доставал ему из Швейцарии одежду и еще кое-какую экипировку для его агентов.

Но на этот раз мой коллега пришел ко мне лично и сказал, что нам надо переговорить с глазу на глаз. Он должен передать мне от имени Шелленберга его указание, начальник моей группы уже информирован. Но прежде чем он перейдет к существу дела, он должен предупредить, что вопрос имеет не просто высший гриф секретности, но еще более строгие ограничения. Говорить о нем можно только с сотрудниками, имеющими к нему непосредственное отношение, и не по телефону. Любая переписка по этому вопросу запрещена, чтобы технический персонал о нем ничего не знал.

После такого интригующего вступления мой собеседник положил на стол толстую папку и приступил к изложению своего таинственного дела. Уже в течение продолжительного времени с английских самолетов над территорией Германии сбрасывались фальшивые карточки на приобретение одежды и продовольствия. Тем са-

мым английская секретная служба намеревалась внести дезорганизацию в снабжение гражданского населения пошивочными материалами, а также продовольствием и табаком. В этом для меня ничего нового не было, потому что о таких случаях упоминалось в сводках полиции, которые поступали к нам. В них же говорилось о наказании лиц, уличенных в попытках отоварить фальшивые карточки, вместо того чтобы сдать их в полицию.

То, что далее рассказал мой коллега, я также знал из полицейских сводок. Речь шла о появлении в Германии после высадки американцев в Южной Италии в сентябре 1943 г. писем с фальшивыми немецкими почтовыми марками. Новым для меня было лишь то, что англичане сбросили еще около Штутгарта почтовые марки, на которых вместо Гитлера был изображен Гиммлер.

Мой собеседник полностью согласился со мной, что эта акция никакой пользы нашему противнику не принесла, но, как мне показалось, что-то его все-таки смущало. Наконец я узнал, в чем дело. Какие-то умные головы в Берлине прониклись идеей предпринять нечто подобное против англичан. Коллега передал мне пачку различных английских почтовых марок, изготовленных вспомогательной технической службой нашего управления, подчеркнув при этом, что он является только исполнителем. Переданные им марки представляли собой в основном фальшивки английской долговременной серии с портретом короля Георга VI и на первый взгляд не вызывали сомнений. Но наряду с ними были и марки, посвященные встрече в верхах в Тегеране и в действительности не существовавшие, марка с портретом Сталина и марки долговременной серии с надпечаткой на оригинале, которые сразу же можно было определить как фальшивые, поскольку общеизвестно, что Главный почтамт Великобритании не выпускал марок с совместным изображением Сталина и Георга VI.

Образцом для этой фальшивки послужила марка, выпущенная по случаю коронации Георга VI, где он изображен вместе с королевой. На фальшивке королеву заменили изображением Сталина, а вместо даты коронации поставили дату Тегеранской конференции. Над головой короля было написано: «СССР», а Сталин смотрел на мир из-под надписи: «Британия». Корона между двумя головами в стилизованной форме изображала серп и молот, а вместо знака династии стояла пятиконечная советская звезда.

Марки долговременной серии с надпечаткой были сделаны так же неуклюже и сразу же выдавали место их происхождения. На них был изображен черный ящик с надпечаткой: «ликвидация империи», на каждой марке стояло наименование одной из потерянных Англией колоний, например Тринидад, Сингапур, Ямайка, Гонконг и т. д. Имелись марки с упоминанием первого дня вторжения англо-американских войск в Европу. Так, на некоторых марках тегеранской серии стоял поддельный штемпель какого-то лондонского почтового отделения с датой начала вторжения — 6.6. 1944 г.

После ознакомления с марками и соответствующих разъяснений мне было сказано, что моей задачей является сбыть эти марки в Швейцарии, то есть каким-то образом пустить их в оборот. На мой вопрос, как это мыслится и какая цель преследуется, мой коллега не смог дать ответа, который бы удовлетворил меня. Распространение марок должно якобы вызвать политические волнения и чувство неуверенности у противника — это все, что я смог узнать.

Как сбывать марки, должен был решать я сам. Еще я узнал, что идея исходила не из VI управления. Очевидно, это была затея Гиммлера, который полагал, вероятно, тем самым сокрушить устои Британской империи. Мы вот посмеялись, сказал я, над ошибочной оценкой английской разведывательной службой внутреннего положения в Германии, когда они забрасывали в нашу страну марки с изображением Гиммлера вместо Гитлера, а теперь сами совершаем такую же ошибку и делаем все, чтобы поставить себя в смешное положение. Мой коллега согласился со мной, но вновь подчеркнул: он не несет никакой ответственности за эту акцию и не знает ее подоплеки.

Мне оставалось только поскорее избавиться от марок, чтобы не скомпрометировать нашу службу, и покончить с этим делом. Я дал указание переслать весь набор швейцарским торговцам почтовыми марками вместе с сопроводительным письмом, в котором шла речь о «коллекционных экземплярах неизвестного происхождения». В письме торговцам рекомендовалось пустить марки в продажу, а вырученные деньги, за вычетом положенных комиссионных, перевести в английское посольство в Берне на его счет, созданный для помощи сбитым английским летчикам, находящимся в немецком плену. С этим сопроводительным письмом я еще раз сопри-

коснулся позднее, когда сам попал в плен к англичанам.

Другим путем получения иностранной валюты, хотя и преступным, была подделка монет и банкнотов. Это преступление всегда считалось и считается очень серьезным, квалифицируется как злоумышленное, лица, имеющие о нем какие-либо сведения, должны сообщать об этом властям в обязательном порядке. Но именно таким путем (при явном нарушении соответствующего закона) вспомогательная техническая служба VI управления осуществила свой «коронный номер». Здесь проявилось то, что секретная служба легко становится государством в государстве, сама составляет для себя законы, имеет собственную мораль, тогда как отвечающее за ее деятельность правительство в проведении своей политики должно подчиняться общим моральным и правовым нормам. Указанная служба во время войны выпускала в большом количестве английские фунты стерлингов, которые выглядели настолько правдоподобно, что даже английский банк не мог отличить фальшивки от подлинников, причем уже когда война закончилась и тайна была раскрыта.

Идея выпуска крупных партий фальшивых английских банкнот в целях подрыва фунта стерлингов возникла в ответ на акцию англичан, которые после начала войны стали сбрасывать в Германии фальшивые промтоварные и продовольственные карточки. План разработал Гейдрих, а Гиммлер и Гитлер его одобрили. Примеры в этом отношении уже имелись. В 20-х годах была проведена крупнейшая акция по выпуску фальшивой иностранной валюты в Венгрии и Португалии.

Но и эти акции по выпуску фальшивых денег имели свои исторические аналоги. Во время войны за независимость в 1776 г. США выпускали английские деньги, чтобы лишить англичан возможности продолжать военные действия против Америки. Англичане долго не могли забыть эту акцию против них и использовали опыт США, начав после французской революции выпуск фальшивых денежных знаков и финансовых документов на французское имущество с принудительным курсом для валюты Франции. Цель была аналогичной — потопить французскую революцию в экономическом хаосе. Вскоре ассигнации настолько обесценились, что были изъяты из обращения. Однако попытками создания экономического хаоса обратить вспять французскую революцию не удалось. Зато Наполеон, используя прецедент, в 1812 г.

дал указание печатать английские, русские и австрийские банкноты, чтобы экономически поддержать свои войны.

Так что в истории имелось достаточно примеров, которыми Берлин мог воспользоваться в этом деле. Собственно, в самой Германии почти за 20 лет до упоминаемой акции изготовлялись фальшивые деньги по политическим соображениям. Грузинские эмигранты Садатирашвили и Карумидзе начали выпускать в Германии в огромных количествах советские червонцы. Они полагали, что таким путем смогут подорвать советскую валюту и вызвать государственное банкротство, а тем самым и переворот в Советском Союзе. Нужно сказать, что эта афера так и осталась до конца не раскрытой. Когда в августе 1927 г. во Франкфурте-на-Майне конфисковали 12 центнеров фальшивых червонцев в банкнотах, то тем самым было как будто скомпрометировано военное министерство рейха. В 1930 г. в Берлине начался судебный процесс по этому делу, но связанный с ним генерал Макс Гофман уже не мог выступить на нем свидетелем, потому что умер в 1928 г. Во всяком случае, дело было для кого-то настолько неприятным, что сообщения о нем в немецкой прессе всячески приглушались.

И вот теперь снова в Германии вознамерились подделывать заграничные деньги, а именно английские, достоинством от 1 до 100 фунтов стерлингов с уклоном в сторону банкнот более низкого достоинства. Организацию этой акции описал бывший сотрудник VI управления Вильгельм Хётль в своей книге «Операция Бернард», которую он опубликовал под псевдонимом Вальтер Хаген. Но полный и подлинный размах этого преступления очень живо отобразил писатель и график Петер Эдель в своих мемуарах «Когда на очереди — жизнь. Моя история».

«Подлинность» этих фальшивок была оплачена всей совокупностью преступлений, которые совершил при этом фашизм: от унижения человеческого достоинства, от использования ума и таланта людей для наглого обмана до крови и жизни заключенных концентрационных лагерей, которых отобрали для осуществления операции «Бернард». К ним принадлежал и Петер Эдель. Нам, кто не занимался практической организацией изготовления фальшивок, но знал об этом, сказали, что работа поручена квалифицированным уголовникам-профессио-

налам, что они будут трудиться в прекрасных условиях, в спокойной и безопасной обстановке.

На канцелярских делах операции «Бернард» налипла кровь, как, впрочем, и на других, которые я держал в руках. Но тогда мне не приходило в голову посмотреть, что за ними кроется. Помимо того что в условиях секретной службы это вообще было очень трудно сделать, главная причина заключалась в нашем отношении к самим себе как к маленьким винтикам в механизме, чьей обязанностью являлось выполнение своих функций и больше ничего. Только после войны в результате чтения соответствующей литературы мне стали ясны преступная подоплека, масштабы и последствия операций, о которых я более или менее знал, а в ряде из них и сам в какой-то степени участвовал.

В этой связи я должен еще раз вернуться к истории с д-ром Вернетом. «Успех» моей инициативы привел к тому, что пилюли с гормонами были испытаны на заключенных концлагерей. Об этом я также с ужасом узнал после войны и почувствовал себя соучастником преступления. Исправить что-либо было уже нельзя, но для меня еще не было поздно сделать все, чтобы эти преступления и способы их маскировки не повторились.

Избыток фальшивой английской валюты позволил, как известно, уплатить камердинеру посла Великобритании в Турции сэра Хью Нэтчбулл-Хьюгессена затребованную им сумму в 300 тыс. фунтов стерлингов за фотокопии секретных документов, которые посол держал в личном сейфе. Камердинер, по имени Эльяс Базна, когда был завербован VI управлением, получил псевдоним Цицерон. Очевидно, при выборе псевдонима надеялись, что его речи, так же как и его древнеримского тезки, который раскрыл заговор Катилины против республики, смогут предотвратить возможный неудачный исход операции. В 1945 г. след Цицерона затерялся, но позднее он объявился сам, наглядно доказав правильность оценки мотивов действий этого бывшего агента, данной его офицером-руководителем: голая жажда наживы. Но именно Цицерон дал мне возможность познакомиться с решениями Тегеранской конференции, которые стали очень важными для меня. В 50-е годы, когда организация Гелена еще не была немецким учреждением, а находилась на содержании у США, хотя уже готовилось ее вступление в ранг федеральной разведывательной службы, в ведомство канцлера в Бонне поступило письмо того

самого Цицерона — Эльяса Базны,— где он указывал на свои услуги и заслуги, оплаченные фальшивыми деньгами, и снова требовал возмещения — на этот раз в неподдельной валюте. Письмо по принадлежности переслали генералу Гелену, считавшему себя законным юридическим наследником адмирала Канариса, а свою организацию — преемником бывшего абвера.

Я сам видел это письмо на столе в кабинете Гелена и читал его. Но в данном случае Гелен уже не считал, что как наследник абвера он унаследовал и его обязательства. Поскольку Цицерон работал на внешнюю политическую разведку, у (будущей) федеральной разведывательной службы не имелось повода что-либо предпринимать. БНД, используя термин «юридический наследник» в своей аргументации, в то же время отрицала, что она переняла все виды деятельности и задачи внешней политической разведывательной службы Главного управления имперской безопасности.

Цицерон так и не получил ответа на свое прошение. Однако можно предположить, что он пустил в оборот 300 тыс. английских фунтов стерлингов еще до раскрытия после войны их происхождения и значительную часть этой суммы либо обратил в добротную звонкую монету, либо инвестировал в какое-нибудь предприятие.

В 1943—1944 гг. наше внимание привлекли события в Италии. Фашистский диктатор Муссолини был свергнут маршалом Бадольо, который понял бессмысленность войны и хотел с нею покончить. Из союзника Италия внезапно превратилась в ненадежного партнера, поскольку на ее армию уже нельзя было целиком положиться. Муссолини интернировали на одинокой вилле в горах в области Абруцци. Правда, он вскоре был освобожден группой «охотников» СС под командой Скорцени, любимца Гитлера. После этого Муссолини создал свое контрправительство против Бадольо, которое, однако, могло существовать только под покровительством Германии и не играло никакой роли.

Особенно потрясло Муссолини то, что от него отвернулся его собственный зять, граф Чиано. Это был фашист со стажем, он принимал участие в известном походе Муссолини на Рим в 1922 г. В 1936 г. дуче назначил его министром иностранных дел. Чиано женился на дочери Муссолини Эдде, стал одним из столпов его режима, входил в число основателей политической «оси» Берлин — Рим.

После своего отхода от Муссолини Чиано, естественно, стал объектом его мести.

Муссолини удалось схватить Чиано и устроить против него судебный процесс. В январе 1944 г. Чиано был приговорен к смертной казни и вскоре казнен, хотя его жена Эдда, поверив обещаниям гитлеровцев, надеялась, что до такого исхода дело не дойдет.

Эта казнь имела свою предысторию, за большей частью которой я непосредственно следил. После ареста Чиано во многих рефератах VI управления развернулась лихорадочная деятельность, так как стало известно, что имелись многочисленные копии его дневников, припрятанные в разных местах. В случае насильственной смерти Чиано они подлежали публикации, а этого как раз в Берлине хотели избежать любой ценой, поскольку было известно, что в них подвергались жесткой критике не только Муссолини и его фашистский режим, но доставалось и национал-социализму вместе с Гитлером. В дневниках раскрывалась личность бездарного министра иностранных дел рейха фон Риббентропа, совершенно недвусмысленно возлагалась ответственность на Гитлера за развязанную войну и ее ход, причем предрекалось поражение Германии. Такие документы не должны были попасть в чужие руки.

Уже имелось согласие Кальтенбруннера и Гиммлера на совершение сделки, где ценой освобождения Чиано из итальянской тюрьмы являлась выдача всех его дневников. И тут Гиммлер струсил. Он захотел заручиться еще и согласием Гитлера. Тот же подпал под влияние злейших врагов Чиано Геббельса и Риббентропа и 6 января 1944 г. категорически запретил проведение какой-либо акции по его освобождению.

9 января того же года в Вероне состоялся суд над Чиано. Главным пунктом обвинения выдвигалась попытка свержения дуче фашистским «большим советом» в июле 1943 г. Во время совещания суда для вынесения приговора жена бывшего министра Эдда Чиано сбежала. Чтобы скрыть конечный пункт своего побега, Эдда распространила слухи, что с помощью представителей каких-то испанских кругов она направилась в Испанию. На самом же деле она вместе со своими детьми перешла границу Швейцарии и попросила там убежища. Просьбу ее удовлетворили. Кроме того, для сохранения в тайне местопребывания Эдды ей было разрешено жить под фамилией Альба.

Перед побегом в Швейцарию дочь Муссолини написала три письма. Первое она адресовала командующему полиции и СД в Вероне генерал-майору Хастеру, второе — Гитлеру и третье — дуче, своему отцу. В этих письмах она пригрозила опубликовать дневники Чиано, если его не освободят. Но все было напрасно.

Вынесенный Чиано и его сторонникам 10 января 1944 г. смертный приговор после отклонения прошения о помиловании привели в исполнение утром следующего дня в Вероне. Генерал-майор Хастер присутствовал при этом и в протоколе о казни указал, что приговоренных привязали к стульям и расстреляли в спину. Такого конца этого дела мы в VI управлении не ожидали. Нам трудно было поверить, что Чиано и его жена, полагаясь на ставшие нам известными слова Гитлера о том, что они находятся под его защитой, добровольно отдали себя в руки своих преследователей. Все это оставляло скверное чувство; и у многих моих коллег значительно подорвало веру в фюрера. При всей антипатии к Чиано мы ему такой судьбы не желали.

Дневники Чиано действительно существовали и вскоре были частями опубликованы в швейцарских газетах. Конечно, гитлеровскому режиму это не могло понравиться, но все попытки как-то ликвидировать дневники окончились безуспешно. В 1948 г. они вышли отдельной книгой.

Итак, техническая вспомогательная служба нашего управления не только осуществляла радиосвязь и поставляла коротковолновые приемники, а также специальные конверты для курьерской почты, она изготовляла и другие необходимые в разведке средства. Эта служба снабжала нас симпатическими чернилами и пишущими принадлежностями для тайнописи, замаскированными фотоаппаратами, контейнерами для тайников (например, ботинки с пустым пространством в каблуках, портфели и чемоданы с двойным дном, секретными отделениями и полыми ручками).

В этой службе имелась также великолепно оборудованная мастерская по изготовлению фальшивых документов, подделывавшая практически любые паспорта и удостоверения. Там можно было, например, заказать и получить американские «рационные книжки», продовольственные карточки французских колониальных владе-

ний, английские удостоверения и документы любого рода, уругвайские паспорта, дипломатические паспорта всех стран мира, короче говоря, едва ли существовал такой документ, который там не могли бы сделать.

Когда в конце 1944 г. мне потребовался один документ, я пришел в эту лабораторию. Она находилась вблизи VI управления в большой вилле. Техник по изготовлению документов работал с помощью батареи чернильных бутылочек и связки различных перьев. Он настолько точно копировал самые сложные надписи и подписи, что нельзя было отличить подделку от подлинника. Этот человек пользовался признанием в нашей службе. Ему достаточно было пристально посмотреть на почерк, несколько раз воспроизвести его движением руки, и после нескольких письменных проб он совершенно точно фальсифицировал оригинал. В подвале виллы находился склад штемпелей и печатей. Когда я туда зашел, у меня разбежались глаза. В трех больших помещениях площадью примерно 150 квадратных метров одна к другой стояли полки с печатями и штемпелями. Они занимали все пространство помещения от пола до потолка и были сгруппированы по странам. Здесь можно было найти печати крупных бразильских городов и штамп небольшой больницы в Туркмении. Здесь же, естественно, хранились паспортные печати и транзитные штемпеля всех стран мира. В приложенных инструкциях указывалось, в каком месте ставится печать или штемпель, какого цвета должна быть мастика, как оформляются проездные документы, например ставится ли виза в паспорт или на отдельный, прилагаемый к паспорту листок, и т. д. На мой вопрос, сколько же здесь хранится печатей и штемпелей, шеф по фальшивкам ответил, что этого никто не знает. Они сами давно сбились со счета после 40 тыс. Может быть, сейчас их около 100 тыс., но это просто невозможно проконтролировать, поскольку все время поступают новые.

Я узнал также, что техническая вспомогательная служба имела типографию с современным оборудованием и даже собственную фабрику для изготовления специальных видов бумаги, обе находились в концентрационном лагере Заксенхаузен. И здесь мне не пришло в голову поглубже поинтересоваться этим делом, так что я по-прежнему не имел представления о творимых в концлагерях жестокостях.

Конечно, изготовление фальшивых банкнот и паспортов было лишь побочным делом, предназначенным способствовать выполнению главной задачи. Таковая состояла в первую очередь в получении информации о международной обстановке, чтобы оказывать своему правительству решающую помощь в выработке необходимой позиции. В задачи секретной службы входила также постоянная добыча информации о положении в других странах и позиции их правительств. Вся эта информация должна была беспрерывно поступать в компетентные учреждения. Наиболее значительная информация направлялась Гиммлеру, доводившему ее до сведения Гитлера. Много информации шло в министерство иностранных дел. Здесь надо отметить, что как это часто имело место в верхнем эшелоне национал-социалистской иерархии, Гиммлер, которому подчинялась внешняя политическая разведка, испытывал чувство вражды к министру иностранных дел. Риббентроп отвечал ему тем же. Так что сотрудники обеих служб, которым в конце концов приходилось расхлебывать все то, что заваривалось «наверху», с полным правом применяли к этим обоюдным вылазкам выражение «национал-социалистские боевые игры». Это выражение применялось тогда к подобным междоусобицам на всех уровнях. Однако мы не выражали особого недовольства, если сведения МИДа противоречили сообщениям разведывательной службы. Это помогало лучше оценить собственный источник, а то и разоблачить агента-дезинформатора.

Куда идешь, германский рейх?

6 июня 1944 г. англо-американские войска высадились в Нормандии и, таким образом, открыли второй фронт в Западной Европе. Германия была окончательно зажата в стальные тиски союзников.

Многие сотрудники, которые, так же как и я, знали точно обстановку на фронтах, встретили открытие второго фронта с облегчением, они хотели, чтобы западные союзники быстрее продвигались вперед, поскольку не испытывали желания «попасть в руки к русским». Я страха не испытывал, потому что еще со школьних времен мне был чужд воинствующий антикоммунизм.

Меня прежде всего занимал вопрос: что будет дальше с Германией? Что произойдет, если сомкнутся стальные тиски? Останется ли в Германии еще воздух для дыхания? Дадут ли победители нам возможность начать все заново, учитывая те преступления, которые совершались от имени всех немцев?

Какую же пользу приносили сведения об общей обстановке, многочисленные отдельные доклады, которые VI управление поставляло правительству рейха в качестве «решающей помощи»? Кому они были нужны? Вся эта работа фактически потеряла смысл. И тем не менее все сообщения о военной и политической обстановке, которые мы получали, накапливались и обобщались в форме справок или докладов. Особенно важными считались сведения из дипломатических кругов, они немедленно передавались для правительства. Среди них, в частности, находилась информация от одного источника, беседовавшего с английским послом в Испании. Речь шла о военной обстановке в мире, в том числе о позиции шведского правительства. Швеция продолжала соблюдать нейтралитет, что соответствовало и нынешним, и будущим интересам Германии.

Нам удалось также добыть ключ к расшифровке радиопереговоров американского посольства в Швейцарии с государственным департаментом. В результате мы получили важные сведения о состоянии информационной работы американцев. Для нас, конечно, представляло интерес, что американский посол в Берне считал необходимым сообщить государственному департаменту.

Однако мы с разочарованием вынуждены были констатировать, что все эти сводки об обстановке, доклады и отдельные сообщения мало что давали, насколько мы, оперативные работники, могли об этом судить. Когда поступали тревожные сведения, то руководство — Гиммлер, Риббентроп, Гитлер — просто не хотело им верить и не принимало их всерьез. Верило только тому, что вписывалось в его собственную, заранее составленную картину. Информация, идущая вразрез с ней, отбрасывалась как фальшивая, как дезинформация врага.

Слабое утешение давало нам и то, что в вермахте положение вещей мало чем отличалось от нашего. В конце концов, никому не хотелось передавать неверные или неполные сообщения об обстановке. Каждый стремился быть объективным, но, конечно, не мог затормозить скатывание в пропасть, которое все убыстрялось.

Абвер точно знал военную обстановку, однако и он наталкивался на полное отсутствие внимания со стороны политического и военного руководства, которое почти до последнего момента цеплялось за иллюзии окончательной победы в войне. В свете этого факта нас не удивило то, что в кругах абвера развилось сильное, по крайней мере, моральное движение сопротивления Гитлеру и его приспешникам, которое после покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. было раскрыто и потоплено в крови.

Есть события в жизни, которые сильнее, чем обычно, заставляют человека задуматься. Для меня таким событием явилось покушение на Гитлера. В то время меня занимал вопрос: что двигало этими людьми, что заставило их прибегнуть к самому крайнему средству? Насколько я видел, мотив заключался в понимании ими неизбежности поражения Германии, в то время как нацистское руководство все же продолжало войну, вызывая каждый день огромные жертвы и толкая Германию к тотальному уничтожению. С какой же целью еще велась эта война? Ответ мог быть только один: Германией правили преступники, бездумно жертвовавшие интересами нации ради своей жажды власти. Выход был также только один, а именно быстрейшее окончание кровопролития.

Каким же представляли себе будущее отечества люди, участвовавшие в событиях 20 июля? Поскольку мне было приказано присутствовать на одном из заседаний процесса по делу участников сопротивления в так называемом «народном суде», я смог получить представление о политических идеалах заговорщиков и одновременно о методах обращения режима со своими противниками.

Меня глубоко потрясло то, каким самым оскорбительным для человеческого достоинства образом действовал тогдашний председатель «народного суда» Роланд Фрайслер, кровавый судья в полном смысле слова, каким унизительным оскорблениям, издевательствам и насмешкам подвергал он обвиняемых.

Итак, заговорщики хотели освободить Германию от Гитлера. Это я понимал. Но я не видел тогда, что должно наступить после Гитлера. Сопротивление потерпело крах, потому что оно не создало никакой приемлемой альтернативы нацистскому курсу. Гитлер видел в Советском Союзе главного врага, но и большинство участников событий 20 июля думали так же, ведь они хотели покон-

чить с войной на Западе, чтобы продолжать ее на Востоке. К тому же между ними не было единства.

Такие личности, как граф Клаус Шенк фон Штауфенберг, в отличие от участников событий 20 июля, поняли, что Германию можно вывести из катастрофического положения только в том случае, если вообще война будет немедленно закончена и начнется построение нового государства совместно с демократическими силами. Но они — с их политическими взглядами, с их прямодушным характером и личным мужеством — были всего лишь исключением.

Хотя я и симпатизировал участникам событий 20 июля, они все же не смогли ответить на вопрос, какой должна стать будущая Германия. Ответ на этот вопрос мне приходилось искать самому, тем более что я тогда понятия не имел о разработанной Компартией Германии альтернативе нацистской диктатуре. КПГ была единственной политической силой с такой программой. Работа в VI управлении во многом облегчала мои поиски. Например, мне приходилось внимательно следить за действиями государств антигитлеровской коалиции, причем я старался уяснить себе их цели.

Как известно, в Тегеране проявились разногласия между США и Великобританией, с одной стороны, и СССР — с другой, относительно будущего Германии. В то время как Рузвельт и Черчилль выступали за раздел Германии, Советский Союз стоял за создание неделимого, миролюбивого и демократического немецкого государства. Эти разногласия, которые я вначале рассматривал как просто ссору между союзниками, приобрели совсем другой смысл в процессе моих интенсивных поисков выхода. О намерениях американцев у меня имелась информация из первых рук: через мой реферат предпринимались попытки установления в Швейцарии контактов с американцами. Нам удалось подвести к Аллену Даллесу своего агента. Даллес, ставший позднее главой ЦРУ, находился тогда в Швейцарии в качестве специального уполномоченного президента США и главного резидента американской секретной службы. Агент, проходивший у нас под псевдонимом Габриэль, был молодой немец, который для маскировки выдавал себя за человека, оппозиционно настроенного по отношению к нацистскому режиму, но нерешительного по характеру. В своем донесении от 30 апреля 1943 г. он, в частности, отмечал: «Бывший рейхсканцлер Вирт сообщил мне,

что он имел беседы со специальным уполномоченным президента Рузвельта, в ходе которых и рассказал ему обо мне. Специальный уполномоченный Даллес готов пригласить меня на встречу, если я изъявлю готовность восстановить связь, например, с теми кругами сопротивления в Германии, которые располагают доверием Вирта или его окружения. Я выразил такое согласие, и мы встретились с мистером Даллесом, который вначале попросил меня дать ему справку об общей ситуации».

Далее в донесении Габриэля говорилось о том, как Даллес прогнозировал будущее политическое развитие в мире и в Германии: «Он высказал мысль, что следующая мировая война произойдет, конечно, в результате столкновения между двумя самыми могущественными государствами — США и Советским Союзом. Поэтому его в особенности интересовало, насколько крах Германии способен привести к возникновению немецкого государства Советов. Кроме того, Даллес пытался получить информацию о нигилистических и анархистских настроениях среди немецкого бюргерства и особенно среди немецких рабочих.

М-р Д. сказал, что, по мнению американцев, с Южной Германией после поражения в войне будут обращаться намного лучше, чем с Пруссией... а знаменитая линия по реке Майн должна быть и духовной границей. Он упомянул, что в своих сообщениях в Вашингтон он постоянно проводит мысль о необходимости быстрой высадки воздушно-десантных войск союзников в Германии после ее поражения в войне. Как он себе представляет, таким образом можно избежать политической радикализации, прежде всего в городах... М-р Д. высказал мнение, что в этом году будет все больше сокращаться сфера власти Гитлера и генералитет начнет вести войну самостоятельно. С его точки зрения, это психологически важный момент, заключающий в себе возможности переговоров. Принятое в Касабланке решение о том, чтобы не идти на какие-либо переговоры и ждать безусловной капитуляции, представляет, конечно, ценность как, например, средство давления, но он готов в любое время предпринять в Вашингтоне шаги с целью начать переговоры с такой оппозицией в Германии, которую действительно можно принимать всерьез. Уже сам факт переговоров может дать этой оппозиции такой импульс и привести к таким далеко идущим последствиям, что их трудно предвидеть».

Даллес проявлял настойчивое внимание к получению соответствующих «заверений и сведений от всех тех лиц, которые смогут сыграть какую-то роль в будущем становлении Германии». Габриэлю он назвал генерал-полковников Людвига Бека и Франца Хальдера, бывших начальников генерального штаба сухопутных сил, а также барона Эрнста фон Вайцзеккера, статс-секретаря министерства иностранных дел рейха. Кроме того, Даллес упоминал о беседах, которые он имел с Отто Брауном, бывшим премьер-министром Пруссии, социал-демократом, эмигрировавшим в Швейцарию.

У нас имелось много возможностей в ходе пространных бесед Даллеса с Габриэлем задавать через последнего провокационные вопросы и заводить беседу на интересующие нас темы. В своей книге «Операция «Санрайз» («Операция «Восход солнца») Даллес описывает переговоры, которые он вел в Швейцарии весной 1945 г. с шефом СС и полиции в Италии генералом Вольфом. Как упоминается в этой книге, шеф охранной полиции и СД Кальтенбруннер на одном из совещаний в Берлине обвинил Вольфа в утечке информации о результатах переговоров, проходивших в обстановке секретности.

Даллес пишет: «...среди тех, кто знал об операции «Санрайз», очевидно, находился предатель, иначе Кальтенбруннер не мог бы знать так много...» Но никакого предателя среди немногочисленных участников переговоров не было. Всему виной оказалась болтливость Даллеса, который с гордостью рассказывал своему подопечному, то есть нашему агенту Габриэлю, даже о деталях проходивших переговоров, чтобы показать в должном свете свою деятельность и работу управления стратегических служб, предшественника ЦРУ.

Упомянутые переговоры подготовили Шелленберг и начальники групп по Западной Европе и США Штаймле и Пефген при участии начальника технической службы Дёрнера. Особенно полезным при этом было то, что специалисты технической службы уже давно расшифровали радиокод дипломатических представительств США и Великобритании в Швейцарии, а частично и резидентур их секретных служб в этой стране, так что мы не зависели только от донесений действовавших в Швейцарии агентов СД. В VI управлении имелось достаточно четкое представление о том, каких встречных шагов хотели от нацистов западные державы в сепаратных переговорах о перемирии, какие противоречия в англо-амери-

канских отношениях можно было при этом использовать и т. д.

Как сообщал Габриэль в уже упоминавшемся донесении от апреля 1943 г., Даллес весьма возмущался тем, что тогдашнее правительство США все время расширяло «черный список» подлежащих эмбарго швейцарских фирм, имевших деловые связи с Германией. В донесении говорилось: «Упомянув об отсутствии договорных отношений между Германией и Швейцарией, Даллес не исключил возможность того, что вся Швейцария войдет в «черный список». В Вашингтоне подумывают об этом, сам он, основываясь на более точных сведениях о поставках из Швейцарии в Германию, против того, чтобы прибегать в данном вопросе к радикальным мерам. При этом он критиковал американское консульство в Цюрихе за проявляемую им резкость, часто уже по одному доносу оно вносит в список серьезных швейцарских деловых людей». Тем самым Даллес зарекомендовал себя как представитель интересов тех кланов американского империализма, которые через посредство «серьезных швейцарских деловых людей» наживались на торговле с враждебной Германией. Более того, резидент управления стратегических служб преследовал также военные и политические цели, которые соответствовали антисоветским и антикоммунистическим «пожеланиям о сотрудничестве» самых реакционных сил международного монополистического капитала.

Сообщения нашего агента Габриэля с течением времени приобретали все большее значение. Когда поступала курьерская почта из Швейцарии, я прежде всего смотрел по сопроводительному списку, есть ли там «сообщение Фостера». В самом начале у нас перепутали Аллена Даллеса с его братом Джоном Фостером Даллесом, и с тех пор сообщения о беседах с Алленом шли под названием «сообщения Фостера». Если такое сообщение поступало, то я немедленно, еще до просмотра остальной почты, докладывал о нем начальнику управления Шелленбергу для дальнейшей передачи Кальтенбруннеру и Гиммлеру. Мой непосредственный начальник, руководитель группы по Западной Европе, получал для сведения только копию этого сообщения. Такая процедура была необычной для рутинного прохождения информационных сообщений и применялась в силу срочности информации. Дело в том, что Шелленберг сам

имел ряд связей, которые также занимались созданием возможностей для установления контактов и ведения переговоров о сепаратном мире с противниками Германии. Поэтому ему было необходимо знать, что происходит в других сферах, и, кроме того, обеспечивать безопасность своих связей.

Контакт с Даллесом поддерживал не только Габриэль, были и другие немцы, донесения которых ложились на стол секретной службы. К ним принадлежали, например, некто г-н Бауэр и некто г-н Паульс, которые в течение 1943 г. неоднократно встречались с Даллесом и другим американцем по имени Тайрон Тэйлор и обсуждали с ними политическую ситуацию. Тайрон Тэйлор, американский посол по особым поручениям и личный представитель Рузвельта при Ватикане, попал в наше поле зрения в конце 1942 г., когда он выступал с предложениями к Италии о заключении сепаратного мира, чтобы побудить эту страну выйти из состава участников так называемой «оси» Берлин — Рим.

Бауэр и Паульс в своих донесениях намного полнее обрисовали политические проблемы, чем Габриэль, который и не мог сделать что-то большее. Они были торговцами с международным опытом, и их нечему было учить, в то время как молодого Габриэля Даллес считал поддающимся влиянию.

Одно из донесений Бауэра и Паульса о беседах с Даллесом и Тэйлором в первом квартале 1943 г. ясно показывало, какую позицию еще во время войны занимал Даллес по отношению к Советскому Союзу — союзнику США. В донесении, в частности, говорилось: «Проблема мирного или военного окончания конфликта между Германией и Россией являлась, по-видимому, главной заботой американцев. В первую очередь германо-советское примирение полностью спутало бы все американские расчеты...»

Эта и другие приводившиеся здесь цитаты не нуждаются в комментариях. Пусть читатель сам сделает выводы о политических амбициях американцев и их отношении во время войны и после нее к Советскому Союзу, их партнеру по коалиции. Одновременно не составит труда понять, что США уже тогда отводили «маленькой нейтральной Швейцарии» важную роль в своих тайных антисоветских интригах. Расчеты американцев строились на том, чтобы, с одной стороны, исключить Германию из числа своих конкурентов, а с

другой — использовать ее для разгрома Советского Союза в новой войне.

Когда я в 60-х годах, во время моего заключения в тюрьме Штраубинг, встретил эсэсовского генерала Вольфа, то спросил его, чем он руководствовался, вступив с Даллесом в переговоры о частичной капитуляции. Его ответ в высшей степени показателен: «Я хотел сохранить жизнь немецким солдатам, так как знал, что они еще понадобятся, и, как вы видите сегодня, я был прав». Для борьбы с кем могут понадобиться немецкие солдаты, было ясно. Именно это и связывало его с Даллесом.

Такими и другими подобными действиями США пытались обмануть Советский Союз, нарушая достигнутые с ним договоренности. Советское правительство было информировано об этих действиях, поэтому Сталин и поставил перед Рузвельтом соответствующие вопросы, потребовав прекращения противоречащих согласованным обязательствам маневров.

Даже анархизм был включен в набор инструментов, которые США намеревались применить, чтобы содействовать такому развитию событий в послевоенной Германии, которое было бы направлено против Советского Союза. Чем иначе можно объяснить интерес Даллеса к «нигилистическим и анархистским настроениям в немецком бюргерстве и прежде всего в немецком рабочем классе», о чем сообщал Габриэль? Многочисленные попытки переложить на Советский Союз, на коммунистические партии ответственность за терроризм показывают, что традиционная практика действий реакционных сил в этом направлении не прекратилась и сегодня.

Уяснив политические амбиции американцев, я попытался составить представление о намерениях Советского Союза. Позиция Сталина в Тегеране была мне известна, однако понять ее оказалось не так-то просто. Ведь именно Германия вероломно начала войну, причинила Советскому Союзу страшные потери. Какой же интерес мог проявлять Советский Союз к сильной, единой Германии?

Размышляя, я пришел к выводу, что речь идет не просто о единой и сильной Германии, а совсем о другой, не такой, как сейчас,— о миролюбивой Германии. И именно здесь, по-видимому, расходились пути мышления в Вашингтоне и Москве. Американцы надеялись сделать Германию экономически и политически зависимой от них. Они делали ставку на будущую войну с Советским

Союзом. Какие же возможности открывались перед Германией в таких обстоятельствах? Разве не существовала новая опасность ее участия в еще одной войне против Советского Союза, на этот раз в качестве младшего партнера США?

Как раз в этом и не был заинтересован Советский Союз. Он выступал за Германию, которая в основу своего существования положила бы идею дружбы народов и борьбы против национализма.

Какого-либо разъяснительного материала разведывательного характера на эту тему у меня не имелось. Мой реферат ничего не мог предложить в этом плане. Но существовали другие, еще более весомые факты, которые я начал целенаправленно анализировать, основываясь на присущих мне тогда позициях.

Утверждения пропаганды Геббельса, что русские сами намеревались напасть на Германию, что Гитлер оказался вынужденным в качестве «превентивной меры» ввести вермахт в действия против России, были явной ложью. Позже, когда вермахт оккупировал западную часть СССР, несмотря на все старания, не удалось обнаружить следов подготовки России к нападению на Германию. Надо ли говорить о том, что Советский Союз не имел здесь экономической заинтересованности. Упомянутая версия Геббельса не нашла никаких подтверждений. Эта ложь была настолько беспардонной, что сам автор счел невыгодным использовать ее в дальнейшем. Таким образом, поджигателем войны Советский Союз не был.

Какие же цели в действительности преследовали Гитлер и его последователи? Это уже следующий вопрос, который встал передо мной. Я знал тезис о «жизненном пространстве на Востоке», но его последствия тогда мне были неясны. Теперь же, под предлогом разведывательной необходимости, я получил до этого неизвестные мне документы, из которых узнал, что физическое уничтожение миллионов русских, украинцев, белорусов и других «неполноценных в расовом отношении» народов СССР входило не только в расчеты нацистского руководства, но и в непосредственные планы генерального штаба и что при этом войска СС играли особенно преступную роль.

Каждого, кто мог правильно истолковать язык фашистов, он возмущал до глубины души. Но это было не так-то просто. Сегодня, например, мы знаем, что слова «окон-

чательное решение еврейского вопроса» означали массовое физическое уничтожение евреев. Тогда же нам втолковывали, что речь идет об их переселении, чтобы разместить эту «с расовой точки зрения нежелательную группу» на обособленном жизненном пространстве где-то на Востоке. Распространялся даже слух, что ведутся переговоры о размещении евреев на острове Занзибар и создании там для них собственного государства.

Но в отношении Советского Союза отдавались совершенно недвусмысленные распоряжения.

Бесчеловечность фашизма характеризовали, в частности, «директивы по обращению с политическими комиссарами» верховного командования вермахта от 6 июля 1941 г., в которых содержалось требование убивать всех политработников Советской Армии. Генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель 16 декабря 1942 г. подписал приказ верховного командования вермахта, в котором говорилось: «Войска имеют право и обязаны применять в этой войне любые средства без ограничения, в том числе против женщин и детей, если это ведет к успеху».

Мое состояние было настолько удрученным, что я не берусь сегодня его описывать, поэтому пусть говорят факты... В специальных директивах главного командования сухопутных сил, изданных накануне нападения на СССР в соответствии с «планом Барбаросса», особо подчеркивалось, что война на Востоке должна вестись безжалостно и общепринятые нормы гуманности по отношению к раненым и военнопленным противника, а также к мирному населению могут не соблюдаться.

Эти варварские установки определяли действия главного командования, войск СС и полиции в ходе всей войны против Советского Союза. Хотя и медленно, но я стал понимать, что все это являлось логичным следствием политики, начало которой положило вероломное нападение 22 июня 1941 г.

Превосходство Советского Союза заключалось не в огромных размерах его территории, а в его морали. Поэтому его руководители говорили не просто о Германии, а о фашистской Германии, то есть не ставили знак равенства между немецким народом и немецким фашизмом или Гитлером. Известны слова Сталина о том, что было бы неверно ставить на одну доску клику Гитлера с немецким народом, с немецким государством. Опыт германской истории подтверждает, что гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ, государство не-

мецкое остается. Эти слова Сталина стали известны мне только после войны. В военное время они до меня дойти не могли.

Верный этому принципу, СССР хотел создания единого, миролюбивого, демократического немецкого государства. Таким образом, это была не преходящая, временная тактическая линия, а стратегия Советского Союза, которой он следовал с самого начала. В соответствии с этим принципом он и вел навязанную ему войну. Эта война не преследовала цель отплатить немцам той же монетой. Поэтому предложения нашим войскам о капитуляции были не признаком слабости, как это постоянно пытались внушить немецкому народу, а выражением силы и морального превосходства Советского Союза над фашистской Германией.

Так выглядел концентрат моих размышлений, ход которым дали события 20 июля 1944 г. Эти размышления, однако, тогда не привели меня к каким-либо практическим действиям, кроме принятого решения добиваться перевода на другую работу. Необходимо некоторое мужество, чтобы спрыгнуть на ходу поезда, если даже ты этого и хочешь. Я не смог этого сделать. Но я приобрел совершенно новую точку опоры в моих взглядах, с высоты которой я мог теперь расценивать события.

Оглядываясь на те бурные и наполненные конфликтами дни после высадки союзников в Нормандии и покушения на Гитлера, я должен сказать, что тогда в моих мыслях впервые возник Советский Союз в качестве выхода, в качестве реальной альтернативы.

Однако вернемся во вторую половину 1944 г. Должен признаться, что, несмотря на мое хорошее знание внешнеполитического положения, я в политическом плане мыслил весьма наивно и во многом руководствовался моими собственными ощущениями. Относительная самостоятельность в моей работе содействовала последнему.

В 1943 г. мой отец рассказал мне, что, как он слышал в церковных кругах, в Германии неизлечимых душевнобольных не только стерилизовали, но и убивали. Тогда я над ним посмеялся, будучи убежденным, что все это дело рук вражеской пропаганды. То же самое я подумал, когда до меня дошли слухи об уничтожении евреев. Мне казалось, что это не может быть правдой хотя бы потому, что в Германии существовала очень большая потребность в рабочей силе. Зачем нужно было убивать работоспособных людей? Но когда я стал получать

подтверждения этим слухам из самых разных источников, причем достаточно достоверных, я уже не открещивался от них, я пришел в ужас. Я не имел представления о действительных размерах тех гнусных преступлений, которые были полностью раскрыты только после войны. Если иногда и возникали слухи об ужасающих жестокостях, то во мне все противилось тому, чтобы верить им. Это просто не увязывалось с нашими высокими целями. Как и многие другие, я отмахивался от таких слухов и внушал себе, что все это не иначе как вражеская пропаганда. Если же распространявшиеся только в самом узком кругу близких коллег сведения казались правдоподобными, то я прибегал к успокаивающей мысли, что уж я-то с этим ничего общего не имею. Однако первоначальное восторженное впечатление от разведывательной работы, от добытой информации и ее использования постепенно уступало место осознанию того, что счет за все это будет предъявлен всему немецкому народу, и особенно людям, носившим такую же форменную одежду, как и активно действовавшие преступники.

Когда в послевоенное время, изучая протокол Нюрнбергского процесса над военными преступниками, я попытался представить себе чудовищные масштабы преступлений фашистов, вывод мог быть только один: это никогда, ни при каких обстоятельствах не должно повториться! Я хотел, я чувствовал себя обязанным активно содействовать этому. Но каким образом?

После того как мне стало ясно, что Гитлер и его клика ведут германский рейх и немецкий народ к гибели, надо было что-то сделать, чтобы не участвовать в дальнейшем уничтожении Германии. По моей собственной и добросовестной оценке, большими возможностями для этого я не располагал. Самым лучшим я счел сначала уйти из Главного управления имперской безопасности, добиться моего перевода, а там видно будет. Мне просто не хотелось продолжать сидеть в центральном аппарате, в то время как повозка катилась к пропасти и с каждым днем все быстрее. Внешним поводом могло послужить то, что ожидалось слияние управления «Миль» (управление заграничной контрразведки вермахта) под началом полковника Ханзена и VI управления, в результате чего предполагалось и объединение обоих рефератов по Швейцарии. Как уже говорилось, управление «Миль», несмотря на слово «контрразведка» в его незашифрованном названии, занималось военным шпионажем.

Начальники групп VI управления один за другим становились одновременно начальниками соответствующих отделов управления «Миль». Моим напарником там являлся оберлейтенант Хоман, по гражданской профессии — помощник адвоката. Как я полагал, было бы нетрудно в связи с предстоящим слиянием двух параллельных управлений объединить оба реферата под началом Хомана. Но прежде чем пойти к моему начальнику группы с этим предложением, мне следовало подыскать себе подходящее место.

Здесь опять-таки пришел на помощь случай. Однажды осенью 1944 г. я поехал, как это часто бывало, на выходные дни из Берлина в Дрезден воинским поездом. Моими попутчиками в купе оказались капитан медицинской службы и полковник, с которым я вскоре разговорился, поскольку он тоже ехал в Дрезден. Как выяснилось, он являлся начальником тайной полиции вермахта и фамилия его — Крихбаум. Одновременно он имел звания полковника полиции и оберфюрера СС, а до войны был инспектором пограничной полиции в Дрездене. У нас оказались общие знакомые, и между нами завязалась оживленная беседа, в ходе которой я старался выяснить, что такое тайная военная полиция, каковы ее задачи, в чем выражается ее сотрудничество с другими полицейскими органами. Крихбаума также интересовал мой жизненный путь. Скоро он понял, что меня волновало, то есть что я ищу новое место работы. Он предложил мне перейти в тайную военную полицию, поскольку там не хватало молодых кадров со специальной подготовкой. Конечно, он не мог мне помочь уйти с моей нынешней должности, но, как только мне это удастся, мог бы в любое время взять меня к себе. Это предложение мне подходило. Мы договорились о связи в дальнейшем в надежде, что скоро установим тесный служебный контакт. О том, что это произойдет только пять лет спустя после войны, мы, конечно, не могли знать.

После возвращения из Дрездена я доложил начальнику группы о моем разговоре с полковником Крихбаумом и предложил объединить оба швейцарских реферата под руководством оберлейтенанта Хомана, чтобы содействовать на уровне рефератов слиянию двух управлений. Тогда он получил бы возможность освободить меня для службы в вермахте. Начальник группы не мог не согласиться с моими аргументами и тем доводом, что

масштабы разведывательной работы в Швейцарии становились все более ограниченными и поэтому не требовалось большого руководящего аппарата. Но он не проявил готовности полностью вывести меня из сферы деятельности внешней политической разведки и даже своей группы. Окончательное решение этого вопроса он отложил на будущее. Не желая терять время, а шансы на переход в вермахт казались мне небольшими, я восстановил связи с войсками СС, чтобы хоть таким путем попытаться уйти из РСХА. Конец войны приближался гигантскими шагами, так что наступало самое время покинуть мой старый письменный стол.

Я испытывал смятение, размышляя о политической ситуации и о будущем. Война проиграна. Надо на что-то решаться, принимать чью-то сторону, но чью? То, что такое решение требовалось от каждого в отдельности, было ясно. Но каким должно быть это решение?

Наш политический путь был неправильным. Нас, молодых людей, повели по порочному пути. Но рядом не оказалось никого, кто бы открыл нам глаза. Теперь, после горького опыта пяти лет войны, я наконец начал кое-что понимать.

Одно было ясно: национал-социализм мертв. Своими надменными претензиями на господство он принес неисчислимые страдания не только немецкому народу. Преследования евреев, милитаристская и шовинистическая политика, идеология господствующей расы — все это составляло тот конгломерат влияния и воздействия, которому подверглись мы, молодые люди, а в результате миллионы людей должны были пожертвовать своим счастьем и жизнью.

К чему приводить все то, что теперь отчетливо оформилось в сознании, а тогда еще требовало своего решения. Обстановка складывалась такой, что простым переключением стрелки ничего решить было нельзя. Стоял вопрос, как быть дальше.

Твердым оставалось лишь одно: германский рейх идет ко дну. Существуют две концепции будущего Германии. На одной стороне — американская, на другой — советская. Сегодня кажется само собой разумеющимся, в пользу какой стороны следовало принять решение. Тогда же надо было еще освободиться от тяжелого балласта и многое продумать.

В декабре 1944 г. меня вызвал начальник группы, чтобы сообщить, что мою просьбу об уходе из СС в вер-

махт он отклоняет. С учетом моей деятельности до настоящего момента, не могло быть и речи о моей службе в войсковых частях. Он с пониманием относится к моей просьбе об использовании меня в армии, но никого из своего персонала освободить сейчас от работы не может, поскольку и так существует и будет существовать нехватка профессиональных кадров. Он сделал мне компромиссное предложение. По линии его группы по Западной Европе есть работа в Нидерландах. Начальник дал мне прочитать телеграмму, из которой явствовало, что в Нидерландах имеется возможность забросить группу фламандских и голландских добровольцев в пределах роты через линию фронта в тыл противника с целью шпионажа и саботажа. Для этого необходим опытный в разведывательном отношении офицер. Правда, листок с телеграммой был изрядно потрепан, но главная суть ее казалась понятной. На вопрос, не хочу ли я взять на себя эту задачу, мог быть только один ответ — «да». Мне хотелось уйти из управления и выбраться из Берлина. Я не стал задавать вопросы о деталях и проблемах компетенции. Собственно, такая задача больше подходила для групп охотников Скорцени. Но, как я считал, прежде всего надо выбраться отсюда, а все остальное приложится. Я заказал в штаб-квартире подразделений охотников во Фридентале, около Берлина, необходимое снаряжение, которое мне потребуется в Нидерландах, то есть маскировочную одежду, английское оружие, в том числе автомат, боеприпасы, концентрированные продукты,— короче говоря, все, чего не имелось в войсках.

Итак, в 1944 г. на рождество я выехал в Нидерланды, чтобы разыскать добровольцев, которых мне следовало переправить через зону боев в Бисбош. На второй день праздников я доложил о своем прибытии шефу полиции и СД в оккупированных голландских областях бригадефюреру СС, генерал-майору полиции Шёнгарту. Раньше он был инспектором охранной полиции и СД в Дрездене, а в конце войны против Польши служил командующим охранной полицией в Кракове. На короткое время его разжаловали и направили солдатом в штрафную роту. Однако вскоре он получил обратно все чины, должности и титулы.

Теперь Шёнгарт стал моим шефом. Сидя в удобном кожаном кресле с наполовину пустой бутылкой коньяка перед собой, он со скукой смотрел на меня, пока я по

всей форме рапортовал о своем прибытии. По-видимому, его это мало интересовало. Он заставил меня некоторое время постоять, а затем протянул мне бутылку: «Ну-ка, покажи, что ты за парень». Я сразу понял, какие «аргументы и рекомендации» от меня требуются в данный момент, и залпом выпил то, что оставалось в бутылке. Мои опасения относительно собственного дальнейшего состояния оказались, слава богу, необоснованными. Шёнгарт не спускал с меня глаз. После того как я поставил бутылку на стол, он встал и показал на кресло справа от себя: «С тобой все в порядке, можешь садиться».

Из последовавшего разговора выяснилось, что разорванный бланк телеграммы явился причиной недоразумения. В Берлин из Нидерландов хотели сообщить, что имеются возможности для переправки добровольцев. Однако нужно еще подобрать этих добровольцев и дать им руководителя. А в Берлине поняли, что все уже налажено и требуется только руководитель. Я позвонил в Берлин и на мой вопрос, что делать, получил указание оставаться на месте и совершенствовать свои знания местности и языка. Через три недели мне надлежало прибыть в Берлин для доклада. Однако и через три недели ничего не изменилось. Я опять получил указание оставаться на месте, оказывать помощь моему сослуживцу в развертывании радиосети на случай эвакуации и ждать дальнейших указаний.

Моим новым местом службы был VI отдел, то есть периферийная точка VI управления, во главе с гауптштурмфюрером СС [1] Аренсом. Здесь я узнал об одном происшествии, которое характеризовало Шёнгарта и заинтересовало меня. Однажды ему доложили, что вблизи сбит английский самолет, а летчик выпрыгнул с парашютом. Когда летчика доставили к бригадефюреру, тот, недолго думая, велел его повесить. Это больше, чем любые слова, говорило о полном моральном падении этого генерала. 31 мая 1945 г. Шёнгарт был предан англичанами военному суду и расстрелян.

Жизненная позиция и поведение этого Шёнгарта, а также его быстрая смерть после пленения тогда очень занимали мои мысли. Что касалось обвинения, предъявленного Шёнгарту, то мне себя здесь упрекнуть было не в чем. Это признали и англичане и голландцы, многие

[1] Соответственно капитан.— *Прим. перев.*

из которых считали, что все мы являемся маленькими шёнгартами. Но об этом позднее. Сейчас мне было ясно одно: такие типы, как этот Шёнгарт, не должны получить ни малейшей власти. Я считал достойной целью бороться за это в будущем.

Вскоре после прибытия в Нидерланды я был потрясен событием, которое заставило меня продолжить обдумывание своей выработанной после 20 июля 1944 г. позиции. Это была ничем не оправданная варварская бомбардировка англо-американской авиацией моего родного города Дрездена 13 — 15 февраля 1945 г.

Я хорошо знал военную обстановку и понимал бессмысленность этого жестокого акта с военной точки зрения. Что стало с моими родителями? Что преследовали этой бомбардировкой американцы и англичане? Тогда я не мог всего знать, мне не были известны все подспудные причины, все их планы, но в одном я был уверен: это не акт мести, не удар возмездия, а часть той концепции, которую я уже слышал от Даллеса. Они хотели сокрушить Германию и, таким образом, исключить будущего конкурента. Они хотели сокрушить Германию, чтобы она не могла больше встать на ноги без посторонней помощи, то есть без помощи американского капитала, поскольку Советский Союз будет занят своими собственными делами. Они стремились сделать все, чтобы превратить Германию в государство-вассал Америки.

Более болезненного для меня доказательства намерений американской политики в отношении Германии не могло быть. В этих намерениях выхода искать было нельзя, здесь будущее Германии находилось в плохих руках. Мое потрясение усиливалось все больше по мере поступления новых сведений о том, каким гигантским адом стал Дрезден. Аналогичная судьба постигла и многие другие мирные немецкие города. Что касается действий Советского Союза, то здесь мне не было известно ни одного подобного случая, потому что Советский Союз направлял удары своих военно-воздушных сил исключительно против военных объектов.

Однако своими силами Германия никогда не сможет подняться, думал я. Для этого ей понадобится помощь держав-победительниц. И чьей помощью она воспользуется, на той стороне и будет ее будущее. Однако я не мог что-либо предпринять, война еще не кончилась. Так что мне просто приходилось ждать.

Я занимался различными мелкими делами, например выводом из лагерей для военнопленных наших агентов, которые после оккупации районов их действия канадскими войсками свернули свою работу. Будучи в английской военной форме, они сдавались в плен немцам, а затем уже связывались со своими центрами. Я не мог избавиться от ощущения, что использование этой агентуры было абсолютно бессмысленным и безрезультатным. Через одного из таких агентов канадская контрразведка, несомненно, вела с нами игру, организовав его возвращение к нам. Уже в момент его вербовки нами за год до этих событий он являлся сотрудником английской контрразведки, а теперь действовал как агент-двойник. Для меня он оказался полезным хотя бы тем, что, когда я попал в канадский плен, он позаботился о том, чтобы со мной обращались так же корректно, как я обращался с ним.

С приближением конца войны наша жизнь становилась все более беспорядочной. Трусливое самоубийство Гитлера меня не тронуло. Однако последствием его было то, что по приказу гросс-адмирала Деница, назначенного Гитлером в качестве своего преемника, в Нидерландах начали формироваться полки морской пехоты для их вывода в Германию. Я стал командиром роты в одном из таких полков.

Когда 8 мая 1945 г. произошла капитуляция, я оказался в плену на небольшом острове у Нидерландского побережья, поскольку намеченное отступление в Германию не состоялось. 31 мая 1945 г. окончательно рухнули мои мечты вернуться на родину вместе с полком морской пехоты и с моей ротой. В этот день меня формально взяли в плен, и начались мои мытарства по лагерям и допросам.

В плен нас взяли канадцы и затем доставили в старую крепость с казематами, окруженную рвом с водой. Здесь нас рассортировали. Всего имелось пять категорий лагерей, учрежденных английской секретной службой,— с номерами от 010 до 050. Те, кто попадал в категорию 050, были кандидатами в покойники. Я попал в категорию 030, которая означала, что я все же считался «весьма опасным» военнопленным. Однако англичане и голландцы, которые в качестве представителей Интеллидженс сервис допрашивали меня, при всей строгости допросов, были очень корректными. Они даже стали относиться ко мне как к своему коллеге. Один из них,

отправляясь в Германию, согласился взять у меня письмо и опустить его там в почтовый ящик, поскольку обычная почта из Нидерландов еще не ходила.

Со временем у меня сложились довольно дружественные отношения с моими следователями. Одной из причин этого явился мой рассказ о сбыте фальшивых английских почтовых марок, когда я привел текст сопроводительного письма, анонимно направленного торговцам вместе с фальшивками. Как я уже писал выше, это письмо содержало просьбу к торговцам, продавшим марки,— после вычета накладных и комиссионных расходов остальную сумму направлять в адрес английской миссии в Берне на специальный счет помощи сбитым английским летчикам, находившимся в немецком плену. Эти показания вызвали смех у мистера Ха, как называл себя один из допрашивавших меня офицеров, потому что ему показалось совершенно абсурдным, чтобы немец, да еще человек из Главного управления имперской безопасности, проявлял такую трогательную заботу об английских военнопленных. В общем-то он был не так уж и не прав, потому что в основе текста сопроводительного письма лежала, конечно, не забота, а продиктованная разведывательной необходимостью маскировка. Но как бы там ни было, а через несколько дней мистер Ха вновь вызвал меня в свой кабинет. Атмосфера совершенно переменилась. Следователь приветствовал меня крепким рукопожатием и любезно предложил мне чаю и сигарет. До сих пор такое было невозможно. Он сообщил мне, что он только что получил из Лондона подтверждение правильности моих показаний, и хотел бы знать все подробности. Я мог только разъяснить ему, как в действительности было дело. Если любой логично мыслящий человек мог распознать, кто являлся инициатором этой акции с фальшивками, то он должен был и признать, что она подлежала маскировке, неважно, успешной или нет.

Во время последующих допросов я высказал мысль, что нет разницы в том, какому военнопленному я облегчил судьбу: английскому или советскому солдату. В любом случае это вопрос человечности, а не идеологии. Мое высказывание привело к тому, что на следующем допросе мистер Ха появился вместе со своим коллегой капитаном Весселем. Он был коммунистом, голландцем по происхождению. Так как я высказался за человечность по отношению к советским военнопленным, то его

ненависть к немцам меня миновала. Вессель стал чаще появляться на допросах и вел со мной продолжительные дискуссии. Ему удалось раскрыть мне глаза на многие вещи, проблемы и обстоятельства, которых я раньше не знал. Тем самым он помог мне еще больше укрепить уже свершившийся внутри меня разрыв с нацистским прошлым и приобрести новые взгляды на общественные процессы. Это явилось предпосылкой для будущего развития моего хода мыслей: безоговорочно порвать с собственным прошлым.

Еще одной причиной хороших отношений между мной и моими следователями было, возможно, то, что во время допросов я не вел себя как побежденный и не спешил выказывать, в отличие от многих других, верноподданнические чувства. По-видимому, это им импонировало. Да и зачем мне было вести себя таким образом? Мне не в чем было себя упрекнуть. Это подтвердилось, когда были получены касающиеся меня справочные документы.

Наконец, была еще одна, возможно, решающая причина наших отношений: я прямо и искренне отвечал на все вопросы моих следователей о причинах последних событий и о тех явлениях в общественной жизни Германии, которые их интересовали или которых они не понимали.

Поскольку я откровенно отвечал на вопросы, то не скупился при этом на критические замечания. Например, на вопрос, как нацисты смогли привлечь на свою сторону целый народ и как вообще можно объяснить немецкую историю за последние 20 лет, я ответил, что здесь в большой степени виноваты сами англичане. Аргументируя свою мысль, я сказал, что те, кто подвергал наш народ такому нажиму, какой нес в себе Версальский договор, не должен удивляться, если этот народ прибегнул к ответной реакции. По-видимому, это их убедило, во всяком случае, они ничего не возразили.

В конце допросов мистер Ха заявил мне: «Такие люди, как вы, нужны нам в новой немецкой полиции. Вы получите от меня письмо. После освобождения явитесь с ним к местному офицеру безопасности при военной администрации». В письме было написано, что я годен для службы в новой немецкой полиции.

Мои соображения насчет причин такого предупредительного обращения английских офицеров со мной субъективно, может быть, и правильны, но вскоре мне стало

ясно, что дело здесь не столько в моей личности, сколько совсем в другом. В то время я неоднократно слышал от своих товарищей, что многим военнослужащим вермахта, сдавшимся англичанам, удалось избежать всей тяжести лагерной жизни и практически остаться на свободе в их прежних частях под командованием тех же офицеров, которые руководили ими и во время военных действий.

В лагере циркулировали упорные слухи, что немецкие солдаты скоро снова должны будут сражаться — на этот раз на стороне англичан и американцев против русских. Эти слухи подкреплялись соответствующими высказываниями представителей английского лагерного начальства и недвусмысленными устремлениями последнего разжигать у немецких военнопленных антисоветские настроения.

Из слов одного английского офицера я понял, что англичане (очевидно, в тесном сотрудничестве с американцами) готовили преступный удар против своих русских союзников и в этих целях хотели использовать сохранившиеся части немецкого вермахта. Это означало, что немецкие солдаты, оставшиеся в живых после самой тяжелой войны всех времен и мечтающие о возвращении к мирной жизни, предназначались для использования в качестве главной ударной силы на новом антисоветском фронте и должны были проливать кровь за чуждые им интересы властителей Великобритании и США.

Для меня тайная враждебность западных держав по отношению к Советскому Союзу не была, конечно, новостью. Во время моей работы в VI управлении РСХА я узнал из первых рук о проходящих в Швейцарии секретных переговорах нацистских фюреров с резидентурой Аллена Даллеса с целью подготовки односторонней капитуляции Германии перед западными державами, чтобы дать Гитлеру возможность сосредоточить все силы на Восточном фронте и задержать продвижение русских в центральные части страны. Частичная капитуляция не состоялась. Да и как могли осуществить ее правительства Великобритании и США, учитывая сопротивление своих народов, которым они пообещали полностью разгромить гитлеровскую Германию? Но вот перестал существовать «третий рейх», карты перетасовывались заново, а цель оставалась прежней: борьба против русских. Западные союзники хотели лишить Совет-

ский Союз, своего партнера по коалиции, плодов победы и захватить господствующие позиции в послевоенной Европе. Таков был взятый ими курс, и с этой точки зрения следовало рассматривать данную мне великодушно рекомендацию на службу в новую немецкую полицию. Моя первоначальная радость все больше и больше вытеснялась разочарованием. Разумеется, во время моего пребывания в лагере для военнопленных я еще не мог знать, какого размера достигла подготовка западных держав, особенно Англии, к созданию фронта против Советского Союза. Некоторые связанные с этим обстоятельства стали мне известны только после освобождения из лагеря, из бесед с лицами, имевшими связи с английской военной администрацией в Кёльне. Полная картина происходившего открылась намного позднее, когда были опубликованы мемуары политических и военных деятелей, а также архивы с секретными документами, относящимися к этому периоду.

Сегодня хорошо известно, что главным вдохновителем антисоветских устремлений западных держав на конечном этапе второй мировой войны выступал премьер-министр Великобритании Черчилль, который, будучи закоренелым антикоммунистом, объявил Советский Союз еще более опасным врагом, чем уже разбитая нацистская Германия. Поэтому английский премьер-министр искал союза с нацистами для образования единого антисоветского фронта. Эту позицию Черчилль пытался навязать и своим американским союзникам, которые в то время не могли, однако, решиться на прямую военную конфронтацию с Советским Союзом. Сейчас документально доказано, что Черчилль весной 1945 г., когда русские готовились к штурму Берлина, приказал фельдмаршалам Монтгомери и Александеру собирать в специальных лагерях трофейное немецкое оружие, чтобы в любой момент можно было раздать его пленным немецким солдатам и направить их против войск, наступающих с востока. Одновременно английским командующим было приказано не расформировывать капитулировавшие немецкие военные соединения, а сохранять их в полной боевой готовности на случай возможного применения против русских.

Хотя общий ход событий весной 1945 г. не давал повода для вооруженного столкновения между армиями западных союзников и Советской Армией, Черчилль связывал все свои планы и расчеты после капитуляции

Германии с неизбежным, по его мнению, военным конфликтом между западными державами и Советским Союзом в ближайшее время. Исходя из этого, 24 мая 1945 г. он дал указание начальнику английского генерального штаба сэру Аллену Бруку разработать секретный план военных операций против Советского Союза, который предусматривал бы широкое применение соединений бывшего немецкого вермахта на стороне Запада. В этих же целях англичане, вопреки всем взятым на себя союзническим обязательствам, нелегально содержали в течение длительного времени после окончания войны в своей оккупационной зоне Германии, а также на территориях Дании, Норвегии и Нидерландов огромные контингенты немецких войск, общая численность которых первоначально доходила до 3 млн человек. Командование этими войсками осуществляли, как и раньше, гитлеровские генералы (в Норвегии — генерал Бём, в Дании — генерал-полковник Линдеман, на немецком берегу Балтийского моря — генерал Блюментрит, западнее Везера, включая территорию Нидерландов,— генерал-полковник Бласковиц).

В немецких воинских соединениях, которые имели статус «обезоруженного военного персонала», действовали гитлеровские служебные предписания и распорядки, солдаты и офицеры носили прежние знаки отличия и награды, они продолжали военное обучение. Некоторым немецким соединениям разрешалось иметь даже легкое стрелковое оружие. Для них единственным различием по сравнению с прошлым являлось лишь то, что их верховным командующим был не Гитлер, а Черчилль.

Нелегальная «немецкая армия Черчилля» (так ее называли многие немецкие солдаты), наличие которой упорно отрицали официальные лондонские круги, существовала практически до начала 1946 г. и была распущена только после решительных протестов Советского Союза.

Однако и после этого англичане не намеревались отказываться от планов мобилизации немецких военно-промышленных и человеческих ресурсов для подготовки войны против Советского Союза. Этой цели была подчинена вся политика Великобритании по отношению к побежденной Германии начиная с первых дней оккупации. Такой курс получил одобрение и поддержку США после того, как президент Трумэн вселился в Белый

дом. Лозунгами начинавшейся «холодной войны» с Советским Союзом стали: «отбрасывание коммунизма», «политика атомного шантажа» и «балансирование на грани войны».

Как видно из опубликованных в начале 1979 г. документов английского правительства, ранее бывших секретными, в 1948 г. Черчилль как лидер консервативной оппозиции требовал от премьер-министра Эттли (лейбористская партия) немедленного развязывания атомной войны против Советского Союза. Черчилль пытался также всеми средствами убедить президента США Трумэна пойти на такой шаг. О том, что его призывы упали в США на плодотворную почву, свидетельствует родившийся в скором времени в Вашингтоне сверхсекретный план атомного нападения на Советский Союз под кодовым названием «Дропшот». Этот план, разработанный по указанию Трумэна комитетом начальников штабов США, предусматривал применение только в первом месяце войны 300 атомных бомб против Советского Союза. В цели войны должно было входить занятие ключевых позиций в СССР, раздел его территории и, наконец, «полное искоренение большевизма».

Однако отправимся обратно в лагерь для военнопленных № 030 под Утрехтом. Там я познакомился с рядом офицеров немецкой секретной службы, которых до сих пор знал только мимолетно. Среди них были сотрудники команды фронтовой разведки 363 во главе с ее начальником подполковником Гискесом, а также сотрудники полицейской контрразведки в Нидерландах, которые совместно (под руководством криминаль-директора Шрайедера) вели и направляли, пожалуй, самую успешную контрразведывательную игру последней войны — «Северный полюс». Суть ее такова.

Во время войны одна из английских секретных служб организовала в оккупированных Нидерландах движение сопротивления против немецких оккупационных властей, которым она руководила по радио. Однако эта служба долгое время не знала, что сбрасываемые в Нидерландах ее радисты и инструкторы попадали прямо в руки немецкой полиции. В условиях шока, вызванного тем, что они оказались в ловушке, а также в результате психологически умелой техники допроса они рассказывали все, что требовалось немецкой полиции для организации игры и снабжения англичан дезинформацией.

Таким образом, была парализована вся английская подпольная работа в Нидерландах, по перехваченным линиям радиосвязи передавались требования о присылке новых агентов, материалов, оружия, боеприпасов, радиооборудования, продовольственных товаров, одежды и т. д. Все это также попадало в руки абвера и полиции. О правильно организованной работе и корректности немецких спецслужб говорит то, что англичане, захватившие после войны руководителей этой операции, не смогли выдвинуть против них обвинения в нарушении международного или уголовного права. Гискес и Шрайедер в течение ряда лет подвергались допросам в Лондоне и Нидерландах, однако были освобождены. О Шрайедере Нидерландское радио сообщало 6 июня 1948 г.: «Генеральный прокурор освободил из подследственного заключения криминаль-директора Шрайедера... Проведенная с Англией игра, в том что касается участвовавших в ней немцев, была результатом умно организованной работы контрразведки...» Не удивительно, что несколько лет спустя я встретил Гискеса и Шрайедера в организации Гелена в качестве сотрудников отдела контршпионажа.

После окончания допросов я с письмом следователя м-ра Ха в кармане прибыл в город Шевенинген. Там мной заинтересовалась нидерландская контрразведка. Однако ее интересовала не моя кратковременная деятельность в Нидерландах, а информация о подоплеке отношений немецкого абвера со службой безопасности. То, что они до сих пор слышали о соперничестве этих двух служб, казалось им маловероятным. Мне не составило трудности получить от них аттестацию, свидетельствующую, что я не являюсь военным преступником и не подлежу обвинению в нарушении прав человека.

В Шевенингене формировался эшелон в Германию. В одной камере со мной находились еще два человека. Однажды в камеру вошел нидерландец в английской военной форме и спросил наши имена и звания. Один из моих соседей назвался гауптшарфюрером СС, другой оберштурмфюрером СС. Я, следуя внезапному наитию, поскольку в конце войны был командиром роты и имел звание оберлейтенанта, сказал по-нидерландски и в соответствии с принятой в Нидерландах воинской градацией, что я «первый лейтенант». Это, конечно, могло еще иметь последствия.

Сначала мы прибыли в Мюнстер. Это все-таки была уже Германия. Как я узнал, мы находились в лагере

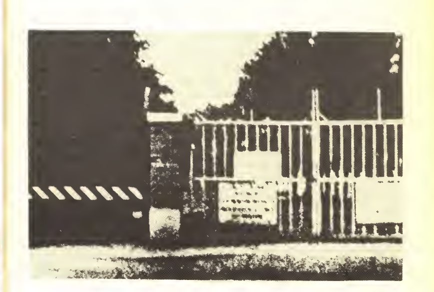
для интернированных, многие из военнопленных получали здесь справку об освобождении. Нас построили, и английский сержант начал командовать. Ему помогал немец, который должен был нас рассортировать. Всех, кто имел эсэсовское звание, выделили в особую группу. Я чувствовал себя не в своей тарелке, поскольку не назвал свой эсэсовский чин. Тем не менее я остался с общей группой, хотя мою принадлежность к СС могли быстро раскрыть. Воспользовавшись предоставившейся возможностью, я поговорил с немцем, помогавшим англичанину. Он сказал: «Сохраняйте спокойствие, с вами больше ничего не случится. Хорошо, что я все знаю, я буду иметь это в виду. Все, кто не выделен в особую группу, как эсэсовец, в ближайшие дни будут освобождены». Так и произошло. Этот немец рассказал мне, что те, кто называет какой-нибудь адрес в Мюнстере в качестве своего местожительства, освобождаются немедленно. Остальные должны ждать транспорта в другие крупные города, а оттуда уже направляться по местам своего постоянного проживания. В советскую зону оккупации не отпускали никого.

С территории лагеря мне удалось разглядеть название ближайшей улицы и номер дома на ней: Мюллерштрассе, 43. За правильность этого адреса я не могу сегодня поручиться. Но тогда я решил: будь что будет, и назвал этот адрес. Я почти тотчас же получил желанную бумажку об освобождении, и со мной вместе еще один оберлейтенант вермахта. В два часа дня нас должны были еще покормить, но наше нетерпение оказалось слишком велико. Часовой у проходной, просмотрев наши бумаги, лаконично сказал: «О'кей».

И вот мы на свободе. Мы спокойно дошли до угла, но, завернув за него, пустились бежать. Добежав до вокзала, мы объяснили первому же встретившемуся проводнику, кто мы такие и что нам надо как можно быстрее уехать. Он все понял и посадил нас в багажный вагон. Все это произошло 31 октября 1946 г. Справка об освобождении была действительна только с 1 ноября. В этот день я прибыл в Бад-Хоннеф под Бонном, где жила подруга моей жены.

Война была окончена, война ушла в прошлое. Но как дальше пойдут дела, оставалось неясным. Путь в будущее мне еще предстояло найти.

Разведка в пользу мира

Путь найден

После освобождения из английского лагеря для военнопленных я поселился в Рейнской области и, как миллионы других немцев, попытался начать новую жизнь. Мой материальный капитал для этого был невелик — старая полевая военная форма и рюкзак, в котором уместились все мои пожитки, включая две книги. Но я располагал обещающим большие «доходы» духовным капиталом: это — бескомпромиссный разрыв с национал-социализмом и со всей предыдущей жизнью. Это — поиски и приобретение новой, действительно полезной моему отечеству альтернативы. И этот капитал я постоянно приумножал. К тому же я был молод и здоров.

Итог 12-летнего господства нацистов был ужасающим. Вторая мировая война оказалась самой страшной и опустошительной из всех войн, которые когда-либо знало человечество. Она окончилась полным разгромом «тысячелетнего рейха». Отчаяние, безысходность, голод, духовное и моральное опустошение стали характерными чертами существования для массы немцев. И это неудивительно.

Более 4 млн пропавших без вести и убитых на полях сражений, почти столько же жертв среди мирного населения, сотни тысяч искалеченных, груды развалин на месте цветущих городов и деревень, потеря четверти довоенной территории Германии, строгий оккупационный режим держав-победительниц во всей стране, которая лишилась своего государственного суверенитета и национальных органов власти, полная парализация общественной и экономической жизни в Германии. Кто не смог бы понять состояния депрессии и отчаяния многих миллионов голодающих немцев?

Двадцать миллионов жизней советских граждан и миллионы людей других государств унесла с собой война. Кто из моего поколения мог говорить об этом с чистой совестью? Только немногие немцы, и прежде

всего коммунисты, боровшиеся за лучшую Германию.

Мне, как и всем, предстояло еще разобраться в происходящем, оценить мои действия во время господства нацистов и найти свое новое место в жизни. Что касается перспективы большой политики, то мне было ясно, что новая, то есть мирная и демократическая, Германия могла быть построена только при лояльном, дружественном сотрудничестве с Советским Союзом, что будущее Германии находится только на Востоке и что я хочу внести в это свой вклад. Но нужен ли кому-то мой вклад, как обстояло дело с моим собственным будущим? Как-никак я бывший эсэсовец, к тому же еще офицер РСХА, преступной организации, как ее назвал Нюрнбергский трибунал в своем приговоре.

Какое значение могло иметь то, что я выполнял только «чистую» работу в секретной службе? В конце концов, она не была чистой, поскольку объективно помогала развязать ужасную войну и превратить Германию в кучу духовных и материальных обломков. Только случай помог мне избежать более глубокой и прямой связи с преступлениями СС.

Насколько велика моя вина перед отечеством и перед народами, пострадавшими от развязанной фашистами войны, ответственность, которую мне предстояло нести всю свою жизнь? Этот вопрос имел для меня, как и для многих других, особую остроту, поскольку я в начале сознательной политической жизни связал свою судьбу с запятнанной кровью нацистской системой и на первых порах искренне верил, что иду правильным путем, в интересах отечества.

Глубокое огорчение по поводу этой большой ошибки я уже пережил. Теперь нужно было преодолеть свое настроение и честным трудом подготовить почву для расцвета новой Германии, которая могла бы пользоваться уважением и доверием народов.

В мои неполные 30 лет я для этого был, конечно, не так уж стар, и чувствовал себя обязанным сделать это. Сначала мне следовало позаботиться о своей денацификации. И здесь оказалась полезной моя нидерландская аттестация. Кроме того, у меня имелась рекомендация английских учреждений, в которой говорилось, что я не военный преступник и что против моего использования в новой немецкой полиции нет возражений.

Для меня уже тогда была очевидна сомнительность практики денацификации, проводившейся западными ок-

купационными властями, что укрепило мою критическую позицию по отношению к их германской политике. Чем больше я знакомился с действиями западных оккупационных властей в области так называемого демократического перевоспитания немецкой нации, чем яснее мне становилось, что они никогда не стремились к подлинному искоренению всех реакционных, милитаристских и нацистских тенденций в общественно-политической жизни в оккупированной ими части Германии, тем сильнее росло во мне разочарование этой политикой.

Американцы и англичане, в отличие от Советского Союза, с самого начала исходили из принципа коллективной ответственности немцев за преступления нацистского режима. Не делая никакого различия между закоренелыми нацистами, носителями и фанатическими сторонниками человеконенавистнических идей Гитлера, виновниками жестоких массовых преступлений, и теми, кто только в силу обстоятельств оказался малой частичкой гигантской государственной машины «третьего рейха», они развернули в небывалых масштабах под флагом денацификации кампанию жестоких репрессий, направленную против почти всего немецкого народа. К 1 января 1947 г. в американской оккупационной зоне акцией по заполнению анкет по денацификации оказались охвачены 11,6 млн человек. Понятно, что в таких условиях не могло быть и речи об установлении индивидуальной ответственности того или иного человека, они открывали возможность только для жестокости и произвола.

Я знал много случаев, когда американские (иногда также английские и французские) военнослужащие клеймили зажиточных немцев как нацистских преступников, чтобы получить предлог к конфискации их жилищ и состояния, которые затем они присваивали как «освободители». Многие мирные немецкие граждане, причисленные при таком поверхностном подходе «к нацистам и их сообщникам», стали беззащитными жертвами грабежей, насилий и убийств недисциплинированной солдатни. Меня особенно возмущало, что все это беззаконие не только не пресекалось, но фактически поощрялось военным командованием союзников в западных оккупационных зонах Германии. Что касалось наказания настоящих преступников, то здесь хваленое англосаксонское «чувство справедливости» проявляло себя иначе. С одной стороны, военные трибуналы союзников в западных оккупационных зонах выносили самые суровые приговоры

по делам лиц, участие которых в нацистских преступлениях подтверждалось только косвенно или неполно. С другой — кровавые судьи, имевшие на совести тысячи человеческих жизней, не получали никакого наказания. Дело нацистского военного преступника Клауса Барбье, ставшего известным под прозвищем «мясник Лиона» и долгое время спасавшегося от справедливого наказания под защитой секретной службы США, является самым ярким тому примером. Многие из них поспешили предложить свои услуги новым хозяевам и ради личного блага готовы были отказаться от интересов своей страны, своего народа. Среди тех, кто вступил на путь прислужничества, находились и бывшие сотрудники РСХА, впоследствии занявшие руководящие посты в организации Гелена, а затем в БНД.

Как выяснилось позднее, некоторые из них установили тайные контакты с англо-американскими разведывательными службами сразу же после войны и являлись их платными агентами. Некоторые в результате так называемого «автоматического ареста» попали в лагеря для интернированных и там были завербованы. Уже при вступлении на германскую территорию американцы и англичане имели справочники об организации и персонале немецких учреждений, что давало им возможность быстро выискивать нужных людей. Так, западные союзники были отлично информированы о партийном центре НСДАП, о ведомствах РСХА и полиции по состоянию на зимние месяцы 1944/45 г., о создании нелегальной сети нацистской партии и диверсионных групп «Вервольф». На основании приложенных к этим справочникам списков членов групп американцы и англичане провели многочисленные аресты с последующей вербовкой арестованных. Позже десятки из них были инфильтрированы американцами в организацию Гелена, в ведомство по охране конституции и органы вновь созданной западногерманской полиции. Это, конечно, не означало, что вся западногерманская разведывательная служба состояла только из беспринципных, продажных личностей. Среди старых, опытных сотрудников РСХА, искавших места в организации Гелена, были и субъективно честные, порядочные люди, так называемые «идеалисты», которые не олицетворяли собой нацистскую идеологию, а просто добросовестно, сидя за письменным столом, выполняли свой служебный долг, не преступая рамки действующих законов и не участвуя в кровавых акциях.

Однако многие из них не смогли разобраться в трудностях послевоенного периода в Германии и из ложно понимаемого чувства долга связали свою судьбу с защитой несправедливого дела. Благодаря моей уже приобретенной проницательности я смог избежать этого.

Все те, кто занял ключевые позиции во вновь создававшихся органах местного самоуправления, а позже в центральном экономическом и административном совете Бизонии, принадлежали к числу ставленников оккупационных учреждений. С помощью влиятельных зарубежных покровителей эти люди заложили прочный фундамент для своей последующей карьеры, которая привела их после образования западногерманского государства на высшие посты правительственных и партийных учреждений. Главными предпосылками для такого взлета являлись абсолютная лояльность по отношению к оккупационным властям, способность устанавливать и поддерживать нужные отношения и неразборчивость в выборе средств для достижения поставленных целей.

«Особые отношения» с англичанами и американцами, которые, как мне точно известно, установились еще во время войны, помогли сделать блестящую карьеру таким политикам, как основатель баварского ХСС Йозеф Мюллер (по кличке Оксензепп), председатель западногерманского бундестага 60-х годов Ойген Герстенмайер и влиятельный политик Якоб Кайзер, который в свое время возглавлял боннское министерство по общегерманским вопросам, где и мне довелось поработать.

Совсем не случайно первым канцлером ФРГ в 1949 г. стал Конрад Аденауэр. Среди молодого поколения немцев едва ли известно, что Аденауэр был связан тесными деловыми и родственными узами с самыми влиятельными кругами как германского, так и американского капитала. К его наиболее могущественным покровителям в Германии принадлежали крупнейшие промышленники и банкиры, такие, например, как Абс, Пфердменгес и Цинсер, которые даже во время войны поддерживали самые лучшие отношения с американскими финансовыми группами Моргана и Рокфеллера. Вторая жена Аденауэра, Гусси, урожденная Цинсер, была родственницей супруги президента Всемирного банка Макклоя, который в 1949 — 1952 гг. являлся верховным комиссаром США в ФРГ. Позднее он возглавлял «Чейз Манхэттен банк» и стал специальным советником президента США Кеннеди.

Многие видели и понимали двойную игру западных держав в денацификацию. Для коммунистов это было в любом случае ясным, в чем я мог неоднократно убедиться. Но и такие политики, как, например, первый министр ФРГ по делам семьи Франц Вюрмелинг из партии Центра, признавали это. Когда я однажды посетил Вюрмелинга, чтобы узнать, не найдет ли он для меня какого-нибудь места, и предъявил ему мое свидетельство о денацификации, он отрицательно покачал головой. «Знаете ли, свидетельство о денацификации, группа 5, доказывает только сообразительность владельца, который смог от нее ускользнуть». Министр был совершенно прав, для него подобное свидетельство ничего не значило, мне оно тоже приносило мало пользы, поскольку у меня не имелось решающих данных: я не принадлежал ни к католикам, ни к ХДС. В тогдашней Рейнской области это являлось непреодолимым препятствием.

Тем не менее я смог начать учебу в Боннском университете, записавшись на факультет государства и права в качестве вольного слушателя. Правда, я уже имел такое образование, но мне следовало сдать заново некоторые экзамены, поскольку нацистское право было выброшено в мусорную корзину.

Я надолго запомнил профессора Фризенхана по прозвищу Ядовитый Карлик, ставшего позднее членом федерального конституционного суда. Студенты его очень боялись, и тот, кто попадал к нему на экзамен, воспринимал это как жестокий удар судьбы.

Как все студенты, мы часто горячо спорили о политике, образуя отдельные группы в соответствии с нашими взглядами. Я причислял себя к тем, кто честно желал извлечь уроки из горького прошлого. К кругу моих друзей принадлежали, например, юрист Хайнц Энгельберт, ныне профессор Университета им. Гумбольдта в Берлине, и Карл-Гюнтер Бенингер, сейчас профессор государственного права в Университете им. Карла Маркса в Лейпциге.

Кроме материальной заинтересованности я преследовал совершенно сознательно еще одну цель, а именно познакомиться как можно с большим количеством людей, которые позднее могли бы быть мне в той или иной форме полезны. С этой же целью я занялся журналистикой, что и с материальной точки зрения надежнее, здесь заработок прямо зависел от проделанной работы.

Конечно, я внимательно следил за ходом событий того времени. Переход Запада к политике «холодной войны» против Советского Союза, который произошел к середине 1947 г., нельзя было не заметить. Под этим углом зрения значение Германии в глазах западных политических и военных деятелей значительно возросло. По их оценке, западная часть страны, находившаяся под их контролем, превратилась в главную базу для подготовки новой мировой войны. Все отчетливее становился курс на подрыв Потсдамских соглашений, на развал системы четырехстороннего контроля над Германией, на ускоренное восстановление военно-экономического потенциала западных оккупационных зон, на включение Западной Германии в процесс экономической и военной интеграции Западной Европы и в конечном счете в военные блоки Запада. «Времена Ялты миновали,— писала американская газета «Нью-Йорк геральд трибюн» 20 декабря 1947 г.— Раздел Германии развязывает нам руки и дает возможность включить Западную Германию в систему государств Запада».

Частые поездки по всем четырем оккупационным зонам дали мне возможность установить многочисленные контакты во всех политических блоках и кругах. В результате я стал участником многих событий. Я хотел бы здесь упомянуть некоторых из тех людей, кого узнал довольно близко или с кем встречался в то время. Нужно сказать, что они хотя и в разном плане, и с различной степенью воздействия, но все же повлияли на дальнейшее формирование моего политического мировоззрения.

Я был свидетелем дебатов в парламентском совете по конституции, самого принятия конституции, а также выборов первого президента ФРГ Теодора Хейса. На память о приеме по случаю этого события каждый приглашенный получал хрустальный бокал с выгравированной датой, который хранится у меня и поныне.

Я хорошо помню коммунистов Макса Реймана и особенно Хайнца Реннера, который тогда был министром путей сообщения земли Северный Рейн-Вестфалия. Его остроумия, его моментальной реакции многие опасались, но в то же время и восхищались этими его качествами. Сам Аденауэр улыбался, когда Реннер в пылу полемики высказывал свои оригинальные формулировки. Я встречался также с такими личностями, как Курт Шумахер, Фриц Олленхауэр, Томас Делер и другие.

В ходе откровенных бесед с представителями самых различных политических течений и групп я пришел к убеждению, что курс западных держав на раскол Германии и образование сепаратного западногерманского государства как составной части политической и милитаристской системы Запада находил поддержку у весьма влиятельных сил в самой Западной Германии. Известно, например, что Аденауэр был представителем сепаратистских тенденций, характерных для католических кругов на Рейне. Я слышал от близких ему лиц, что «старик» часто заявлял, еще будучи обер-бургомистром Кёльна, будто бы для него «Германия кончается на Эльбе, а дальше начинается Азия». Во взглядах Аденауэра еще задолго до образования ФРГ проявлялись аннексионистские элементы будущей «германской политики». По отношению к советской зоне оккупации эти элементы были ясно видны с самого начала, и они имели опасные последствия для происходящего там процесса антифашистского, демократического развития. Отсюда берет свои корни «претензия на единоличное представительство» [1]. Эта политика означала превращение областей к востоку от Эльбы и Верры с их 18 млн жителей в главный испытательный полигон политики «холодной войны». Она, эта политика, развивалась в точном соответствии с линией, провозглашенной в 1946 г. Черчиллем в его речах в США и Европе, где он выступал за создание антисоветского блока. В таком же духе высказался 17 января 1947 г. Джон Фостер Даллес, государственный секретарь США при президенте Эйзенхауэре. С провозглашением 12 марта 1947 г. «доктрины Трумэна» западные державы окончательно взяли курс на проведение антигерманской политики.

Кстати, я тогда часто встречался с Конрадом Аденауэром. Мы оба жили в Рендорфе и иногда шли по утрам вместе — я в университет, а он на работу. Его машина ждала на дороге, так как к вилле подъезда не было. Иногда я рассказывал ему о своих впечатлениях от дебатов в парламентском совете. Моя позиция, по-видимому, понравилась ему, потому что однажды он мне сказал: «Молодые люди вашего склада в нынешнее время особенно нужны». Он и не подозревал, насколько

[1] Притязания консервативных кругов ФРГ на право представлять интересы всей немецкой нации, включая население ГДР.— *Прим. перев.*

был прав, если даже учитывать, что мы исходили из совершенно разных позиций и оценок. Аналогичные взглядам Аденауэра мысли, полностью игнорировавшие национальные интересы немцев и их стремление к восстановлению государственной целостности Германии, высказывали и многие другие политики ФРГ, что не помешало им присвоить себе право выступать «от имени всего немецкого народа». Раскол Германии удовлетворял также владельцев ведущих концернов, крупных торговцев и банкиров, которые ожидали от тесного сотрудничества с западными монополиями бурного роста своих прибылей.

До меня дошло одно высказывание Аденауэра: «Лучше половина всей Германии, чем вся Германия пополам». Он не хотел воссоединения, разве что при условии, что советская оккупационная зона будет включена в западногерманскую общественную систему, то есть сольется с Западной Германией. Все общественные и социальные изменения, призванные не допустить возрождения германского милитаризма и обильно оплаченные кровью советских солдат и офицеров, ничего, по его представлениям, не стоили.

Аденауэр еще летом 1945 г. сказал: «Оккупация Германии союзниками крайне необходима еще в течение длительного времени. Германия не способна управлять собой. Но чтобы вселять в народ надежду и мужество, мы должны давать ему как можно больше свободы движения, как лошадям в упряжке отпускают вожжи». В последующем он также все время выступал с заявлениями, которые своей самообличающей прямотой могли бы ошеломить (в худшем смысле этого слова) несведущего в политике человека. Прибегнув к затасканному Гитлером и Геббельсом девизу о «новом порядке», он признал, что, перевооружая Западную Германию и цементируя, таким образом, раскол страны, он хочет «умножить силы Соединенных Штатов» и «содействовать подготовке к установлению нового порядка в Восточной Европе». Говоря о двух немецких государствах, он не рекомендовал применять термин «воссоединение». Вместо него следовало говорить «освобождение Востока». Говоря об «освобожденной» таким путем Польше, которая стала бы «самым восточным государством Европы с западной культурой», он выступил с фатально напоминающей времена фашистского генерал-губернаторства идеей об управлении обширными областями этой страны в форме «немецко-польского кондоминиума». Аденауэр, го-

воря об СССР, отмечал, что «Советское правительство действительно хочет создания системы безопасности». «Советскому руководству не следует приписывать каких-либо воинственных устремлений уже потому, что перед ним в избытке стоят огромные задачи внутри страны — я говорю не о политических, а о социальных, экономических и культурных задачах, которым оно должно будет отдать все силы. Такое положение сохранится на длительный период времени...» Но подобная прозорливость не мешала Аденауэру разжигать ненависть к СССР и образовавшим вместе с ним социалистическое содружество государствам Центральной, Южной и Восточной Европы, причем он пользовался лексиконом нацистской пропаганды, говоря, что этот мир, «по сути дела, является нашим смертельным врагом».

Я уже тогда понял, что меня ничто не связывает с такими людьми и проводимой ими политикой. Мое внимание все больше приковывали смелые начинания моих земляков на Востоке, которые приступили к строительству действительно свободного, демократического и миролюбивого немецкого государства — Германской Демократической Республики.

И вот, так сказать, на самой середине этих размышлений советские разведчики поставили передо мной вопрос, готов ли я применить мои специальные познания в деле предотвращения новой войны. Сначала это предложение меня озадачило. Меньше всего я в то время думал о том, чтобы еще раз оказаться на работе в разведывательной службе. Однако это был для меня действительно самый лучший путь для борьбы за новую, единую и мирную Германию, связанную узами дружбы с Советским Союзом. Теперь передо мной стояла ясная цель, ясная задача, для выполнения которой я готов был отдать все силы.

В течение моего сотрудничества в дальнейшем с советскими людьми мое политическое сознание и способности к вынесению суждений продолжали развиваться. Благодаря этому я осознал, что моральное превосходство Советского Союза заложено в его социалистической общественной системе, что будущее принадлежит марксизму-ленинизму, трезвой, реальной, научной и глубоко человечной политике Советского Союза и, следовательно, коммунизму.

Когда много лет спустя (после моего ареста и особенно во время процесса) мое имя замелькало в газет-

ных заголовках, Аденауэр, получив точную информацию о том, кто такой Фельфе, якобы сказал: «Хорошо, что он переселился из Рендорфа, иначе Гелен еще приказал бы следить и за мной». Он и не догадывался, что в этом была доля правды. При найме в организацию Гелена мой непосредственный вербовщик дотошно выспрашивал меня обо всем, что я знал об Аденауэре, какие подробности из его жизни и жизни его семьи я видел «собственными глазами», что я слышал от него и о нем «собственными ушами» и т. д.

Поскольку я работал еще и для Берлинского радио, мне часто приходилось ездить в советскую оккупационную зону, а затем в молодую Германскую Демократическую Республику. Если позволяли обстоятельства, я посещал мою мать в Дрездене. Увидев в первый раз своими глазами мой родной город совершенно разрушенным, я был настолько потрясен, что у меня перехватило дыхание. Опустошенный и потерянный, брел я по бывшей Пражской улице и не мог сдержать слез, слез боли и возмущения теми, кто во всем этом был виноват. Такие же чувства я испытал, когда стоял перед обломками отцовского дома.

Здесь я еще раз пережил, только уже намного сильнее, те мучительные часы в Нидерландах, когда впервые узнал об ужасной бомбардировке Дрездена. Я не хочу скрывать, что именно эти переживания явились для меня сильным побудительным мотивом, чтобы стать разведчиком в пользу Советского Союза, потому что только эта страна способна и преисполнена желания предотвратить новую катастрофу в будущем. Такое не должно повториться. Для этого нельзя было щадить никаких усилий.

Стоя перед развалинами родного города, я воспринимал как символ то, что англо-американские бомбардировщики бессмысленно разрушили Дрезден, а советские солдаты после 8 мая 1945 г. доставляли и раздавали продовольствие берлинцам. В этом проявилось все, о чем я так много раздумывал в минувшие тяжелые месяцы.

Сразу же после безусловной капитуляции Германии появились первые приказы советских оккупационных властей о восстановлении культурной и политической жизни на востоке страны. В них разрешалось создание партий и профсоюзов, поощрялось открытие школ, клубов, театров. Я такой поддержки не ожидал, так как хорошо знал, что сделали с Восточной Европой мои бывшие началь-

ники в СС и что они еще планировали сделать. Теперь же я должен был признать, что Советский Союз очень хорошо подготовился к своей победе, потому что такую огромную восстановительную работу невозможно спланировать за несколько дней. В этом я также видел доказательство искреннего стремления Советского Союза бескорыстно и по-дружески помочь немецкому народу.

Факты свидетельствуют о том, что именно Советский Союз на всех встречах, переговорах и конференциях представителей четырех держав, начиная с первых послевоенных дней и до весны 1949 г., когда вопрос о создании сепаратного западногерманского государства был уже практически решен, неустанно выступал за воссоединение Германии, вновь и вновь вносил конкретные предложения в этом направлении, проявлял одновременно готовность к компромиссам даже в ущерб собственным интересам. Еще в марте 1952 г., когда два немецких государства существовали уже более двух лет, СССР выступил с перспективной инициативой по восстановлению единства Германии после того, как председатель Совета Министров ГДР 30 ноября 1951 г. предложил правительству ФРГ образовать «Общегерманский конституционный совет». В задачи этого совета входила подготовка к всеобщим свободным выборам в Национальное собрание, заключение мирного договора и создание правительства.

Упомянутая инициатива Советского Союза вошла в историю как «предложение Сталина от 10 марта 1952 г.». В нем трем западным державам предлагалось «незамедлительно обсудить вопрос о мирном договоре с Германией», содержался проект такого договора и ставилось на повестку дня «скорейшее образование общегерманского правительства, выражающего волю немецкого народа».

Согласно этому предложению единая Германия не должна была вступать в какие-либо коалиции или военные союзы, но имела право на создание «собственных национальных вооруженных сил» в целях обороны. Предлагались также вывод всех оккупационных войск, ликвидация иностранных военных баз и гарантия основных демократических прав граждан страны.

В соответствии с указанными предложениями воссоединенная Германия должна была стать нейтральным государством, как Швеция, например, или Швейцария. Но Аденауэр не хотел этого. Как позже заметил в этой

связи политический деятель СДПГ, Шмидт, Аденауэр «полностью сделал ставку на американскую карту». Предложение Сталина было отвергнуто, и вместо него 26 мая 1952 г. ФРГ заключила договор с США, Великобританией и Францией, который вступил в силу 3 мая 1955 г. Тем самым ФРГ была полностью включена в систему Запада, а США, Великобритания и Франция получили право содержать на ее территории свои войска — ФРГ стала членом НАТО и Западноевропейского союза.

Почти в это же время, 15 мая 1955 г., Австрия заключила с четырьмя великими державами — Советским Союзом, США, Великобританией и Францией — Государственный договор, который, провозгласив постоянный нейтралитет этой страны, привел к выводу с ее территории всех оккупационных войск. Была создана небольшая национальная армия, служащая оборонительным целям. Таким образом, австрийцы серьезно отнеслись к советским предложениям и с тех пор живут в независимом, процветающем, нейтральном государстве.

Сегодня нет смысла пускаться в досужие домыслы о том, как бы сейчас выглядел мир или хотя бы Европа, если бы в ней существовала такая группировка нейтральных государств — Швеция, Германия, Австрия, Швейцария,— которая, будучи свободной от блоков и гнета гонки вооружений, могла бы заниматься повышением собственного благосостояния. С полным безразличием Аденауэр развеял по ветру благоприятные для Германии возможности. Именно в этот короткий отрезок времени — весной 1952 г.— был потерян шанс на воссоединение обоих германских государств. Даже при наличии богатой фантазии трудно себе представить, что это время и такой шанс можно еще вернуть.

Я в эти годы часто задавал себе вопрос: не мог ли Советский Союз быть заинтересованным в разделении Германии, чтобы затем втянуть восточную часть страны в свою политическую систему? И каждый раз приходил к выводу, что Советский Союз в этом случае должен был бы действовать совершенно иначе, чем он действовал. Мог ли, например, Советский Союз пойти на пребывание войск союзников в Западном Берлине и примириться с превращением этого города в занозу в теле Германской Демократической Республики, если бы он заранее исходил из перспективы образования на занятой им территории самостоятельного восточногерманского государства с угодной ему системой?

Я хорошо помню празднование 200-летия со дня рождения Гёте в 1949 г. в Веймаре, в котором я участвовал как студент — почитатель его таланта. Там я познакомился с очень интересными людьми. Правду говорят, что путешествие — это познание, если путешествуешь активно и, я бы добавил, не теряешь зря времени. Дни в Веймаре я старался провести именно в таком духе. Был я там, как и всегда в своих поездках, с паспортом для въезда в любую зону в качестве представителя студенческой организации Боннского университета. На одном из банкетов я познакомился с советским журналистом и его элегантной женой. Оба были одеты по последней моде, хотя его поведение и движения были при всей внешней элегантности несколько неловкими. Он говорил на отличном немецком языке, без всякого акцента, и у меня с ним завязался разговор. Он произвел на меня впечатление своим глубоким знанием истории. Его рассказ о боннском периоде студенческой жизни Карла Маркса, о чем я тогда ничего не знал, меня как боннского студента весьма заинтересовал. Должен признаться, что я тогда вообще мало знал о Карле Марксе.

То, что советский журналист был отличным знатоком творчества Гёте, я подчеркиваю лишь потому, что это служило нам связующим мостом в нашей беседе, в ходе которой мы то и дело возвращались к личности великого веймарца и к торжествам в его честь. В этой области я, к моему облегчению, мог быть более подходящим собеседником для моего нового знакомого. Но я хорошо запомнил главную политическую тему нашего разговора. Речь шла о соотношении политических сил и перспективах Германии. Содержание разговора я могу передать довольно точно и полно, поскольку советский журналист четко формулировал то, что мне уже самому становилось все яснее.

Вы должны признать, говорил он, что разгром гитлеровского рейха и восстановление демократии по западному типу едва ли что-либо изменили в системе общественных отношений в западной части Германии. Решающее влияние во всех сферах жизни по-прежнему остается в руках промышленников и помещиков, которые еще более укрепили свои позиции в результате переплетения их интересов с интересами американского, английского и французского капитала. Провозглашенные в конституции демократические права и свободы остаются в действительности привилегией имущих классов, в то

время как трудящиеся массы лишены права на свободное волеизъявление. Одновременно полным ходом идет американизация немецкой культуры и образа жизни. Каждый честный немец не может спокойно наблюдать, как подлинные культурные и духовные ценности, которыми по праву гордится немецкий народ, уступают место американскому «культурному варварству», кока-коле, жевательной резинке, наркотикам и сексу. Можно сделать только один вывод, продолжал он, что путь, на который вступила Западная Германия, не может соответствовать интересам высокоорганизованной нации, которой был и остается немецкий народ с его вековыми традициями общественной, политической и культурной жизни. Мне кажется, что факты говорят сами за себя и не требуют комментариев.

Последующие события подтвердили пункт за пунктом правильность его оценок. Это особенно отчетливо проявилось при образовании западногерманского государства в 1949 г., когда западные оккупационные власти и пресмыкающиеся перед ними западногерманские политики категорически отказались от проведения народного референдума по вопросу о будущем государственном строе и единстве Германии.

Такое развитие с логической последовательностью повело к разрушению единства Германии и к ее расколу на два диаметрально противоположных друг другу государства. Хотя проекты искусственного разделения Германии, изобретенные в западных столицах («план Моргентау» и др.), были официально отклонены еще в Потсдаме, вся политика США, Великобритании и Франции направлялась не на поиски согласованных и взаимоприемлемых путей развития восточной и западной частей Германии, а на углубление контраста между ними, возникшего на основе принципиально различных представлений западных держав и Советского Союза насчет того, как должно выглядеть будущее Германии.

В то время как Советский Союз исходил из необходимости коренной перестройки общественного и экономического порядка в стране, чтобы исключить возрождение милитаризма и нацизма и гарантировать развитие Германии по мирному и демократическому пути, западные державы поставили перед собой цель превратить Германию в инструмент своей политики. Они хотели господства в Европе, они стремились к «отбрасыванию коммунизма», они старались не допустить любое прогрес-

сивное развитие в социальной и политической структуре как Германии, так и других европейских государств. Результатом этого является заинтересованность западных держав в сохранении любой ценой (по крайней мере, в западной части Германии) прежнего классового порядка со слегка обновленным демократическим фасадом.

На прощание журналист дал мне текст речи, с которой выступал в Веймаре на юбилее Гёте перед немецкой молодежью будущий первый премьер-министр ГДР Отто Гротеволь. «Прочтите это,— сказал он.— Особенно внимательно прочтите то место, где Отто Гротеволь призывает молодых людей, тем самым и вас, быть достойными наследства Гёте и не служить больше наковальней, а стать молотом. Я это место подчеркнул. Действуйте же в таком духе». Я потом прочитал эту речь с большой пользой для себя.

Во время празднеств по случаю юбилея Гёте в 1949 г. в Веймаре я познакомился также с тогдашним премьер-министром Тюрингии Вернером Эггератом. Небольшого роста, коренастый и крепкий, он первый заговорил со мной. «Ну, какое впечатление у вас осталось, молодой человек?» — спросил он. Прежде чем я ответил, он взял меня под руку, посадил в кресло, сел рядом и стал расспрашивать, кто я такой, откуда, что делаю и т. д. Поскольку я хорошо знал его родные места, у нас оказалось достаточно тем для разговора. «Учитесь, учитесь. Это самое лучшее, что вы сейчас можете делать. И не спешите. Место для вас мы придержим»,— посоветовал он мне. Я немного смутился, узнав, кто со мной так откровенно и сердечно беседовал. В конце концов, я был студентом, а он — премьер-министром. Особенно меня удивил и обрадовал этот факт потому, что я не мог себе представить аналогичную ситуацию в Бонне.

Беседа с Эггератом оказалась и впоследствии полезной для меня. Я стал регулярно получать по почте из его бюро книги и журналы. Эггерат был исключительно хорошо информирован о политике западных оккупационных властей и использовал наш разговор, чтобы обратить мое внимание на некоторые стороны этой политики. Он особо призвал меня самым серьезным образом отнестись к интенсивной подготовке западных держав к войне против Советского Союза, не недооценивать эту опасность и бороться против нее. «Я точно знаю, какое растущее беспокойство охватывает западногерманское население эта политика войны,— заявил он.— Вам, оче-

видно, неизвестно, что английские военные власти спешно создают на большой территории между Люнебургом и Зольтау огромные склады сырья для военной промышленности, прежде всего для самолетостроения. Уже сегодня становится все очевиднее, что разговоры о демилитаризации и демократизации Германии служат западным державам только как маскировка для превращения Германии в инструмент империалистической политики, ведущей к развязыванию новой мировой войны, угрожающей существованию немецкого народа. Мы все, мой молодой друг, должны со всей решительностью бороться за то, чтобы никогда не участвовать в осуществлении такой политики, которая привела бы Германию к национальной катастрофе».

Эти слова премьер-министра Тюрингии произвели на меня большое впечатление, они полностью соответствовали моим познаниям, мыслям и чувствам. После моего освобождения из плена я, как известно, жил в английской оккупационной зоне. Поскольку мне не хотелось руководствоваться только чувствами, я проверил эти данные. Действительно, английские военные власти вели такую работу, и мне удалось узнать кое-что большее. В эту местность доставлялись в большом количестве дюралюминий, легкие металлы, медь, боксит, специальные сорта стали и другие материалы, которые, по подсчетам специалистов, обеспечивали строительство 7200 самолетов. На складах хранились запасы каменного угля, хотя многие предприятия и транспорт в английской зоне оккупации не работали из-за нехватки топлива.

Аналогичные сведения я получил также о шагах по восстановлению немецкой военной промышленности в интересах западных держав в американской оккупационной зоне. Председатель СДПГ Курт Шумахер, очевидно, это имел в виду, когда в апреле 1949 г. очень точно сказал, что немцы не заинтересованы в войне и что западные державы не должны рассчитывать на то, что немцы будут таскать для них каштаны из огня. Если они хотят развязать новую войну против России, то пусть они делают это сами. Они так же сломают себе шею, как и немецкие нацисты.

Передо мной встал вопрос, что мне делать с этими сведениями, поскольку буржуазная пресса отказывалась публиковать подобные материалы, свидетельствующие о ремилитаризации в английской оккупационной зоне. Однако вести решительную борьбу не значило держать

под спудом свои знания для собственного оправдания или успокоения души. Поэтому я искал другие возможности, чтобы пустить их в ход.

Западная Германия на каждом шагу сталкивалась с беспримерным по своему самоуправству хозяйничаньем военных властей на ее территории, с грубой силой и произволом по отношению к ее населению, с полным пренебрежением к жизненным интересам ее граждан.

В первое послевоенное время западные державы охотно использовали в собственных интересах те положения Потсдамского соглашения, которые предусматривали уничтожение военного потенциала Германии. Под этим предлогом они фактически проводили политику демонтажа всей промышленности. Такая политика, по словам американского военного администратора в Германии генерала Клея, «была направлена на установление мира по типу Карфагена». Промышленные предприятия разрушались в большом количестве, наиболее ценные агрегаты демонтировались, а имеющееся сырье конфисковывалось и вывозилось. При этом в списках подлежащих ликвидации объектов нередко значились предприятия, выпускавшие только мирную продукцию, но составлявшие серьезную конкуренцию англо-американским монополиям. Нетрудно понять, что речь шла об устранении немецких конкурентов на мировых рынках и об установлении зависимости германской экономики от американских и английских концернов.

Во время «декартелизации» немецкой промышленности многие промышленные предприятия или контрольные пакеты их акций были по дешевке скуплены западными монополиями. Это особенно касалось химических предприятий, которые в основном находились в американской оккупационной зоне. Американский и английский капитал глубоко проник также в металлургическую промышленность.

Западные оккупационные власти проводили курс (опять-таки под предлогом выполнения Потсдамского соглашения) на ограничение немецкой промышленной продукции, прежде всего угольной и металлургической. На первом месте в этих планах стояла задача оторвать Рурскую область от Германии и передать ее под международный контроль, то есть фактически в руки англичан и американцев, а Саарскую область присоединить к Франции. Действия западных держав угрожали Германии лишением экономической самостоятельности и пре-

граждали путь к ее возрождению. Они продлевали состояние хаоса и разрухи и ухудшали тем самым бедственное положение широких народных масс.

В противоположность такой линии Советский Союз рассматривал мероприятия по ограничению промышленного производства Германии как временные и уже в июле 1946 г. выступил за то, чтобы не препятствовать увеличению производства угля, стали и другой промышленной продукции для мирных нужд. Советский Союз особо подчеркивал необходимость проводить во всех оккупационных зонах Германии единую экономическую политику с учетом линии на мирное развитие страны и удовлетворение потребностей населения. Советская сторона проявляла постоянную заботу о том, чтобы гарантировать выполнение одного из основополагающих принципов Потсдамского соглашения, согласно которому Германия должна рассматриваться как одно экономическое целое. Если бы западные державы руководствовались тем же принципом, то до раскола Германии дело никогда бы не дошло.

Крутой поворот в политике западных держав к форсированию развития западногерманской экономики, который произошел в середине 1947 г., был вызван, конечно, не какими-то филантропическими чувствами и симпатиями к немцам. В Вашингтоне и Лондоне в это время приняли окончательное решение о резком обострении политики конфронтации с Советским Союзом, не останавливаясь даже перед риском новой мировой войны. В этих условиях Германия с ее большими военно-экономическими и человеческими ресурсами превратилась для западных держав из побежденного врага в весьма ценного потенциального партнера по союзу, на которого можно было бы переложить главную нагрузку в случае новой войны. Не случайно Дж. Ф. Даллес называл Германию «самой большой военной силой после атомной бомбы».

Ускоренному восстановлению немецкого военно-промышленного потенциала содействовало вовлечение Западной Германии в «план Маршалла», которое было официально санкционировано шестью западными державами на лондонской конференции весной 1948 г. Ореол запланированной в крупных масштабах «благотворительной помощи», окружавший вначале американские поставки по «плану Маршалла», быстро улетучился. Жители западных зон Германии смогли на практике убедиться, что поступающая из-за океана «экономическая помощь»

была не столько проявлением заботы об улучшении благосостояния немцев, сколько выражением экономических, политических и военных интересов Соединенных Штатов. Но в конечном счете сопровождавшая эту «помощь» пропагандистская шумиха способствовала тому, что в сознании западных немцев так и осело утверждение, что американцы организовали тогда щедрые поставки продовольствия.

Во время моей учебы в Боннском университете я часто посещал английский информационный центр под названием «Мост». Там можно было прочитать все западные газеты и получить довольно полную информацию. Из прессы мне было хорошо известно, что в США в это время происходило тревожное снижение производства, грозившее перейти в депрессию и в экономический кризис. На складах американских промышленных компаний и торговых фирм скопилось большое количество лишних товаров, не находивших сбыта на внутреннем рынке. Эти низкокачественные товары составляли значительную, а вначале и основную часть поставок в Западную Германию по «плану Маршалла», причем на немецком рынке они продавались по высоким ценам.

Большое недовольство населения подобными фактами высказал в публичном выступлении руководитель бизонального экономического управления Землер (ХДС), который заявил, что необходимо покончить с положением, когда американцы по самым высоким ценам поставляют продовольственные товары, не годящиеся даже на корм курам. Поводом к такому высказыванию послужило то, что американцы в больших количествах поставляли в Западную Германию почти негодную к употреблению кукурузную муку. Изготовленный из нее хлеб цвета отрубей вызывал у голодающего населения возмущение, его с трудом можно было есть, а хлебные карточки на него расходовались, голод продолжался.

Оккупационные власти запретили публиковать это выступление, однако оно было распространено нелегально и переходило из рук в руки, даже продавалось на черном рынке. По требованию американцев Землер был снят со своего поста.

Практическое осуществление «плана Маршалла» показало, что США нисколько не были заинтересованы в оказании помощи европейцам, в том числе и западным немцам, в деле развития их национальной экономики. Согласно официальной американской статистике, доля

промышленного оборудования в поставках по этому плану составляла не более 10 процентов, продовольствия, кормов и удобрений — 25, сырья и полуфабрикатов — около 30, горючего — около 14 процентов. США поставляли в Западную Европу в качестве помощи больше арахиса, чем генераторов и электромоторов, почти столько же молока, сколько тракторов и сельскохозяйственных машин. Вместо текстильных станков западные немцы получали хлопчатобумажные ткани, вместо машин по переработке зерна — муку. Немецкие предприниматели, с которыми я часто беседовал на эту тему, жаловались, что немцы могли бы сами производить почти все ввозимые из США товары или закупать их в других европейских странах, если бы американцы с помощью ограничительных мероприятий военной администрации не препятствовали этому. Но США стремились в первую очередь к тому, чтобы сохранять неконкурентоспособность целых отраслей западногерманской экономики.

«План Маршалла» имел еще одну очень негативную сторону. Мало того, что средства, полученные от продажи поступивших из США товаров, переводились на специальный счет («эквивалентный фонд»), которым немцы могли распоряжаться только с согласия американцев, эти средства еще очень скоро стали открыто использоваться для военных целей, так же как и другие полученные от Америки кредиты.

Поскольку помощь Западной Германии в рамках «плана Маршалла» с самого начала была поставлена в зависимость от участия немцев в военном блоке Запада под руководством США, неудивительно, что военные аспекты американской поддержки все больше выдвигались на первый план. Поступающие средства прямо или косвенно шли на ускоренную ремилитаризацию западногерманской экономики, в особенности на возобновление и развитие производства вооружений, на строительство и реконструкцию стратегически важных железных и шоссейных дорог, а также мостов, портов и аэродромов, складов боеприпасов и казарм, которые официально предназначались для американских оккупационных войск, однако впоследствии были большей частью переданы вновь воскресшей немецкой армии.

Во все строившиеся тогда мосты, имевшие стратегическое значение, заделывались взрывные камеры, так же как и в стратегические дороги. Старые мосты, не имевшие взрывных камер, в срочном порядке снабжались

таковыми. Молодых немцев, выступавших против этого на митингах и демонстрациях, зарегистрировали как первых «нарушителей порядка и врагов демократии», так же как сегодня поступают с противниками ядерного оружия или участниками движения за мир.

В 1952 г. военная помощь Соединенных Штатов Западной Германии более чем в три раза превышала экономическую помощь. В это время уже стоял на повестке дня вопрос о ремилитаризации Западной Германии и создании бундесвера. Еще в декабре 1951 г. представители трех западных держав цинично заявили Аденауэру в Париже, что Западная Германия сначала должна поставить солдат, а после этого рассчитывать на экономические и политические льготы.

Таким образом, помощь по «плану Маршалла» оказалась для Западной Германии прелюдией к ремилитаризации страны и ее вовлечению в антисоветский военный блок — НАТО. Этот курс явился тяжелым бременем для немцев, он затруднил процесс восстановления в послевоенный период и придал экономическому развитию страны односторонний, аномальный характер. Если кто-либо и получил от него прямую выгоду, то это в первую очередь западногерманские концерны по производству вооружений, как бывшие, так и будущие, которые быстро завоевали прочные позиции. Нет никакого сомнения, что восхвалявшееся западной пропагандой «экономическое чудо», которым и сегодня могут гордиться многие западные немцы, явилось результатом не этого чуждого им курса, а прежде всего неустанного старания и самоотверженности миллионов простых людей в городе и селе, которые были полны решимости обеспечить для себя и своих детей человеческое существование.

Кстати, программы политических партий и профсоюзов, в которые были включены требования о свертывании деятельности монополий и обобществлении основных отраслей промышленности, не осуществились. Те, от кого зависело их выполнение, даже делали вид, что они никогда и не существовали.

Обещанная земельная реформа осталась на бумаге, передача основных отраслей промышленности в общественное пользование постоянно отодвигалась и в конце концов вообще не состоялась. Старые могущественные группировки вновь приобрели влияние. Было ясно, куда это может завести через несколько лет. Проведение

западными союзниками курса на установление своего порядка не обещало ничего хорошего, в то время как миллионы людей ждали обновления.

В 1950 г. я прочитал в западногерманской газете «Вельт» серию статей под общим заголовком «Стратегия холодной войны», автором которой был американец Джеймс Бернхэм. Пять лет спустя после войны он преподнес весьма примечательную интерпретацию «доктрины Трумэна». Он открыто провозглашал Советский Союз врагом и излагал следующие четыре жизненно важные задачи Запада: «освобождение» Восточной Европы, «объединение» Европы, разгром коммунистического и рабочего движения в Западной Европе, форсирование экспорта американского капитала в Европу. «Вельт» публиковала эту серию в 20 номерах начиная с 9 мая 1950 г., то есть со дня празднования народами СССР 5-летия Победы над фашизмом.

В настоящее время на Западе, и особенно в ФРГ, широко распространен тезис о том, что раскол Германии является будто бы главной причиной раскола Европы на два лагеря и возникновения «холодной войны». В действительности все было наоборот: раскол Германии и Европы явился прямым следствием развязанной Западом «холодной войны» против Советского Союза. Эта детально продуманная акция должна была изменить соотношение сил в Германии в пользу Запада.

Политические взгляды, которые я здесь излагаю, сформировались у меня, конечно, не в один день. Мне потребовались годы, чтобы понять, как следует оценивать развитие международной обстановки. Но одно я постиг быстро: силы, приведшие к войне, не могут быть гарантами прогресса и благосостояния. После войны появился шанс попытаться начать все по-новому, но вместо этого последовательно реставрировалось старое.

В эти годы поиска нового мировоззрения жизнь свела меня со многими интересными людьми из самых различных кругов. Я часто ездил в советскую оккупационную зону, чтобы принять участие в мероприятиях, проводившихся во время каникул в университетах Йены и Лейпцига, потому что меня интересовало, как там развиваются события.

Во время одной из таких поездок я познакомился с Лео Бауэром, заведующим отделом на радио ГДР. Позднее он стал советником Вилли Брандта по вопросам восточной политики. Он всегда расспрашивал меня

о настроеннях в тех кругах, с которымн я общался. Для меня он являлся тнпнчным ортодоксальным коммунистом. Он неоднократно предлагал мне переехать в Берлнн н работать на радно под его руководством. Я отклонял его предложения, поскольку к этому временн моя жена тоже переселнлась в Рендорф н мы смоглн обеспечнть себе вполне сносное существованне. Лео Бауэр был одной из колорнтнейшнх фигур послевоенной внутрнгерманской полнтнкн. Несколько лет спустя я вновь встретнл его, на этот раз в картотеке БНД. Бауэра зарегнстрнровалн как находящегося на подозреннн у этой службы.

Прнблнзнтельно в 1947 г., еще до денежной реформы, я познакомился с советскнмн офнцерамн — слушателямн высшнх военных учебных заведеннй (в Бонне тоже былн такне же англнйскне офнцеры, осуществлявшне контрольные функцнн), которые пронзвелн на меня хорошее впечатленне в чнсто человеческом плане. С ннмн у меня возннкалн полнтнческне днскусснн, часто довольно жаркне, но бывалн также н веселые студенческне вечерннкн. На основе этнх лнчных контактов возннкла атмосфера доверня, так что я без колебаний рассказал нм о моем прошлом н моей бывшей деятельности. Онн ннчем не попрекалн меня, хотя я работал в учреждетнн гнтлеровской Германнн, которое пользовалось очень дурной репутацней, н сказалн, что прнмут как друга любого, кто нскренне выступает за мнр. Прн этом онн, конечно, не нмелн в внду разведывательную работу, а только общественно-полнтнческую деятельность.

В ходе днскусснй советскне людн постепенно узнавалн меня, а я нх. Но только два года спустя у меня состоялся откровенный разговор с офнцерамн советской разведкн. Они поддерживалн контакт с однним монм знакомым времен войны, который передал мне прнглашенне прнехать в Берлнн для разговора. Этот знакомый, Ганс Ц., позднее ставший также сотруднником одного нз фнлиалов организацнн Гелена, взял затем на себя труд доставлять мон матерналы в Берлнн н поддержнвать связь, так как его поездкн в бывшую столнцу рейха обращалн на себя меньше вннмання, чем мон. Несколько лет спустя он подключнл к доставке монх матерналов нашего общего знакомого Эрвнна Т., но сам Эрвнн не вел разведывательной работы н не знал, что он перевозил. Ганс Ц. уже умер, а о судьбе Эрвнна Т. я ничего не знаю.

Я не боялся встречи с советскими разведчиками. Я попросил их учесть некоторые оговорки с моей стороны, и они выполнили эту просьбу.

В ходе процесса по моему делу в федеральном суде более детальные обстоятельства развития наших отношений остались нераскрытыми, и я не счел своим долгом раскрывать их, поскольку суд все равно имел собственное мнение.

Оглядываясь назад, я должен сказать, что меня удивило большое доверие, оказанное мне с советской стороны. Все-таки я был военнослужащим СС и работал в фашистской разведке. Когда я значительно позже поинтересовался этим, мне ответили: «А почему тебя это удивляет? Мы знали о твоей предыдущей жизни. И видели, что мы с тобой найдем общий язык».

После завершения моей учебы в Боннском университете я работал в конторе адвоката Пробста, занимавшегося делами министерства по общегерманским вопросам. Позже я получил место в этом министерстве и до конца 1951 г. работал в отделе по делам беженцев. Моя задача состояла в том, чтобы подробно опрашивать в лагерях для беженцев всех прибывающих туда бывших сотрудников народной полиции ГДР. В ту пору я часто ездил по этим лагерям, расположенным в разных местах, в том числе и в Западном Берлине. Тогда же я впервые увидел Герберта Венера, с трубкой во рту, с мрачным взглядом, всегда сосредоточенного. Он был председателем какого-то комитета в бундестаге, который пожелал получить информацию об одном из лагерей.

Результаты моих опросов оказались весьма продуктивными и по тому времени близкими к совершенству. Я их обобщил, а федеральное министерство по общегерманским вопросам издало их в форме брошюры под названием «О структуре народной полиции в советской оккупационной зоне по состоянию на начало 1951 г.». В ней содержалось все, что тогда можно было узнать о народной полиции: структура, вооружение, дислокация, штатное расписание и обучение, фамилии руководящего состава. Результаты моих опросов были тщательно зарегистрированы сотрудниками Гелена. Так я попал в поле зрения этой организации. Некоторые из моих знакомых также позаботились о том, чтобы там обо мне узнали. Все это позже привело к выходу службы Гелена непосредственно на меня.

Упомянутая брошюра пошла также в ООН, поскольку кому-то понадобилось «доказать», что в советской оккупационной зоне приступили к тайному созданию армии. Это был отвлекающий маневр, так как именно правящие круги ФРГ в действительности следовали агрессивному курсу и еще более обострили его после нападения США и их приспешников на Корейскую Народно-Демократическую Республику. Достаточно вспомнить о требовании Аденауэра от августа 1950 г. создать из числа добровольцев армию в 150 тыс. человек, которая бы стала составной частью так называемой европейской армии.

Я поступаю в организацию Гелена

В октябре 1950 г. в ФРГ было создано так называемое ведомство Бланка (будущее министерство обороны ФРГ.— *Прим. перев.*). Осенью этого же года министры иностранных дел США, Великобритании и Франции, а также совет НАТО одобрили вопреки Потсдамскому соглашению решение о ремилитаризации ФРГ.

«Старые бойцы» снова пользовались спросом. Не случайно как раз в это время по поручению организации Гелена со мной установил контакт бывший полковник Крихбаум. Он был очень хорошо информирован о моей работе в министерстве по общегерманским вопросам. Вот теперь начали давать результаты заведенные мною в свое время многочисленные знакомства и упомянутое выше сообщение о структуре народной полиции ГДР, которое я разослал всем нужным людям. Если бы я сам предпринял попытку установить контакт с организацией Гелена, то вызвал бы, как я позже в этом удостоверился, подозрения. Терпение себя оправдывает. Моя деятельность при ведении допросов в лагерях для беженцев и неизбежные при такой работе контакты с американскими следователями создали мне хорошую репутацию, а моя работа во внешней разведывательной службе РСХА явилась прямо-таки пропуском в организацию Гелена.

Крихбаум рассказал мне об организации Гелена, которая в основном состояла из бывших офицеров контрразведки и вела разведывательную работу против Востока. Эта ОГ, как ее сокращенно называли сами сотрудники, содержалась американцами, но пользовалась

полной самостоятельностью. Я еще в Бонне, а также от моих советских друзей слышал о существовании такой организации, но никто не знал ее целей и методов работы. Теперь я это узнал.

Мне было ясно, что перед визитом Крихбаума меня подвергли проверке. Это соответствовало обычной практике всех секретных служб. Значит, мои изменившиеся за это время политические убеждения и поездки на Восток не обратили на себя внимания.

После окончания учебы в Бонне я подал заявление с просьбой принять меня на работу в полицию, поскольку имел соответствующие знания. Однако англичане воспрепятствовали этому по неизвестным мне до сих пор причинам. Но поскольку их отказ шел по административной линии, это не сказалось, как я установил позже, на моей последующей работе в БНД. Предпринятые мной попытки устроиться в ведомство по охране конституции, находившееся тогда в процессе создания, также окончились неудачей, так что я принял предложение о работе в ОГ. Моим советским партнерам такое развитие событий вполне подходило. Это давало им возможность быстрейшим образом ознакомиться с планами и практической деятельностью этой организации. В ведомстве по охране конституции тоже собирались бывшие офицеры контрразведки, но ОГ действовала, минуя всякий парламентский контроль, все равно как отдел генерального штаба вермахта, совершивший спасительный прыжок через капитуляцию 8 мая 1945 г. прямо в Федеративную Республику Германии.

Устраивало это и меня, поскольку работа по опросу беженцев уже не удовлетворяла. Мы все с нетерпением ожидали, что произойдет дальше.

Интересно отметить, что Крихбаум фактически дважды помог мне. В первый раз, когда я хотел уйти из разведывательной службы. И сейчас, когда он привлек меня к этой работе. Но между нашими двумя встречами лежала целая пропасть.

Чтобы дать читателю более ясное представление об организации Гелена, я хочу сразу же в обобщенном виде изложить здесь то, что постигал в течение ряда лет, после того как 15 ноября 1951 г. был зачислен в состав генерального представительства L организации Гелена, находившегося в Карлсруэ.

Как же могло получиться, что сразу после безусловной капитуляции и гибели «третьего рейха», после роспус-

ка вермахта остатки этого гитлеровского военного аппарата не только продолжали существовать, но и вели (с американской помощью) работу, как будто ничего не произошло?

Как стало возможным, что американцы позволили побежденному врагу продолжать работу против бывшего союзника, работу, которой до самого конца войны занимался 12-й отдел генерального штаба сухопутных сил вермахта (его объектами являлись «иностранные армии Востока»)? И что это были за люди, которые могли продолжать свою жизнь как офицеры генерального штаба, не подвергаясь перевоспитанию подобно военнопленным в английской зоне, и которым тем не менее было разрешено участвовать в строительстве новой немецкой государственной системы?

Наряду с большим аппаратом фашистского шпионажа в рамках РСХА и управления заграничной контрразведки, так называемой службы Канариса (абвер), имелась еще фронтовая разведка. О существовании последней я, будучи молодым сотрудником СД, имел самые поверхностные сведения. Но если я хотел теперь поступить на работу в ОГ, этот носитель пережитков немецкого шпионажа, я должен был точно знать все ее разветвления, обстоятельства и организационные вопросы, связанные с ее прошлым и настоящим.

До войны абвер работал над составлением сводного обзора о Советском Союзе, его военном, экономическом и политическом потенциале, который из-за отсутствия возможностей для контроля и перепроверки оказался совершенно непригодным после начала войны, поскольку содержал роковые для Германии ошибки. Абвер был не в состоянии получать необходимую информацию из тыловых областей СССР. Использование информации входило в задачи 12-го отдела генерального штаба. К его сфере деятельности кроме Советского Союза относились Скандинавия и Балканы. По характеру и сложности дел приоритет, естественно, отводился подразделениям, которые занимались Советским Союзом. Этот отдел с 1 апреля 1942 г. находился под руководством полковника генерального штаба Рейнгарда Гелена. Гелен по предложению начальника оперативного отдела генерала Хойзингера получил задание превратить плохо работающий 12-й отдел в хорошо отлаженный механизм, который должен был разрабатывать сводки и прогнозы, соответствующие истинному положению

вещей. Гелен отличился еще при составлении военных планов нападения на Советский Союз, будучи руководителем восточной группы оперативного отдела немецкого генерального штаба. С октября 1940 г. Гелен отвечал за «общие вопросы ведения войны на Востоке».

Поскольку, как уже говорилось, от абвера по СССР поступала крайне недостаточная информация, Гелен создал большой учетно-аналитический аппарат. Чем безысходнее становилась военно-стратегическая ситуация на Востоке, тем больше разрастался отдел Гелена. Поскольку поток информации, которую должен был поставлять абвер, иссяк, Гелен начал использовать некоторые подразделения разведывательной службы: отделы фронтовой разведки «Ост (Восток)-I,-II,-III» (кодовое название «Валли-I,-II,-III»).

Секретная служба связи (телефонный контроль), контрразведка, радиоразведка, воздушная разведка, допросы военнопленных, фронтовая разведка и анализ положения противника — все входило в задачи аппарата, возглавленного Геленом, и это наконец позволило ему получать оценку тактической и стратегической ситуации, видимо близкую к качественной.

В этих же целях было организовано его довольно тесное сотрудничество с VI управлением РСХА. Отдел Гелена, например, принимал участие в подготовке операций «Цеппелина»[1], разрабатывая тактические указания по применению диверсионных групп и организации актов саботажа за линией фронта. Эти акции одновременно давали для отдела полезную информацию.

Из всей складывавшейся картины, которая становилась все отчетливее, ни командование вермахта, ни сам Гелен не сделали единственно правильного вывода: следовало положить конец войне. Гелен был и оставался настолько воинствующим антикоммунистом, что даже мысли такой не допускал. В этом плане ничто не отличало его от нацистов.

Еще задолго до капитуляции он принял решение поставить себя, свои знания и свой отдел со всеми его делами на службу тому из союзников, кто проявит готовность «закупить» его и затем соответствующим образом оплачивать его услуги. Будучи достаточно осторожным,

---

[1] «Цеппелин» название подразделения группы С VI управления РСХА, которое имело задачу забрасывать агентов за линию фронта *Прим. авт.*

Гелен держался подальше от заговорщиков 20 июля 1944 г., чтобы в случае неудачи путча не оказаться вовлеченным в этот водоворот, хотя после войны он всячески старался создать видимость, что поддерживал хорошие и тесные контакты с противниками нацизма. Знакомые ему лица из числа заговорщиков относились, во всяком случае, к тем, кто хотел только свергнуть Гитлера, но, получив перемирие на Западе, продолжать войну против Советского Союза.

Гелен поддерживал контакты и с СС, особенно с Шелленбергом. Включенные в РСХА после падения Канариса остатки абвера вели работу ряда фронтовых разведывательных органов, которые были важны для Гелена, поскольку занимались оперативной разведкой на фронте. После смерти Шелленберга Гелен нашел весьма благодарственные слова в его адрес, как, впрочем, и Гиммлера. По словам Гелена, действительно «злым духом» был один Гитлер, в то время как другие всего лишь делали свою работу и выполняли его приказы. Свою роль и деятельность он маскировал той же самой легендой: верный слуга отечества, главой которого являлся преступник.

Позже, при формировании бундесвера, предусмотренные для набора туда офицеры, начиная с полковника, должны были пройти проверку на наличие «демократических убеждений», которую осуществлял назначенный парламентом комитет экспертов по кадровым вопросам. При этом имело значение отношение проверяемого к событиям 20 июля, то есть к путчу против Гитлера, понимание верности солдатской присяге применительно к убийству тирана и т. д.

Генералу Гелену повезло, что ему не пришлось отвечать на вопросы членов комитета, но он наверняка обвел бы вокруг пальца и этот комитет, как он позже, будучи президентом БНД, сумел обвести вокруг пальца все парламентские контролирующие органы, такие, например, как комитет доверенных лиц бундестага, федеральная финансовая палата, федеральный суд, министерства внутренних дел отдельных земель, не позволяя никому не только заглядывать в свои карты, но даже догадываться о том, что у него в голове.

Генерал Гелен и его заместитель подполковник Вессель видели по своим стратегическим картам, что конец «третьего рейха» неизбежен и что остались считанные недели или даже дни до того, как вся Германия будет

оккупирована. Он не поддерживал намерения нацистского руководства вести партизанскую войну в подполье (группы «Вервольфа»). Следовательно, ему оставался выбор: либо «при приближении врага» уничтожить все дела и разогнать на все четыре стороны своих сотрудников, либо... Гелен и Вессель на совещании 4 апреля 1945 г. в Бад-Эльстере решили в пользу второго «либо».

Составленный ими прогноз выглядел так: война закончится в течение одного месяца. Немецкий вермахт необходимо в любом случае сохранить для западной стороны, чтобы обеспечить продолжение действия старой политической концепции в ожидаемом военном столкновении между Востоком и Западом, только уже под англо-американским руководством. С этой концепцией был согласен также командир подразделения фронтовой разведки «Ост-I» подполковник Герман Баун. Став после роспуска службы Канариса подчиненным РСХА, он разработал детальный план войны, которую можно было вести против Советского Союза и после крушения вермахта. План предусматривал саботаж, шпионаж, создание вооруженных партизанских соединений, подготовку радиосистем, создание секретных складов оружия и военного снаряжения, проведение антибольшевистской пропаганды и т. д.

Однако прежде всего следовало найти покровителей или из англичан, или еще лучше — из американцев, чтобы иметь возможность осуществить свой план продолжения войны. Англичане как островные соседи немцев были меньше заинтересованы в том, чтобы дать своим политическим и экономическим конкурентам на континенте неограниченные полномочия на продолжение войны конспиративными средствами. Установление связи с англичанами не исключалось, но в первую очередь начались поиски контактов с американцами. Все это происходило тогда, когда внешняя политическая разведывательная служба под руководством Шелленберга и фюрер СС и полиции в Италии Вольф вели через свои заграничные связи переговоры о капитуляции, причем Вольфа даже приходилось защищать от генералов вермахта, стремившихся продолжать войну в Италии без всякого смысла и цели, невзирая на большие потери. В это время Гелен в одиночку снаряжался для вступления в послевоенное будущее.

Западногерманский журнал «Шпигель» писал в 1971 г.: «Как никто другой из немцев, Гелен знал, что высоко-

поставленные военные и сотрудники секретных служб Америки видели в Советском Союзе уже не союзника, а потенциального противника в следующей войне». Поскольку он хотел находиться в этой же компании, ему пришлось предпринять все возможное, чтобы прийти к американцам с хорошим «приданым». Архив и картотеки отдела «иностранные армии Востока» были сняты на фотопленку, которую затем отправили во Фленсбург и в Баварию. Расположившись на одном из альпийских лугов, Гелен со своим штабом ждал конца войны, чтобы поступить в распоряжение американских вооруженных сил.

Это Гелену удалось, хотя и не сразу. Вначале его чуть не обошел подполковник Баун, у которого были те же намерения. Только 20 мая 1945 г. генерал Гелен и подполковник Вессель оказались в плену у американских солдат. К чести участвовавшей в боях американской армии, ее солдат следует сказать, что они весьма неодобрительно относились к антисоветским планам германского генералитета. На них не производили впечатление речи, направленные против их партнера по коалиции. Очевидно, по этой причине многих офицеров американских войск, бивших гитлеровскую армию, очень быстро отозвали в США.

До нас дошел один из диалогов Гелена с американским офицером из передовых частей. Гелен, будучи уже военнопленным, представился офицеру: «Я — начальник отдела «иностранные армии Востока» немецкого главного командования сухопутных сил». Офицер, не моргнув глазом, ответил: «Вы были им, генерал». Этот офицер-фронтовик армии США еще реагировал так, как предписывалось обязательствами антигитлеровской коалиции. В соответствии с ними каждый американский солдат обязан был пресекать даже словесные выпады немцев против Советского Союза. Гелен не ограничился этим, он предлагал сотрудничество в борьбе против Советского Союза. Офицер разведки обязан был передать дальше по инстанции то, что он услышал. Очень скоро, хотя и кружными путями, Гелен попал к офицеру американской военной администрации, который уже оказался поборником «холодной войны». В лагере для высших чинов с Геленом установил контакт американский генерал Эдвин Сайберт. С 1944 г. он являлся начальником разведки 12-й группы войск США. Его отношение к Гелену и планам 12-го отдела было самым бла-

гожелательным. Здесь сыграл свою роль Аллен Даллес, который занимался в Швейцарии упорядочением немецкого шпионажа против Советского Союза. Генерал Сайберт расчистил Гелену путь к переходу со всем своим аппаратом на службу к американцам. Проводившиеся согласно предписанию допросы в лагере для военнопленных перешли в «переговоры» за отлично сервированным столом. В августе 1945 г. генерал Сайберт отправил Гелена в Вашингтон. 7 июля 1946 г. генерал от секретной службы вернулся в Западную Германию с соглашением, которое он заключил с американцами, и приступил к формированию из числа своих старых сотрудников названной его именем организации.

На переговорах в Вашингтоне Гелен предложил поставить на службу американцам свой сработавшийся и сохранившийся почти полностью в организационном и материально-техническом плане аппарат для ведения работы против Советского Союза, если будут приняты и соблюдены определенные условия. Гелен так излагает их в своих мемуарах:

«1. С использованием имеющегося потенциала создается немецкая разведывательная организация, которая осуществляет разведку на Востоке или соответственно продолжает прежнюю работу в этом плане на основе общей заинтересованности в защите от коммунизма.

2. Эта немецкая организация работает не для американцев и не под американским руководством, а в сотрудничестве с американцами.

3. Организация работает исключительно под немецким руководством, которое получает задания от американской стороны, пока в Германии не существует нового германского правительства.

4. Организация финансируется американской стороной при договоренности, что эти средства не будут изыматься из бюджета на оккупационные расходы. Взамен организация передает американцам все результаты разведывательной работы.

5. Как только будет создано суверенное германское правительство, ему подлежит принять решение о том, будет ли продолжена работа организации или нет. До этого времени опеку над организацией осуществляет американская сторона.

6. Если организация когда-либо окажется в таком положении, при котором американские и немецкие интересы разойдутся, то организация свободна в своих дей-

ствиях по проведению линии, соответствующей немецким интересам».

Гелену удалось довольно быстро убедить осторожных вначале американцев в том, что он лучше, чем они, знает их великого союзника — Советский Союз. Рост напряженности между США и СССР до такой степени, когда произойдет вспышка,— вопрос только времени, и в этом случае решающую помощь может оказать лишь он. У него накопленные за много лет знания и опыт, квалифицированный персонал и множество агентов в Советском Союзе, которые только и ждут, когда их старые руководители, и именно они, вновь призовут их к активной работе.

Но остается ли организация Гелена временной вспомогательной группой для американцев до тех пор, пока не будут «израсходованы» возможности агентов Гелена на Востоке, или она разовьется в работоспособную реакционную разведывательную службу Западной Германии? — этот вопрос оставался открытым. Ответить на него было одним из моих первых главных заданий. Поэтому я поддерживал контакты со всеми западными оккупантами, к которым имел доступ, даже если они носили сугубо личный характер. Конечно, моими собеседниками являлись сотрудники администрации или офицеры оккупационных войск среднего уровня. Тем не менее еще в филиале ОГ в Карлсруэ я узнал кое-что об отношениях между генералом Геленом и соответствующими генералами американской разведывательной службы. Вначале нашими делами занимались представители Си-ай-си — американской контрразведки.

Вот на такой основе летом 1946 г. в Таунусе начала свою деятельность организация — наследница 12-го отдела («иностранные армии Востока») генерального штаба сухопутных сил вермахта. При выборе названия для нее действовали по существовавшей тогда традиции. Поскольку во время войны всем подразделениям с трудноопределимыми задачами присваивалось наименование «организация» плюс имя инициатора ее создания, то и новое детище генерала стало называться организацией Гелена (ОГ) или просто организация (орг.). В Германии слово «организация» было связано с такими понятиями, как порядок, плановость, обеспеченность и надежность, однако часто именно этим словом прикрывались недостатки, неразбериха и дилетантство. В организации Гелена долго было в ходу изречение:

«Мы называемся организацией, потому что у нас ее не существует».

Первое местопребывание ОГ в Таунусе не соответствовало, по-видимому, далеко идущим планам Гелена. Вскоре нашлось более подходящее: поместье Рудольфа Гесса в Пуллахе, под Мюнхеном. Бывший заместитель Гитлера Гесс построил здесь для себя и своего штаба довольно неплохое помещение, к которому прилегала обширная местность вплоть до лесистого берега реки Изар. Какое-то время это поместье являлось резиденцией рейхсляйтера нацистов Мартина Бормана, которого Гелен «разоблачил» потом в своих мемуарах как «агента русских». В апреле 1945 г. поместье служило штаб-квартирой генерал-фельдмаршалу Кессельрингу. После войны здесь располагалась почтовая цензура американской армии.

В поместье имелось достаточно места как для служебных, так и жилых построек, поскольку в первое время семьи сотрудников размещались там же, чтобы в те времена голода и черного рынка ограничить их контакты с немецким населением. Для семей сотрудников штаба Гелена установили далеко не голодные рационы, у них никогда не отключалась электроэнергия и не существовало никаких ограничений, обычных тогда для немецкого населения. Здесь всего было в изобилии: тепло от центрального отопления, продовольствие из запасов армии США, табак, кофе, масло, пошивочный материал, короче говоря, никакой нехватки, в то время как немецкое население голодало и мерзло, часто не имело пригодных жилищ. Ему приходилось выбивать в различных учреждениях необходимый минимум для жизни, оно не могло обходиться без черного рынка.

В этом «лагере святого Николауса» (так назывался поселок, поскольку его заселили 6 декабря 1947 г., в день святого Николауса) имелись также детский сад и школа для детей сотрудников, больница, парикмахерская, столовая, прачечная, кинотеатр, то есть все необходимое для того, чтобы не чувствовать неприятных последствий проигранной войны.

Когда в 1948 г. при проведении денежной реформы каждому жителю Западной Германии разрешили обмен суммы в 40 марок, сотрудники Центра ОГ могли обменивать любую сумму. Уже тогда друзья и родственники кое-кого из сотрудников завидовали их необъяснимому даже для этих друзей и родственников благосостоянию.

Правда, средства, которые поступали на покрытие служебных затрат и на зарплату сотрудникам, были не такими уж щедрыми, однако натуральные доходы в виде сигарет и кофе значили даже больше, чем наличные деньги, по крайней мере до денежной реформы. К тому же официально допускалась торговля на черном рынке как средство повышения бюджета сотрудников. Еще в 50-х годах в кругах организации ходили разговоры о том, что при необходимости штатные специалисты ОГ по черному рынку могли поехать с долларами из американской армейской кассы в район Мюнхена, славившийся как «золотое дно» черного рынка, чтобы пустить эту валюту (иметь которую немцам строго запрещалось) в оборот путем обмена или каких-либо других «гешефтов». Но как только доллары сменяли владельца, сейчас же на месте оказывалась военная полиция, которая оцепляла район и во время этой целенаправленной облавы задерживала несчастного обладателя долларов для выяснения личности. Он, конечно, был рад избавиться от них, поскольку, являясь в его руках запрещенной валютой, они грозили ему тюремным заключением. Таким вот образом доллары через участвующую в игре военную полицию с процентами возвращались обратно в ОГ.

Другим путем добычи денег была торговля на черном рынке кофе, который поступал тоннами и беспошлинно как составная часть армейских поставок, а на черном рынке продавался в розницу через пункты сбыта, принося сказочные прибыли.

Конечно, случались и проколы, но с помощью американских оккупационных властей удавалось предотвращать наиболее неприятные последствия. Обстоятельства ухудшились, когда со временем таможенная служба по борьбе с контрабандой раскрыла этот способ мошенничества с таможенными сборами и налогами. В 1953 г. состоялся большой процесс, проведению которого американцы помешать не смогли. Но и на нем не были названы ни генерал Гелен, ни его организация, поскольку попавшийся «кофейный король» на черном рынке держал язык за зубами и все брал на себя, не допустив компрометации организации Гелена. На такое «рыцарское» поведение главного обвиняемого вдохновили высокие денежные отчисления и отступные. Оно потом полностью окупилось.

В качестве наблюдателя от Центра ОГ на процессе присутствовал будущий правительственный директор Гер-

больд, конечно не официально, а под видом журналиста. Он имел фальшивое удостоверение члена объединения баварских журналистов, которое изготовила техническая служба ОГ. Единственно подлинной на этом удостоверении была фотография его владельца. В обязанности Гербольда входило ежедневно после окончания заседания докладывать, как проходит процесс. Когда процесс подходил к концу, все «мины» уже обезвредили, прежние проделки на черном рынке скрыли, репутация ОГ осталась незапятнанной. В это время Гелен боролся за перевод его организации в систему государственных учреждений, и такое разоблачение, да еще раздутое прессой, могло иметь самые худшие последствия. Ну а так мусор замели под ковер и утоптали, никто ничего не заметил.

Существовал еще один путь к получению материальной выгоды, который даже не требовал больших первоначальных затрат. Для всех поездок по железной дороге сотрудники ОГ пользовались американскими воинскими проездными билетами, изготовлявшимися в Центре. На них обозначались фамилия пассажира, станции отправления и назначения. Однако станция назначения никогда не соответствовала месту подлинной цели поездки, она указывалась на несколько станций дальше действительно необходимой. Сходя на нужной ему станции, сотрудник ОГ говорил перронному контролеру, что прерывает поездку, а до обозначенной в билете станции поедет позже. Таким образом, билет у него не отбирали и сотрудник затем возвращал его в Центр, где он и уничтожался. Железная дорога этот билет не регистрировала и соответственно не могла предъявить за него счет, а стоил он девять марок, которые оплачивались из оккупационных расходов.

Система германских железных дорог лишалась, таким образом, значительных денежных поступлений, поскольку в организации такая практика была распространена не только на служебные разъезды, но и на поездки в отпуск, и не только сотрудников, но и их семей. Для организации и ее персонала это составляло весьма внушительную экономию. И наконец, заправка не только служебных, но и личных автомашин на принадлежащей ОГ бензоколонке по удешевленным ценам тоже облегчала жизнь сотрудникам организации.

Итак, в Пуллахе начали закладывать фундамент будущей федеральной разведывательной службы, продол-

жая прежде всего делать то, что делали и раньше: шпионаж и борьба против Советского Союза, против Востока. Причем все оставалось по-старому. Под службой I имелась в виду, как и раньше, разведка военного и экономического потенциала других государств. Это был классический военный шпионаж, сначала прикрывавшийся названием «секретная служба связи». Работа против иностранных служб безопасности и контрразведки, политический шпионаж, наблюдение за политической ареной в собственной стране являлись задачами службы III. Она занималась контршпионажем, то есть борьбой против иностранных разведок, а также работой с агентами-двойниками. Все эти устоявшиеся в течение многих лет еще в службе Канариса понятия и термины оставались в силе, даже занимались этим делом те же лица, что и до 1945 г.

Следует напомнить, что, когда в конце 1947 г. организация Гелена начала действовать, в советской оккупационной зоне подобного учреждения еще не существовало. То, что создание эффективного защитного аппарата — Министерства государственной безопасности ГДР — было спровоцировано развитием событий в Западной Германии, сейчас в ФРГ никто не хочет признавать. Однако заниматься шпионажем в разделенной войной Германии начал именно Гелен.

Вначале он считал своей задачей продолжать шпионскую работу 12-го отдела генерального штаба («иностранные армии Востока») и управления заграничной контрразведки верховного командования вермахта (абвер). Генерал Гелен подыскал среди своих бывших сотрудников целый ряд лиц, которые составили руководящее ядро организации. Наиболее выдающиеся личности из этой элиты перешли после легализации организации Гелена в 1956 г. в созданную тогда же федеральную разведывательную службу (БНД).

Приспособившись к послевоенной политике президента США Трумэна и руководителя секретной службы Аллена Даллеса, Гелен видел в своей организации нечто большее, чем преемницу шпионской службы генерального штаба рейхсвера во главе с генералом фон Зееком, созданной после проигранной войны 1914—1918 гг. Гелен с самого начала стремился получить все полномочия по руководству военным, политическим и экономическим шпионажем, что ему и удалось, поскольку он действовал невзирая на политическую судьбу немец-

кой нации и делал всю ставку на «холодную войну», развязанную США. Шпионаж против Советской Армии Гелен вел, не считаясь ни с какими соглашениями и не гнушаясь никакими средствами.

В организации активно работали бывшие офицеры генерального штаба Эрнст Фербер, Йозеф Молль и сын бывшего начальника генерального штаба Гудериана подполковник Хайнц Гюнтер Гудериан. Другие искали в организации только временное укрытие, чтобы дождаться начала реставрации и восстановления армии. К ним принадлежал будущий первый генеральный инспектор западногерманского бундесвера и бывший генерал фашистского вермахта Адольф Хойзингер, который до возобновления своей активной деятельности скрывался в «лагере святого Николауса» под кличкой Хорн. Как вспоминал доверенный человек Гелена Хайнц Герре, «тогда задача состояла в том, чтобы подобрать на улицах как можно больше офицеров».

То, что однажды удалось при восстановлении немецкого военного шпионажа в рейхсвере, Гелен хотел сделать своей практикой и, заняв ключевые позиции, обеспечить себе влияние в новом вермахте. В дополнение к этому генерал Гелен сразу же предусмотрел и ведение шпионажа внутри страны. Это усиливало его влияние и давало право свободного доступа к первому федеральному канцлеру правительства ФРГ Конраду Аденауэру.

Наименование «организация» должно было создавать у общественности впечатление, что речь идет об обычной торговой фирме под руководством генерального директора д-ра Шнайдера, он же генерал Гелен. В тоске по старым добрым временам и по прежнему статусу Гелен не ограничился просто гражданским титулом «директор», выбрав титул «генерального директора» и «генеральной дирекции» (ГД). Для поездок в Бонн в спальном вагоне он пользовался фамилией Геблер.

Дочерние учреждения шпионского аппарата в западногерманских городах и землях получили названия «генеральные представительства» и «филиалы». Эта система была признана американцами. Другие концепции они отвергли, в частности отклонили меморандум бывшего шефа СД в РСХА Олендорфа (май 1945 г.) в адрес так называемого правительства Деница, поскольку сочли его слишком «прозрачным». Однако основная мысль меморандума о комплектовании организации бывшими

людьми Шелленберга и сотрудниками службы Гиммлера сохранилась.

В меморандуме Олендорфа, в частности, говорилось: «Декларации союзной военной администрации, а также обсуждение этих вопросов не только зарубежной общественностью, но и в Германии показали, что существуют неправильные представления о сути, задачах и подлинном значении СД, по меньшей мере в том виде, в котором она существовала под моим руководством. Это, а также распоряжение о полном роспуске СД побуждают меня выдвинуть для официального обсуждения с оккупационными властями предложение об историческом развитии этой разведывательной службы и ее возможных функциях в рамках нынешнего правительства рейха». Подразумевалось, что сотрудники СД готовы к участию в этом процессе «развития».

В нарушение соглашений и договоренностей антигитлеровской коалиции, игнорируя приговоры Нюрнбергского трибунала военным преступникам, англичане и американцы не только поощряли, но и активно поддерживали Гелена, в том числе при наборе им в свою организацию людей из СД и СС. При этом генерал Гелен руководствовался двумя принципами: во-первых, при наборе бывших ведущих работников СД не нарушать право немецкого генерального штаба на руководящие посты. Это право имели только военные. И во-вторых, опытные сотрудники СД и гестапо должны получать в организации места в первую очередь в подразделениях по шпионажу внутри страны и контршпионажу.

Читатель без труда поймет, что подобное «преодоление прошлого» не носило даже организационного характера, не говоря уже о политическом. Набор в ОГ бывших фашистов был в интересах немецких военных, и так получилось, что именно фашисты начали в организации составление досье на политиков всех категорий, всех взглядов, от буржуазных до коммунистических, и таким образом определяли, кто мог значиться как враг «западной демократии».

Как уже говорилось, организация генерала Гелена вначале набирала персонал преимущественно из бывших сотрудников секретных и разведывательных служб «третьего рейха». Однако она привлекала и бывших офицеров из войсковых штабов, которые вели там контрразведывательную работу. Путем опросов и отбора в ла-

герях для беженцев добывались «наводки» на людей для шпионской работы на Востоке. Помимо этого систематически устанавливались связи с отдельными лицами во всех учреждениях молодой Федеративной республики, то есть в государственном аппарате, полиции, администрации, на радио, а также в хозяйственных учреждениях. Это делалось для внедрения там секретных сотрудников. Одним словом, не было ни одной сколько-нибудь значительной области жизни, под которую не подкапывалась бы организация Гелена.

Договорившись с бывшим полковником Крихбаумом о моем зачислении в штаты организации Гелена, я 15 ноября 1951 г. выехал в Карлсруэ, чтобы здесь приступить к работе в генеральном представительстве L (ГП). Когда я вышел из вокзала, на меня сразу же произвел удручающее впечатление неприглядный вид домов и улиц. Это определило мое решение не перевозить сюда на постоянное жительство мою семью, которая жила в Бад-Хоннеф. Вот и дом по улице Гервигштрассе. На заднем дворе его я прежде всего увидел несколько автомашин, а затем уже и фирму «Циммерле», небольшое предприятие по изготовлению жалюзи. Я поднялся на второй этаж. Здесь и «приткнулось» бюро генерального представительства. Руководитель этого филиала ОГ пристроился на проживание к вдове бывшего владельца фирмы, используя это как хорошее прикрытие.

Руководителем генерального представительства L в Карлсруэ, которое действовало под вывеской фирмы «Циммерле и К°», являлся бывший человек Канариса Бенцингер, он же Лейдль. Во время второй мировой войны Бенцингер находился во Франции и служил в абвере. Едва ли он обладал качествами квалифицированного руководителя. Сотрудники его недолюбливали и называли Толстяком.

Из числа персонала генерального представительства наиболее заметными были Генрих, он же Филипп Гербольд, и особенно Ришке, он же Оскар Райле. Бывший подполковник абвера Райле пользовался почти легендарной репутацией и во время войны побывал как на Восточном фронте, так и на Западе. До 1945 г.— это один из ведущих офицеров Канариса во «внешней точке». Свои главные функции он выполнял во Франции, откуда его и знал Лейдль, хотя Райле его едва ли помнил, поскольку Бенцингер тогда больше занимался снабжением столовых, чем участием в оперативных

мероприятиях. Оскар Райле возглавлял подразделение контршпионажа в ГП.

Работа генерального представительства L велась по трем главным направлениям. Близость к Франции и Саарской области определяла интерес к французским оккупационным войскам и органам, особенно в Саарской области. Далее, в ФРГ была создана сеть доверительных связей, которые, используя свою сферу деятельности, могли добывать информацию или оказывать какую-либо помощь организации. Практически во всех областях жизни Западной Германии имелись люди генерального представительства L. И наконец, ГП вело разведывательную работу против ГДР, где предпринимались попытки создать сеть контршпионажа. Деловые качества Райле привели к тому, что он в основном контролировал результаты работы Лейдля как руководителя филиала и критически оценивал их, что отнюдь не содействовало росту авторитета Толстяка. Более того, это явилось причиной желания многих сотрудников ГП добиваться перевода в другие точки. Но пока Райле оставался в генеральном представительстве (а он был моим непосредственным начальником), я мог заниматься творческой работой и игнорировать повадки и манеры малосимпатичного Толстяка. Но все изменилось, когда подполковник Райле в 1952 г. перешел в Центр.

Оскар Райле был опытной «лисой немецкого военного абвера», от которого я, в частности, научился ремеслу работы с агентами-двойниками. В то время Райле действительно оказался большой находкой по части шпионской работы. Он охотно рассказывал, как в 1921 г. в Данциге начинал свою шпионскую деятельность против Польши. Его шефом являлся полицай-президент Фробес, позже ставший членом фашистской партии и перспективным сотрудником СС. Райле называл его «своим первым учителем в службе абвера, который воспитывал его в духе этого ведомства». При таком воспитании Райле нисколько не смущала моя бывшая принадлежность к СС, наоборот, это вызывало у него симпатию. Из разговоров с ним я узнал, что Райле уже в то время занимался психологической войной против Востока. Он был и остался выходцем из духовной элиты антикоммунизма, каковым и сам себя считал. В 1965 г. Райле опубликовал свои дневники, где писал: «Психологическая война играла важную роль в этом столетии в плане подготовки «горячей войны». Она служила

также для того, чтобы повысить эффективность военных и политических мероприятий воюющих сторон... Следует задуматься над тем, как наиболее целесообразно организовать построение органов по ведению психологической войны, если их использовать, с одной стороны, для отражения нападения противника, а с другой — для поддержки политических и военных планов с перспективой на успех».

После отъезда Райле из Карлсруэ между руководителем ГП и мной начались конфликты, в частности, по вопросу расходования финансовых средств, которые он использовал в своих личных интересах. Тем не менее Лейдль оказался полезным для выполнения данного мне задания, потому что связь его частных «гешефтов» со служебной деятельностью и его страсть к хвастовству позволили мне «заглянуть» в агентурную сеть этого представительства.

Генеральное представительство в Карлсруэ имело всего около 300 сотрудников, включая 16 сотрудников фирмы «Циммерле и К°», которые составляли «штаб». Наша сеть охватывала всю территорию Федеративной республики. Вместе со своими информационными источниками и другими агентами в ГДР это генеральное представительство, несомненно, имело особое значение для Гелена.

Генеральное представительство в период с 1950 по 1953 г. имело, по моим сведениям, по меньшей мере 42 источника, которые действовали непосредственно в Восточном Берлине и советской оккупационной зоне. Представительство располагало также источниками, наводчиками, курьерами и другой агентурой в нейтральной Австрии, в Швейцарии, Франции и Югославии. Следует отметить, что руководство этой сетью осуществлялось не только 16 сотрудниками генерального представительства, но также и сотрудниками подпредставительств (ПП), которым было придано, в свою очередь, большое число филиалов. Толстяк оставил за собой право лично «управлять» источниками и связями за границей и в Баварии. Но кроме этого нужно было еще заниматься внедрением агентуры за «железным занавесом» и руководить ею.

Свою деятельность я начал с изучения многочисленных старых личных дел, с тем чтобы, проанализировав их, выяснить, кого можно было бы завербовать в качестве агента или агента-двойника. По традиции новичку всегда давали самые неприятные поручения. Я ежедневно просиживал с семи утра до пяти вечера за письмен-

ным столом, ободряемый только моим начальником Райле, и перелистывал старые дела.

Райле и Лейдль были особенно заинтересованы в организации шпионажа и контршпионажа в сфере отношений между Францией и ФРГ. С этой целью они создали агентурную сеть в Саарской области и почти на всей территории Федеративной республики. Эта сеть использовалась для шпионажа за французскими учреждениями, для проникновения в профранцузски настроенные круги и их разложения с переориентацией в пользу политики Аденауэра. Такая направленность работы определялась указаниями генерала Гелена. По согласованию с американцами Лейдль обставил агентурой тогдашнего представителя французского верховного комиссара в Германии. Как пояснил Райле, все это делалось для того, чтобы обеспечить ФРГ господствующие позиции в Западной Европе. По его словам, такая линия соответствовала не только замыслам Аденауэра, но и американским интересам.

Как и положено в шпионском деле, я работал под псевдонимом. Внутри организации я пользовался именем Фризен, но выступал также под именами Зандерс или Бек. Естественно, у меня имелись и соответствующие фальшивые документы, получить которые не составляло никакого труда, об этом позаботились американцы.

Агенты-двойники, которыми я в то время руководил, едва ли имели какое-то значение. В 1951—1952 гг. генеральное представительство интенсивно работало над тем, чтобы приобретать новую агентуру в ключевых политических и экономических сферах ФРГ и Западного Берлина, а именно в министерствах, правительствах земель, органах полиции и пограничной охраны, в адресных столах, в политических партиях, профсоюзах, на предприятиях, а также в дипломатических представительствах боннского правительства за рубежом. Нельзя не отметить, что досье при этом заводились на ведущих политиков не только из оппозиционных партий.

Программа «Юно»

В 1953 г. характер организации как сфокусированного центра националистической и воинствующей антикоммунистической политики стал еще более явным. Когда мы получили от Гелена поздравление с Новым

годом, то в нем уже просматривалось, в каких больших масштабах будет осуществляться работа организации против ГДР на ее собственной территории. В письме, в частности, также указывалось: «Безупречное взаимодействие всех сотрудников вело нашу деятельность в минувшем году по постоянно восходящей линии. В будущем году мы столкнемся с новыми проблемами несколько иного рода в рамках поставленной перед нами, немцами, задачи. Я не сомневаюсь, что работа всех сотрудников позволит нам и здесь добиться успешных, одинаково признаваемых всеми крупными немецкими партиями достижений».

Гелен точно знал, что писал, и мне было ясно, что имелось в виду под «одинаково признаваемыми всеми крупными немецкими партиями достижениями». Речь шла о попытке контрреволюционного путча против ГДР 17 июня 1953 г., подготовка к которому велась полным ходом еще до наступления этого года. Подтверждением этому служит датированная 29 июля 1952 г. «ориентировка 6600», чаще называемая по ее шифру программа «Юно». Она ориентировалась на внешнеполитические и милитаристские планы Вашингтона и опровергала созданную Геленом легенду, что его организация не участвовала в подготовке к вмешательству с применением силы и к войне в 1953 г. Наоборот, этот нацеленный на войну документ составляли лучшие умы ОГ при согласовании с Бонном, и организация действовала тогда самым активным образом в сотрудничестве с ЦРУ. Хотя это и известно, я хотел бы напомнить, что накануне 17 июня 1953 г. Западный Берлин посетили в высшей степени интересные лица: Аллен Даллес, глава ЦРУ, Элеонора Даллес, специальный помощник государственного секретаря по проблемам Берлина (прошу обратить внимание на титул.— *Прим. авт.),* генерал Мэтью Риджуэй, командующий 8-й американской армией во время агрессии в Северной Корее, прославившийся своими варварскими методами ведения войны (позднее верховный главнокомандующий вооруженными силами НАТО в Европе), и Отто Ленц, статс-секретарь в ведомстве федерального канцлера. 17 июня туда же прибыли Якоб Кайзер, министр по общегерманским вопросам, и Генрих фон Брентано, бывший тогда председателем фракции ХДС/ХСС в бундестаге, а также лидер СДПГ Эрих Олленхауэр. Сегодня, вероятно, каждому ясно, зачем там собралось такое избранное общество.

«Ориентировка 6600» представляла собой только верхушку айсберга. Для аргументации целесообразно, видимо, привести некоторые наиболее примечательные места из этого документа, в котором открыто говорилось о подготовке ко дню «Х». Вот эти отрывки из произведения Гелена: «Обострение обстановки ставит неотложную задачу серьезно приступить к подготовке на случай «Е». *По имеющимся данным, психологические предпосылки благоприятствуют этому* (курсив *Х. Ф.*)... На основании соотношения сил между Востоком и Западом в Европе вначале следует считаться с периодом отступления, за которым после подхода дополнительных сил может последовать период стабилизации фронтов. Поэтому данной стадии при подготовке будущей войны должно быть уделено главное внимание».

В программе «Юно» для службы III (политический шпионаж, работа против иностранных разведок) предусматривались три четко разграниченные задачи:

1) меры раннего предупреждения,

2) подавление разведывательных служб противника всех направлений в собственном тылу (службы I, II, III),

3) ведение службой III разведки в тылу противника.

Программой «Юно» все главные подразделения организации ориентировались на проведение провокаций. Особый упор делался на подготовку и специфическое применение агентуры, от курьера до руководителя группы. В программе по этому поводу говорилось: «Следует подчеркнуть, что наряду с размещением в нужном объекте особое значение в случае войны приобретают самостоятельное мышление и действия агентуры... Полное значение сохраняет правило, что по каждому источнику, особенно в советской оккупационной зоне, должны быть приняты все меры, гарантирующие быструю доставку сообщений в случае начала войны или уплотнения «железного занавеса». Интересно, что в инструкции по подготовке агентов указывался срок ее действия: в течение целого года. Программа «Юно» содержала также указания по усилению «наблюдения за высшими правительственными и партийными органами ГДР, а также за имеющимися там информационными центрами». Кроме того, требовалось организовать «наблюдение за исходными пунктами для образования и укрепления центров сопротивления, сбор данных о людском потенциале, возможной степени его использования, его разделении на военных и рабочих».

Очевидно, нет надобности разъяснять, что можно было набрать целый каталог таких «общеобязательных» мероприятий, которые не в последнюю очередь нацеливались на значительное увеличение числа агентуры в зоне проведения операций. В дополнение к программе «Юно» появились еще несколько таких документов, как, в частности, поступившая к концу 1952 г. «ориентировка 2400», направленная на усиление контршпионажа. Имелись и другие бумаги, содержавшие специальные задания.

Эксперты ОГ по психологической войне получили указание относительно более тесного взаимодействия с сотрудниками, непосредственно занимающимися шпионской и подрывной деятельностью, а также с так называемыми европейскими резидентами американских радиостанций РИАС, «Голос Америки», «Свободная Европа» и «Свобода». Последней радиостанции (вещание на Советский Союз.— *Прим. перев.),* согласно указаниям, следовало начать передачи весной 1953 г. Механизм пропаганды был заведен до предела. РИАС, например, уже в начале 50-х годов в своих передачах прибегала к «успокоительным» формулировкам такого рода: «Те, кто нас слушает, знает, что мы не занимаемся распространением лжи, слухов или клеветы». Или: «У нас, правда, нет точной информации, но можно быть уверенным, что...»

Если учесть, что начало новой (мировой) войны пророчилось на конец 50-х годов, а в программе «Юно» говорилось о «стадиях *будущей* войны», то даже непосвященному читателю этого документа бросились бы в глаза сплошь и рядом указания на *срок подготовки в течение одного года.* Что касается штатных сотрудников ОГ, то каждый из них мог бы и без устных разъяснений увидеть содержащиеся в тексте «ориентировки 6600» намерения, хотя для их полного понимания требовалось ежедневное общение с условным языком секретной службы.

Заблаговременно полученные сведения о программе «Юно» дали возможность действенным образом разоблачить эту политику правительств ФРГ и США, помогли Советскому Союзу и Германской Демократической Республике быстро прореагировать на провокации в 1953 г., организованные в наиболее чувствительной точке соприкосновения между Востоком и Западом, и сорвать планы организации путча в ГДР.

Исход попытки контрреволюционного путча в ГДР 17 июня 1953 г. известен. Его главным инициаторам — ЦРУ и ОГ — он принес не только сокрушительное поражение в течение нескольких часов, но и последовавший за ним разгром их агентурных сетей к востоку от Эльбы. Однако несмотря на это, Центр в Пуллахе продолжал готовить операции по типу программы «Юно».

После поражения в 1953 г. в организации и генеральных представительствах, как никогда, открыто стали проявлять себя реваншистские и националистические силы. Они не понимали, почему американцы не пошли ва-банк. На них обижались за то, что они не перешли демаркационную линию, в результате чего организация потеряла многих агентов.

Не смирившись с неудачей, организация провела в 1953—1954 гг. большую работу по политической дифференциации как в собственных рядах, так и в своих филиалах. «Умеренные» и заигрывающие с социал-демократами сотрудники в шпионских ведомствах ФРГ были оттеснены на задний план, а на авансцену выступили наиболее воинствующие силы. Вражда между ведомством по охране конституции и организацией также переросла в открытую конфронтацию. Генерал Гелен считал, что ведомство по охране конституции было нашпиговано национальными предателями, так называемыми сопротивленцами 20 июля 1944 г., которых он, несмотря на свои восхваления в их адрес, глубоко презирал. Вражда между генералом Геленом и первым президентом ведомства по охране конституции Отто Йоном с середины 50-х годов перестала быть тайной (по крайней мере, для сотрудников ведомства).

Недоверие генерала Гелена переросло в глубокую ненависть, которая еще более усилилась, когда он понял, что Отто Йон действительно верил в мирный путь и демократическое развитие буржуазной Германии и к тому же еще пытался организовать подчиненную ему службу в духе верности конституции. Как выявилось потом, Отто Йону не хватило сил, чтобы пробиться через оппозицию реакционно-консервативной клики из секретной службы. Позже я еще расскажу о связанной с этим личной трагедии Отто Йона. В его судьбе проявилось то, что между двумя антиподами — ФРГ и ГДР — не было идеологически нейтрального промежуточного пространства, на основе которого можно было бы содействовать решению германских дел.

Последовавшая после событий 1953 г. поляризация сил содействовала созреванию моего решения ускорить проникновение в Центр службы Гелена. При этом, однако, важно было не допускать спешки и использовать только имевшиеся у меня в ГП возможности. К этим возможностям относилось обещание Райля, данное им при переезде в Пуллах, потянуть меня за собой в Центр, а также личный конфликт между руководителем генерального представительства Лейдлем и Гансом Фризеном, то есть мной.

Я постарался раздуть этот конфликт, постоянно жалуясь в Центр на грубые и грязные интриги Лейдля. Я мог это сделать еще и потому, что приютившее меня подразделение «контршпионаж» являлось официально признанным, и мне не грозило увольнение. Тем не менее при такой игре сил в ОГ существовал определенный риск, который я не всегда мог обсудить с советскими офицерами. Кстати, они были настроены не слишком оптимистически в отношении возможности моего проникновения в Центр. И все же это состоялось. 21 августа 1953 г. руководитель фирмы Лейдль письменно сообщил мне (я в то время болел), что в октябре 1953 г. меня переводят в Центр. Как истинный лицемер, он писал: «Только уверенность в том, что Вы в Центре возглавите реферат, который тесно связан с нами и, к сожалению, недоукомплектован, заставила меня выполнить желание руководителя «30» (шифр Гелена.— *Прим. Х.Ф.)* о Вашем переводе».

В «лагере святого Николауса»

Завершив все свои текущие дела, я 1 октября 1953 г. выехал в Центр, чтобы приступить к выполнению обязанностей в подразделении по контршпионажу. Организация к этому времени уже размещалась в поместье Рудольфа Гесса в Пуллахе.

Когда я рано утром вышел из вагона на главном вокзале Мюнхена, там меня уже ожидал мой новый шеф с машиной. По дороге в Пуллах я размышлял о своем будущем, о том, что мне необходимо сделать, чтобы справиться с задачей. Через главные ворота, предъявив американские документы, мы въехали на территорию, где за полуторакилометровой серой стеной и проволокой находились более 20 двухэтажных домов, бараков и бункеров.

Итак, я поступил в распоряжение подразделения по контршпионажу, кодовое обозначение «40», которое располагалось в одном из бараков. Со всей штаб-квартирой я не стал сразу знакомиться, поскольку было нецелесообразно в первые же дни проявлять излишнее любопытство. Окружение и персонал в Центре произвели на меня впечатление спокойствия, деловитости и ухоженности. Резиденция приятно отличалась от заднего двора генерального представительства в Карлсруэ.

Мой новый шеф, барон фон Роткирх унд Пантен, возглавлявший в организации подразделение по контршпионажу, был отпрыском обедневшего, но древнего, возвысившегося еще при Фридрихе Великом силезского дворянского рода. Он вполне соответствовал вкусам Гелена, судившего о людях по их родословной и положению, предпочитавшего силезцев и офицеров генерального штаба.

Пятидесятипятилетний барон фон Роткирх — типичный «поместный дворянин» — отдавал свои указания с ядовитым, но тонким юмором и вел почти спартанскую жизнь. В рабочей обстановке он называл себя «Родерих». Свой опыт в области контршпионажа Роткирх получил у Канариса, долгое время служил в отделе абвера в Бреслау и, как закоренелый антикоммунист, был отмечен за особые заслуги во время войны в подразделении «Валли-III», то есть, в службе контршпионажа. Он работал против советских агентов, организовывал дезориентирующие радиоигры и, главное, разработал «искусную систему» использования трофейных материалов и допроса пленных. У нас все время говорили, что именно здесь крылась подлинная сила прежнего 12-го отдела генерального штаба. Однако послевоенная практическая работа абверовцев заставила меня усомниться в этом.

В подразделении «40», являвшимся фактически наследником службы III абвера, сейчас пытались придерживаться прежних «традиций» и вести шпионаж против Востока так же интенсивно. Очень быстро после моего вселения в «лагерь святого Николауса» я понял, что в Центре, то есть генеральной дирекции (ГД), существовали в основном две большие группы сотрудников: бывшие люди абвера, то есть адмирала Канариса, и люди Гелена из 12-го отдела генштаба. Последние занимались прежде всего анализом и использованием, в то время как первые, в силу своего военного шпионского

опыта, особенно активно работали над добычей и отбором информации. Добыча и отбор подразумевали проведение активных шпионских операций и проверку их результатов, с тем чтобы позже отдать их на анализ и использование.

Структурная схема Центра выглядела просто: отдельные подразделения обозначались цифрами. Так, Гелен скрывался за цифрой 30, 40 — подразделение службы III старого абвера, 50 — подразделение службы I абвера, то есть военная разведка, 60 — «ведение психологической войны», причем эта служба размещалась за пределами Пуллаха и о ней почти никто ничего не знал. Позже она получила кодовый номер 375.

Добывающими подразделениями Центра являлись отделы 40 и 50, централизованный анализ и использование осуществлялись отделом 45 под руководством полковника Хайнца Герре, псевдоним Гердаль. Гердаль отличился во время войны в качестве организатора боевых соединений из лиц ненемецкой национальности в составе вермахта. Конечно, были и другие отделы, например разведывательная связь, разведывательная техника, администрация и т. п. Структура Центра при Гелене не менялась в течение долгого времени. Однако кодовые обозначения менялись часто. Отдел 40 позже стал 122, еще позже —507, а затем 104. Код Гелена был сначала 30, затем 50, позже 70 и 363.

Хотя это и покажется странным, но структуру организации, а позже БНД, едва ли могли точно обрисовать даже ее сотрудники. Трудно сказать, насколько такая засекреченность содействовала повышению конспирации. Во всяком случае, из-за пристрастия к сооружению заборов и запретных зон, которые тоже мало что давали, Гелен получил кличку Заборный Король.

Здесь необходимо упомянуть, что в то время сотрудники Центра и генеральных представительств не проводили сами шпионских операций. Представители организации никогда не участвовали во встречах с агентами, решая все вопросы через генеральные представительства и подпредставительства, то есть представители Центра должны были «управлять». На основании знания документов дела, информации, отчетов о встречах утверждались и доводились до исполнителей главные направления по руководству агентами и агентурными группами. С точки зрения конспирации такой стиль работы имел несомненное преимущество, однако серьез-

ным недостатком было то, что многое решалось лишь на основании бумаг и удлинялась линия связи с исполнителями.

Но мне, во всяком случае, этот стиль давал некоторые преимущества, поскольку позволял получать полезные сведения. К таким сведениям относилась, в частности, заблаговременная информация о том, как шпионская служба ФРГ, используя крупные силы и средства, создавала агентурную сеть в Австрии, как американская и английская разведывательные службы устраивали там свои «стартовые площадки» для проникновения в австрийские учреждения и партии. Американцы, англичане и французы вели в Австрии после войны шпионскую работу против всех демократических сил, и в первую очередь против коммунистической партии. Их центрами являлись: подразделение 430 контрразведки американской армии (Си-ай-си), расположенное тогда в XVIII районе Вены по Михаэлерштрассе, полевая служба безопасности английской армии, находившаяся в XIII районе Вены по Венцгассе, и французское Второе бюро, в то время размещавшееся в VI районе Вены по Вебергассе. Все они имели собственные особые штабы. Начальником Си-ай-си был подполковник Гордон Купер, большой специалист военного шпионажа. Позже он — уже в чине генерал-майора — вершил в Пентагоне большие дела для ЦРУ.

Наша организация, как подтвердила моя практика, в 1953 г. уже глубоко закрепилась во всех оккупационных зонах Австрии. Использовались все возможности для добычи информации, и особенно о Советском Союзе. В то время я часто получал так называемую информацию из «клоаки». Эта информация добывалась так: один или несколько агентов организации вылавливали из сточных вод выброшенную исписанную бумагу советских учреждений и войсковых штабов в Австрии и после специальной промывки и сушки получали из нее какую-то обобщенную информацию. Впервые узнав об этом методе работы, я был искренне удивлен, какие сведения о дислокации, персонале и прочем оказалось возможным получить из этого «грязного белья». Однако такой способ добычи информации свидетельствовал о нехватке других источников.

Когда я пришел в БНД, она работала по не поддающейся обозрению системе филиалов. Это давало преимущество в смысле конспирации организационных эле-

ментов ОГ путем их постоянного приспособления к окружающей среде (работа под прикрытием предприятий, фирм, институтов и т. п.), но в то же время отсутствовало единое четкое руководство. Финансирование ОГ в те времена ясно показывало, как организация приспосабливалась к американским интересам. Начальный капитал организации Гелена, когда она стала работать на службе США, составлял 2,5 млн долларов. В скором времени ее годовой бюджет был повышен. Всего в эту организацию США вложили около 200 млн долларов.

Таким образом, в 1953 г., когда меня перевели в Центр, организация представляла собой довольно совершенный шпионский аппарат, соответствующий по стилю и методам работы ЦРУ. Этот факт признавали как сотрудники организации, так и политики и историки, которые позже анализировали историю ее возникновения.

Организация, которая появилась как продукт американской послевоенной политики, занимала уже тогда позицию выжидания, с тем чтобы подключить к претензиям ФРГ на господствующее положение в Западной Европе также и разведывательную деятельность. В этом направлении велись политические переговоры между канцлером Аденауэром, его статс-секретарем Глобке и генералом Геленом.

Главный упор в работе Центра в те годы делался на разведку в «зоне распространения власти» Советского Союза. В 1952—1953 гг. в «ориентировке 2400» были разработаны разведывательные цели в области контршпионажа, а также в политической области. В основном работа велась против наиболее важных учреждений, министерств, партий, групп и организаций «стран восточного блока», которые могли рассматриваться как существенные факторы в будущей войне. Дополнительно к этим задачам были отдельно разработаны разведывательные цели по шпионажу внутри ФРГ. «Ориентировка 2400» давала направление политической и военной разведки на длительную перспективу. Там не ставились повседневные задачи, а только такие цели, которые считались первоочередными на длительный отрезок времени, но достижение их давало одновременно возможность быстро и надежно решать повседневные вопросы, например противодействовать мерам ГДР при ратификации германского договора от 26 мая 1952 г. При изучении опыта 1953 г. было отмечено, что число

действующих в «зоне распространения власти» Советского Союза источников политической и контрразведывательной информации недостаточно, и тогда предложили привлечь к «бескорыстному» сотрудничеству службу «классического шпионажа» (служба I). Шпионаж против «подразделений КГБ и органов госбезопасности ГДР» предусматривал даже такие операции, как добывание военной формы, знаков различия и документов, которые позволяли бы без промедления приступить к созданию специальных соединений (по типу дивизии «Бранденбург») для проведения диверсий и саботажа.

Вербуя сотрудников из числа бывших офицеров, организация Гелена добивалась больших успехов, несмотря на то что они получали подчас более соблазнительные в финансовом отношении предложения со стороны промышленников и политиков. Ее вербовщики умели играть на национально-консервативных чувствах и корпоративном духе офицерского сословия. Шпионаж при этом определялся как немецкое предприятие, которое ни в коем случае не должно быть направлено против интересов нации. Гелен с самого начала старался развивать иерархический и патриархальный образ мышления у военных, служивших в организации, и не гасить их надежду на то, что существующая американская опека позже будет устранена. Таким образом, организация Гелена уже при ее формировании оказалась пропитана духом семейственности и корпоративной солидарности.

Итак, я занимался операциями в области контршпионажа против Советского Союза и некоторых других социалистических стран. Со временем (с учетом приближавшегося оформления ОГ как государственного учреждения — БНД — и особенно в связи с установлением дипломатических отношений между ФРГ и Советским Союзом) эта служба значительно разрослась и в кадровом, и в материальном отношении. В середине 50-х годов я получил чиновничий ранг правительственного советника и был назначен начальником реферата «контршпионаж против СССР и советских представительств в ФРГ». Кстати, основную часть моей работы как советского разведчика я выполнял в своем служебном кабинете во время официального рабочего дня, поскольку в ОГ сверхурочная работа не приветствовалась. Чтобы мне не мешали, я просто запирал дверь.

Гелен против Йона

С изложением дискуссий по поводу дела Отто Йона во всем их разнообразии можно ознакомиться по прессе и официальным сообщениям в ФРГ. Я хотел бы здесь для справки привести некоторые аспекты «теории похищения» в том виде, в котором она толковалась в то время. Так, в одном из документов комиссии бундестага по расследованию этого дела говорилось: «Большой интерес представляет начавшаяся непосредственно после события 20 июля борьба точек зрения Бонна и Берлина (имеется в виду Западный Берлин.— *Прим. перев.)* по поводу этого происшествия. По сообщению Берлина, произошло «исчезновение, добровольный переход (О. Йона в ГДР.— *Прим. перев.*), похищения не было», по сообщению Бонна, произошло «исчезновение, похищение». Будучи на расстоянии 600 километров от места происшествия, Бонн, оказывается, знал больше и лучше, чем берлинский полицай-президент непосредственно на месте. Берлинцы раньше славились тем, что они все знали лучше всех. Теперь эту славу перенял Бонн. Но Бонн сейчас сильнее Берлина, так что его анализ должен взять верх. Этот фактор явился составной частью легенды, изложенной министром внутренних дел 26 июля, которая гласит: «Йон оказался в восточной зоне частично в результате похищения, частично в результате совращения...»

О чем же шла тогда речь и как все это дело представлялось моим советским друзьям и мне?

27 сентября 1950 г. немецкий бундестаг принял «Закон о сотрудничестве федерации и земель по вопросам охраны конституции». Как и многие изданные в начале существования ФРГ законы, включая основной закон (конституцию), он оказался несовершенным и в 1972 г. был изменен.

В конституции Федеративной Республики Германии, принятой 23 мая 1949 г. парламентским советом в Бонне, понятие «охрана конституции» в статьях 73, п. 10 б и 83, абз. 1 было применено в немецкой системе права впервые: федерация имеет исключительное законодательное право относительно организации ее сотрудничества с землями «в защиту основ свободного демократического порядка, целостности и безопасности федерации или какой-то из ее земель (охрана конституции)» (ст. 73) и имеет «в собственном подчинении... центральные

органы... по сбору данных в целях защиты конституции...».

Прошло более двух лет, прежде чем в Кёльне было создано соответствующее учреждение — федеральное ведомство по охране конституции (БФФ). Однако в некоторых землях федерации уже существовали соответствующие институты. Из текста конституции и в особенности из дискуссий в парламентском совете вытекал ясный вывод, что эта новая для Германии организация должна быть полностью отделена от полиции и не может иметь никаких полицейских полномочий (исполнительной власти). Она, то есть эта организация, должна была заниматься только сбором информации об устремлениях, которые ставили под угрозу конституционный порядок в Федеративной республике и ее безопасность.

Сначала создание такого центрального ведомства являлось экспериментом. Не хватало опытных работников и самого опыта, поскольку так называемая разведывательная служба в собственной стране велась до этого СД, то есть службой безопасности рейхсфюрера СС, или государственной тайной полицией (гестапо). Помимо внешних трудностей существовала и моральная неуверенность: нужно ли сейчас снова создавать нечто такое, что в недавнем прошлом принесло несчастье многим людям и что на Нюрнбергском процессе достаточно часто обозначалось как «преступная организация».

Поскольку Кёльн находился в английской зоне, то понятно, что англичане не только оказывали помощь при создании БФФ, но и стремились приобрести влияние на этот орган безопасности молодой Федеративной республики. Конечно, англичане обладали в этом деле, можно сказать, вековым опытом, их разведывательная служба МИ-5 в кругах специалистов пользовалась легендарной репутацией.

Нетрудно понять, что такая огромная мировая и колониальная империя, как Англия, могла существовать так долго также и потому, что ее секретная разведывательная служба своевременно узнавала обо всех направленных против «безопасности страны» и ее господствующих кругов устремлениях. Английская секретная служба взяла под свое покровительство ведомство по охране конституции, конечно, с целью обеспечить себе право голоса и позиции влияния в немецкой секретной службе. Стремление организации Гелена установить под американским патронатом господство на всей арене сек-

ретной деятельности не соответствовало английским интересам.

Однако хитрый тактик Гелен и здесь оказался на месте и обеспечил себе представительство в БФФ. Гелен предложил на должность вице-президента этого ведомства Альберта Радке, руководящего сотрудника Центра в Пуллахе, шефа службы III Центра, то есть контршпионаж. На этом посту Радке оставался при нескольких президентах, вплоть до своего выхода на пенсию в 1964 г. Тем самым Гелен обеспечил себе влияние и возможность быть в курсе дел ведомства. Радке, бывший офицер абвера, занял свою новую должность в БФФ задолго до того, как подыскали президента для этого ведомства.

В ноябре 1950 г. по предложению статс-секретаря Глобке на пост президента был выдвинут личный референт Аденауэра Эрнст Вирмер. Что побудило Глобке удалить Эрнста Вирмера из своего окружения, я не знаю. Как обычно, в Бонне по этому поводу ходило много слухов и предположений.

Однако СДПГ выступила против этого предложения, и министру внутренних дел Роберту Леру, которому подчинялось БФФ, пришлось искать нового кандидата. Тогда президент Хейс выдвинул кандидатуру Отто Йона, ее поддержали англичане, а также министр по общегерманским вопросам Кайзер (ХДС). Однако с первых же дней Йон начал чувствовать враждебное к себе отношение Аденауэра, Глобке и Гелена.

Отто Йон, 1909 г. рождения, юрист с высшим образованием, с 1937 по 1944 г. был юрисконсультом авиакомпании «Люфтганза» и поддерживал тесные контакты с полковником Гансом Остером, активным противником Гитлера. При адмирале Канарисе Остер возглавлял один из отделов его управления. После путча 20 июля 1944 г. Остер стал жертвой гестапо, а Йон на самолете «Люфтганзы» сбежал в Мадрид. Там он вскоре стал советником радиостанции «Кале», пропагандистского центра под руководством известного журналиста Зефтона Дельмера, который организовывал ежедневные передачи для немецкого гражданского населения на основании сведений разведки, полученных из «великогерманского рейха».

После войны Йон выступал на многих процессах по делам военных преступников в качестве помощника одного из обвинителей. На процессе по делу фельдмаршала фон Манштейна Йон переводил военный дневник

2-й армии, который ежедневно визировал лично фон Манштейн. При этом обнаружилось, что одно из мест в дневнике заклеено. Восстановленный текст гласил: «Новый командующий (фон Манштейн) не желает, чтобы офицеры присутствовали при расстреле евреев. Такое зрелище недостойно немецкого офицера». Английский суд на основании этой записи обвинил фон Манштейна в соучастии в убийстве евреев. По этому и другим пунктам обвинения он был приговорен к 18 годам заключения, но вскоре помилован.

Поскольку Гелен очень уважал фон Манштейна, который был его шефом в верховном командовании вермахта, он сразу же невзлюбил Йона, так как последний выступал на стороне обвинения во время процесса против фон Манштейна.

Но, несмотря на всяческое сопротивление и возражения Гелена, Йона в декабре 1950 г. назначили президентом федерального ведомства по охране конституции, и он должен был сосуществовать с Геленом и вице-президентом из его организации. Гелену также не оставалось ничего другого, как смириться с фактами. Однако в организации Гелена с самого начала и во все времена существовало весьма враждебное отношение и к Йону, и к его главному специалисту по использованию информации — Ноллау, будущему президенту БФФ, и ко всему ведомству вообще. Гелен тщательно собирал всю информацию о Йоне, Ноллау, а также о работе и политике БФФ.

Между Геленом и Йоном не было никаких контактов. Йон и Ноллау ни разу не посещали Гелена в Пуллахе, Гелен запретил их принимать. Большего пренебрежения нельзя себе представить.

Трудно сказать, кто был инициатором кампании против Йона и его ведомства. Имелось много возможностей развернуть такую кампанию, оставаясь при этом в тени. Во всяком случае, Йону было очень сложно добиться признания. На нем стояло клеймо заговорщика 20 июля.

В кругу участников путча он являлся одним из немногих, кому поручили выполнение определенной задачи. Его противники, такие, как, например, статс-секретарь Глобке и федеральный министр Оберлендер, которые уже в силу своего политического прошлого не могли испытывать симпатии к «этому либеральному демократу», каким, несомненно, являлся Йон, были опытными интриганами. Гелен еще в 1950 г. подготовил доне-

сение о симпатиях Йона к «просоветской группе сопротивления «Красная капелла». Продолжая «войну нервов», Гелен думал сделать этот тезис «доказуемым».

Отто Йон довольно скоро разглядел, что легло в основу политики секретных служб в ФРГ. Речь шла вовсе не о безопасности Федеративной республики в национальном плане. Речь шла о вытеснении из жизни страны всех демократических сил и о создании армии, которая по своей функции была так же направлена против новой республики, как в свое время рейхсвер против Веймарской республики. Он увидел, что в Бонне и в обеих немецких секретных службах влияние получили националистические и реакционные силы.

Можно понять, что Отто Йон, находясь в личном и политическом плане под постоянным давлением консерваторов, включая Аденауэра, начал испытывать психическую неустойчивость и страдать от тяжелых депрессий. Он не нашел в себе сил противостоять интригам и сдал свои позиции, так что скоро бразды правления выскользнули из его рук, и Йон стал искать забвения и утешения за пределами своего ведомства. Против него выдвигались грязные подозрения, которые оказались абсолютно беспочвенными, но Йон, как латинист, знал пословицу древних римлян: что-то всегда останется висеть на тебе.

К сожалению, у Йона не хватило мужества перейти на сторону оппозиции со всеми вытекающими отсюда последствиями или хотя бы выждать подходящий момент для своих действий.

Его безрассудный побег в ГДР в 1954 г. был настоящей неожиданностью. Однако для организации Гелена он явился весьма желанным событием, что усугубило личную трагедию Отто Йона. В Пуллахе уже давно на него велось досье, которое после его бегства сразу же извлекли из стола.

То, что ГДР тогда смогла и должна была принять его,— это одна сторона тех драматических событий. Но то, что Отто Йон не нашел там для себя политической родины,— это другая сторона, которая подтверждает, каким заблуждениям был подвержен этот, несомненно, честный немец.

Будучи президентом только что созданного БФФ, Йон существовал в старом, изжившем себя мире «немецкого имперского мышления». Это была фигура, стоявшая между консервативно-националистической и либерально-

демократической группировками немецкой буржуазии. Его прошлая деятельность и нынешний пост президента БФФ привели к тому, что Отто Йон имел самые разнообразные связи со всеми секретными службами западного мира. Это были настоящие шпионские джунгли. Само собой разумеется, что Йон (по крайней мере, после своего назначения на пост президента БФФ) попал в поле зрения советской разведки и вызвал ее интерес. Соответственно были приняты меры для получения о нем полного и точного представления. Причем не ускользнула и та прогрессивная роль, которую, несмотря на многие идейные колебания, играл Отто Йон с 1944 г. Несмотря на свою «левую» репутацию, Йон все время вращался в приемной Аденауэра и Глобке. Он в какой-то мере мог определить, насколько серьезным являлось стремление правящих кругов в Бонне к воссоединению Германии и как далеко отошел Аденауэр от идеи переговоров о заключении мирного договора. Разведывательная разработка учреждения Отто Йона была исключительно важной для меня, поскольку организация Гелена имела в обеих частях Германии агентов, продававших свою информацию многим «покупателям». Часто эта информация оказывалась сознательной дезинформацией или основывалась только на слухах. Сложно было разобраться в этой мешанине из просто агентов и агентов-двойников.

Все это мне следовало держать в поле зрения. Правда, о развитии событий можно было многое услышать и в Кёльне, и в Бонне, а в Пуллахе вообще тщательно собиралась вся информация об Отто Йоне и его ведомстве, так что здесь не всегда требовались мои особые усилия.

Торжественные заявления и воскресные проповеди Аденауэра относительно воссоединения Германии были чистым обманом. Вопреки всем словесным заверениям, Аденауэр заключил письменное соглашение с западными союзниками, что федеральное правительство в любом случае заблокирует воссоединение трех западных зон с восточной зоной, даже в том случае, если Советский Союз согласится на проведение свободных выборов под наблюдением ООН и взаимный допуск существования различных партий.

В начале 50-х годов все эти факты не были, конечно, известны широкой публике. Пассивность Аденауэра при осуществлении «общегерманской программы немецкого

объединения» западногерманская общественность объяснила так: «Архикатолик Аденауэр не хочет видеть в своем государстве восточных протестантов, так как в этом случае он и его католическая церковь не имели бы такого влияния». Все это знал и Отто Йон, которому становилось все яснее, что его представления о демократии и справедливости не имели в ФРГ никаких шансов на реализацию. Западноберлинский врач Вольфганг Вольгемут поддерживал с Йоном доверительные отношения. Но когда однажды Вольгемут сообщил, что Йон проявил готовность совершить поездку на Восток, сразу возник вопрос: а собственно, зачем? Сегодня мы знаем, что Вольгемут перестарался и просто давил в этом направлении на политически неустойчивого Йона.

20 июля 1954 г. Отто Йон, в весьма нетрезвом состоянии, появился на стоянке автомашин берлинского Шарите и пожелал установить контакт с советской стороной. Представитель советской стороны встретился с ним. Оценивая последовавший разговор с человеческой точки зрения, пришли к выводу, что Йона нельзя отсылать обратно — это грозило ему серьезными последствиями. Но разговор с бывшим президентом БФФ оказался бессмысленным, он находился в слишком плохом состоянии. Отто Йон, больной и сломленный человек, попросил политического убежища.

Реакцией на бегство Йона оказалось то, что ему приписали все неудачи в действиях западногерманской контрразведки. Например, в так называемом деле «Вулкан», когда на основании сомнительных показаний перебежчика из Института политики и экономики в Восточном Берлине и по указанию вице-канцлера Блюхера были произведены массовые аресты среди западногерманских торговцев и против них недостаточно обоснованно возбудили дело по обвинению в шпионаже. С большим трудом тогда дело спустили на тормозах. И теперь Отто Йон стал в этой афере козлом отпущения.

Отто Йон во всех своих мотивировках перехода делал упор на антинациональную политику правительства Аденауэра. После одной пресс-конференции на эту тему 11 августа 1954 г. в ГДР с ним без всяких помех побеседовал Зефтон Дельмер, его бывший шеф. Дельмер тогда первым заявил после своего возвращения из Восточного Берлина, что Отто Йон не производит впечатления человека, на которого оказывается давление.

Другие западные журналисты сообщали то же самое. Вот, например, цитата из нью-йоркской «Геральд трибюн» от 12 августа 1954 г.: «Доктор Йон подчеркнул, что он оставил свой пост шефа западногерманской контрразведки и перешел к коммунистам, поскольку он уже давно был недоволен событиями в боннской республике». Я видел, что Отто Йон говорил так действительно из внутренних побуждений. Его забавляло, что о нем теперь говорили, что он якобы стал коммунистом или был им в прошлом. Когда ему однажды задали подобный вопрос, он от души рассмеялся.

Йон все время повторял, что его решение перейти в Восточный Берлин было горьким и тяжелым. При этом для него первоочередное значение имело возрождение в Федеративной республике в последнее время нацизма. Так, он заявлял: «Проблема, собственно, заключается в том, что люди с «нацистским образом мышления» располагают сейчас новыми опасными рычагами, при помощи которых они рассчитывают вернуться к власти. Они проникли в большом количестве в партии и правительственные учреждения. «Нацистский образ мышления» начал пронизывать весь режим Аденауэра». Отто Йон по своей доброй воле и последовательно стоял на позициях борьбы против восстановления нацизма и милитаризма в Германии. Он открыто говорил: «Эта политика неизбежно приведет к войне, если никто не выступит против такого развития событий».

Дело Йона явилось самым сильным разоблачением внутриполитической ситуации в Западной Германии при Аденауэре. У Отто Йона имелось совершенно определенное мнение о германской политике, которое на Западе вызвало упрек в «предательстве». К нему этот упрек неприменим, ибо он мог доказать, что подлинным предательством по отношению к немецкому народу была в то время сепаратистская политика Аденауэра, а именно запланированное присоединение Федеративной республики к Европейскому оборонительному сообществу (ЕОС) и отказ вести переговоры с представителями ГДР или СССР.

Йон мог подтвердить и доказать клеветнический характер нападок на все стремления прогрессивных сил в ФРГ, направленные на мирное воссоединение или взаимопонимание и торговый обмен с Востоком. К числу этих доказательств относятся и его сообщения о секретных переговорах относительно вступления ФРГ в ЕОС,

которые Аденауэр вел с 1952 г. Йон из первых рук имел информацию о том, как США (в одиночку и совместно с ФРГ) готовили и начали процесс вооружения ФРГ. Об этом он знал из бесед с заместителем руководителя военной разведки США в Пентагоне.

Кроме того, Отто Йон мог доказать, что каждый политический шаг ХДС/ХСС был направлен на то, чтобы объединить Западную Европу с США на милитаристской платформе и таким образом попытаться одолеть Восток. То есть здесь речь шла не о деятельности Йона как президента БФФ, а обо всей политике ФРГ и ее последствиях для немецкого народа.

Гелен сумел использовать бегство Отто Йона, чтобы удалить нежелательных конкурентов в БФФ, но раскрытие политических планов правительства Аденауэра относительно Востока доставило ему неприятности. Однако он не мог здесь сделать ничего другого, кроме как с большей или меньшей ловкостью представить дело Йона как его похищение. Эту идею Гелен согласовал с тогдашним министром внутренних дел Шредером, после чего все дело объявили акцией секретной службы Востока, хотя в действительности, как я точно знал, это было не так.

В декабре 1955 г. Отто Йону «удалось» так называемое обратное «бегство». Его организовал датский журналист Хенрик Бонде Хенриксен с помощью близкого друга Йона принца Луи Фердинанда фон Пройсена. Однако за их спинами стояли генерал Гелен и его служба. Именно Гелен при подготовке процесса по делу Йона в федеральном суде предоставил следственным органам всю имевшуюся у него и дополнительно полученную информацию. Для Йона «возвращение» окончилось подследственным заключением, а в 1956 г. его приговорили к четырем годам тюрьмы. Дальнейшая судьба Отто Йона известна: еще и сегодня он живет за счет легенды о его «похищении», что можно понять, но не простить.

Моя информация обо всем этом деле поступила своевременно к моим друзьям. И тогда, и сейчас я знал и знаю, что Йона нельзя было удержать, но все же самые честные дни своей жизни он прожил на Востоке.

Я уделил делу Отто Йона, бывшего президента БФФ, такое большое внимание не для того, чтобы опровергнуть возникшие вокруг него легенды. Предвзятое отношение многих читателей к делу Йона не устранено еще и сегодня. Однако это дело помогает глубже понять кор-

ни реакционной политики правящих кругов ФРГ и показать, как искренние по своей природе люди, столкнувшись с политикой, направленной против интересов нации, могут потерпеть крах и в субъективном плане. Я хотел показать, что не может быть жизни между двумя политическими фронтами, а тот, кто пытается так жить, ставит на себе крест.

Еще одним моментом в рамках дела Йона является его отношение ко мне. Я не хочу утаивать его от читателей, потому что оно характеризует политическую неустойчивость Отто Йона. В одном из интервью для прессы уже после моего ареста Йон заявил, что поводом для его «похищения» якобы явился я, поскольку меня надлежало прикрыть и защитить этой операцией. Выданные мной агенты БНД в ГДР и Советском Союзе были якобы арестованы, поэтому и решили организовать «похищение» Йона, чтобы приписать все аресты ему, прикрыв тем самым подлинный источник — Фельфе. Подобные утверждения были настолько абсурдными, что это мог увидеть и неспециалист. Ведь в собственной службе иногда даже сидящий рядом со мной сотрудник не знал, какие источники я лично вел. Даже президент, как правило, не интересовался детально происхождением информации. Только в самых редких случаях он запрашивал прямую и точную информацию об агентах. Разумеется, БФФ никак не могло знать агентов организации Гелена, и уж, конечно, их не мог знать Отто Йон, к которому генерал Гелен к тому же испытывал недоверие.

Для объективного изображения личности Йона следует отметить, что он никакого понятия не имел о контршпионаже, да и откуда он мог его иметь? Все руководство БФФ лежало на вице-президенте Альберте Радке, который, как уже говорилось, до 1950 г. возглавлял в организации Гелена отдел контршпионажа. Со своим многолетним опытом работы в абвере Радке, конечно, намного превосходил в профессиональном отношении своего президента Йона. Он и являлся подлинным «хозяином» ведомства вплоть до своего ухода на пенсию.

Поскольку дело Йона по-разному интерпретировалось политиками и заинтересованными группами во времена «холодной войны» в зависимости от их цели, необходимо обратиться к политике канцлера Аденауэра, в частности, по вопросам воссоединения Германии.

Между 1950 и 1956 гг., первыми годами моей деятельности в организации Гелена, не было таких предло-

жений о переговорах со стороны Востока, к которым Аденауэр и послушная ему реакционная группировка отнеслись бы серьезно. А в то время подобных предложений со стороны Востока поступало много, как от Советского Союза, так и от ГДР. В ноябре 1950 г. премьер-министр ГДР Отто Гротеволь внес, например, предложение провести переговоры о создании общегерманского учредительного совета ФРГ и ГДР. В этом предложении, известном как «письмо Гротеволя», в частности, говорилось: «В итоге раскола Германии нация оказалась в чрезвычайном положении, которое обостряется в результате ремилитаризации и вовлечения Западной Германии в планы военных приготовлений... Перед лицом такого положения сохранение мира, заключение мирного договора, а также восстановление единства Германии зависит прежде всего от взаимопонимания между самими немцами...» В письме содержались и соответствующие предложения.

В декабре 1950 г. Аденауэр через президента Хейса дал отрицательный ответ на предложение Гротеволя. В нем говорилось: «Как мне представляется, предпосылок для плодотворного разговора не существует. Правительство Федеративной Республики Германии не в состоянии признать законность образования власти в том виде, в каком это имело место в советской оккупационной зоне». Аргументацией такого ответа была ссылка на «единоличное представительство» правительством ФРГ интересов всех немцев.

15 января 1951 г. Аденауэр вновь отклонил предложения ГДР и вместо переговоров потребовал проведения «свободных» выборов в общегерманский парламент под «международным» контролем.

Представляется целесообразным напомнить, кто и что отклонил, потому что сегодня блок партий ХДС/ХСС старается создать впечатление, что не они отказались от единства Германии, а ГДР и ее союзники не хотели в свое время мирного договора и воссоединения. В таком же демагогическом стиле, в котором они прореагировали на «письмо Гротеволя», ХДС/ХСС и особенно Аденауэр отклоняли и все советские предложения.

Я сам тогда считал, что после двух развязанных Германией мировых войн для нее как раз было уместным и правильным отказаться от претензий на первое место в мировой политике и вместо этого избрать нейтралитет на все времена. Путь, по которому в скором

времени пошла Австрия, был правильным и для Германии. В таком случае в Европе образовалась бы нейтральная зона: Швеция, Германия, Австрия и Швейцария. Географическое положение давало этой зоне большие преимущества: посредническая роль между Востоком и Западом с возможностями широкой свободы действий в обоих направлениях, отказ от расходования миллиардных средств налогоплательщиков на вооружения, которые все быстрее устаревали и должны были постоянно обновляться. Уже одних этих преимуществ хватало для того, чтобы пойти по австрийскому пути нейтралитета. Тем самым уменьшилась бы и боязнь народов, особенно на Востоке, перед немецким стремлением к превосходству, а две войны еще и сегодня являются травмой для многих народов. Эти народы поверили бы тогда, что Германия после второй мировой войны не несет в себе больше идеологических и политических корней немецкого рейха кайзера Вильгельма II или «великогерманского рейха» Гитлера.

Тогда я еще не знал, что Аденауэр достиг письменного соглашения с верховными комиссарами США, Соединенного королевства и Франции о том, что он при любых обстоятельствах заблокирует воссоединение трех западных зон с советской оккупационной зоной,— как раз то, к чему стремилось и на что надеялось большинство немецкого народа на Востоке и Западе. В свете этого становится ясным, почему политика ФРГ развивалась в известном направлении, несмотря на все предостережения, содержавшиеся, в частности, в заявлении ГДР по поводу решений нью-йоркской конференции министров иностранных дел стран Запада от 19 сентября 1950 г. Из этого заявления было ясно, что Западная Германия идет по пути ускорения ремилитаризации и включения в систему НАТО под маскирующим предлогом немецкого участия в создании совместных вооруженных сил для защиты свободы Европы.

В такой ситуации моей задачей было добывать всю возможную информацию о внутренней обстановке в ФРГ, с тем чтобы содействовать предотвращению худших последствий реакционной политики Аденауэра. В период с 1952 по 1954 г. я сообщал, например, что политика Аденауэра, направленная на вступление в Европейское оборонительное сообщество, нацелена против интересов Франции. Эта информация имела значение для фран-

цузского парламента. Тогда Франция вначале заблокировала вступление ФРГ в ЕОС, благодаря чему замедлились темпы ремилитаризации Западной Германии.

Система семейственности

Для понимания политического лица и взглядов Гелена прежде всего следует дать представление о характере и жизни этого «человека в потемках», то, о чем он не писал в своих мемуарах и что не было известно общественности.

Мне нередко приходилось работать под непосредственным руководством этого человека. По личному заданию Гелена (о чем подробнее скажу ниже) я провел несколько крупных операций по организации подслушивания в советском посольстве в Бонне и торговом представительстве в Кёльне, во время которых были установлены 30 «жучков» на телефоны и телекс. Число же «жучков», установленных в квартирах сотрудников советского посольства, было так велико, что я даже затрудняюсь сказать, у кого конкретно они стояли.

Этот факт Гелен, однако, всегда энергично отрицал, в частности в интервью журналу «Ревю» от 20 октября 1963 г. Там говорится: «Президент БНД заверяет, что его служба, в том что касается операций внутри страны, действует в рамках законности: никаких чрезвычайных положений или полицейских полномочий». И далее дословно: «Нами никогда не проводилось подслушивание телефонов...» Эта ложь в добровольно данном интервью имеет особый вес, поскольку Гелен вообще очень неохотно шел на контакты с прессой. В предисловии к интервью журнал «Ревю» писал: «Несколько дней тому назад он для нас сделал исключение из этого правила».

Подразделение, обрабатывавшее в Центре пленки с записью подслушанных разговоров, находилось под руководством полковника в отставке Людендорфа, племянника кайзеровского генерал-квартирмейстера. Оно имело кодовый номер 10, пароль — «Картауна».

Все руководящие посты Гелен доверял только своим ближайшим сотрудникам, в большинстве случаев бывшим офицерам генерального штаба и абвера. Так, бывший начальник абвера в Бреслау полковник Динглер, племянник Гелена, отвечал за специальные задания. Подполковник Хорст Вендланд, в свое время руководи-

тель оргтдела генерального штаба сухопутных сил, стал начальником оргтдела в БНД, практически ее вице-президентом. В 1969 г. за «слишком тесное и одностороннее сотрудничество» с французами он был, по слухам, доведен до самоубийства собственными людьми. Бывшие соратники Гелена по 12-му отделу генштаба, подполковники Герхард Вессель и Хайнц Герре, сменяя друг друга, руководили подразделением анализа и использования информации.

Со дня основания организации Гелен постоянно укреплял семейственность в ней и особенно усилил эту тенденцию после образования БНД. К этому времени в службе образовался настоящий семейный клан, который не только участвовал в шпионаже, но и оказывал влияние на политику секретной службы. Я позволю себе привести цитату из книги X. Хене и Г. Цоллинга «Пуллах изнутри», подтверждающую такое положение: «Бесчисленные узы связывали членов этого ордена друг с другом. Гелен, которому было свойственно чувство семейственности, привел в аппарат в Пуллахе многочисленных родственников. Ему очень нравилось выступать в роли покровителя бракосочетаний. Так, он содействовал заключению брака его секретарши с одним из высокопоставленных сотрудников, который позже стал генералом секретной службы».

Гелен выдал свою дочь Катарину замуж за полковника Альфреда Дюррвангера. В качестве зятя Гелена он направлялся на самые боевые участки работы, туда, где Гелену надо было целиком и полностью положиться на своих сотрудников. Так он стал начальником штаба связи БНД в Бонне. Его предшественник, полковник Репенинг, который в течение многих лет готовил в Бонне почву для легализации организации Гелена, то есть для перевода ее с американского содержания на федеральный бюджет и ее превращения в БНД, перешел в бундесвер, к чему очень стремился. В скором времени он стал бригадным генералом и адъютантом министра обороны Штрауса. По поводу его неожиданной смерти циркулировало много слухов, и я не знаю, какой из них ближе к истине. Во всяком случае, Гелен завел досье и на Штрауса и хранил все донесения в своем личном «ядовитом сейфе». Я убежден, что, когда в 1962 г. из-за публикации в журнале «Шпигель» сообщений о военных маневрах «Фаллекс-62» произошла открытая конфронтация между ним и Штраусом, Гелен, как и во многих

других случаях, пустил в ход эти сведения. Кстати говоря, Гелен терпеть не мог Штрауса, возможно, потому, что, будучи по своим политическим настроениям ярыми антисоветчиками, они оба боролись за благоволение Аденауэра и влияние на него. Во всяком случае, между Геленом и Штраусом велась молчаливая борьба, и Репенинга раздавили в этой борьбе. Репенинг, бывший летчик, ловкий, привыкший вращаться в высших сферах и вызывавший симпатии человек, мог приспособиться к любой ситуации. Однако для участия в борьбе за власть между Геленом и Штраусом он оказался слишком слаб. Когда Репининг еще возглавлял боннский штаб связи БНД, он как-то сказал мне в открытую, что ему все это осточертело, потому что длительное сотрудничество с Геленом превышало его человеческие возможности. С одной стороны, Гелен, с другой — статс-секретарь ведомства федерального канцлера Глобке — все это сломило даже бывшего летчика.

Этот разговор произошел, когда я вручил ему деньги для дальнейшей передачи одной доверительной связи, которой он руководил. Вообще в его задачи не входило иметь на связи агентуру, но в данном единственном случае ему пришлось этим заняться. Гелен уговорил одну из секретарш Глобке работать на него, что, конечно, было ему весьма полезным, особенно когда он раз в неделю являлся к Глобке на доклад. Тут ничто не могло застать его врасплох. Секретарша получила за эту работу неплохое вознаграждение, а ее спутника жизни устроили на хорошее место в филиале БНД в Рурской области, причем делать ему там ничего не приходилось, а ей выдавали ежемесячно деньги на карманные расходы, которые я брал из средств на контршпионаж и передавал через Репенинга.

Итак, Дюррвангер, он же Юстус, вселился во дворец Шаумбург, тогдашнюю резиденцию федерального канцлера и его ведомства. Отсюда налаживались и осуществлялись связи со всеми федеральными учреждениями и организациями, такими, как, например, бундесвер, управление безопасности бундесвера в Кёльне, ведомство по охране конституции и все министерства. Здесь работал также будущий торговец оружием в БНД Эрвин Хаушильд, позднее быстро дослужившийся в Пуллахе до чина правительственного директора. После этого он вышел в отставку, чтобы поступить в одну фирму по торговле оружием в Гамбурге и оттуда заниматься

поставками оружия за границу в интересах БНД. До поступления в БНД Хаушильд работал в министерстве обороны.

С политической точки зрения интересно, что Гелен периодически, так сказать, в частных застольных разговорах совершенно открыто излагал свои взгляды. Обычно сдержанный, якобы «стоящий над партиями», он давал волю своим мыслям в узком кругу близких. «Человек без лица», как его назвала одна швейцарская газета, здесь полностью отбрасывал свою анонимность. В ходе этих бесед за столом подтвердилось, например, что для каждой страны — члена НАТО существовали планы действий на случай возникновения там угрозы демократического или тем более социалистического развития. Такие планы имелись, в частности, для Греции, Португалии, Франции и Италии. Гелен тогда был непримиримым врагом генерала де Голля. Голлизм рассматривался им как главная опасность в Европе. Гелен нередко приглашал для бесед «доверенных лиц» из французской разведки, тех, кто относился к де Голлю так же, как и он.

За вечерним чаем, на прогулках по озеру под парусами и во время купания на частном пляже встречался посменно или целиком весь семейный клан: дети Гелена — Катарина, Мария-Тереза, Доротея, Кристоф,— друзья и зятья и, наконец, секретарша Юстуса Вероника, тетушка Бэрбель и многие другие. Здесь, собственно, и разрабатывалась шпионская доктрина, составлялись и распределялись задания. Когда позже возник вопрос, как оказалось возможным вести в таком объеме шпионаж внутри страны и где «консервировались» все полученные данные, то не следовало бы забывать эту частную виллу, тщательно охраняемую специальной техникой.

Вероника Вольф, 1935 г. рождения, стала секретаршей Дюррвангера при содействии его жены Катарины, дочери Гелена. Оба отца — Гелен и Вольф — в течение многих лет хорошо знали друг друга, что уже было достаточной рекомендацией для Вероники наряду с ее хорошим знанием французского, английского, португальского и итальянского языков. Вероника Вольф вышла замуж за сотрудника БНД Пауля Ленкайта, который иногда замещал Дюррвангера в Париже. Ленкайт, бывший офицер ВМС, в свою очередь с молодости дружил с Дюррвангером. Таким образом, между собой дру-

жили обе жены, оба мужа и отцы обеих жен, так что когда происходили встречи в своем кругу, то там речь шла не только о частных семейных делах... Еще одна дочь Гелена, Мария-Тереза, была замужем за сотрудником БНД Клаусом Кирхертом.

Доротея — младшая дочь Гелена — немного «выбилась из колеи». Она изучала психологию и также вышла замуж за сотрудника БНД Иобста Клосса. Однако ее отец был против этого брака и счел скандалом то, что бракосочетание произошло лишь после того, как стала известной беременность Доротеи. Эта взаимная антипатия между тестем и зятем оказалась довольно глубокой. Клосс считал семью Гелена очень консервативной, ведущей «средневековый образ жизни», а его современные манеры и поведение вызывали подозрения всей семьи Гелена, и особенно Катарины-Дюррвангер.

Семья Гелена испытывала глубокую неприязнь к парламентско-демократическим формам правления. Они боялись и презирали правительственную систему и образ жизни даже американских партнеров. Гелен так однажды высказался по этому поводу: «Они хотели навязать нам свою политику и их демократическую систему, кроме того, они едва ли отличаются от русских по степени недоверия к немецким консерваторам. Так дальше не пойдет. У нас слишком много от американской демократии! Перед дверью американцев никогда не стояла опасность коммунизма, а нас она после войны затронула непосредственно. Нам надо разведывать американские намерения и «упреждать» их встречными ударами».

Хотя генерал Гелен рассматривал американцев как «полезных идиотов», нужных для сохранения немецкой разведывательной службы, тактически он вел себя с ними очень ловко. Частично он это делал с ведома Даллеса. С точки зрения Гелена, ведущие американские, английские и французские политики без всякой борьбы согласились с разделом Германии.

После перевода в Центр я сначала познакомился с другими родственниками Гелена, числившимися в организации, в частности с его братом Гансом, «доном Джованни», который являлся резидентом БНД в Риме. Что он там делал, никто точно сказать не мог. Это был разведчик-любитель без специальной подготовки и опыта, чему соответствовали и результаты его работы, по поводу которых мой коллега Ришке часто рвал на себе волосы. Однако в 1977 г. я прочитал в итальянской

прессе сообщение о том, что его резиденция в Риме служила стартовой площадкой для операции по вывозу военного преступника Каплера в ФРГ. Час «дона Джованни» наступил немного позже, когда он провел в Италии шпионскую операцию против Ватикана под кодовым названием «Ева». Для названия этой проводившейся в мировом масштабе операции было использовано имя жены Гитлера Евы Браун. То, что такая крупная шпионская акция против Ватикана проходила под «святым» библейским именем, не лишено некоторой иронии.

Шурин Гелена, фон Зейдлитц-Курцбах, по псевдониму Зейдель, возглавлял отдел кадров БНД и, таким образом, прочно держал в руках эту ключевую для клана позицию. Один из двоюродных братьев Гелена по кличке Доктор Шлемель был официальным врачом БНД, от него я получил для поездки в США свидетельство о прививках, даже не засучив рукава рубашки.

Гелен заботился не только о своих детях, их мужьях и женах, но проявлял великодушие и по отношению к семьям своих старых друзей. К всеобщему изумлению, в конце 50-х годов в Центре вдруг появились молодые люди, которых отдел кадров направил в распоряжение различных отделов для ознакомления с их работой. Скоро выяснилось, что все они получили за счет организации высшее образование (в основном как юристы и переводчики) и в скором времени должны были приступить к ответственной работе в БНД. На службе все они имели псевдонимы. Это позволяло легко прикрыть тот факт, что они являлись отпрысками руководящих работников из ближайшего окружения Гелена. Но когда выяснилось, что, например, руководитель отдела анализа и использования информации дал образование своим сыну и дочери за счет организации и пристроил их на работу в Центр под псевдонимами, пошли разговоры об этом семейном хозяйстве. Особое недовольство проявляли сотрудники картотеки. Упомянутый сын шефа отдела анализа и использования в 1960 г. в информационных целях знакомился с картотекой и, конечно, обнаружил там необходимые ему контакты. Внезапно он получил специальное задание, которое, как говорилось, было весьма важным и секретным. Несколько дней спустя, когда начались Олимпийские игры в Риме, произошло его разоблачение. В одной из вечерних передач из Рима телекамера вдруг сделала скачок в сторону и из толпы зрителей выхватила одного при-

мечательного молодого человека, блондина, с красивой внешностью, а затем дала его лицо крупным планом. Это был наш секретный специальный уполномоченный, в задачу которого, конечно, не входило посещение Олимпийских игр. Ему следовало ночью и утром принимать и записывать возможные телефонные сообщения в номере своей гостиницы. Работники картотеки, почти постоянно выполнявшие обязанности курьеров, считали, что обслуживание телефонов в олимпийском Риме можно было с таким же успехом поручить кому-либо из них, тем более что этот молодой человек по своему происхождению и социальному положению имел возможность оплатить поездку в Рим из собственных средств, а для них такая поездка явилась бы чем-то вроде поощрения.

Можно было бы привести еще много примеров царившей в ведомстве Гелена семейственности. Никто не станет сомневаться, что такого рода продвижение и обеспечение отражало дух и стиль клана, о котором позднее говорили, что он представляет собой особую элиту. Ясно, что вокруг Гелена формировались силы реакционного консерватизма, влиявшие на политику его организации, ее главные направления и всю шпионскую деятельность.

Конечно, тогда, в 50-е годы, большинство сотрудников этой тенденции не замечали, хотя ее можно было разглядеть, если внимательно понаблюдать за организационной и кадровой политикой. Мне кажется, что американцы также довольно быстро почувствовали «злобную любовь» к себе клана Гелена и разгадали его цель — борьба за первое место в европейском масштабе,— приняв после этого соответствующие меры по конспирации своих интересов в организации.

Оглядываясь назад, можно сказать, что Пуллах являлся пунктом кристаллизации милитаристской и враждебной духу разрядки послевоенной политики. Организация Гелена, позже БНД, была и остается при всех кадровых изменениях инструментом политики «холодной войны» без учета интересов как собственного, так и других западноевропейских правительств.

Генерал Гелен строго следил за тем, чтобы между его сотрудниками, так же как между ними и союзниками, не существовало личных или частных контактов в больших масштабах, за исключением членов клана. Пока большинство сотрудников с их семьями жили в самом Центре, то есть до 1952—1953 гг., предотвратить их личные контакты было трудно. Многие знали друг

друга по настоящим именам еще со времен фашизма. Кроме того, в целях конспирации тогда запрещалось иметь какие-либо контакты с населением за пределами территории организации, в лагере имелись своя школа и больница, сотрудники и их семьи встречались друг с другом за игрой в бридж, в теннис, на танцах в клубе Центра.

В те времена раз в месяц для мужчин — сотрудников ОГ и американцев устраивались специальные вечера, после проводившихся вначале лекций или докладов можно было в неофициальной обстановке подробно обсудить самые различные проблемы. Но с 1952 г. все это постепенно и целенаправленно свели на нет, посещения мероприятий и американских приемов подверглись «классификации», и о них следовало в обязательном порядке докладывать начальству.

Военный шпионаж и дело полковника в отставке фон Бонина

Еще в прошлом веке, в 1858 г., некий генерал Адольф фон Бонин, бывший тогда военным министром, выступил против прусского короля Вильгельма и его придворной клики со своей политикой реформ. Он тогда потерпел неудачу. В 1956 г. тоже существовал фон Бонин, полковник в отставке, который отличался весьма реалистическими взглядами и имел в боннской верхушке неважную репутацию. Когда мы вместе с фон Бонином присутствовали на совещаниях в кабинете Гелена, я всегда испытывал сострадание к нему из-за его легковерия и с удовольствием посоветовал бы ему начать конспиративную деятельность против новой клики, тогда у него было бы больше шансов на успех. Конечно, он потерпел неудачу в столкновении с Аденауэром и его окружением, прежде всего с «двуликим Янусом» — Геленом.

Гелен и его организация с самого начала занимались разработкой военно-стратегической концепции, направленной против Востока. Необходимость включения будущего военного потенциала ФРГ в блок НАТО в кругах секретной службы не подлежала сомнению. Вопросом оставалось только то, кто будет заниматься созданием нового вермахта и кто из служб Гелена должен войти в военную верхушку.

Для западногерманских военных Европейское оборонительное сообщество (ЕОС) означало возможность легальным путем приступить к созданию армии, причем они уже тогда рассчитывали занять в сообществе ведущие позиции. В мае 1952 г. Аденауэр подписал в Бонне и Париже договор об образовании ЕОС и так называемый германский договор, который бундестаг одобрил 19 марта 1953 г. Однако в силу вступил только германский договор, так как Национальное собрание Франции отклонило договор о ЕОС. В этот период и начало расширяться созданное в 1950 г. ведомство Бланка. В 1953 г. оно состояло из следующих отделов:

I отдел — административный,

II отдел — военный, будущий руководящий штаб,

III отдел — вопросы права и экономики,

IV отдел — расквартирование и недвижимое имущество,

V отдел — поставки и снабжение.

Военный отдел (II) под началом генерала Адольфа Хойзингера, который, как уже упоминалось, до начала 50-х годов жил в Пуллахе у Гелена под псевдонимом Хорн, имел военно-политическое подразделение под руководством полковника в отставке графа Кильмансэгга, штаб по планированию под руководством полковника в отставке фон Бонина и отделение кадров под началом полковника в отставке Эберхарда.

Военный отдел составлял планы немецких контингентов «европейской армии», собирал заявления добровольцев из солдатских и реваншистских союзов, которые проверялись организацией Гелена, и готовил уже проект закона о введении всеобщей воинской повинности. В июле 1953 г. Бланк и Хойзингер выезжали в США, чтобы ознакомиться с организацией и структурой американской армии. Тогда предполагалось создать в ФРГ 12 дивизий, что и было начато в 1954 г. при всесторонней военной помощи США. Развитие бундесвера в самую мощную военную силу НАТО в Европе сегодня общеизвестный факт.

Генерал Гелен с самого начала устроил и в ведомство Бланка, и в бундесвер своих наиболее видных друзей по бывшему генеральному штабу. Насчет создания потенциала бундесвера и вооружений военным не приходилось особенно ломать голову. Американская помощь функционировала хорошо.

Как шеф шпионажа Гелен прежде всего заботился о внедрении своих людей в решающие сферы бундесвера, о проведении старой «восточной стратегии». Эта линия вынашивалась еще в головах стратегов рейхсвера, ее определял лозунг Канариса: враг находится слева! Гелен думал и о слиянии военного абвера с политическим шпионажем. Причем для него не имело особого значения, если эта идея осуществится не до конца, так как организационный и кадровый рост БНД продолжался и позиции Гелена в военных сферах оставались попрежнему прочными. Правда, позднее была создана военная контрразведывательная служба (МАД), но в ее задачи входила только борьба со шпионажем в бундесвере, собственного разведывательного аппарата она не имела. Летом 1955 г. после доклада Гелена Аденауэр согласился со всеми его идеями.

Ведомство Бланка, которое с 1950 по 1955 г. занималось созданием первых послевоенных вооруженных сил, взяло к себе многих бывших офицеров генерального штаба по личной рекомендации Гелена. Офицеры генерального штаба не имели имен, а в своих действиях руководствовались принципом «больше быть, чем казаться». Политическая конспирация функционировала, как в старые времена. Под сенью Парижских договоров в 1954 г. появилась возможность ускорить создание военного органа, занимающегося вопросами безопасности. Военная контрразведывательная служба после ряда промежуточных ступеней нашла свое кульминационное выражение в создании ведомства безопасности бундесвера (АСБ), нацеленного на ведение шпионажа как в мирное, так и военное время.

К этому периоду доверенные люди Гелена заняли уже в новой военной организации все ключевые позиции. Полковник Вессель возглавлял в министерстве обороны отдел военной связи, полковник Фербер, бывший сотрудник ОГ, стал начальником отдела кадров этого же министерства, а человек № 1 ведомства Бланка — генерал-лейтенант Хойзингер — первым генеральным инспектором (главнокомандующим) бундесвера. В 1956 г. сотрудник ОГ Зельмайр в чине бригадного генерала стал начальником ведомства безопасности бундесвера. В организации он в свое время под псевдонимом Зевальд возглавлял подразделение военного шпионажа в Юго-Восточной Европе. Одновременно полковник Экк стал офицером генерального штаба, ответственным за изучение

положения противника, а затем в качестве преемника Зельмайра возглавил МАД. Ранее он под псевдонимом Эдингер руководил в БНД рефератом по вопросам безопасности. Все последующие руководители ведомства безопасности бундесвера также выходцы из БНД. Экк возглавлял это ведомство с 1967 г., с 1 апреля 1972 г. его руководителем стал социал-демократ Шерер, который опять-таки пришел из организации Гелена.

Начальником школы МАД в Бад-Эмсе стал бригадный генерал Стефанус, он же Штойрер. Он и его жена работали в Центре у Гелена с 1946 по 1955 г. В лице Стефануса я встретил человека, который особое внимание уделял ведению психологической войны. В его подразделении составлялись рецепты «пищи для контрпропаганды» западногерманских войск, решались вопросы об установке радиопередатчиков, изучались и применялись методы и опыт военной пропаганды как Зефтона Дельмера, так и Геббельса. Именно с работой этого направления разведывательной службы пришлось столкнуться социалистическим странам Восточной Европы во время контрреволюционных выступлений в ЧССР в 1968 г.

Разумеется, отделы МАД в военных округах были почти полностью укомплектованы офицерами, ранее работавшими в организации Гелена. Поддержка МАД со стороны организации, а затем БНД была хорошо налаженной, разветвленной и разносторонней. Служебные удостоверения сотрудников МАД печатались, снабжались предохранительной маркировкой и запрессовывались в «исключающую подделку» пластиковую обложку в пуллахском Центре. В бундесвере существовала фиктивная организация под названием «ведомство военных знаний», расположенная в Мюнхене. На самом деле там велись и хранились личные дела военного персонала БНД. То, что Гелен так крепко держал в руках МАД, было для министра обороны Штрауса как бельмо на глазу. В высоких кругах военных поговаривали даже о наличии в бундесвере двух группировок — Гелена и Штрауса. Если такие группировки и существовали в действительности, то различались они уж никак не своими правоконсервативными программами. Все сводилось к личному соперничеству.

Однако необходимость обозначения четких рамок сотрудничества между различными службами становилась все насущнее. Наконец такое урегулирование приобрело «ведомственный» характер. В достигнутом соглашении

на этот счет говорилось: «Целью соглашения является тесное, основанное на взаимном доверии сотрудничество между отделом G-2 бундесвера (отдел ведомства безопасности министерства обороны по изучению положения противника.— *Прим. перев.*) и федеральной разведывательной службой в интересах безопасности Федеративной республики и бундесвера».

По линии «иностранные вооруженные силы» сотрудничество регулировалось следующим образом: «Группы по анализу и использованию военной информации БНД являются одновременно органами бундесвера. В сферу сотрудничества входят: группа по иностранным вооруженным силам, группа по иностранным сухопутным силам, группа по иностранным ВВС, группа по иностранным ВМС.

Передача первичных материалов и пожеланий по получении таковых разведывательным путем из МО в БНД, а также передача информации из БНД в МО регулируются указанными группами в рамках сотрудничества между ними и по взаимному согласию в соответствии с указаниями руководителя подразделения по анализу и использованию информации БНД. Принципиальные вопросы решаются по договоренности между отделом G-2 бундесвера и президентом БНД».

И наконец, БНД должна была информировать МАД об имеющихся у нее сведениях в области безопасности и контршпионажа. С другой стороны, по указанию министра обороны МАД оказывает поддержку БНД, которая, в соответствии с разграничением компетенций от 25.03.1956 г., является единственной в ФРГ инстанцией, компетентной по вопросам контршпионажа, передавая ей относящиеся к данным вопросам дела и начальные разработки отдела G-2.

Итак, речь шла о торговле шпионскими делами между БНД и МАД, которая мне принесла только пользу: я получил широкий доступ к тому, что делается в МАД. На мой стол ложились все сведения о шпионских играх МАД, поскольку подразделение контршпионажа БНД несло ответственность за все операции такого рода. Здесь следует подчеркнуть, что выражение «военная контрразведка» было выбрано бундесвером, чтобы избежать слова «абвер», которое и в рейхсвере и в вермахте, как известно, означало шпионаж, хотя подлинное значение этого слова и подразумевало ведение контрразведывательной работы. Тем не менее другое название не помогло МАД

утаить или замаскировать задачи контршпионажа, инфильтрации и саботажа, решением которых она занималась. Вскрывшиеся в 1978 г. скандальные слухи с подслушиванием в министерстве обороны, в ВВС, а также в академии бундесвера явились откровенным проявлением сохранившихся шпионских функций военного абвера. МАД, по замыслу создавших ее «отцов шпионажа», должна была приглядывать в равной степени как за офицерами воинских частей и генштаба, так и за простыми солдатами, если они хоть в какой-то степени отмежевывались в политическом плане от господствующей военной концепции. Я сказал «отмежевывались», потому что большинство военнослужащих, кого я имею в виду, вовсе не принадлежали к лагерю противника и, следовательно, не могли быть объектами разработки МАД. Полковник в отставке фон Бонин из ведомства Бланка оказался первой жертвой подозрительности, что привело его к столкновению с федеральными секретными службами.

Как уже говорилось, фон Бонин в качестве разносторонне опытного офицера генерального штаба участвовал в создании бундесвера. И вот он, по мнению его руководства, стал задумываться над такими опасными вопросами, как, например, целесообразна ли политика развернутого вооружения ФРГ и ее полной интеграции в НАТО? Уже одно это сделало его подозрительным в глазах старослужащих военных и политиков группировки Аденауэра. В этих кругах проявляли большую чувствительность к подобным сомнениям, усматривая в них оппозицию, которую надлежало подавлять любыми средствами.

Но Бонин не был оппозиционером, стремившимся к свержению правительства Аденауэра, он лишь сомневался в смысле немецкого участия в Европейском оборонительном сообществе и не приветствовал договор о его создании. После провала ЕОС Аденауэр и его ХДС/ХСС заговорили об ударе по мирному развитию Германии, даже о его кризисе. На самом деле именно они готовили такой удар своими планами вовлечения Западной Германии в ЕОС.

Консерваторы поспешили выступить с широковещательными заявлениями о готовности ФРГ предпринять новые шаги к ее экономическому и военному включению в систему Запада. Но это означало окончательное закрепление раскола Германии.

4 сентября 1954 г. канцлер Аденауэр заявил: «Перевооружение Германии должно проводиться в таком объеме и таким образом, как этого требует проводившаяся до сих пор Федеративной республикой европейская политика».

Эту точку зрения не разделяла определенная, хотя и небольшая, группа офицеров генерального штаба. В образовании военного «вакуума» они видели шанс удержать Германию за пределами раскручиваемой США гонки вооружений в Европе, возможность мирного развития Германии, прежде всего если в будущем она займет позицию нейтралитета. Они рассматривали ее как единое целое.

Я сам тоже внес скромный вклад в попытку повернуть развитие в таком направлении, передав моим друзьям сведения о милитаристских планах правительства Аденауэра перед голосованием по вопросу вступления Западной Германии в ЕОС, с которыми они ознакомили своих бывших западных союзников. Тем самым было достигнуто то, что французы и англичане, но не американцы (хотя бы на время) стали с подозрением относиться к военным устремлениям ФРГ. Даже Черчилль 2 сентября 1954 г. через английского верховного комиссара Миллера направил канцлеру Аденауэру послание, из которого вытекало, что к ФРГ следует по праву относиться с недоверием. Черчилль отмечал, что и после отклонения вступления Западной Германии в ЕОС у Аденауэра и федерального правительства есть большие возможности, не прибегая к безудержному вооружению ФРГ, недвусмысленно продемонстрировать всему миру свое намерение продолжать усилия в этой области в рамках ранее намеченной программы. Эта мысль интересна во многих отношениях, ибо премьер-министр Черчилль, который принципиально был против ограничения вооружений, полагал, что Западная Германия в сложившихся обстоятельствах сочтет себя спровоцированной и пойдет на риск односторонней ремилитаризации. В этом предположении он оказался не так уж и не прав.

Франция еще более негативно реагировала на милитаристские планы Западной Германии. Конрад Аденауэр назвал позицию Франции, направленную против вступления ФРГ в НАТО, антиевропейской. Ничего лучшего он придумать не мог. Наиболее воинствующие круги США и ФРГ начали оказывать на Францию политиче-

ское и в первую очередь экономическое давление, чтобы вынудить ее согласиться со вступлением ФРГ в НАТО. В это время, где-то в середине 50-х годов, Аденауэр почти беспрерывно вел переговоры с американцами, в особенности с государственным секретарем Джоном Фостером Даллесом. Последний разработал план экономического нажима на Францию, который был полностью поддержан Аденауэром, все более проникавшимся сознанием своей растущей силы.

В такой ситуации полковник Бонин начал вслух размышлять о судьбах Германии и в результате развивать и поддерживать более умеренные планы вооружения ФРГ. Разумеется, он как «нарушитель спокойствия» попал под двойное «просвечивание» американской и западногерманской секретных служб. Некоторые видели в нем всего лишь реформиста старой военной школы. Но он, несомненно, нашел в себе мужество выступить за мирную единую Германию, предприняв в этом направлении практические шаги. С такой точки зрения его контакты с представителями Советского Союза являлись законными и не представляли собой какого-либо политического заговора.

Полковник Богислав фон Бонин вышел из старинного померанского рода в Потсдаме. Его предки по мужской линии были в основном военными. Свою офицерскую карьеру он начал в 1926 г. в кайзеровском рейхсвере. Во время второй мировой войны он служил вначале старшим штабным офицером в одной из дивизий на Западном фронте. После 20 июля 1944 г. фон Бонин стал начальником оперативного отдела генштаба, хотя продолжал участвовать в боях, и проявил подлинное военное здравомыслие, что в то время означало отказ от слепого следования принципу «тотальной войны». 17 января 1945 г. фон Бонин подписал приказ, который давал полную свободу действий большой группе войск на Восточном фронте, включая соединения, оборонявшие Варшаву. Этот приказ дал возможность немецким войскам своевременно уйти из польской столицы, но явился нарушением категорического приказа фюрера, запрещающего подобные действия. Следствием явился арест фон Бонина, затем он бежал из-под стражи и попал в плен к западным союзникам.

После 1945 г. фон Бонин сохранил превосходные отношения в кругах промышленников, которые он имел раньше, и, освободившись из плена, воспользовался ими.

Однако уже в 1952 г. он отказался от карьеры в области экономики и занялся вопросами военного планирования в ведомстве Бланка. Присущее ему критическое отношение к действительности вызвало у него сомнения в правильности официальных планов ЕОС, особенно относительно предполагаемых сроков формирования армии. Уже в середине ноября 1953 г. его заменил в ведомстве Бланка полковник в отставке Курт Фетт, а Бонин был практически отстранен от дел. Другого применения в ведомстве Бланка ему не нашли. Тогда он, уже не имея военной должности и следуя только своим демократическим принципам и велению совести, занялся проблемами обороны Западной Германии и их последствиями для воссоединения страны. Медленно, но с постоянством вокруг него рос круг единомышленников. Среди них были генерал-полковник в отставке Фридрих Госбах, депутат бундестага от СвДП майор в отставке Эрих Менде, премьер-министр земли Гессен Георг Август Цинн, издатель журнала «Шпигель» Рудольф Аугштайн. Их самыми именитыми противниками являлись генералы Хойзингер и Шпейдель, так называемый реформатор внутреннего руководства граф Вольф фон Бодиссэн и, конечно, сам Теодор Бланк. Генерал Гелен, однако, держался первое время в стороне и только регистрировал события. Эта старая лиса выжидала, поскольку час Бонина еще не пробил и крест на нем ставить было рано. Своим друзьям Гелен заявил, что он не испытывает особого желания принимать какое-то решение насчет Бонина.

20 июня 1955 г. фон Бонин выступил в Мюнхене перед обществом социал-демократов с университетским образованием с докладом о ядерном вооружении. Этот доклад имел большое значение для всех и друзей его, и недругов. Бонин выступил как практик, он подходил к проблемам с позиций трезвого и здравого человеческого смысла и с точки зрения опытного генштабиста. Во вступлении к докладу Бонин сказал, что он не политик и не намерен таковым становиться.

«Совершенно инстинктивно я ощущаю едва ли не самую большую антипатию к так называемым политизирующим генералам в худшем смысле этого понятия. Но, основываясь на горьком и печальном опыте, мы должны были понять, что плох и тот тип старшего офицера, который прячется, как мышь в нору, едва заслышав слово «политика», и который не знает ничего иного,

кроме слепого выполнения глупых приказов, иногда вопреки здравому смыслу, а то и против своей совести».

Бонин реалистически оценил уровень развития атомного оружия, включая разработку ракет, и предостерег от недооценки возможностей Советского Союза. Задачей политиков, а также военных является, как он считал, объявление войн вне закона в идейном и политическом отношении.

«Отказ от войн и объявление их вне закона является вековой мечтой человечества. Однако любое предложение в этом направлении, основывающееся на духовных или этических мотивах, до сих пор оказывалось неосуществимым или ложным. По моему мнению, происшедший за последнее десятилетие переворот в области вооружений в результате открытия способа расщепления ядра с его разрушительной силой является основой коренного различия между нынешней эпохой и всеми предыдущими. Проблема переместилась из области этического идеализма в сферу научного реализма. Она стала практически жизненно важным вопросом, перед которым стоим все мы, чье бытие или небытие поставлено при этом на карту. Я сам, как, очевидно, и многие из вас, сидящих в зале, не был до этого пацифистом, потому что, основываясь на всей истории человечества, считал утопией отказ от войн и их запрещение.

Я пришел к твердому убеждению, что единственный оставшийся у человечества выход — это отвергнуть войну как инструмент международной политики или как продолжение политики другими средствами, если оно не хочет обречь себя на самоуничтожение».

Планы Бонина, которые Бланк очень хотел бы замолчать, ставили под вопрос целесообразность всей военно-политической концепции правительства Аденауэра. Бонин разработал — в кратком изложении — следующие смелые идеи:

— немецкие солдаты не должны участвовать в обороне Европы на Рейне, а защищать ФРГ на границе с ГДР;

— если мы по уши влезем в НАТО, то мы оттуда никогда не вылезем, а если мы не вылезем, то русские никогда не уйдут из советской зоны, а если они оттуда не уйдут, то не будет воссоединения;

— не может быть пригодной на что-либо немецкая армия, если она будет создана без участия СДПГ и в срок, меньший, чем четыре года.

Бонин был реалистом и поэтому относился к Востоку гораздо более прагматично, чем Аденауэр — этот вечный пленник антикоммунизма. Для меня имела важное значение мысль Бонина о том, что необходимо иметь ясное представление о «глубокой зависимости нашего воссоединения от решения проблемы военного статуса будущей Германии в целом. Если мы, как это имеет место сейчас, будем и дальше придерживаться идеи о том, что ФРГ, будучи членом НАТО, сможет расширить свою территорию до линии Одер — Нейсе и, так сказать, проглотить советскую зону, то никто из нас не увидит воссоединения».

Бонин его не увидел. Но политика мира продолжалась. За пробуждение благоразумия в сознании людей приходилось бороться, в том числе и окольными путями. В общем и целом Бонин оказался прав. Несмотря на политику разрядки напряженности в 70-х годах, на которую пошло правительство СДПГ/СвДП, опасность развязывания новой войны в Центральной Европе не была устранена. Подтвердилось предвидение исторического развития, которое высказал фон Бонин, а не те, кто его уволил с военной службы.

Досье Гелена на Бонина все пополнялось. В нем, например, фиксировалось, что Бонин не сдался и продолжает выступать за воссоединение Германии и воссоздание немецкого вермахта в пределах, необходимых для обороны. Рупором Бонина являлась газета «Райниш-вестфелише цайтунг», рассчитанная, в частности, на круги среднего сословия, студенчества и людей с высшим образованием. Гелен все еще выжидал. Близко знавший Бонина и ценивший его как хорошего солдата, Гелен предостерегал его, чтобы он отказался от своей линии. Почему выжидал Гелен? Не столько из чувства симпатии к Бонину, сколько основываясь на точном расчете, что он вступит в конце концов в переговоры с советскими политиками. Именно это и произошло в период с 1954 по 1957 г.

Я проинформировал советскую сторону о связи между Бонином и Геленом. Представители Советского Союза советовались со мной относительно того, следует ли вообще принимать предложение Бонина о переговорах. Политическое значение переговоров, которые должны были касаться необходимости проведения политики разрядки, сыграло решающую роль. С учетом ситуации советская сторона поставила переговоры в зависимость

от участия в них своих представителей разведки. Весомости политических консультаций с Бониным это, конечно, никакого ущерба не нанесло. В конце концов, фон Бонин тоже знал, что от внимания соответствующих советских учреждений не ускользнуло стремление генерала Гелена сыграть решающую роль в определении концепции переговоров. По указанию Гелена Бонин прекратил сотрудничество с газетой «Райниш-вестфелише цайтунг», и письмо с уведомлением об этом шаге, составленное под контролем организации, имелось у советской стороны.

Между тем переговоры с Бониным продолжались. 25 февраля 1955 г. в районе Берлина — Карлсхорст состоялась беседа генерала Тарасова с Бониным. Речь шла о проблеме воссоединения Германии, об отказе от атомного оружия и в целом о концепции Бонина относительно ограниченного вооружения Западной Германии, не носящего провокационный характер. Бонин лично информировал генерала Гелена об этой беседе. С согласия Гелена Бонин в начале сентября 1956 г. отправился на вторую беседу с советскими представителями. Во время этих встреч Бонин категорически отрицал свое сотрудничество с организацией Гелена, так что советская сторона, очевидно, предполагала, что в этом вопросе Бонин ведет с ней игру. В моих беседах с Геленом я высказал мнение, что в любом случае полезно поддерживать личные контакты с другой стороной через такую личность, как фон Бонин, которого обе стороны принимают всерьез. Никто не может предсказать развитие политической обстановки. Может появиться необходимость в ближайшем или отдаленном будущем быстро направить признанного советской стороной посредника, и для этого целесообразно иметь под рукой такого человека. Поддержание этой линии связи в «теплом» состоянии не требует никаких расходов, а других людей для этой цели нет.

Однако Гелен упорно противился такой идее. Он относился к Бонину только как к подставной фигуре разведывательной службы и в этом плане рассматривал его контакты с советской стороной. У меня не было никаких шансов убедить его в том, что мы в данном случае имеем хорошую возможность для политических шагов. Гелен почти не слушал моих аргументов и упрямо твердил: «Само собой разумеется, что разведывательные службы всегда стараются перехитрить друг друга. Та-

кова наша профессия. Если я посылаю Бонина, о котором известно, что он как офицер генерального штаба хорошо знает Гелена, то он может спокойно признать наличие договоренности с шефом разведывательной службы относительно таких поездок. Бонин — хорошая приманка».

Бонин не разгадал игру Гелена, который стал очень серьезно относиться к его поездкам и встречам. В их подготовке принимали участие кроме меня вице-президент БНД Воргицки, он же Вагнер, и сотрудник Центра Вайс, он же Винтерштайн. Обычно мы встречались с Бонином по воскресеньям прямо в Центре, когда там не было сотрудников, кроме дежурных. Мне запретили сообщать об этих встречах моему непосредственному начальнику Колеру, он же Клаузнер.

Читатель может спросить, в чем заключался смысл такой тактики Гелена. Дело в том, что Гелен хотел создать впечатление, будто бы он находится в оппозиции к федеральному правительству по вопросу об отношениях с Востоком. Очевидно, он рассчитывал когда-нибудь и как-нибудь извлечь из этого какую-то выгоду. Это был человек, который находил удовольствие в лавировании между фронтами, стремясь создать себе прочную политическую позицию, и умел одновременно ладить и с Аденауэром, и с Олленхауэром. Если бы завтра пришло к власти правительство СДПГ во главе с последним, Гелен смог бы без потерь перевести БНД на его сторону. Как генерал Гренер после ноябрьской революции 1918 г., он считал необходимым поддерживать отношения и с социал-демократами, независимо от того, разделял он их убеждения или нет. Сохранение власти имело приоритет перед партийно-политическими течениями.

Во время предварительных бесед перед встречами нашей тройки с Бонином Гелен внушал нам, что Бонин представляет собой полезный инструмент. Конечно, он ценит Бонина как солдата, хотя сейчас тот своими действиями наносит ущерб лично себе, что не свидетельствует о наличии у него большого ума. Бонин — это типичный офицер, пруссак, который никогда не понимал задач военной разведывательной службы. Таким он знает Бонина еще со времен войны.

Интерес советской стороны к фон Бонину объяснялся прежде всего возможностями его влияния на общественность. Он излагал свои взгляды не только в публичных выступлениях и докладах, о чем уже говорилось,

они отражались в газетных статьях и брошюрах. При этом он всегда выступал против форсирования вооружения вообще и концепции использования ядерного оружия в частности. Поэтому советская сторона продолжала переговоры с Бониным и пыталась вместе с ним бороться против безудержной милитаризации. В конце концов Бонин предложил организовать переговоры с западногерманскими военными и политиками. Конечно, они не состоялись, так как Гелен, стоявший за спиной Бонина, никогда не допустил бы этого.

Контрреволюционные выступления 1956 г. в Венгрии и Польше Гелен использовал в качестве предлога для того, чтобы «по-товарищески» отговорить Бонина от контактов с советской стороной или по меньшей мере убедить его поддерживать их в самом «экономном» режиме. Практически же это выглядело так: он хотел, чтобы Бонин в беседах с русскими не касался главных политических тем по Германии, например ее нейтрализации, выдвинув на первое место, скажем, возможности контактов с ними в случае возникновения конфликтной ситуации или обмен захваченными агентами. Это были вопросы, откровенно связанные с практической подготовкой к ведению шпионажа в условиях войны. О порядочности Бонина говорит то, что он, увидев подоплеку «советов» Гелена, по своей инициативе заморозил контакты с советскими представителями. В конце 1956 г. он встретился с ними в последний раз.

Я был уверен, что такие люди, как Бонин, могут помочь раскрыть тайну подготовки и развязывания войн. Бонин служил делу мира, когда говорил об опасности вступления ФРГ в западный военный союз, когда предостерегал, что Западная Германия может стать театром военных действий. Он понимал также, что подобные планы отодвинут на длительное время воссоединение Германии. Его выступления в печати и на различных мероприятиях способствовали тому, что в 70-е годы реалистически мыслящие политики ФРГ проявили готовность к переговорам с Востоком.

Поездка Аденауэра в Москву

В сентябре 1955 г. впервые после войны делегация ФРГ под руководством канцлера Аденауэра отправилась в Москву для переговоров о «нормализации отношений».

Организация Гелена активно участвовала в подготовке этой поездки. Гелен пустил в ход все картотеки и досье, чтобы доказать Аденауэру, что его организацию надо принимать всерьез и дать ей статус правительственной секретной службы. Гелен передал Аденауэру исследования, справки, оценки и другую информацию о Советском Союзе вообще и о советских руководителях в частности. Выполнение задачи, которую взяла на себя организация, явилось небесполезным для нас, ибо мы узнали все о подготовке и целях поездки в Москву.

Так, мы познакомились с доверительными переговорами Аденауэра с государственным секретарем США. Интересным представлялось мнение американцев, что Советский Союз не выдержит таких темпов, какими вооружаются США, следовательно, вынужден будет подчиниться уже ратифицированным парижским договорам, в которые вовлекалась Западная Германия, и не сможет препятствовать связанной с ними политике силы Запада.

Я смог заранее проинформировать Москву о целях Аденауэра, заключавшихся — в соответствии с рекомендацией Гелена — в том, чтобы не отходить от подписанных с западными державами договоров, а, наоборот, попытаться заставить Советский Союз отречься от ГДР, пригрозить Москве, что «раскол Германии» может вызвать взрыв, подобный тому, который имел место 17 июня 1953 г.

Во всех вопросах разрядки Аденауэр собирался проявлять величайшую «тактическую осторожность», то есть не идти ни на какие уступки. В информации сообщалось также, что наиболее сильной движущей пружиной поездки Аденауэра было желание добиться от Советского Союза освобождения оставшихся там военнопленных. К установлению дипломатических отношений с Советским Союзом проявлялось отрицательное отношение, поскольку имелись опасения, что тогда придется отказаться от претензий на «единоличное представительство». Заслугой Советского правительства является то, что оно тем не менее предприняло шаги к нормализации отношений между ФРГ и Советским Союзом.

8 сентября 1955 г. Аденауэр с сопровождавшими его лицами прибыл в аэропорт Внуково. Как он сам признался, город произвел на него большое впечатление. Их разместили в гостинице «Советская». За несколько дней до этого значительная часть западногерманской делегации прибыла в Москву специальным поездом. Во

время московских переговоров он служил делегации Аденауэра рабочим местом, кстати по рекомендации Гелена. Журналисты не без оснований придумали для поезда прозвище «посольство в гетто». В одном из вагонов специалисты Гелена смонтировали телексы и телефон, еще один вагон служил конференц-залом для особо важных внутренних совещаний и был оборудован защитой от подслушивания.

Советское заявление о принципах переговоров выдвинуло на первый план предложение об установлении дипломатических отношений. Одновременно и в связи с этим в нем обращалось внимание на серьезные препятствия, которые возникли в результате вступления в силу парижских договоров. В заявлении открыто говорилось, что Федеративная Республика Германии тем самым вступила в военную группировку и что форсированными темпами ведется ремилитаризация Западной Германии. Кроме того, Советское правительство подчеркивало, что решение вопроса о воссоединении Германии является, как оно всегда считало, делом самих немцев. При этом необходимо учитывать создавшиеся условия, то есть наличие Федеративной Республики Германии и Германской Демократической Республики. Решение этой важной задачи должно соответствовать имеющимся международным соглашениям, служить на благо укрепления мира и безопасности в Европе. Таким образом, путь был указан. Однако правительство ХДС/ХСС, как и прежде, не использовало предоставленные ему шансы. Даже то, что в результате переговоров произошла в конце концов нормализация отношений между обеими странами, никак не меняет этот вывод. Западногерманская делегация могла бы достичь гораздо большего. Но Аденауэр связывал общие цели переговоров о нормализации с двумя условиями, из которых выполнимым было только первое:

— освобождение военнопленных;

— право на единоличное представительство в переговорах о воссоединении Германии. .

Что касается организации Гелена, то при подготовке поездки Аденауэра и его делегации в Москву она еще больше выдвинулась на авансцену. В конце концов, именно Гелен снабдил «знаниями» всю делегацию. Тем самым он использовал свой большой шанс и значительно повысил цену себе и своему аппарату накануне легализации ОГ, то есть ее превращения в БНД. Не лишено

иронии то, что Гелен смог поднять стоимость своих акций благодаря Москве. В конечном счете большое и постоянно растущее международное влияние Советского Союза, основывающееся на его экономическом потенциале, в определенной степени заставило Аденауэра поехать в Москву.

Оставшихся военнопленных быстро отправили в Германию, в том числе осужденных, а также амнистированных военных преступников. Главную массу освобожденных военнопленных Гелен тщательно пропустил через допросы. Была специально создана целая «служба по опросу военнопленных».

Это мероприятие проводилось совершенно изолированно от Центра, и я мог получить только косвенные сведения о его результатах. Практически каждый освобожденный подвергался тщательному допросу (как через анкеты, так и устно) под предлогом выяснения судьбы его товарищей. На самом деле аппарат Гелена стремился выяснить все об этих людях и их окружении, о лагерных активистах, советском персонале в лагерях, о расположении лагерей и об имевшихся поблизости промышленных предприятиях. Таким образом, каждый освобожденный из Советского Союза военнопленный выкладывал все имеющиеся у него сведения, которые вместе с данными о нем самом попадали в специальную картотеку. Если кто-то из этого круга лиц хотел потом поступить на работу в федеральные органы или какое-либо министерство, то запрос на него под кодом «инспекторский» шел через эту картотеку. Она велась и содержалась отдельно от центральной картотеки службы.

Отвечая письменно на такие запросы, БНД могла, как правило, сообщить все факты и оценки, касающиеся бывшего военнопленного. Например, сохранило ли данное лицо националистические настроения, подвержено ли оно влиянию коммунистической идеологии и пригодно ли по своим взглядам для использования на той работе, куда было подано заявление.

Проводя опрос возвращенцев, Гелен фактически продолжал ту работу, которую он начал, будучи начальником отдела генштаба «иностранные армии Востока». Тогда он стремился получить любую возможную информацию от советских военнопленных. Эта информация, будучи подчас малозначительной сама по себе, собранная вместе, позволяла получить и ценные сведения.

После визита Аденауэра в Москву следовало ожидать, что оба государства вскоре обменяются послами и торговыми представителями.

Разведслужба готовилась к такой ситуации. Полагали, что работой против советских представительств в ФРГ должны заниматься и БФФ, и БНД. Так эти две секретные службы пришли к первому соглашению и разграничению задач. Сначала ни одна из них не хотела уступать другой «права единоличного представительства», но и не могла вытеснить другую. В итоге решили, что каждое ведомство будет действовать в соответствии со своей спецификой. БФФ предстояло оперировать в сферах, относящихся к сектору безопасности, то есть контрразведки, а на БНД возлагались задачи, имевшие отношение непосредственно к советскому персоналу и преследовавшие разведывательные, то есть шпионские, цели. БНД искала прежде всего возможности вербовки среди советского персонала или изучала лиц, пригодных для внедрения в качестве агентов в советские представительства.

Советское торговое представительство сначала размещалось на правом берегу Рейна, в Бад-Хоннефе, а советское посольство — на левом берегу, в Роландсэкке. С учетом этого спецслужбы заключили «пограничное соглашение»: на правом берегу Рейна оперировала БНД, на левом — слежкой, наблюдением и спецпроверкой лиц ведало БФФ, действуя, однако, только за пределами посольства.

В Бад-Хоннефе создали наблюдательную группу БНД под кодовым названием «Курорт», которая должна была следить за проживавшими и работавшими там советскими гражданами, а также за самим торговым представительством. За каждым советским сотрудником и членами его семьи непрерывно велось наблюдение, изучались все их жизненные привычки.

Напротив бюро торгового советника, в цветочном ящике «частной» квартиры, установили фотоаппарат с телеобъективом и дистанционным управлением, фотографировавший автомашины посетителей бюро таким образом, что на снимках можно было прочитать их номера. При третьей регистрации одного и того же номера проводилась «операция выяснения»: через автоинспекцию устанавливался владелец автомашины, а затем он и — при необходимости — его фирма подвергались проверке. Таким способом очень быстро выяснялось, кто поддер-

живает деловые контакты с советским торгпредством. Эти посетители — в зависимости от интересов секретной службы — открыто или под благовидной легендой опрашивались с целью получения сведений об их сделках и собеседниках. На предложение сотрудничать с БНД некоторые отвечали категорическим отказом, другие быстро соглашались, чаще из желания извлечь выгоду для себя. Тогда они получали задание приглашать советских должностных лиц в гости, выяснять присущие им слабости и т. п. Однако заготовленные подслушивающие устройства в дело не пускали, в таком маленьком городке всего с одним почтовым отделением это грозило разоблачением.

Географическое расчленение на левобережную и правобережную части в работе разведки, конечно, не могло соблюдаться очень строго, поскольку живые объекты внимания БНД — БФФ не придерживались этих границ. Посетители торгпредства заходили и в посольство на другой стороне Рейна, относящееся уже к компетенции БНД. А сфера деятельности БФФ, как я уже говорил, простиралась лишь до ограды посольского сада.

Запутанная «пограничная проблема» усугублялась еще одним осложнением. В те времена в ФРГ еще действовали союзнические верховные комиссары, фактически послы трех западных держав, которые в некоторых сферах располагали верховной властью, например в вопросах контроля телефонных разговоров и почтовой переписки. Бад-Хоннеф, где размещалось торгпредство СССР, находился в земле Северный Рейн-Вестфалия, то есть в английской зоне, и прослушивание телефонных разговоров, интересующих БНД, должно было санкционироваться британским верховным комиссаром. Это положение сохранилось и после переезда миссии в Кёльн. Советское же посольство и резиденция посла в левобережном Роландсэкке находились уже в земле Рейнланд-Пфальц, относящейся к французской зоне.

Я не хочу сказать, что подобное положение вызывало сверхтрудности. Однако было бы значительно проще вести переговоры по таким вопросам с одним собеседником. Так или иначе, но к делу подключались представители соответствующих секретных служб союзников. Они всегда оказывали поддержку западногерманским службам и выполняли необходимые формальности, например, при получении визы верховного комиссара на распоряжении по организации телефонного подслушивания.

При распределении компетенции между БНД и БФФ вначале были еще и другие накладки, но со временем рабочий штаб ИНДИГО (БФФ) и рабочий штаб ИНДЕКС в Центре БНД наладили хорошее сотрудничество. В качестве исключения из установленного правила, разрешавшего БНД поддерживать контакты с БФФ только через группу связи в Бонне или через заместителя начальника отдела контршпионажа БНД, которому позволялось контактировать с вице-президентом БФФ Радке, руководители обоих рабочих штабов могли общаться друг с другом непосредственно по телефону, телетайпу или лично. Руководитель рабочего штаба БФФ ИНДИГО господин В. в прошлом сам работал в организации Гелена. В благодарность за хорошо налаженное сотрудничество с БНД его родственницу приняли на работу переводчицей в Пуллах. Старые сотрудники знают ее по прозвищу Трясогузка, которое ей присвоили за вихляющую походку.

Первым руководителем рабочего штаба ИНДЕКС в Центре стал руководитель военной разведки БНД против СССР Карл-Отто фон Ц., именовавшийся Цезарем. Когда его в 1959 г. направили военным атташе в одну из стран на Дальнем Востоке, чтобы оттуда шпионить против Советского Союза, руководство рабочим штабом возложили на меня, сохранив за мной мои прежние обязанности — руководство контршпионажем против советских учреждений и разведку в советской зоне Берлина — Карлсхорсте.

Непредвиденные события или политические изменения требуют быстрых организационных решений. Так, например, когда в 1955 г. Австрия провозгласила свой нейтралитет, а союзные войска и штабы должны были покинуть ее, вся рабочая база организации Гелена там в одно мгновение оказалась разрушенной, ибо ее подразделения больше не могли пользоваться американским прикрытием в этой стране. Установление дипломатических отношений с Советским Союзом вызвало необходимость активизировать деятельность западногерманских секретных служб. Требующиеся для новой работы кадры могли быстро комплектоваться только за счет имевшихся сотрудников. Но они уже были загружены другими обязанностями. Тогда образовали рабочий штаб ИНДЕКС, куда направили отдельных опытных работников, которые, сохраняя прежние функции, должны были при содействии вспомогательного персонала выполнять еще и вновь возник-

шие задачи. Это сделали в надежде найти потом лучшее и окончательное решение кадровой проблемы. Со временем в службе наслаивались и другие обязанности и проблемы, так что в центральном аппарате разведслужбы, в ее филиалах появлялось все больше новых лиц.

Никто не мог сдержать этот бесконтрольный рост, поскольку подобного рода развитие могло быть ограничено лишь четким законом или строгим руководством и наблюдением со стороны ведомства федерального канцлера. И того, и другого тогда не существовало. Да и теперь нет специального закона о БНД, а как обстоит дело со строгим руководством и контролем, также хорошо известно.

Вывеска меняется — фирма остается

Как уже отмечалось, генерал в отставке Рейнгард Гелен, служивший с 1 апреля 1942 г. по 9 апреля 1945 г. начальником 12-го отдела генерального штаба, так называемого отдела «иностранные армии Востока», после безоговорочной капитуляции предоставил себя в распоряжение американцев вместе с остатками штаба и всей разведывательной документацией об СССР. Еще до того как состоялись переговоры об установлении дипломатических отношений между СССР и ФРГ, кабинет Аденауэра — как бы в порядке признательности за шпионские досье на советских политиков — принял 21 июля 1955 г. решение о превращении финансировавшейся ЦРУ и зависевшей от него организации Гелена в федеральную разведывательную службу.

1 апреля 1956 г. организацию Гелена (уже как БНД) перевели на положение федеральной службы, глава которой — президент — подчинялся непосредственно федеральному канцлеру. Президент БНД не имел ранга статс-секретаря, как, например, руководитель ведомства прессы и информации, а по жалованью приравнивался к министериаль-директору. Когда в августе 1968 г. проходила структурная перестройка во дворце Шаумбург, БНД была приписана к 1-му отделу ведомства федерального канцлера, занимавшемуся также вопросами внутренних дел, юстиции, исследований и управления.

В БНД, бюджет которой в 1985 г. составлял 222,4 млн марок [1], работало около 7 тыс. штатных сотрудников, из них более тысячи человек имело статус чиновников и около тысячи — военнослужащих. Большинство как молодых, так и руководящих кадров — люди с высшим образованием, в том числе офицеры генерального штаба.

Для осуществления парламентского контроля над БНД была учреждена специальная группа из членов всех представленных в бундестаге партий. Внешне контроль выглядит демократичным, однако на деле представляет собой более или менее удачную имитацию демократии и не имеет при этом никакого влияния. Раскрытые впоследствии аферы показали, насколько бездейственной была эта контрольная комиссия и как легко ее можно было провести. Достаточно напомнить практику подслушивания телефонов и просмотр почтовой переписки.

Финансовый контроль над БНД возложен на федеральную счетную палату. Кроме того, бюджетная комиссия бундестага и ее подкомиссия уполномочены проверять все расходы БНД, то есть соблюдение бюджета. Контролировать расходы на разведывательные операции было поручено лично президенту федеральной счетной палаты. Но что может сделать один человек, кроме нескольких выборочных проверок? Короче говоря, возможностей для настоящего контроля расходов БНД никогда не существовало.

Формирование БНД из организации Гелена происходило, как уже говорилось, с учетом «нового положения», возникшего в 1955 г. в результате установления официальных отношений между ФРГ и СССР. Формально организация Гелена перестала существовать с 1 апреля 1956 г. Практически же она продолжала функционировать, получив лишь статус официальной фирмы, новую эмблему с западногерманским орлом и название БНД. Внутренний процесс работы в новоявленной федеральной разведывательной службе на первых порах оставался прежним. Сохранялись структура и обозна-

---

[1] Этот годовой бюджет БНД в действнтельностн значительио выше, поскольку средства, предиазначенные для БНД, запрятаны также в бюджетах другнх учреждеинй. Так, иапрнмер, оклады военнослужащих, занятых в этой службе, выплачнвалнсь мнннстерством обороны. Оно же оплачнвало стонмость прнмеияемого в БНД техннческого оборудоваиня и зданий, используемых службой под армейскнм прикрытнем.— *Прим. авт.*

чения отделов, групп и рефератов, а также употреблявшиеся ранее псевдонимы сотрудников.

Депутат бундестага от СДПГ Хайн Кун, высказавшийся 20 июня 1956 г. в ходе парламентских дебатов за предоставление федеральному правительству полномочий на формирование БНД на основе имеющегося у кабинета права создавать организации, однако уже тогда выразил сожаление, что это формирование «происходит не на базе надлежащего закона». Для БНД, однако, такая «погрешность против формы» оказалась весьма полезной, помогая ей затушевывать перед общественностью круг своих задач. Вмешательство службы во внутриполитическую сферу, например, долгие годы оставалось незаметным для всех парламентариев и приверженцев демократии.

Если допустить, что кого-либо из работников центрального аппарата не информировали о легализации службы, то он еще долгое время по рабочей обстановке не мог бы заметить никаких изменений. Когда в БНД в обиходе упоминалось слово «легализация», это означало только то, что теперь деятельность организации облечена в правовую форму. Сам факт, что существование организации Гелена до 1956 г. старательно скрывали от общества, а вначале вообще засекретили, показывает, что ее основатели и покровители опасались реакции внутренней и международной общественности, чувствительность которой повысилась под воздействием Нюрнбергского процесса над военными преступниками.

Если кто-либо поверил — а многие националистически настроенные сотрудники БНД надеялись на то, что БНД после перехода в статус федеральной службы сможет разорвать прочные путы американских наставников,— то его ожидало разочарование. Правда, внешние признаки вроде бы указывали на новые режимные условия: американское звездно-полосатое знамя больше не полоскалось на мачте здания службы, вместо него развевался флаг федеральный, а на въездных воротах красовался западногерманский орел.

Американская группа связи уехала из Пуллаха и обосновалась в Мюнхене. Но офицеры из этой группы ежедневно навещали немецких партнеров или встречались с ними в клубе ЦРУ под названием «Мост», находившемся вблизи Пуллаха. Прямая телетайпная и телефонная связь делала почти неощутимым несколько

увеличившееся расстояние между двумя разведслужбами. Фактически в этом плане почти никаких изменений не произошло.

Один из важнейших каналов доступа к хранилищам федеральной разведслужбы ЦРУ обеспечило себе путем простого трюка, который оказался возможным лишь в обстановке «холодной войны». С самого начала существования ОГ американцы обещали, что в случае военного конфликта ее сотрудники с семьями в интересах их безопасности переводятся в США и уже оттуда будут вести разведывательную работу против СССР и его союзников. Но чтобы ее продолжать из США, потребуются, конечно, документы и картотеки. Так как в конфликтной ситуации эти материалы эвакуировать невозможно, а можно лишь уничтожить, необходимо обо всем позаботиться заблаговременно. Поэтому все архивы и картотеки каждые два года подвергались микрофильмированию и перевозились в США. В результате в распоряжение американцев поступало огромное количество документов и сведений. Не было ни одного личного досье, которое бы не передавалось им для «хранения в архиве».

И все же генерал Гелен сумел организовать свой, «домашний», немецкий шпионаж. На более позднем этапе он даже осмелился предпринять попытку шпионить за американским партнером и другими союзниками. Но дело тогда не зашло так далеко и не приняло еще характер «схватки диадохов» [1], как это случилось в 60-е годы.

Легализация службы принесла ей многочисленные преимущества. С нею шпионаж был поставлен на более широкую базу, а именно:

— появилось больше финансовых средств;

— стало возможным выступать перед другими учреждениями на «равноправной» основе;

— облегчалось привлечение штатного персонала путем предложения хорошо оплачиваемых офицерских и чиновничьих должностей;

— решалась проблема перевода в БНД сотрудников других учреждений, а также офицеров бундесвера и связанного с этим обеспечения в старости (повышенные пенсии чиновникам и офицерам);

---

[1] Диадохи — полководцы Александра Македонского, которые после его смерти начали ожесточенную междоусобную борьбу за раздел его империи.— *Прим. перев.*

— появилась возможность осуществить разделение работы и компетенции с полицией и органами охраны конституции;

— облегчалось использование возможностей министерства иностранных дел для работы за границей (пользование дипломатической курьерской почтой, внедрение резидентов БНД в дипломатические представительства ФРГ).

В целом федеральная разведывательная служба с легализацией получила новые возможности — теперь уже для официального проведения своей угрожающей делу мира деятельности.

Немаловажное значение имел вопрос, как оперативные сотрудники БНД в повседневной жизни руководили своей агентурой. Иногда знание механизма, персонала, почерка при оформлении вербовки агента и руководстве им является более важным, чем получение фотокопии документа о шпионском задании. Знание организации, стиля руководства агентурой открывает возможности для противодействия подрывной деятельности в долгосрочном плане. Я имел возможность сообщать об этом моим друзьям и до и после легализации организации.

Центральный аппарат БНД имел довольно запутанную организационную структуру. Причины заключались, во-первых, в незнании Геленом и его ближайшими сотрудниками принципов административного устройства и распределения обязанностей и, во-вторых, в разрастании службы, особенно после ее легализации. Гелен не смог заменить прежнюю, временную структуру новой, и служба производила впечатление загородного дома, который в результате всевозможных надстроек и пристроек был превращен в дом, сдаваемый внаем многочисленным квартирантам, запутанный по своему внутреннему устройству и нескладный по расположению помещений.

Во главе службы стояли президент и вице-президент. Поскольку Гелен и в первое время существования организации, и позже не умел ладить со своими заместителями (последний из них, генерал Мэркер, он же Хорст Александер фон Меллентин, был вынужден уйти, как и другие), вице-президент превратился в своего рода «свадебного генерала», который приветствует гостей, поздравляет их, то есть представляет руководство, не участвуя в принятии решений.

Руководству службы, при котором имелся небольшой штаб, подчинялись управления, делившиеся на отделы, а отделы — на группы. К компетенции управлений относились следующие сферы деятельности:

оперативная разведка — включает в себя военную, экономическую и политическую разведку против социалистических стран, а также контршпионаж и вопросы безопасности разведывательной работы;

стратегическая служба — разведка против несоциалистических стран, а также «служба связи с заграницей», которая должна организовывать сотрудничество с дружественными иностранными разведслужбами;

разведка средствами связи — то есть обеспечение деятельности службы телефонного и радиоперехвата и криптографической службы, а также обеспечение собственной разведывательной связи, вплоть до создания агентурных радиостанций и всевозможных подслушивающих устройств;

общее руководство — административная служба, занимающаяся вопросами бюджета, юридическими вопросами, вопросами курьерской службы, вопросами деятельности центрального разведывательного архива;

общая безопасность — то есть безопасность центрального аппарата, отдел кадров (к компетенции которого относился только штатный персонал), учреждения прикрытия;

служба использования информации — обработка и использование всей поступающей информации из секретных и открытых источников по всем политическим, военным и экономическим вопросам, а также вопросам вооружения.

Кроме того, имелись также подразделения, которые подчинялись непосредственно руководящему штабу либо работали самостоятельно (например, подразделение разведывательной техники, которое обеспечивало техническую помощь и оснащение техникой оперативных подразделений БНД; изготовляло контейнеры с секретными отсеками, всевозможные подложные документы и т. п.). Это подразделение имело также свою типографию, фотоотдел, картографическую службу, переплетную и ряд других мастерских.

Учебные подразделения и подразделения спецподготовки, как и подразделение психологической войны, стыдливо именовавшееся «учебный отдел», были так же замаскированы (к тому же они находились за пределами

центрального аппарата), как и подразделение, занимавшееся созданием так называемой молчаливой радиосети [1].

Отделы и группы по спецрефератам не имели названий, которые могли бы расшифровать выполняемые ими задачи. Они получили цифровые кодовые обозначения, изменявшиеся через определенное время. Менялись номера, но не менялись ни их задачи, ни штат сотрудников. Ясно, что это не столько помогало маскировке, сколько содействовало созданию всеобщей путаницы и неразберихи. Каждый раз требовалось напрасно затрачивать много энергии на распутывание «клубка».

Разбросанные по всей территории ФРГ и подчинявшиеся непосредственно Центру, филиалы организации Гелена, как уже говорилось, назывались до 1957 г. генеральными представительствами (ГП), различавшимися по присвоенным им буквам латинского алфавита, например: ГП В, ГП С, ГП Н и т. д. После того как организация Гелена стала официальным учреждением ФРГ, эти конторы стали называться службами, а позже — отделениями. Для того чтобы их можно было различать, им присваивались произвольные кодовые номера, например 2, 5, 7, 11, 23, 24, 62, 142.

С 1959 г. эти учреждения стали пользоваться безобидными гражданскими наименованиями. Так, служба 12 в Мюнхене стала называться РПГ, что является аббревиатурой названия компании «Ропродуктен-гезельшафт». Ее главная задача: вести политическую разведку против ГДР. Служба 11 в Бремене, бывшее ГП В, стала называться «фирма Элерт». При этом ее задачи не изменились, она по-прежнему должна была вести разведку против ГДР и военно-морскую разведку.

Служба 2 (прежде U/M в Бад-Рейхенхалле, затем в Мюнхене) была переименована в «торговую контору». Разведка против юго-восточного фланга (Балканы) и разработка эмиграции оставались ее главными задачами.

Кёльнская служба 24, сформировавшаяся на базе службы 23 (фирма «Братья Эггерс») во Франкфурте, и бывшая ГП Н в Дармштадте, называвшаяся затем «Инкассо-институт», имели сильный аппарат по контршпионажу. Он должен был, в частности, работать против Карлсхорста, места расположения советских органов безопасности в ГДР, и против министерства госбезопасно-

---

[1] Радиосеть, включаемая только при конфликтной ситуации.— *Прим. авт.*

сти ГДР, так же как и служба 62 в Аугсбурге, позже «Трансфер ОХГ», которая занималась, кроме того, вопросами атомных исследований. Более мелкие службы, как служба 5 в Мюнхене и служба 7 в Кёльне, называвшаяся позже «Концертферайн», работали специально против ПНР и ЧССР.

Служба 69, ставшая «Бюро Баумайстер» в Мюнхене (в прошлом ГП С в Штокдорфе под Мюнхеном) должна была вести разведку главным образом против Советского Союза и восточноевропейской эмиграции.

Все эти буквы, цифры и т. д. употреблялись только во внутренней переписке или в разговоре. Внешне службы работали как обычные гражданские фирмы, зарегистрированные в торговом регистре, либо действовали под вывеской фиктивного федерального учреждения или войсковой части бундесвера, например ведомства по ликвидации бывшего имперского имущества, управления по делам недвижимости, учебного учреждения и т. д. Только после вступления на пост президента БНД Весселя в 1968 г. была проведена реорганизация и создана логичная организационная структура центрального аппарата, который состоял из четырех отделов: отдел добычи информации (I), отдел технической разведки (II), отдел анализа и использования информации (III) и отдел центральных задач (IV).

Задачи и целевые установки БНД определялись в засекреченных решениях правительства. Интерпретировать их можно было весьма широко. Имелось также множество ограниченных определенными рамками заданий, переданных БНД из федеральных учреждений — министерств иностранных дел, обороны, по общегерманским вопросам, экономического сотрудничества, внутренних дел, управлений по экономике, образованию и науке. Бывший сотрудник БНД генерал-майор в отставке Эрих Детлефсен, он же Деггенхарт, составил и открыто опубликовал перечень направлений шпионажа за рубежом, в котором, в частности, говорится:

«В области внешней политики: долговременное внешнеполитическое планирование, тактические средства достижения целей, вырисовывающиеся новые тенденции, заключение секретных договоров, структура и стиль руководства, лица, ответственные за внешнюю политику, и особенности их характера.

В области военной политики: потенциал, планирование, структура, дислокация, вооружение, подготовка,

боевые качества, наднациональные пакты, нормирование, продажа оружия третьим странам, опорные пункты и базы снабжения за рубежом.

В области подрывной деятельности: вмешательство в общественно-политические события в других странах, ведение психологической войны.

В экономической области: промышленная мощность, энергетические источники, сырьевая база, состояние транспорта (дороги, железнодорожные линии, трубопроводы, водный транспорт), сельское хозяйство, торговые отношения, рыночные изменения, годовые планы, экономические объединения, помощь развивающимся странам.

В области техники: исследования и открытия в сфере естественных наук и технологии, особенно в ядерной, а также открытия, ведущие к изменению сложившегося равновесия сил великих держав.

В области внутренней политики: отношения между правительством и народом, политические партии, оппозиция, изменение общественных структур, психологическое состояние».

В своей целенаправленности эти операции не ограничены ни в плане применяемых для их осуществления средств, ни географически. Значит, они включают шпионаж как против Востока, так и против Запада. Хотя, конечно, шпионаж против стран социализма проводится наиболее широко, но БНД так же интенсивно шпионила и против собственных союзников. При этом она действовала дифференцированно: против США, например, политические, экономические и военные разведывательные данные использовались в интересах политического маневрирования, а против более мелких стран-партнеров — для расширения своего господства. Задание гласило: «Помогать правительствам, дружественно настроенным к Бонну, или путем разведывательного воздействия привлекать их на сторону боннской политики и побуждать к пониманию интересов ФРГ там, где боннское правительство официально не может выступать открыто». Как мы увидим дальше, шпионаж против союзников с годами усиливался. Для генерала Гелена не было никаких запретов.

Имевшимися руководящими кадрами он мог распоряжаться также неограниченно. Ранее существовавший руководящий персонал, если он после 1955 г. не перебрался в бундесвер, оставался на своих ключевых и ведущих позициях или был продвинут выше. Конечно,

легализация облегчила зачисление в штаты БНД и других людей, но на руководящие должности допускались только старые, преданные сотрудники Гелена военных и послевоенных лет. Примером может служить заместитель Гелена в отделе «иностранные армии Востока» подполковник генерального штаба Герхард Вессель. В организации Гелена он руководил отделом анализа и использования информации, а в 1955 г. перешел в бундесвер, чтобы получить генеральский чин.

«С наилучшим приветом и хайль Гитлер» — так начинался один из подписанных Весселем секретных циркуляров 12-го отдела генштаба, датированный 12 мая 1944 г. Этот документ необоснованно претендовал на правильность и актуальность в «оценке вражеской пропаганды с Востока». То, что подполковник генерального штаба, подписавший эту бумагу «за начальника отдела», с такой ответственностью называл «оценкой», оказалось на деле не просто скверной выдумкой, но и спекуляцией, составленной на основе геббельсовских лозунгов с призывом «выстоять до конца». За год до славной победы советского народа над гитлеровским фашизмом в циркуляре отрицалось наличие у этого народа какого-либо боевого духа, какой-либо веры в победоносный конец войны. Вот, к примеру, отрывок из циркуляра: «Население СССР должно примириться с мыслью о том, что война будет продолжаться и ее окончание отодвигается на неопределенное время. В этом направлении и будет развивать свою активность в ближайшее время советская пропаганда. Причем (в силу усталости от войны) оказывать влияние на население страны в указанном направлении представляется, несомненно, труднейшей задачей. Поскольку панславистская идея (освобождение «славянских братьев») едва ли обладает притягательной силой в массах населения Советского Союза, во главу угла ставится цель «освобождения насильно угнанных в Германию братьев и сестер» в качестве более действенного средства».

Имея большой багаж антисоветских, профашистских «оценок», Вессель считался предназначенным не только для занятия высоких постов в бундесвере, боннском министерстве обороны и в НАТО, но, несомненно, годился и в наследники Гелена. После Гелена Вессель возглавлял секретную службу в Пуллахе с 1968 по 1978 г.

Почти все офицеры отдела «иностранные армии Востока», попавшие после 1945 г. в поле зрения службы,

стали руководящими сотрудниками БНД. Бригадный генерал в отставке Хайнц-Данко Герре, он же Гердаль, хотя и находился несколько в тени Весселя, но также входил в триумвират (Гелен — Вессель — Герре). Молодого майора Герре, старшего офицера генерального штаба из армейского корпуса с опытом действий в России, Гелен привлек к созданию своего шпионского центра в генштабе вермахта в 1942 г. Герре, родившийся в 1909 г. в Лотарингии в офицерской семье, пришелся тогда Гелену по вкусу. Надменный, образованный, владевший русским языком, он представлял собой тот тип офицера генерального штаба, который Гелен ценил. Он назначил Герре в подразделение 1-а отдела «иностранные армии Востока». В 1943 г. ему как офицеру генерального штаба поручили участвовать в формировании армии Власова. Там он исполнял функции начальника штаба и войну окончил в чине полковника генерального штаба. Из его военного дневника, который он вел весьма педантично, видно, что войну против Советского Союза он считал оправданной и в неудаче «восточного похода» обвинял лишь нацистских фюреров.

В записи от 18 ноября 1942 г. Герре пишет о разговоре с Геленом: «Мы оказались едины в том, что русскую кампанию можно было бы выиграть, если правильно проводить ее в военном и политическом отношениях, но при сложившихся обстоятельствах она окончится неудачей. Ясно нам было и то, что нужно предпринять: дело можно вести только без нынешней верхушки. Мы настолько испугались такого вывода, что прервали беседу, поскольку ведь, в конце концов, мы оба являлись офицерами и давали присягу».

При таком трогательном взаимопонимании не было ничего удивительного, что после 1945 г. Герре оказался в клане Гелена и вместе с ним участвовал в создании организации и БНД. В августе — сентябре 1945 г. Гелен взял его с собой на секретные переговоры с американскими спецслужбами. Их участник, начальник разведки вооруженных сил США генерал-майор Джордж В. Стронг, отметил Герре как «замечательного знатока антикоммунистических настроений в Советском Союзе» и содействовал тому, что американцы согласились почти со всеми предложениями Гелена по перестройке шпионажа против Востока. В 1947 г. Герре вместе с бывшим американским офицером связи полковником Либертом участвовал в создании штаб-квартиры для Гелена в Пуллахе. В середине

50-х годов Герре возглавлял отдел анализа и использования информации в Пуллахе и в 1958 г. выдвинулся в руководители одного из управлений, причем тогда же ему подчинили и отдел разведки против социалистических стран. В Мюнхене Герре сблизился с ХСС и может быть без всяких сомнений причислен к группировке ХДС/ХСС в БНД.

Одним из «соавторов» организации был майор Герман Баун, однако Гелен вскоре отстранил его от руководства. Он родился в 1897 г. в Одессе. С 1930 г. работал в немецкой секретной службе и был руководящим сотрудником в службе Канариса. Во время войны он, как уже говорилось, организовывал шпионские и диверсионные акции против Советского Союза (отдел фронтовой разведки «Валли-I»). В этом качестве являлся партнером Гелена и отдела «иностранные армии Востока». В мае 1945 г. Баун оказался в Реттенберге (Бавария) и сдался в плен американским войскам.

Как и генерал Гелен, Баун в 1945 г. установил контакт с генералом американской разведслужбы Эдвином Л. Сайбертом и также вел с ним переговоры о создании собственной немецкой шпионской организации, действующей против Советского Союза. В марте 1946 г. он получил разрешение Сайберта продолжать шпионаж против СССР. С секретного объекта в Таунусе, называемого «Голубой виллой», Баун пытался по радио активизировать действия якобы оставшихся в СССР агентурных групп. Попытка не удалась. К этому времени Вашингтон принял план Гелена по созданию единой шпионской организации (разведка и использование информации), и в августе 1946 г. Бауна поставили перед совершившимся фактом: ему предложили возглавить отдел разведки, работая под руководством Гелена. Баун обиделся и позже покинул организацию, став скрытым врагом Гелена.

Другие генштабисты легче осваивались с амбициями генерала Гелена, целиком и полностью предоставляя себя в распоряжение организации. Майор генерального штаба Ульрих Бауэр, он же Байерле, появился в центральном аппарате БНД в 1948 г. В период легализации он был восстановлен в звании подполковника генерального штаба и стал начальником группы «советские разведорганы» в отделе контршпионажа, то есть моим непосредственным начальником. Позже он перешел в концерн Сименса в Мюнхене уполномоченным по контрразведке.

Многолетний референт Гелена и позже один из президентов БНД — Блюм, он же Хартвиг, который представлял меня генералу после моего перевода из генерального представительства, вышел также из военных кругов. К концу войны 26-летний Эберхард Блюм дослужился уже до звания ротмистра. Он пользовался особым доверием президента БНД Гелена. В 1960—1961 гг. Блюм являлся начальником отдела кадров центрального аппарата БНД, сменив родственника Гелена фон Зейдлитц-Курцбаха. При легализации организации Блюм, как и многие другие, не смог получить чина, соответствующего его служебному положению. Тогда ему дали ранг по чиновничьей градации — оберрегирунгсрат (старший правительственный советник), а вскоре и повысили.

Когда в 1973 г. начальник отдела II (анализ) легатионсрат в отставке Роберт Борхардт был досрочно отправлен на пенсию за его оппозицию политике разрядки, проводившейся правительством СДПГ/СвДП, и «реформам» в службе, возник вопрос, а откуда он, собственно, взялся. Бывший майор и кавалер Рыцарского креста, познакомившийся с Весселем при совместной тактической подготовке в пехотной школе Дрездена, Борхардт после 1945 г. подвизался в ведомстве иностранных дел, откуда в конце концов перешел в центральный аппарат Гелена в Пуллахе. Во время его нашумевшей отставки в 1973 г. компанию ему составил начальник отдела техники БНД Хайнц Бурхардт, он же Крассман, который свою карьеру начинал в вермахте в качестве офицера танковых войск, а затем стал офицером управления кадров сухопутных войск. С должности начальника подотдела в руководящем штабе министерства обороны он в 1969 г. перевелся в Пуллах и вышел в отставку вместе с Борхардтом по тем же политическим мотивам — как сторонник антикоммунистического мировоззрения ХДС/ХСС.

Вальраб фон Бутлар попал в организацию непонятным для меня образом и вначале выполнял вспомогательные функции в бывшей школе БНД в Вайденкаме. Там он должен был наряду с другими делами проанализировать историю с Гейером [1]. Это явилось началом его карьеры в качестве эксперта от БНД в федеральном суде при разборе «случаев предательства». Едва ли найдется хоть одна комиссия по расследованию, зани-

[1] Перешедший в ГДР сотрудник организации Гелена.— *Прим. авт.*

мавшаяся вопросами секретных служб, к которой не имел бы отношения Бутлар. В качестве начальника отдела безопасности БНД (расследование провалов) он занимал центральное место в организации сотрудничества с федеральным судом и генеральным прокурором по всем делам БНД.

Как известно, в 1973 г. ХДС и ХСС довели политические разногласия относительно продолжения политики разрядки до состояния политического кризиса, с тем чтобы, объявив в бундестаге вотум недоверия, свергнуть правительство Брандта — Шееля. Этот демагогический парламентский трюк потерпел фиаско, так как против предложения кандидата в канцлеры от ХДС/ХСС Барцеля о вотуме недоверия голосовали даже некоторые депутаты из блока ХДС/ХСС. Одним из них был некто Штайнер. Чтобы на этой неудаче нажить хотя бы какой-то политический капитал, Штайнеру предложили за вознаграждение заявить через иллюстрированный журнал «Квик» — печатный орган лобби ХДС/ХСС,— что он работал на Восток как агент-двойник и от одного из депутатов от СДПГ получил взятку за голосование против вотума недоверия. Несмотря на сложную конструкцию доказательств, сооруженную лоббистами ХДС/ХСС и включавшую в себя даже созыв специальной комиссии по расследованию, этот карточный домик рассыпался. Поражение Барцеля замаскировать не удалось. Бутлар же относился к тем сотрудникам БНД, которые лучше всех были информированы об этом событии, и именно он в последующие годы передавал блоку ХДС/ХСС получаемые им в процессе работы политические сведения о СДПГ/СвДП. После аферы со Штайнером или, может быть, из-за нее Бутлар до своей смерти в октябре 1983 г. публично не выступал.

Другой заметной личностью в БНД был уже упоминавшийся генерал-майор Эрих Детлефсен. Он считал себя — и не без оснований — вторым Мольтке в шпионаже. Его опубликованные признания довольно откровенны, он никогда не исключал шпионажа БНД против своих союзников. Военная карьера Детлефсена началась еще в 1923 г., в год попытки путча Адольфа Гитлера в Мюнхене. Он служил в рейхсвере при генерале фон Зеекте. В 1936 г. Детлефсен уже офицер генерального штаба. Под конец войны — генерал-майор в руководящем штабе вермахта и служба в штабе «правительства Деница». После денацификации в лаге-

ре Нойштадт, округ Марбург-на-Лане, он направился прямо к Гелену. Последний считал Детлефсена превосходным аналитиком, сохранившим также заботу о «немецких интересах».

Уже упоминавшийся родственник Гелена Ганс Динглер, он же Дильберг, считал шпионаж «всемирной миссией». Гелен послал его в качестве резидента в Южную Африку.

Рассматривая клан Гелена, я никогда не забывал о женщинах в Пуллахе. В службе они были не только, как там принято говорить, «серыми мышками». Их влияния нельзя недооценивать. Я имею в виду не только дочерей, невесток генерала и его заместителей. Всех их, конечно, так или иначе, пристроили в службе.

Многолетнюю секретаршу Гелена Ханнелоре К. после 1956 г. перевели референтом в личный штаб Гелена. Не лишено интереса, над чем она трудилась. Например, К. обрабатывала дела и информацию по «Красной капелле», которая являлась особым коньком, если не манией, Гелена, считавшего, что люди из «Красной капеллы», известной организации антигитлеровского сопротивления во время войны, все еще не раскрыты и продолжают занимать руководящие позиции в ФРГ. Кроме того, эта фрейлейн из приемной президента работала над дневником убийцы евреев Эйхмана, переданным БНД израильской разведкой. Имел ли штаб Гелена отношение к сомнительной и затасканной легенде о Бормане как советском агенте, мне не говорили, но если учесть образ мышления генерала, то не исключено, что он заставлял весь штаб заниматься своими любимыми легендами.

Однако не все сотрудники женского пола могли предъявить в качестве рекомендации свое происхождение и родословную. Таких было немного. Но даже когда после легализации графине Х. дали ранг старшего правительственного инспектора, то это все же не соответствовало ее бывшему общественному положению. Она и ее соратницы выполняли вспомогательную работу, облегчая жизнь начальников рефератов и групп — мужчин. Многих из этих дам я знал как прилежных и добросовестных сотрудниц, которые в отсутствие шефов с успехом могли представлять их. Но так уж было заведено в этом мужском коллективе: занять высокое положение женщинам оказывалось недоступным, а если кому это и удавалось, то исключительно редко и лишь тогда, когда они появлялись в службе, уже имея вы-

сокую производственную квалификацию — в качестве, например, асессора, как Розмари Б. или немногие другие. Но это — тема «в себе» и в деталях до сих пор еще недискутабельна. Во всяком случае, те, кто сумел пробудить в женщинах честолюбие и считался с ним, не раскаивались.

Поскольку Гелен увлекался политикой и считал, что может оказывать на нее соответствующее влияние, он после легализации БНД перенес поле своей деятельности из области внутренней политики во внешнюю. Он хотел оказывать правительству ФРГ услуги также и в этой области, которую считал сферой деятельности главы секретной службы. С этой целью Гелен создал «стратегическую службу», руководить которой доверил генерал-майору Вольфгангу Лангкау, он же Лангендорф или Хольтен.

В начальный период деятельности легализованной БНД Лангкау являлся наиболее важной фигурой во всем, что касалось оперативной работы. Он был знаком с Геленом еще по военной службе до 1945 г. и находился с ним в дружеских отношениях. Оба служили в одном артиллерийском полку, что для Гелена значило больше, чем иметь разведывательный талант. Поэтому Гелен — со ссылкой на общие традиции вермахта, которые он ностальгически обожал,— выдвинул Лангкау на ведущие позиции. Даже самые старые сотрудники абвера не знали за ним никаких других заслуг, кроме того, что он по званию и выслуге лет в вермахте шел сразу после Гелена. Необходимость идти к нему на доклад представляло сущее мучение, которому мне несколько раз пришлось подвергаться. Я старался избегать Лангкау, так как его вопросы и распоряжения свидетельствовали о том, что он не имел ни малейшего понятия о нашем деле и не мог уже ничему научиться.

Что же скрывалось за названием «стратегическая служба»?

В период шефства американцев над БНД разведывательная деятельность этой организации была направлена исключительно против социалистических стран, а также прогрессивных течений и группировок в ФРГ. Шпионаж в западных странах, несомненно, повредил бы американским интересам и поэтому на первых порах не допускался. Однако, когда организация перешла в ведение правительства ФРГ и стала федеральной разведывательной службой, Гелен сумел без ведома аме-

риканцев создать шпионский аппарат в тех странах мира, где он до сих пор не мог действовать. Активная работа по созданию этих ответвлений началась в 1956 г. и проводилась в полном отрыве и независимо от задач уже существующих отделов БНД, хотя отдельные сотрудники организации специально для этого были переведены в «стратегическую службу». Некоторые подразделения, специализировавшиеся на добыче политической информации и располагавшие связями с политическими деятелями или прессой (например, с журналом «Шпигель»), были выведены из системы их прежнего подчинения и переданы «стратегической службе». Одновременно БНД создала во всех важных и интересующих ее точках земного шара резидентуры «стратегической службы», например на Ближнем Востоке, в Африке, Гонконге.

«Стратегическая служба» стала своего рода службой в службе. Хотя ее задачи и организационная структура являлись такими же, как задачи и структура действующей организации, она работала совершенно отдельно от нее. Там были созданы параллельные подразделения, такие, как административный отдел, фотоотдел, отдел технического обеспечения, а также отделы контршпионажа, использования информации и т. д. Только здесь все предназначалось для разведки и разработки несоциалистических стран, в том числе и партнеров по блоку. Таким образом, существовали, собственно говоря, две службы, которые очень мало сотрудничали между собой из-за соперничества и неразберихи в компетенциях. Но это вполне отвечало намерениям Гелена, постоянного противника четких структур и разграничения полномочий. Ему нравилось состояние запутанных взаимоотношений в собственной службе якобы по причинам безопасности. В действительности же он опасался, что ясная постановка и распределение задач приведет к необходимости поделиться с другими своей слишком обширной властью и собственными знаниями, опасался конкуренции.

Здесь следует напомнить высказывание Томаса Вальде, автора книги «Донесение разведки...» и знатока западногерманской секретной разведывательной службы: «Начало истории западногерманской секретной разведывательной службы характеризуется большой конкуренцией, в результате которой развивалось неудержимое соперничество, приводившее к острой борьбе за руково-

дящие позиции. Отношения там были и остаются настолько многообразными, что едва ли их можно сейчас распутать и расположить в подлинной последовательности».

Однако «стратегическая служба» не смогла высоко держать свою марку. У нее оказалась замедленная реакция, ее информация поступала в правительство ФРГ позже, чем сообщения печати по этому же вопросу, и была менее обоснованной, чем доклады опытных дипломатов с места событий. К этому следует добавить бросавшуюся в глаза таинственную возню Лангкау, присущую его стилю руководства, а также изолированные действия «стратегической службы». Именно эти факторы позволили контрразведкам «дружественных служб» разгадать двойную игру БНД и часто обрекать ее на работу вхолостую.

Однако в этот период своей деятельности Гелен добился, чтобы ему как шефу секретной службы, которая с 1956 г. могла целенаправленнее добывать политическую информацию в странах Запада, давали знакомиться с политическими докладами западногерманских послов. Это сделало Гелена более осведомленным по проблемам, ранее для него закрытым, и значительно укрепило его позиции.

Гелен всегда преувеличивал значение «стратегической службы», хотя ее ценность для правительства ФРГ оставалась незначительной. В ходе реорганизации с целью создания более четкой структуры БНД при преемнике Гелена в 1968 г. задачи «стратегической службы» в области зарубежного шпионажа были перераспределены между обычными службами старого аппарата, и наконец в 1969 г. «стратегическую службу» полностью упразднили.

Всем известно, что в 1957 г. генерал Гелен пытался назначить Лангкау вице-президентом БНД, однако сопротивление многих сослуживцев помешало этому. Когда Гелен не опроверг распространившегося слуха о выдвижении кандидатуры Лангкау на пост вице-президента, многие работники пригрозили покинуть БНД и перейти в бундесвер. Это означало бы, что МАД, а значит, и Штраус получили бы в свое распоряжение для собственной, «домашней» военной разведки многих квалифицированных специалистов. Поэтому Гелен пошел на попятную и отказался от повышения Лангкау. Тем не менее в качестве руководителя «стратегической службы» Лангкау установил прекрасные контакты с прессой

и партиями, прежде всего с ХДС/ХСС. Его считали «длинной рукой» этого блока в БНД.

Руководителем отдела анализа и использования информации тогда был регирунгсдиректор Курт Вайс, он же Винтерштайн. Войну он закончил майором, а его должность в БНД позволяла ему иметь чин полковника. Так как по предписаниям бундесвера этого сделать было нельзя, то его перевели в категорию служащих и присвоили ранг регирунгсдиректора. В соответствии с давно вынашиваемыми планами Гелена относительно проведения наряду с санкционированным американцами военным шпионажем также и политической разведки Винтерштайн еще в середине 50-х годов получил указание расширить свой специальный реферат, занимавшийся добычей и использованием политической информации, и наладить связи с прессой. Он очень искусно выполнил поставленную задачу, чем завоевал доверие Гелена, которое со временем все росло. Еще перед легализацией БНД Винтерштайн поддерживал контакты с перспективными политиками. После того как ему удалось установить особо тесные связи с СвДП, а именно с так называемыми «младотурками» и будущим генеральным секретарем Флахом, в ту пору журналистом, и хорошо использовать все существовавшие связи и другие возможности, его реферат преобразовали в самостоятельный отдел (кодовое обозначение «133»), подчиненный непосредственно Гелену. Позднее он стал ядром созданной после легализации и охарактеризованной выше «стратегической службы».

Винтерштайна интересовала любая информация, имевшая политическое содержание или значение, в особенности результаты наблюдения за Гербертом Венером, Вилли Брандтом, Эгоном Баром и Аннемари Ренгер. С 1952 г. не проводилось ни одной внутриполитической акции, в которой бы не участвовал Винтерштайн. 12 ноября 1962 г. Аденауэр вызвал Винтерштайна вместе с Геленом, вице-президентом Воргицки и Вендландом в ведомство федерального канцлера, где его допросил федеральный судья. Впервые ему пришлось отчитываться по поводу его внутриполитических маневров, выходивших за прерогативы БНД.

После ухода Гелена Винтерштайн поддержал программу реформ Весселя по наведению порядка в БНД. Он помогал также изымать внутриполитические досье из центральной картотеки, когда на какое-то время рас-

пространился страх перед возможностью контроля над БНД со стороны СДПГ/СвДП. В течение короткого срока, до назначения его в 1970 г. начальником школы БНД, он являлся руководителем отдела добычи информации.

К кругу руководящего персонала относился и Ганс Генрих Воргицки, родившийся в 1907 г. и умерший в конце 1969 г. Вице-президент БНД с 1957 г., он также вышел из элиты офицеров генерального штаба. Войну закончил в чине полковника генерального штаба в отделе 1-с группы армий «Центр». Уже в 1946 г. он поступил в организацию и возглавил генеральное представительство В в Бремене. Как и Винтерштайн, Воргицки с начала 50-х годов поддерживал связь с журналом «Шпигель». В 1956 г. он ввел в контакт со «Шпигелем» своего преемника Вихта. Политика влияния БНД на прессу внутри страны сразу же оказалась успешной, многое здесь специально препарировалось для информирования общественности, в частности материалы об «угрозе с Востока» и по дискредитации «советской оккупационной зоны». В этой работе с прессой вице-президент Воргицки и Винтерштайн действовали согласованно. Имелись специальные формуляры, в которые заносились оценки специфических статей, направленных против Востока, и предложения по их доработке и «причесыванию». В этой сфере оба они считались умелыми организаторами.

В первые годы пребывания в разведслужбе Воргицки выступал защитником технизации шпионажа, что означало усиленное применение технических разведывательных средств, методов разведки средствами связи и электронной разведки. Генерал Гелен лишь условно соглашался с ним, и когда Воргицки стал его раздражать, поступил с ним так же, как с его предшественниками, то есть потихоньку отодвинул на задний план. Гелен никогда ничего не делал для укрепления позиций заместителя. Он загнал Воргицки на задворки политического шпионажа и оставил за ним только представительские функции при официальных мероприятиях. Так у Воргицки появились прозвища Дядюшка-для-завтрака и Дядюшка-для-приветствий. Затем он вышел в отставку по состоянию здоровья.

Судьба второго вице-президента, генерала Хорста Вендланда, оказалась еще трагичней. Связь с генералом Геленом он установил, уже будучи опытным пол-

ковником генерального штаба, служившим в организационном отделе главного командования сухопутных войск. После войны Вендланд стал соответственно руководящим сотрудником организации Гелена, а затем БНД. Его организаторский талант руководителя не вызывал никакого сомнения. Он работал в разведслужбе в качестве члена руководящего штаба, ответственного за организацию и административное управление. Его человечная, спокойная манера обращения вызывала симпатию у всех сослуживцев. После выхода на пенсию Воргицки на Вендланда возложили обязанности вице-президента. Его качества и способности давали ему все основания считаться преемником Гелена. Однако каждому, в том числе и самому Папаше Вендту — псевдоним Вендланда в службе,— было ясно, что президентом он не станет, поскольку уже многие годы твердым кандидатом на эту должность являлся генерал Вессель. В 1968 г. Вендланд покончил жизнь самоубийством в своем служебном кабинете. Причины этого общественности до сих пор неизвестны.

Ни Вессель, ни Гелен здесь так ничего и не прояснили. Официальная версия гласит: «С ужасом наблюдали друзья за тем, как Вендланд с каждой неделей все больше слабел. Человек замкнутый, глубоко осознающий свой долг, он заметно страдал депрессией, его сознание временами отключалось, проявлялись усталость и крайняя рассеянность». Все это было пошлой ложью. В версию Гелена еще можно было бы поверить, если бы не другие «случайности». За смертью Вендланда последовал целый ряд загадочных убийств и самоубийств. 8 октября 1968 г., через три часа после «самоубийства» в Пуллахе, в Эйфеле в Рейнских горах был застрелен из охотничьего ружья адмирал Герман Людке, служивший в штаб-квартире НАТО. 15 октября повесился регирунгсдиректор федерального министерства хозяйства, 18 октября нашли труп дежурного офицера в руководящем штабе вооруженных сил.

Я знал Вендланда как человека с обостренной чувствительностью, старавшегося поддерживать хорошие отношения с сотрудниками. Такого же отношения, по-видимому, он ожидал и к себе со стороны своего начальства, тем более что был уверен в своих способностях и результатах работы. Поскольку этого не произошло, Вендланд, очевидно, оказался под психологическим прессом, так как, будучи всю жизнь солдатом,

он и не думал выступать против начальства в свою защиту.

Когда президентом стал Вессель, Вендланд еще мог надеяться на какой-то поворот в своей жизни, но быстро понял, что поворота не будет, и это еще больше усилило его разочарование. Человеку с таким воспитанием в конечном счете не оставалось другого выхода. То, что он как начальник оперативного отдела штаба сухопутных сил располагал какими-то сведениями о Гелене и Весселе, которые могли оказаться неприятными для них обоих и в особенности нанести ущерб мифу Гелена, следует считать лишь одной из возможных версий.

Шпионаж БНД внутри страны

Кадровую политику Гелена нельзя отделять от его шпионажа внутри страны. Средоточие власти в руках его клики и консолидация реакционных сил в Христианско-демократическом союзе — это лишь две стороны одной и той же медали. Неверно, будто бы лишь только в начале 70-х годов Хорст Эмке, возглавляя ведомство федерального канцлера, впервые узнал о политической слежке, проводимой в ФРГ. Геленовские досье на западногерманских деятелей появились вместе с основанием его организации. Эмке обнаружил якобы всего 54 досье на политиков всех партий, представленных в бундестаге.

Но это лишь верхушка айсберга. Особенно тщательно работали в расчете на перспективу над досье менее крупных партийных функционеров, чиновников и офицеров. Как только кто-нибудь из них начинал подыматься вверх в государственном аппарате Аденауэра, генерал Гелен тотчас же отправлялся в Бонн и докладывал Глобке о взглядах этого человека, его сексуальных наклонностях, увлечениях и т. д. Канцлер Аденауэр и статс-секретарь Глобке при проведении внутреннего шпионажа придавали одинаковое значение личным досье как на политиков СДПГ и СвДП, так и ХДС/ХСС. Они давали задание на шпионаж против ведущих деятелей СДПГ Шумахера и Олленхауэра, а также Брандта, Фогеля, Венера, председателя СвДП Менде и против таких политиков из блока ХДС/ХСС, как Штраус и Кизингер, не говоря уже о членах КПГ.

Первостепенной задачей Аденауэра, и об этом я еще скажу ниже, была регистрация политических событий, которая давала бы представление о том, кто, когда и где отказался поддержать его политику. Таким путем он получал возможность сталкивать отдельных политиков друг с другом.

«Созвездие трех» — Аденауэр, Глобке, Гелен — решало, не считаясь с партийными интересами и парламентскими порядками, что, с кем, когда и где должно произойти. Глобке не смутило даже то, что во время своего первого посещения Центра организации в начале 50-х годов он нашел в показанной ему картотеке, в ящике на букву Г, заведенную организацией учетную карточку на самого себя. Но с тех пор учетные карточки и личные дела находились под особым наблюдением у начальника картотеки. Позднее конспирация была еще больше усилена и соответствующие документы перекочевали в штаб Гелена, в так называемый «ядовитый сейф».

И действительно, для многих лояльных функционеров СДПГ, СвДП и даже ХДС/ХСС такого рода «личная обработка» оказывалась ядовитой. Подобный стиль напомнил мне метод главаря СД Гейдриха, который также организовал сбор сведений на политиков, в том числе своих друзей и партнеров, чтобы иметь возможность шантажировать их. Только назывался его архив иначе — «ящик с боеприпасами».

В картотеке организации, где собиралась информация о лицах, группах, адресах, телефонных и автомобильных номерах — короче говоря, обо всем, что можно систематизировать по алфавиту или как-либо иначе, накопилось к моменту легализации, то есть к 1956—1957 гг., огромное количество сведений. Их едва ли можно было теперь как-то упорядочить для быстрого использования, а количество сведений продолжало непрерывно расти. Во-первых, периферийные точки все больше и больше слали запросов в центральный аппарат на тех или иных лиц, и, во-вторых, на каждое лицо заводилось несколько карточек: чья фамилия появилась в службе хотя бы раз, тот подвергался многократной регистрации, например, в поисковой картотеке, содержавшей лишь основные личные данные и адреса и дававшей отсылку на архив личных дел или на соответствующую предметную картотеку. В многочисленных предметных картотеках карточки размещались

по фамилиям в строго алфавитном порядке. Предметные картотеки подразделялись на рубрики, например: общ.— общие сведения, антифаш.— антифашистский актив в советских лагерях для военнопленных; фед./учр.— федеральные учреждения ФРГ; ГДР/учр.— учреждения ГДР; впл.— немецкие военнопленные; пол./ХДС/СвДП/СДПГ — политика указанных партий и т. д.

Каждый адрес отдельного лица или фирмы учитывался в так называемой адресной картотеке — в нее закладывались поисковые карточки по населенному пункту, улице и номеру дома. То же самое делалось с номерами телефонов и автомашин — по ним велись отдельные картотеки.

В общей картотеке регистрировались имена всех лиц, которые упоминались в донесениях или на которых в службу поступали запросы, в том числе с целью возможного использования проверяемых в интересах разведки, например в качестве наводчиков, источников или «почтовых ящиков». «Чести» быть занесенным в картотеку удостаивался каждый, кто представлял какой-либо интерес для организации Гелена, а позже БНД, например обитатели дома, расположенного напротив какого-нибудь служебного помещения БНД, или дома, где проживали иностранные дипломаты.

Уже в 1956 г., то есть спустя 10 лет после окончания войны, одна только поисковая картотека содержала около 800 тыс. карточек, а ведь значительная их часть за предыдущие годы еще не была обработана из-за нехватки персонала и ждала своей очереди. После того как роль картотек, которыми пользовались вручную, стали играть электронные запоминающие устройства, количество накапливаемых сведений достигло колоссальных размеров.

Кроме картотек по отдельным лицам учету и обработке подлежали все сообщения и донесения в области политической разведки и контршпионажа. Сверх того анализировались также журналы, информационные материалы служб прессы, сообщения других служб, что составляло несколько сот документов в день. Если представить себе, сколько людей принимало, скажем, участие в каком-нибудь партийном съезде, научном симпозиуме и т. д., имена которых упоминались в сообщениях по этим мероприятиям, то станет ясно, насколько быстро росла картотека. Значительную часть ее составляли результаты разведки, проводимой внутри страны.

К этим хранилищам информации, уже в 1956 г. превосходившим по объему соответствующие картотеки ведомства по охране конституции, имели неограниченный доступ офицеры связи ЦРУ. Когда после легализации организации Гелена в 1956 г. они покинули Пуллах, этот источник едва не оказался для них утраченным. Но здесь вступала в действие уже упоминавшаяся акция с микрофильмами, и США стали получать все с доставкой на дом. Тем самым ЦРУ продолжало иметь полное представление о всех доверительных связях БНД и политиках партий, представленных в бундестаге. Не будет преувеличением полагать, что многие из них и сегодня являются для ЦРУ «открытой книгой». Якобы начатое еще в 1970 г. уничтожение внутренних досье БНД в Пуллахе является только фарсом, поскольку соответствующие микрофильмы сохраняются в США в распоряжении «старшего брата» федеральной разведслужбы — ЦРУ. Если, например, правящему блоку сегодня потребуются сведения о подоплеке каких-то прошлых событий или об участвовавших в них лицах — а БНД действительно или символически уничтожила внутренние досье,— то ЦРУ вполне может прийти на выручку.

Что, собственно, понималось в БНД под разведкой внутри страны? Многие сотрудники логично и правильно считали, что речь шла о поиске и создании необходимых для разведывательных нужд опорных позиций в самой ФРГ, их изучении и укреплении. То, что на практике это превращалось в слежку за политиками, которая в принципе вообще ничего не имела общего с разведкой, для них оставалось секретом. Организацией «внутренней разведки» занимался лично Гелен на собственный страх и риск, не спрашивая даже мнения американцев, хотя впоследствии он информировал их о некоторых результатах. Говоря о политике, Гелен старался проявлять себя только во внешнеполитической области.

Беседы с Аденауэром, Штраусом, Олленхауэром или Менде Гелен вел преимущественно в Бонне. В этих целях он часто пользовался квартирой своего родственника Вальтера фон Гелена вблизи боннского Хофгартена. Конечно, на эти беседы он не брал служебные документы в оригинале, а излагал необходимое, как он это делал в генеральном штабе, по памяти.

Некоторых лиц Гелен принимал для бесед в Пуллахе, предпочтительно по субботам и воскресеньям, когда весь персонал отсутствовал. На них приглашался только определенный ответственный сотрудник. Все беседы скрытно записывались на магнитофон. Разговоры такого рода Гелен вел также и с Францем-Йозефом Штраусом, тогдашним министром обороны. Для таких посетителей в Пуллахе существовали так называемые «немые ворота», открывавшиеся не охранниками, а сотрудниками личного штаба Гелена.

Добиваясь легализации своей организации, Гелен все больше стремился к личным контактам с руководящими общественными и политическими деятелями. К ним принадлежали министры внутренних дел земель, капитаны промышленности, федеральные судьи и прокуроры из Карлсруэ. Они считали для себя большой честью в качестве «абсолютного исключения» познакомиться лично с самим Геленом или посетить святая святых — Центр в Пуллахе. Так срабатывал созданный Геленом вокруг своего имени ореол, скрывая недостатки и истинные цели его автора. Гелен производил на думающих совершенно другими категориями политиков и юристов такое же впечатление, как в кайзеровской Германии военные действовали на восхищающихся ими штатских. Для этих приемов у Гелена имелся стандартный доклад и несколько серий диапозитивов, которые он менял в зависимости от характера посетителей. На встречи приглашались также сотрудники, чтобы сделать сообщения по какой-либо специальной области, если посетители проявляли к ней интерес. Это производило впечатление, что в организации все превосходно и совершенно и при необходимости она может творить чудеса, если только Гелен нажмет нужную кнопку. Нам эта игра в волшебников доставляла удовольствие — в конце концов, мы были специально обучены обманывать, втирать очки неискушенным визитерам.

Я часто получал внезапные распоряжения по телефону прибыть в штаб-квартиру и сделать доклад о контршпионаже «докторским посетителям», как на жаргоне Центра называли гостей Гелена. Обычно в этих случаях мне звонил личный референт и говорил: «Приезжайте сюда и возьмите с собой вашу банку с сосисками». Я уже знал, о чем шла речь и что от меня требуется. «Банка с сосисками», наряду с другими «наглядными пособиями», которые были по моей просьбе

специально изготовлены для подобных мероприятий, представляла собой контейнер для шпионских материалов, например фальшивых удостоверений, пленок и т. д. Она имела соответствующий вид и вес, в ней булькала жидкость, но, сняв крышку, можно было продемонстрировать совершенно сухое внутреннее пространство. Это, конечно, производило впечатление на любителей шпионажа, для которых и устраивались подобные демонстрации.

Серии диапозитивов содержали сведения о результатах работы Гелена в качестве начальника отдела штаба «иностранные армии Востока» во время войны. Посетителям они должны были демонстрировать аналитическую работу, проводившуюся на уровне генерального штаба. В качестве новейших результатов деятельности разведки Гелен подавал сведения, поступившие из «восточного блока», причем на первый план выдвигались трудности их приобретения. Затем следовали прогнозы современного политического положения, которые выглядели довольно мрачными. И наконец, подчеркивалась ограниченность затрат, произведенных для достижения этих результатов, что служило тонким намеком: если бы денег дали побольше, то можно было бы добиться и лучших итогов.

В качестве свидетельства опасностей, с которыми сопряжена работа Гелена, выступала фотография его автомашины с ветровым стеклом, якобы пробитым пулей во время следования по дороге из Пуллаха на его виллу. Я знал, что стекло пробито камнем. После появления дырки в стекле в машине не обнаружили пули, которая должна бы там остаться, но завороженные слушатели не были криминалистами и легко брали на веру всю эту небылицу. Во всяком случае, они все, как один, весьма положительно отзывались о Гелене и его организации, высказывались в пользу ее легализации и за выделение ей соответствующих финансовых средств. Так Гелен создавал агентов влияния. Они надеялись получить что-то от Гелена, в то время как последний уже использовал их прямо или косвенно.

Для посетителей Пуллаха не был таким уж неприятным факт, что Гелен прибегал к их содействию в целях проникновения в область внутренней политики и ведения внутриполитической разведки. Некоторые посетители имели от этого выгоду, поскольку Гелен, если что-то оказывалось полезным для него и проводимой им

в Пуллахе политики, передавал им политическую информацию и сведения на некоторых лиц. Кроме того, он хотел с помощью министров внутренних дел земель организовать свою внутреннюю службу связи. Вскоре ему удалось получить в каждой федеральной земле пост так называемого референта по связи. Это должен был быть официальный представитель Гелена при правительстве земли и всех ее учреждениях.

Из Центра этой внутренней службой связи руководил отдел с кодовым обозначением «135». Референты по связи отвечали за организацию сотрудничества и ведомственную поддержку в соответствующей земле, поскольку работники оперативных периферийных точек, как правило, не должны были вступать в прямой контакт с земельными учреждениями. Через этих референтов осуществлялись обычные связи с учреждениями земельных правительств, отделениями ведомства по охране конституции, полицией и т. д. Через них же проводился обмен необходимой информацией, улаживались различные конфликты и выяснялись возможности мероприятий по контршпионажу.

Иногда этим сотрудникам приходилось улаживать довольно щекотливые дела. Однажды агента БНД направили для проведения операции в одну из земель с фальшивыми документами, настоящих у него при себе не имелось. Прямо на улице с ним случился инфаркт, его доставили в институт судебной медицинской экспертизы, где зафиксировали естественную смерть и труп выдали для погребения. Конечно, покойный везде оформлялся под своим псевдонимом, который взяли из имевшихся у него документов. Референту по связи в этом случае предстояло изменить записи во всех регистрационных документах, чтобы обеспечить похороны умершего под его настоящим именем на его родине и чтобы все другие документы, как, например, страховка и т. д., были выписаны на настоящее имя. А изменить записи в соответствующих книгах и заключении судебно-медицинской экспертизы — задача не из таких уж легких. Поэтому на посты референта по связи обычно выбирались сотрудники пожилые, с внушительной внешностью, большей частью бывшие военные.

Чем более сердечным и открытым старался Гелен предстать перед своими посетителями, тем больше фальши скрывалось за этим. Гелен страдал в жизни манией шпионажа. Во всем, что выходило за рамки строго

консервативных принципов, он усматривал действия врага, видел его даже среди людей, с которыми сотрудничал. Везде он видел «Красную капеллу», за каждым прогрессивным явлением подозревал «руку Москвы».

Ответственный работник секретной службы имел обычно более сильные позиции и лучшие возможности для проведения своей линии, чем равные по служебному положению коллеги из других учреждений, причем для этого ему не надо было даже приводить особые основания, слова «секретная служба» имели достаточный вес. Если разведывательная служба заявляет, что по секретным соображениям следует сделать то-то и так-то, то подобное заявление принимается без особой дискуссии, потому что никто не хочет возражать секретной службе. Разведка всегда окружена ореолом таинственности, который значительно облегчает ее работу, но никогда не соответствует ни подлинному содержанию, ни характеру этой работы. И такой нередко искусственно поддерживаемый ореол может стать опасным, когда однажды выясняется, что, кроме воды, в котле ничего не варится и что предполагаемые способности к волшебству относятся к области сказок.

Сотрудники секретной службы только улыбаются, когда смотрят фильмы или читают о работе своего учреждения, которое изображается как какой-то супермеханизм. Непосвященные охотно верят этим сказкам, потому что они окрыляют их фантазию. Однако эти надуманные картины совершенно не соответствуют действительности.

Секретные службы не без удовольствия воспринимают ту высокую оценку, которую им дает окружающий мир, но если они начинают жить за счет такого ореола, то это становится для них крайне опасным. Если, например, они создают впечатление, что все знают или имеют руку, которая дотянется до любого, самого потаенного, уголка земли, то это не что иное, как одна из разновидностей аферы.

Если только в секретной службе не происходит явных провалов, то все остальное можно отрегулировать в своих собственных рамках, как у нас говорилось, загладить. Когда секретная служба получает задание, с которым ей не управиться, то это может кончиться неприятностями и ущербом для ею же самой созданной славы. В таких случаях, чтобы скрыть свое бессилие, она либо говорит, что своей славой обязана другим

формам деятельности, либо изобретает что-то такое, чего никто не может проверить. Это может повлечь за собой фатальные последствия, так же как вообще слишком большая независимость и самовластие секретной службы таят в себе большую опасность, что подтверждает история БНД.

Переплетающиеся связи БНД, да и всего комплекса секретных служб ФРГ с промышленностью, с частными научными и учебными центрами становились все теснее и все чаще шли напрямую. К этим связям относилась и организованная БНД еще в ранний период ее существования торговля оружием. Все заверения руководства БНД в «скромных размерах этой деятельности» и в «одноразовости сделок», данные им в ходе начатых коалицией СДПГ/СвДП расследований по этому вопросу, были и остаются только маскировкой целенаправленного нарушения существовавшего запрещения продавать оружие в районы напряженности. Деятельность БНД в этом плане стала столь обширной, интенсивной и в материальном отношении выгодной, что многие политики вместе с сотрудниками секретной службы заварили свое собственное финансовое дельце и использовали его в своих интересах. Даже Гелену такие манипуляции ради собственного кармана не могли понравиться, и в 1960 г. он создал в БНД группу по «расследованию контрабандной торговли оружием». Всего того, что обнаружила эта группа при расследовании «нечистоплотных» финансовых манипуляций, уже в то время было вполне достаточно для подрыва позиций правительства ХДС/ХСС, если бы это послужило поводом для разбирательства в парламенте. Однако и «чистоплотным» сотрудникам в БНД казалось, что разоблаченные факты являются слишком «горячими», и поэтому они ограничились только необходимыми косметическими мерами и корректировкой на нижних ступенях служебной лестницы. Выбранная для таких «гешефтов» фирма «Шенкер и К°» продолжала беспрепятственно заниматься торговлей оружием по поручению БНД почти во всех кризисных районах мира.

Давно заведенные связи БНД с экономическими, техническими и научными учреждениями нашли свое отражение в так называемом информационном бюллетене «Ферайнигтер виртшафтсдинст», издаваемом Фридрихом Вильгельмом Фоссом.

Читая этот бюллетень, я обратил на него особое внимание. Мне бросилось в глаза, что он слишком хорошо информирован. В результате расспросов Винтерштайна я установил, что Фосс создал этот бюллетень, будучи агентом БНД (псевдоним Фирзер) и по ее поручению, для информации влиятельных экономических кругов. Получение информации из экономических кругов и создание рекламы для экономических связей было, таким образом, отлично обеспечено. Одновременно БНД предоставляла в распоряжение концернов опытных офицеров, таких, например, как некий Рилль, он же Рандов, который стал начальником отдела безопасности в концерне Круппа. При передаче взаимных пожеланий по кадровым вопросам и служебных заданий в качестве посредника выступало федеральное ведомство промышленности и экономики, через которое до БНД доводились также различные требования правительства.

Ответственным за работу с научными кадрами и студентами в центральном аппарате БНД был некий д-р Моммерт. Он руководил сектором «кадровая база на Западе и работа в высшей школе» и разрабатывал для этого соответствующие директивы. Через его стол шли все донесения о студентах и ученых, поступавшие от оперативных отделов службы. Он имел право принимать более или менее ответственное участие в решении вопроса о том, будет ли осуществляться вербовка тех или иных лиц в университетах, или же их дела передаются в ведомство по охране конституции либо в военную контрразведку МАД. С 1959—1960 гг. этот сектор являлся главным поставщиком свежезавербованных шпионских кадров.

На местах разработкой высших учебных заведений занимались специальные филиалы БНД, такие как, например, «Бюро Баумайстер» (разрабатывало институт в Вильгельмсхафене); «Братья Эггерс» (фирма разрабатывала технический институт в Карлсруэ, университет в Гамбурге, университет в Геттингене); «Инкассо-институт» в Кёльне (разрабатывал университет во Франкфурте-на-Майне, университет в Гейдельберге и институт переводчиков, экономический институт в Мангейме); РПГ в Мюнхене (разрабатывал технический институт в Мюнхене, технический институт в Штутгарте, университет в Сааре); «Трансфер ОХГ» в Аугсбурге (фирма разрабатывала технический институт в Аахене, технический институт в Дармштадте, университет в Мюнхене).

Главной целью разведывательной работы в высшей школе была вербовка лиц из числа студенческой молодежи и преподавательского состава высших учебных заведений в качестве: агентов-наводчиков для установления контактов внутри страны и за границей со студентами и преподавателями из стран Восточной Европы; разъездных источников информации; источников внутри страны на определенный срок; кандидатов на штатную работу в БНД.

Круг привлекавшихся при этом лиц охватывал студентов, практикантов, молодых научных работников, доцентов и профессоров. О вербовке лиц для использования их в качестве сотрудников с целью пополнения молодыми кадрами личного состава БНД в ФРГ стали много говорить особенно после того, как сотрудники БНД повели свою вербовочную пропаганду в институтах и университетах ФРГ особенно нагло и открыто.

Еще в 1959 г. в одном из сообщений БНД говорилось: «Как нам стало известно, один из профессоров на заседании сената дал ясно понять, что разведывательные службы искали подходы к студентам из стран «восточного блока». Этот профессор рассказал также об аналогичном случае, имевшем место в другом высшем учебном заведении и связанном с деятельностью одной из разведок друзей. Нам следует, таким образом, считаться с трудностями психологического характера на нашей стороне». В докладе БНД от 23 апреля того же года по вопросу установления связей со студентами отмечалось: «...хороших результатов мы добились в организации сотрудничества с руководящими деятелями объединенных студенческих комитетов, особенно с лицами, занимающимися обслуживанием иностранных студентов, ведающими распределением стипендий в учебных заведениях и мест в студенческих общежитиях, имеющими контакты с созданными в высших учебных заведениях ФРГ организациями по связи с заграницей, например комитетом по связи с заграницей, отделом печати, а также с лицами, имеющими доступ к профессорскому составу и директорам институтов».

Концентрации шпионажа в высших учебных заведениях содействовало также специальное бронирование мест в высших учебных заведениях для агентов и сотрудников БНД. Уже в 1959/60 учебном году в западногерманских институтах и университетах не было почти ни одной сферы деятельности, в которой бы БНД не свила

своего гнезда. Это особенно относится к юридическим наукам. Энергичные усилия прилагались для создания категории агентов из числа студенческой молодежи и преподавательского состава высшей школы, которые бы, представляясь «красными» различных оттенков, служили своеобразной «сладкой приманкой» для «пчел» из стран Восточной Европы. Поэтому версия руководства БНД, когда речь заходит о причинах бесчинств террористов в 70-х годах, которая гласит, что БНД якобы не имела своей агентуры в кругах высшей школы и не располагала возможностью своевременно предупредить правительство и соответствующие государственные органы об этих акциях,— это нечто большее, чем желание оправдаться. Нетрудно понять, что БНД постигла участь ученика чародея, вызвавшего к жизни духов, оказавшихся во многих случаях неуправляемыми. Но как всегда бывает при неудачах с крупными последствиями, руководство БНД также и в этом случае скрылось за завесой секретности. Так, проводя разработку университетов, говорили только об «официальной помощи», хотя сегодня известно, какой тотальный шпионаж может скрываться за этим. БНД работала и работает в университетах ФРГ, преследуя сформулированную ею же цель: «...вербовать лиц из числа студентов и преподавателей высшей школы на Западе в качестве... источников в стране на определенный срок и осуществлять руководство ими».

Поддерживая и развивая связи с влиятельными лицами и группами, Гелен придавал важное значение работе с прессой. Почти до конца 1954 г., когда его организация еще полностью скрывалась в тени и едва кто-либо что-то о ней знал, в отделе «40» (контршпионаж) существовала группа «пол.», то есть «политика». Один из рефератов этой группы занимался прессой, там обрабатывались газеты и составлялись оценки деятельности журналистов, в том числе с точки зрения возможности их использования секретной службой. Политическую группу возглавлял Вайс — Винтерштайн.

Едва ли можно было найти какую-нибудь крупную газету, журнал или еженедельник, которые не имели бы связей с БНД. Еще в первую мировую войну шпионская служба немецкого генерального штаба занималась цензурой немецкой прессы. Позже тогдашний шеф этой службы — полковник Николаи,— анализируя ее отношения с прессой, пришел к выводу, исходя из после-

военного революционного кризиса в Германии, что проникновение разведки в прессу вредило конспирации секретной службы.

Однако Гелен, историк секретной службы Буххайт и прежде всего Винтерштайн отнеслись к этому выводу весьма критически и после обстоятельного обсуждения проблемы решили вступить на путь проникновения во всевозможные редакции. Винтерштайн старался при этом завоевать особо влиятельные позиции в ведущих печатных органах. Во многих случаях это ему удалось. Сегодня это уже ни для кого не является секретом.

Руководство БНД всегда четко представляло себе, как можно сделать журналистов сговорчивыми. Прежде всего оно спекулировало на их потребностях в информации. Я не хочу сказать ничего плохого обо всех журналистах ФРГ, однако они являются главным резервом БНД. Я не буду называть имен, возможно, некоторые журналисты, завербованные в 50-х и 60-х годах, отказались от «верности» БНД. Им полезно, однако, помнить, что, несмотря ни на какие заверения верхушки БНД, ни одна оказанная ей услуга не остается без внимания и требуется определенное мужество для того, чтобы избежать ловушек западногерманского шпионажа.

Тайная война против социализма

С самого создания организации Гелена в ее главные задачи входила разведка потенциала противника и нанесение ущерба этому потенциалу. Под противником следовало понимать в первую очередь Советский Союз и союзные с ним государства, а также те страны, которые считались неприсоединившимися или относились к странам «третьего мира». Эту основную задачу должен был выполнять также и мой реферат, занимавшийся, как я уже говорил, контршпионажем против Советского Союза.

Учитывая решающую роль Советского Союза в борьбе за мир, работа ОГ и БНД против Советского Союза, естественно, находилась в центре внимания, что позволяло мне получать важные сведения о шпионаже и диверсиях БНД. Согласно этим сведениям, БНД с 1956 г., то есть после своего «крещения», резко усилила шпио-

наж против СССР и его союзников как в качественном, так и в количественном отношении.

Под потенциалом вначале понимался только военный потенциал. Однако вскоре наряду с военной промышленностью стали разрабатываться транспорт, вся экономика в целом, система высшего образования, затем вся система образования, и в конце концов не осталось почти ни одной сферы жизни в так называемых странах-объектах, которую не нужно было бы разрабатывать в разведывательном плане. Солидный труд обобщающего характера под названием «ориентировка 620» содержал особые требования в отношении шпионажа против ГДР.

Через три года после легализации, то есть в 1959 г., появились новые требования к шпионской деятельности против всех стран-объектов. В списке стран, представляющих разведывательный интерес, значатся следующие государства, которые расположены в последовательности, соответствующей их значению для БНД: ГДР, СССР, Польша, ЧССР, Венгрия, Румыния, Болгария, Албания, Югославия, Китай, КНДР, Вьетнам и МНР.

Перечень заданий по шпионажу против ГДР включал такие аспекты, как снабжение экономики средствами производства, общий народнохозяйственный учет и баланс, финансы и экономическая политика. В области здравоохранения разведывательный интерес представляли, в частности, противоэпидемические мероприятия, радиационная защита и борьба со стихийными бедствиями.

Чтобы выявить наиболее подходящее звено для работы по переманиванию на Запад трудовых ресурсов, изучались планы ГДР по труду и их выполнение, особенно в отраслях, в которых наблюдался дефицит рабочей силы. С помощью телефонных справочников определялись «исходные точки» для операций.

Перечень заданий по СССР состоял из трех пунктов: 1) усиление военного шпионажа с целью получения подробной информации для органов планирования НАТО и бундесвера; 2) получение доказательств, подтверждающих главенствующую роль СССР в рамках социалистической экономической интеграции, в частности в СЭВ и его странах; 3) получение информации об экономических связях между КНР и СССР.

Хотя официально по-прежнему поддерживался тезис об «угрозе с Востока», имевшиеся у БНД сведения от-

нюдь не подтверждали его. Более того, было зарегистрировано, что в СССР с 1955 г. некоторые военные предприятия, производившие обычное оружие, переключены на выпуск мирной продукции. Сотрудники отдела анализа и использования информации БНД установили, что, например, освободившиеся в результате этого переключения мощности в Туле используются для производства швейных машин и мотороллеров, заводы, изготовлявшие боеприпасы в Троицке и Луганске, производят станки, военный завод в Павлограде — сельскохозяйственные машины, а завод в Чапаевске, производивший взрывчатые вещества, выпускает исходное сырье и материалы для промышленности пластмасс и минеральных удобрений. В конце концов оказалось, что в Советском Союзе не было ни одного военного завода, который хотя бы частично не перешел на выпуск продукции для народного потребления.

Руководство БНД, конечно, не довольствовалось только знакомством с программами КПСС. Оно поручило агентам службы «перепроверить» все данные. Но и агенты не смогли сообщить ничего другого. Можно было предположить, что, как в таких случаях положено, будут сделаны новые выводы касательно внешней политики ФРГ. Но ничего подобного не произошло.

Когда стало ясно, что Советский Союз прилагает все силы к реализации своей мирной программы, БНД предприняла попытку перейти к тотальному экономическому шпионажу, в частности в области энергетических ресурсов, начиная от производства электроэнергии и кончая добычей угля, черной и цветной металлургией, нефтехимией и машиностроением. Объектами концентрированного экономического шпионажа стали ведущие научно-исследовательские институты, отраслевые министерства и органы СЭВ.

Шпионаж в области отношений между СССР и КНР уже давно был направлен на разжигание разногласий и, как любил выражаться Гелен, на создание в социалистическом лагере «силового поля» в пользу империализма. Политические деятели ХДС/ХСС Штраус, Маркс и Дреггер попытались (на основе информации и позиции БНД) использовать свои поездки в КНР в 70-е годы для компрометации политики разрядки.

В разведывательном задании по ПНР упор делался также на главные аспекты экономического шпионажа. Глубоко реваншистским было ведение разведки «в за-

висимости от важности момента» в так называемых восточных областях. Сотрудникам БНД следовало считать (и они считают), что граница по Одеру — Нейсе окончательно не признана, а западные области ПНР находятся только под польским управлением. В этих областях искали прежде всего политические зацепки, группировки, говорящие на немецком языке, которые в нужный момент (как это и сделали в свое время) должны выступить в качестве «пятой колонны». В эту деятельность были также вовлечены организованные в ФРГ землячества и «союзы изгнанных».

Разведзадание против ЧССР, по сути, ничем не отличалось от вышесказанного, ибо за социалистическим треугольником СССР — ЧССР — ПНР следили с повышенным интересом как с точки зрения его экономического, так и военного значения. Особенно пристально БНД следила за экономической кооперацией и торговлей ЧССР с Венгрией и Австрией. Агентам БНД были даны задания добывать сведения о существовавших в то время совместных чехословацко-венгерских планах строительства четырех гидроэлектростанций на Дунае. Одновременно БНД активно действовала с целью срыва плана ЧССР построить совместно с Австрией электростанцию на Дунае.

Сотрудник БНД, который отвечал за экономический шпионаж (его имени я не запомнил), проинструктировал всех действовавших в странах Восточной Европы агентов, что «они должны энергично работать против планов сотрудничества ЧССР и Австрии и создания объединенной энергосети» (ЧССР — Венгрия — Польша — ГДР).

Нет нужды особо подчеркивать, что в 1959 г. БНД интересовалась размерами и темпами преодоления экономического ущерба, нанесенного Венгерской Народной Республике в результате контрреволюции 1956 г. В то время все еще питали иллюзию, что удастся хотя бы затруднить венгерское сотрудничество с СЭВ. Тем большим было разочарование по поводу интенсивного развития советско-венгерских торговых отношений после 1956 г.

Совсем нелепыми представлялись домыслы, касающиеся румынской политики. На основании политической и экономической агентурной информации постоянно сочинялись «новые» идеи о том, каким образом Румыния могла бы получить возможность занять позицию «гордого одиночества».

Естественно, большой помехой при этом была материальная поддержка Румынии со стороны СССР. В то время постоянно проводились опросы агентуры о предоставленных в 1957 г. Советским Союзом Румынии кредитах на приобретение промышленных товаров на сумму 270 млн рублей и кредитах на поставки зерна на сумму 140 млн рублей. БНД стремилась также противодействовать торговой политике Румынии в развивающихся странах, в которые она экспортировала нефтедобывающее оборудование.

На одном из совещаний, говоря о разведывательном задании по работе против Болгарии, вице-президент БНД Воргицки заявил: «Болгария является первым европейским сателлитом СССР, полностью завершившим переходную стадию от капитализма к социализму. Перед вами стоит задача выяснить, как функционирует «совершенная» социалистическая экономическая модель. В состоянии ли Болгария поставлять своим партнерам по «восточному блоку» цветные металлы, овощи и консервированные фрукты?»

Наряду с наблюдением за политической обстановкой в Народной Республике Албании БНД интересовалась ее полезными ископаемыми, в частности железной, никелевой, марганцевой и хромовой рудами, а также нефтью. БНД интересовало прежде всего, в какой степени можно было бы помешать геологическим изысканиям, в которых участвовали также другие социалистические страны.

Исключительно интенсивный шпионаж проводился против Югославии. БНД усматривала здесь «благоприятную возможность для разложения коммунистического движения», а также широкое поле деятельности для своих агентов.

Мои операции

Операции, которые я проводил в БНД, служили задачам контршпионажа и были довольно сложными, во всяком случае для меня. Ведь если только подумать: я создавал сеть агентов-двойников в социалистических странах, в том числе Советском Союзе и ГДР, да еще и с ведома моих друзей. Все, что я делал в оперативном плане в области контршпионажа, необходимо было делать по принципу «семь раз отмерь»,

чтобы не допустить непоправимую ошибку. Без совета, особенно с моим другом Альфредом, я ничего не предпринимал.

Парализовать операции БНД означало не допустить «горячей войны», и в этом мы были едины. Еще тогда мы, как гуманисты и социалисты, исходили из понимания того, что война не имеет смысла. Для всего, что имеет смысл, война не нужна. Социализм как реальная модель в образе Советского Союза имел и имеет глубоко человеческий смысл. Именно на этом тезисе я основывал моральное право для своей двойной игры.

Что же касается БНД, то эта организация создавалась целиком и полностью как инструмент «холодной войны». Уже упоминавшиеся выше шпионские задания БНД свидетельствуют о таком ходе мыслей ее руководства: если война однажды начнется, то найдутся такие, которые придадут ей определенный «смысл». Так, очевидно, обстояло дело, разумеется, с позиций Запада, с агрессиями против Кореи и Вьетнама. Я был убежден, что новая война в Центральной Европе развяжет третью мировую войну, причем западный мир лицемерно объявит ее как войну для защиты «свободы». Поэтому необходимо было своевременно разоблачить эту демагогию и в профилактических целях вскрывать планы реванша и агрессии.

В своей книге «Знамение времени» генерал Гелен почти открыто выступал в поддержку войны. Он писал: «Если Запад захочет, если ФРГ захочет, то можно ликвидировать автоматы смерти на внутригерманской границе, можно снести стену, этот отвратительный символ холодной войны...» Как будто так легко стереть с лица земли «пограничные символы» безопасности социалистических государств. Нельзя забывать, как была спровоцирована и развязана вторая мировая война. Гитлер приказал уничтожить «пограничные символы» своих соседей, прикрываясь при этом почти теми же демагогическими лозунгами.

Действия БНД постоянно говорили мне на каждом этапе моей деятельности в этом аппарате: снова создаются «мощности» для аннексии на Востоке в экономической, политической и военной областях, которые будут использованы в какой-нибудь день «Х». Одновременно БНД использует эти «мощности» для насаждения национализма и антикоммунизма. «Стратегическая

безопасность», «экономическая безопасность», «место жизни и работа для всех немцев» — таковы имеющие хождение новые девизы в БНД. «Жизненное пространство» — лозунг старого рейха еще не стал популярным, хотя сама идея осталась прежней.

Работая в области контрразведки и контршпионажа, я многое узнал и пережил, познакомился с новыми формами антикоммунистической подрывной деятельности, ведения психологической войны и двойной игры, то есть всем тем, что следовало знать участнику борьбы на «невидимом фронте».

В 1959 — 1960 гг. структура БНД была в основном укреплена. В своей разведывательной деятельности я ориентировался на сложившуюся структуру рефератов и, поддерживая интенсивные контакты за рамками реферата по контршпионажу, создавал собственные прямые связи. Но передо мной по-прежнему стоял практический вопрос: как более безопасно подступиться к секретным планам службы?

Конечно, мне приходилось переживать минуты, когда у меня буквально дрожали колени. Однажды мне понадобилось быстрее, чем это было предусмотрено, подготовить передачу для моих советских друзей. Я воспользовался временем своего воскресного дежурства и усердно фотографировал документы. В выходные дни в центральном аппарате находились только дежурные, и поэтому я мог надеяться, что сумею поработать без всяких помех. Но вдруг кто-то позвонил в наружную дверь служебного помещения реферата. Что делать? Обстановка в моем кабинете говорила сама за себя. Фотоштатив и мини-камера мгновенно полетели в боковой ящик моего письменного стола, затем, по пути к двери, я выключил настольную лампу, в которую перед этим ввернул лампочку большой мощности. В одно мгновение я оказался у двери, открыл ее и решительно вышел вперед. Передо мной стоял старший дежурный: «Добрый день, господин Фризен! Мое дежурство подошло к концу. Я хотел попрощаться и пожелать вам приятного отдыха, а также спросить, нет ли каких-нибудь новых сведений?» Я сказал, что по вопросу положения в Берлине (где опять был кризис) ничего нового нет и, видимо, ничто не омрачит спокойный конец недели. После ухода моего начальника по дежурству я вынужден был сделать перерыв, чтобы немного отдышаться от этого неожиданного вторжения.

Такой опасной работой я, как уже говорилось, занимался всегда только в течение рабочего дня. Свою информацию для отправки в Москву я готовил большей частью в первой половине дня, во время второго завтрака. Но самым важным делом оставалась моя тесная связь со всеми подразделениями. Беседы, затрагивающие косвенным образом, как бы к слову, служебную тематику, также помогали мне выяснять различные взаимосвязи, соперничество и планы отдельных оперативных отделов.

Так, например, существовал центральный отдел 125 (использование информации и оценка положения), возглавляемый Хердалем. Здесь главным образом обобщались разведывательные сведения, готовились записки и различные сообщения. На это подразделение работали многочисленные рефераты. Группа «Восток» подразделялась на три реферата по странам «восточного блока», которые занимались главными проблемами жизнедеятельности этих стран, населением, сельским хозяйством и т. д. Почти такое же число рефератов работало только против Советского Союза (экономическая политика и вооружение). Рефераты, работавшие по «азиатским странам восточного блока» и «европейским странам-сателлитам», довершали этот комплекс. Группа «развивающиеся страны (Запад)» тоже была не самой маленькой. Уже сама структура свидетельствовала о цели БНД — проникать во все районы мира. Причем главным в работе по развивающимся странам было обеспечение возможности получать сырье, расширять экспорт, включая торговлю оружием.

Рефераты отдела 125 с номерами 1—7 вели разведку на Ближнем и Среднем Востоке, на Дальнем Востоке и в Японии — под руководством Циренберга, в Африке, Южной и Центральной Америке — под руководством д-ра Рюдигера, в Соединенных Штатах Америки и Канаде — под руководством д-ра Грессе.

Ко мне поступали сведения и из других источников, даже без особых моих усилий. Из «службы связи с заграницей» я узнавал, например, подробности о деятельности иностранных секретных служб, с которыми сотрудничала БНД, в частности я устанавливал, какими материалами и где обменивались эти службы, какая помощь оказывалась им со стороны БНД.

Важные сведения удавалось получать также из открытого материала: газет, журналов, информационных

пресс-бюллетеней или из материалов так называемой «серой зоны», то есть тех, которые не подлежали открытой публикации, но и не были засекречены. Такие материалы помогали, в частности, выявлять основные направления политики ФРГ как в настоящем, так и в будущем и давать им оценку.

Операции, руководимые лично мною, я организовывал в отделе контршпионажа, который в последнее время имел цифровой код «104». Этот отдел состоял из многих групп. Группа 53 (Советский Союз) — ею руководил полковник Ульрих Бауэр (в БНД он имел псевдоним Байерле) — состояла из следующих рефератов:

53/I реф. «разведслужбы Советского Союза» (сотрудник д-р Хердер);

53/Ia реф. «разведслужбы Советского Союза» (сотрудник Мольцен);

53/Iб реф. «разведслужбы Советского Союза» (сотрудник Фронхоф);

53/II реф. «общая обстановка в разведслужбах СССР» (сотрудник Бишофф);

53/III реф. «операции против разведслужб Советского Союза», в том числе работа против советских представительств в ФРГ (сотрудник Фризен);

53/IIIa реф. «операции против разведслужб Советского Союза» (сотрудник Герман);

53/IV реферат был не укомплектован;

53/V реферат «Индекс» (сотрудник Шлиф);

53/VI реф. «отдельные операции» (сотрудник д-р Альберти);

53/VII реф. «дезинформация и оперативные игры» (сотрудник д-р Шрайтер).

За этой главной группой следовали группы 409— «страны-сателлиты», 605—«советская зона оккупации», 708— группа «остальной мир» и 306— группа «центральные учреждения». Как можно видеть, мой реферат хорошо вписывался в отдел контршпионажа и обеспечивал великолепные возможности для получения многих документальных материалов.

Под операциями секретной разведслужбы я понимаю, естественно, также и применявшиеся мной лично разведывательные методы в самом широком смысле этого слова.

Это были суровые будни разведывательной работы с ее многочисленными подводными камнями и скалами. Только тот, кто пережил подобное, знает, какую внутреннюю убежденность нужно иметь при этом.

Неискушенный читатель может спросить, что же следует понимать под операциями по контршпионажу. Контршпионаж в обычном смысле — это наступательное действие, его стратегией является наступление с целью распознать действия противника и с помощью планомерных контрмер обречь их на неудачу. Успешное выполнение этих задач должно не только сводить на нет часто весьма значительные усилия противника, но и расчищать путь для достижения классической цели дезинформации: путем передачи противнику ложных сведений политического или военного характера заставить его пойти на опасные или вредные для него действия, противоречащие его интересам. Чтобы добиться этого, может оказаться необходимым проникнуть в шпионскую сеть противника с целью использовать применяемые им методы.

Специфические методы контршпионажа направлены на выявление агентов противника и их перевербовку, то есть превращение в агентов-двойников. Создание ложных агентурных сетей, подготовка дезинформации, вербовка агентов-двойников — этими практическими средствами контршпионажа пользовалась также и БНД.

В результате своей деятельности в области контршпионажа в БНД я мог снабжать советскую разведку сведениями о намерениях этой службы. Мы своевременно распознавали опасные действия БНД, и я со своих позиций помогал обеспечивать активное противодействие им.

В годы моей работы в БНД многие операции этой службы проводились при моем непосредственном участии или даже под моим прямым руководством. Одной из наиболее значительных операций явилась установка подслушивающей аппаратуры в советском торгпредстве в Кёльне. К числу важных операций можно отнести и попытки вербовать агентуру из числа советского персонала, а также из числа прибывших в ФРГ лиц из ГДР и других социалистических стран.

Но особое значение имели мои сообщения о дезинформирующих мероприятиях БНД. Я знал обо всех случаях ее двойной игры. После получения соответствующей информации советская сторона решала, как нам подключиться к такой игре без риска для наших собственных товарищей. Естественно, следовало избегать всего, что могло бы навлечь подозрение на меня. Но это не было особенно сложным, ибо, являясь со-

трудником БНД, я, так или иначе, имел доступ к дезинформационным материалам и право пользоваться ими. Однако важно было обеспечить двойную обработку материалов и сохранить агентов «живыми». Распознанный агент-двойник, по сути, представляет весьма небольшую опасность, а дезинформация, идущая от него, имеет свою ценность, так как по ней можно определить, от чего противник хочет отвлечь внимание или что с ее помощью он стремится скрыть.

В операции «Паноптикум», например, удалось парализовать широко задуманную акцию БНД по дезинформации, которая должна была сковать значительные силы советской разведки. Это дело освещалось в различных публикациях неполно и неверно. Поскольку я сам руководил указанной операцией, я могу достоверно рассказать, как все происходило в действительности.

Главной фигурой операции «Паноптикум» являлся Фридрих Панцингер, бывший в свое время руководителем особой комиссии в гестапо по делу «Красной капеллы». Деятельность этой интернационалистской группы сопротивления, выполнявшей и разведывательные задачи, подробно описана в послевоенной литературе, так что я могу считать, что она хорошо известна. Кстати, в эту группу входили и такие немецкие патриоты, как Харро Шульце-Бойзен из министерства гражданской авиации и Арвид Харнак из министерства экономики гитлеровского рейха. Оба были приговорены нацистским судом к смертной казни.

Панцингер в чине штандартенфюрера СС стал начальником управления уголовной полиции, после того как его бывший шеф Артур Небе, замешанный в организации покушения на Гитлера, попытался бежать, но неудачно. Его выследил Панцингер. В 1945 г. Панцингер попал в советский плен и был осужден как военный преступник. В 1955 г. его вместе с последними немецкими военнопленными депортировали в ФРГ. Перед этим с ним установила связь советская разведка, считая, что такой человек, как Панцингер, быстро найдет поддержку в ФРГ, а это уже представляло интерес. Панцингер принял сделанное ему предложение информировать о своей дальнейшей карьере в ФРГ.

Он быстро установил контакт с БНД. Мой коллега Райле (Ришке) получил задание использовать его связь с советской разведкой для ее дезинформации и дезориентации. Дело заключалось в следующем. Как полага-

ли в БНД на основании собственного опыта, советские разведывательные органы в Восточном Берлине испытывали нехватку персонала и имели ограниченные возможности для работы. Поскольку советские разведчики наверняка считали Панцингера ненадежным в связи с его прошлым, то следовало ожидать, что они будут за ним наблюдать и в ФРГ. Если же к Панцингеру подвести уже расшифрованного сотрудника БНД, известного в качестве руководителя агентурной группы, то, возможно, и за ним будет установлено наблюдение в целях выявления его связей и агентуры. Тем самым будут скованы значительные силы советской разведки. А если еще поместить этого сотрудника в какое-нибудь учреждение с большим числом посетителей или приказать ему часто появляться, скажем, в кафе и завязывать там разговоры с людьми, случайно оказавшимися с ним за одним столом, то и за ними будет установлено наблюдение. Пока выяснится, что эти люди никакого разведывательного интереса не представляют, утечет много воды, а БНД в своей работе сможет рассчитывать на меньшую активность советской разведки.

Далее намечалось организовать вербовку этого сотрудника (его псевдоним — Буркхарт) советской секретной службой, ведь она не откажется завербовать штатного работника БНД. Тогда БНД получала возможность проведения настоящей комбинации с контршпионажем, которую в случае необходимости в любой момент можно было прекратить. Но до этого БНД, несомненно, уже кое-что узнала бы о советской разведке, ее сотрудниках: номера их телефонов и автомашин, места встреч, методы работы, направленность заданий и т. п. Если говорить образно, то все это похоже на ситуацию, когда сторожевому псу бросают кость, чтобы отвлечь его, а в это время без помех занимаются своими делами.

Для этой операции Ришке создал даже ложную сеть из нескольких фиктивных фирм. По названию одной из них — «Бетон АГ»— и всю операцию назвали «бетонная сеть». В этих фирмах должен был регулярно появляться сотрудник БНД Буркхарт, а заходя туда с Панцингером, как бы случайно давать ему возможность знакомиться с лежавшими на столах документами, чтобы он в своей информации советской разведке мог убедительно передавать содержание этих документов и тем самым подводить основу под возможность вербовки Буркхарта.

Поскольку Панцингер еще при установлении контакта с БНД все выложил о заданиях советской разведки, то его отнесли к тому типу агента-двойника, которому можно позволить собирать информацию, по его мнению интересующую советскую секретную службу, например о настроениях в союзах вернувшихся домой военнопленных, об институтах, занимавшихся изучением стран Восточной Европы, и т. п. Эту информацию он мог передавать на своих встречах в Восточном Берлине. Когда мой коллега Райле, восстановив свои старые связи военных времен, смог задействовать их в Северной Африке, его освободили от всякой другой работы, а руководство созданной им ложной сетью поручили мне. Таким образом, мне приходилось вводить в заблуждение и дезинформировать инстанцию, которая руководила мной по другой линии, и ограничивать ее работоспособность на благо БНД.

Когда я обсуждал с советскими товарищами эту шизофренически нелепую ситуацию, они подтвердили, что с самого начала не верили Панцингеру. Но, как они считали, иногда следует бросить в воду камень, чтобы посмотреть, как расходятся волны и на какие невидимые препятствия они наталкиваются. На трюк с бесчисленными контактами Буркхарта, которые им пытались подсунуть для проверки, они не поддались. Зато, когда дело дошло до вербовки Буркхарта и с ним были назначены первые встречи за границей (сценарий БНД предусматривал и это, чтобы поинтересней оформить игру), я получил официальную возможность выезжать в другие страны, где, помимо работы для БНД, встречался и со своими советскими партнерами.

Поскольку западногерманское правосудие все же решило привлечь Панцингера к суду за его прошлую деятельность в гестапо, в начале 1961 г. был выдан ордер на его арест. Оказывается, он готовился к этому и при аресте принял цианистый калий. На том и закончилась операция «Паноптикум».

Разумеется, я ставил в известность советскую разведку, когда действия разведывательной службы или юстиции угрожали безопасности ее людей. Так, например, советского гражданина Кирпичева, проживавшего в Гамбурге, непосредственно перед его возвращением в Советский Союз собирались арестовать «за разведывательную деятельность». За несколько дней до намеченной акции я смог встретиться со своими друзьями

и обсудить с ними, как лучше всего обеспечить безопасность Кирпичева. Поскольку срок его пребывания в ФРГ заканчивался, вполне объяснимо, что он посетил советское торгпредство в Кёльне, а затем, вечером, и советское посольство под Бад-Годесбергом. Но в Гамбург, где его у дверей дома под холодным ноябрьским дождем ждала группа захвата федерального уголовного ведомства, он не вернулся. Прямо из посольства Кирпичев поехал во Франкфурт-на-Майне, сел в самолет на Западный Берлин, а оттуда, через открытую тогда границу, перебрался в Восточный Берлин.

Здесь мне не повезло в том плане, что напрасно прождавшие тогда, в ноябре 1960 г., на холоде и под дождем всю ночь и сильно простудившиеся чиновники оказались как раз теми, кому поручили допрашивать меня после моего ареста. Схваченный ими и записанный на мой счет грипп они мне не простили.

Приблизительно в это же время министерство иностранных дел в Бонне сообщило нам, что скоро в ФРГ приезжает новый первый советник советского посольства. На него уже запрошена аккредитация. Процесс аккредитации был обычным. Прежде чем новый сотрудник советского посольства или других советских представительств приступал к своей деятельности, информация о нем поступала в БНД, чтобы со всех сторон «обставить» его. Специально для операций против советского посольства существовал так называемый рабочий штаб ИНДЕКС, руководителем которого был я. Прочитав сообщение министерства иностранных дел, я без труда мог убедиться, что новый первый советник и есть тот журналист, с которым я встречался в Веймаре. Вся эта процедура явилась бы обычным делом, если бы к нему не проявили живой интерес американцы. В БНД не существовало ничего, что оставалось бы неизвестным ЦРУ, в то время как в обратном направлении все шло иначе. О «партнерстве» между обеими службами я еще расскажу ниже.

Во всяком случае, американцы очень заинтересовались моим старым знакомым. Они что-то придумали, чтобы вскоре после его прибытия устроить против него провокацию. Американцам было важно проверить, как дипломат прореагирует на нее. Возможно, они подумывали даже о шантаже. Меня, конечно, посвятили в их пла-

ны, поскольку мне предстояло организовать оперативное обеспечение этой «акции». К великому сожалению моих американских коллег, Советское правительство взяло обратно запрос на аккредитацию нового первого советника.

По-другому сложились обстоятельства в случае с советским разведчиком Валентином Александровичем П., который в 1959 г. поселился в Кёльне. Я узнал о дате его предстоящего ареста, когда было уже слишком поздно. Мое предупреждение уже не могло помочь нашему Центру. И тут мне пришлось поломать голову, поразмыслить над самыми рискованными вариантами: самому отправиться к нему, позвонить! Но приходилось сохранять хладнокровие. Конечно, каждый разведчик подготовлен к таким ситуациям, заранее обговаривая их со своим Центром, но в случае реальной опасности часто приходится принимать решения самому, точно рассчитывая степень риска. Это связано с большим нервным напряжением, однако, преодолев его, человек становится более закаленным. Никакие «если» и «но» здесь делу не помогут. Сегодня (тоже задним числом) я скажу, что только так преодолевается малодушие, которое может появиться у тебя на какой-то момент.

Контршпионаж во всех секретных службах занимает особое место, во всяком случае так говорят. Возможно, что это правда, ибо речь идет о том, чтобы помешать противнику узнать наши планы. Моя задача состояла именно в том, чтобы выяснять, о каких сторонах советских планов удалось узнать западной службе контршпионажа. Предотвращение чужого проникновения, имеющее форму борьбы секретных служб, является, несомненно, тяжелой задачей. «Актеры» контршпионажа знают для своих повседневных нужд, в общем, гораздо больше о действиях противника, а также о своей службе, чем кто-либо другой. Эти знания охватывают также и отношения с другими секретными службами, хотя на официальном уровне такие отношения поддерживаются только в ограниченных рамках, например между БНД и ЦРУ.

Особенно большое значение имеет искусство вводить противника в заблуждение. В мои задачи в БНД входило добывать хорошую информацию с Востока, и чтобы не появилось ни малейшего подозрения, эта информация должна была соответствовать общей обстановке на Востоке.

Одной из руководимых мною операций БНД являлась «разведка» против так называемой запретной зоны в Карлсхорсте. После того как служба анализа и использования информации уже в течение нескольких месяцев занималась этой проблемой, определила цели для оперативных работников, а дело тем не менее не сдвинулось с места, было решено, чтобы один из наиболее опытных сотрудников занялся целенаправленной разработкой данного объекта. По указанию моего шефа операция «Диаграмма» (операция против Карлсхорста) вместе со всем участвующим в ней персоналом была подчинена мне.

Тем самым осуществлялась и централизация контршпионажа против Советского Союза. Таким образом, пришел конец моей официальной деятельности по нескольким направлениям, а именно против Венгрии, ЧССР и «советской зоны оккупации» одновременно. На повестку дня встала специализация. Для меня и моих друзей такой поворот не оказался неприятным. В Западном Берлине я посадил сотрудника центрального аппарата, который поддерживал связь с западноберлинской штаб-квартирой ЦРУ и руководил агентурой. Это был новый стиль, и мой шеф его приветствовал. Результаты операции «Диаграмма» выглядели довольно объемисто. В пяти томах были собраны планы квартир, номера телефонов и анкетные данные, планы земельных участков, в которых отмечались даже тропинки. Эти тома поступили затем во все подразделения БНД в качестве своего рода справочников. Генеральный прокурор ФРГ, земельные уголовные ведомства, федеральное ведомство по охране конституции также использовали их в своей работе. Они могли спокойно пользоваться ими, так как советская сторона не проявляла мелочности и не давала дезинформации по таким аспектам. Естественно, в ходе операции «Диаграмма» обработке подвергались не только материалы, поступавшие в БНД, но к ним приобщались и сведения, поступавшие из ЦРУ. Советская сторона была, таким образом, проинформирована о том, что знали ЦРУ и БНД о советской разведке в Берлине.

Результаты этой работы, конечно, систематически пополнялись вплоть до 1959 г. Операция «Диаграмма» заставила ЦРУ и даже его руководство в Вашингтоне запрашивать в Пуллахе интересующие их сведения и информацию о советской разведке в Центральной

Европе. Таким образом, мы сумели узнать, что из ее деятельности интересовало, например, резидентуры ЦРУ в Мадриде или Риме. На этой основе не составляло труда установить, в каком направлении шли действия ЦРУ.

Естественно, я никогда не переоценивал значения операции «Диаграмма», хотя она и осуществлялась довольно широко. При желании вербовку агентуры можно было вести, руководствуясь главным образом результатами наружного наблюдения. На совещаниях американцы постоянно настаивали на вербовке источников на основе сведений, полученных в ходе проведения «Диаграммы». И все-таки использование этих сведений значительно отставало (не без моего участия) от существовавших возможностей. ЦРУ считало, что необходимо иметь не менее 30 источников, чтобы держать Карлсхорст под контролем. Сами они (офицеры ЦРУ), признавались, правда, что располагают лишь десятью, причем только из числа немецкого обслуживающего персонала. Я со своей стороны, проведя операцию «Диаграмма», выполнил заветное желание Центра в Пуллахе обеспечить возможность желающим получить справки и информацию об улицах, зданиях и образе жизни советских людей в Карлсхорсте. Тем самым работавший по Советскому Союзу реферат сумел отличиться, не привлекая к себе особого внимания. Кто работает в стане противника, не должен особо выделяться из общего ряда, не должен иметь слишком больших успехов, как и слишком заметных недостатков. Я полагаю, что проведение операции «Диаграмма» обеспечило мне такой уровень работы в БНД.

Правда, сравнительно часто возникали довольно абсурдные ситуации. Когда ко мне поступали сообщения или обобщенные справки, я, отлично зная Карлсхорст, во многих случаях мог, конечно, сразу же определить, что правильно, а что нет или кто из аналитиков дает неверные оценки. Я мог также сразу разглядеть, какие источники работали недобросовестно, надеясь, что никто не сможет с достаточной точностью перепроверить их сведения. Конечно, я не использовал свои «сверхзнания» и оставлял все как есть. Но поскольку в БНД и ЦРУ существовали совершенно искаженные представления о жизни и условиях в Карлсхорсте, то в конечном счете не имело особого значения, что получится из такого рода разведывательной операции. По

понятным причинам я отклонил предложение моих советских партнеров сделать эту работу еще более эффективной, для чего они были готовы подсказать мне кандидатуры, кого могла бы завербовать БНД. Но это только осложнило бы мое и без того сложное положение. Это уже двойной контршпионаж, а кто мог бы обеспечить руководство такой игрой наряду с выполнением многих других задач? Вопреки утверждениям, встречающимся в соответствующих изданиях, я никогда не просил моих советских коллег предоставить мне тот или иной «материал» и уж никак не мог похвастаться получением протоколов заседаний ЦК СЕПГ или сообщений из Кремля.

Существенную помощь в работе против Карлсхорста оказывали БНД так называемые пункты опроса. Вместе с другими «дружественными» службами, то есть ведомством по охране конституции, английскими, французскими и американскими разведслужбами (гражданского и военного профиля) БНД создала при содействии земельных властей в столицах земель ФРГ такие пункты — филиалы «главного центра по проведению опросов». В них работали сотрудники вышеуказанных служб. Эти пункты получали из паспортных столов полиции сообщения обо всех лицах, прибывавших в соответствующие земли ФРГ из стран «восточного блока» в качестве переселенцев или беженцев. В данные пункты через центральный аппарат БНД поступали также сведения об учете и первичных опросах этой категории лиц в лагерях для беженцев, чтобы выяснить целесообразность дальнейшего подробного допроса. Представлявшие интерес или подходящие для разведки лица весьма любезным тоном приглашались на «беседу». При этом им давали понять, что за возможность поселиться в ФРГ они должны заплатить определенной услугой.

Заинтересованные рефераты центрального аппарата БНД сообщали о своих пожеланиях в отношении разведки против того или иного объекта, которые затем соответствующим образом выполнялись. Для проведения операции «Диаграмма» я обращался с просьбой соответственно опросить всех лиц, прибывших в ФРГ из берлинского района Карлсхорст, работавших или проживавших там. Наряду с этим я имел некоторые сведения специального характера, например о персонале коммунального жилищного управления в Карлсхорсте, специального стройотдела во Вюнсдорфе и т. д., то есть

всех тех инстанций, которые были как-то связаны с закрытой зоной Карлсхорста.

В помощь опрашиваемым предоставлялись солидные документальные «пособия», например городские и районные подробные планы, списки фамилий и телефонов, фотографии и т. д. У лиц, прибывших из Карлсхорста, старались выяснить, по каким улицам проходит ограждение, как выглядят внешние радиоантенны, где находятся въезды и выезды в зоне, какие транспортные средства проходят через них, поддерживают ли русские контакты с немцами и т. д. Как-то приемщицу из химчистки в течение почти целого дня допрашивали о том, какие платья приносят русские женщины в чистку. Подробно опрашивался даже зубной врач, однажды оказавший срочную помощь советскому гражданину.

Конечно, эти опросы давали сравнительно скудные сведения, но в результате все-таки выстраивалась определенная картина. Особую важность представляли сведения о лицах, к которым можно было найти какие-то подходы или попытаться привлечь их в качестве источников. Так, например, весьма полезной оказалась для БНД связь с одной супружеской парой, работавшей в жилуправлении, которая сообщила имена и довольно подробные сведения об особенностях русских жильцов, назвала имена немецкого обслуживающего персонала: истопников, слесарей и т. д., да и вообще предоставила много другой подробной информации.

Естественно, советская сторона, как и в других случаях, не «перекрывала» такие источники. Я заключил с ней соответствующее соглашение. Мне было обещано ни в коем случае не убирать лиц, о которых ей становилось известно только через меня. В случае необходимости принять какие-либо меры предусматривалась обязательная консультация со мной, то есть со мной обговаривался вопрос, следует ли перевести источника БНД в другое место или выключить его вообще по причинам безопасности для советской разведки, как это сделать незаметно и без всяких последствий для меня.

Я мог убедиться, что мои советские друзья всегда соблюдали наше соглашение. Источники БНД, которые с моей помощью известны уже в течение десятков лет и которых никто не трогает, продолжают и по сей день жить в Восточном Берлине. Служба контршпионажа мыслит другими категориями, чем контрразведка в узком

смысле слова. Ведь вслед за арестованным агентом в скором времени появится новый, которого никто не будет знать и который будет работать бесконтрольно. Агент, работающий под контролем, вряд ли может причинить большой ущерб. При этом он заставляет верить своего работодателя, что все в порядке, что порученный ему объект охвачен. Но если в случае войны одним ударом обезвредить всех известных агентов, то служба противника вынуждена будет работать вслепую. Такая участь постигла германскую военную разведку в Англии во время первой мировой войны. Этот удар явился причиной полной слепоты абвера на Британских островах вплоть до 1918 г., то есть до самого окончания войны.

Старый артиллерийский принцип «прикрытие должно предшествовать действию» относится в полной мере и к разведывательной службе. Этот принцип относился также и ко мне, и можно сказать, что из-за меня лично никто не пострадал. Вышеупомянутая пара из карлсхорстского жилуправления и сегодня проживает в ФРГ: советская сторона разрешила ей спокойно выехать осенью 1961 г. на Запад, хотя заранее было известно, что они навсегда оставят ГДР. Но принимать какие-либо иные меры по отношению к ним не имело смысла. Зато у меня сохранялись, что гораздо важнее, контролируемые отношения с БНД, и я всегда мог предпринять шаги к использованию сети агентов-двойников. Однако в большинстве случаев я и мой руководитель Альфред принимали решение отказаться от каких-либо игр. Это, бесспорно, требовало от обеих сторон большого самообладания и мышления с расчетом на длительную перспективу.

Другим важным результатом явилась разведка действий империалистических секретных служб в Западном Берлине, в частности, что касалось обострения кризиса в самом сердце ГДР в конце 50-х годов. Планы БНД отражали действия, преследовавшие цель помешать созданию каких-либо предпосылок для осуществления политики разрядки напряженности, поскольку перспектива создания таких предпосылок появилась тогда в связи с намечавшейся встречей и переговорами в верхах между СССР и США. Под кодовым названием «Куб» была разработана серия разведывательных мероприятий, призванных помешать политическому и экономическому развитию ГДР. Эти мероприятия заключались в обостре-

нии психологической войны, переманивании рабочей силы («обескровливание») и в создании новых агентурных сетей на случай дня «Х».

В одном из документов, разработанном в августе 1959 г. в качестве инструкции для всех подразделений БНД по проведению операции «Куб», говорилось: «Несмотря на кажущееся ослабление напряженности в связи с объявленными визитами Хрущева и Эйзенхауэра, оценка положения остается неизменной. Главные цели противника: признание де-юре ГДР и предотвращение атомного вооружения ФРГ. Встреча в верхах (примерно в конце 1959 г.) и возможная после этого конференция министров иностранных дел, как предполагается, не приведут к каким-либо осязаемым результатам. Следует исходить из возможности, что после этого вновь обострится берлинский кризис и положение может измениться».

Завершение подготовки операции «Куб» планировалось на 1 апреля 1960 г. Операция заключалась в подготовке БНД к действиям в период напряженности. Сюда относились роспуск существовавшей до этого берлинской резидентуры БНД, представлявшей на месте пуллахский Центр, и создание вместо нее нового филиала «Куб» в Берлине, который предусматривалось фиктивно включить в состав штаба армии США. Целью этого была активизация шпионажа и работы по разложению ГДР.

Был осуществлен ряд перемещений и укомплектований в кадрах шпионского аппарата в Западном Берлине в соответствии со структурой созданного филиала «Куб», в частности, с целью обеспечения действий уполномоченных по связи и их контактов с американцами даже в самых трудных условиях. Особое внимание уделялось вопросам маскировки. В соответствующем документе, например, говорилось: «Сотрудник д-р Шуль, в настоящее время в «487». Решение «363» (Геленом.— *Прим. Х. Ф.)* еще не принято. Предусматривается, что начиная с настоящего времени и до конца ноября 1959 г. Ш. будет углублять свои основные познания в «731» (этот вопрос еще должен быть дополнительно согласован), пройдет трехнедельную подготовку в «105», будет направлен в третью страну по линии концерна по производству вооружений «Линг, Темко, Вотт», затем будет командирован в Берлин для ознакомления со своим будущим районом действий и с американ-

ской службой. После этого возвращается в ФРГ, где он будет находиться вплоть до начала осуществления операции «Куб», и затем будет фиктивно зачислен в американскую службу».

4 сентября 1959 г. я принимал участие в соответствующем совещании с американцами. Принятое решение предусматривало:

«1. Введение в штаты американской службы сотрудника БНД Борга, который является специалистом по Карлсхорсту и при проведении операции «Куб» может взять на себя функции ЦББ... Введение персонала, занятого осуществлением операции «Куб», в штаты американской службы и поселение этого персонала на американские квартиры...

2. Подготовка сыскного бюро к визиту «764/W» в октябре».

Таким образом, расчет был на то, что в ходе ожидаемого кризиса, который, очевидно, выйдет за рамки «холодной войны», работа БНД будет возможной только под военным прикрытием США, а существовавшие до тех пор бюро разведслужбы ФРГ ликвидируются. В то же время создавались новые фиктивные фирмы и учреждения прикрытия. Так, был куплен магазин фотопринадлежностей, лаборатория которого намечалась для использования разведывательной службой. Созданное БНД сыскное бюро должно было стать явочной квартирой для различных агентов и т. д.

«Холодная война» шла полным ходом, брался курс на развязывание войны настоящей. Планы по осуществлению операции «Куб» явились той деталью, которая внесла для советской стороны ясность в понимание проводившейся в ФРГ линии. Все политические действия социалистического содружества в то время следует рассматривать с учетом данных обстоятельств, а не как пропагандистский маневр, в чем хотел убедить общественность Бонн. Уже 4 октября 1960 г. ГДР выступила с программными заявлениями по вопросам разрядки напряженности. В этой связи были разоблачены провокации на границе ГДР с ФРГ, а также использование Западного Берлина для реваншистских и диверсионных целей, направленных против ГДР и других социалистических стран.

Совещание коммунистических и рабочих партий в Москве в ноябре 1960 г. также исходило из реального положения того времени и заявило, что устранение

последствий второй мировой войны и прекращение «холодной войны» являются самыми первоочередными задачами в Германии. Однако все предложения в направлении разрядки, включая советское предложение на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, которое предусматривало осуществление полного, всеобщего и контролируемого разоружения, были отклонены западноевропейскими правительствами как «романтические идеи».

Как мне пришлось убедиться в Центре БНД на примере операции «Куб», от конфронтации и не собирались отказываться, более того, ее стремились ужесточить. Кто пережил это время и внимательно следил за всем, тот поймет, что планы секретной службы Западной Германии обязательно следовало раскрыть.

На этот раз мне пришлось пойти на определенный риск, который не всегда можно было рассчитать заранее. До 13 августа 1961 г., то есть до того дня, когда закрыли границу между Востоком и Западом Германии, я не уделял особого внимания своей конспирации. Явки и встречи следовали одна за другой, передача информации осуществлялась в быстрой последовательности, все было подчинено интересам принятия Советским Союзом правильных решений. Не исключена возможность, что именно в течение этих двух лет я дал вражеской контрразведке повод начать разработку моей личности. Мой арест подтвердил это.

Ну что ж, в решающий момент столкновения интересов надо не щадить себя, а делать все для того, чтобы своевременно вскрыть намерения противника. Естественно, это не должно противоречить главным принципам конспирации в деятельности разведчика, которые я всегда соблюдал, в том числе и в чрезвычайных ситуациях. И подтверждается это, пожалуй, тем, что я смог проработать 10 лет.

Когда работаешь в Центре секретной службы противника, то важно уметь осторожно и обдуманно обращаться с дезинформацией. Ее следует использовать и вводить в действие только в решающий политический или важный с оперативной точки зрения момент. Искусственно создавать успехи также не следует. А это означает, что этому Центру не следует предоставлять какую-либо информацию, которая не проходила бы через действительно существующие источники. При использовании таких материалов всегда следует тщательно проверять собственные возможности. Оперативные

работники, у которых я находился на связи, были терпеливыми партнерами, они всегда в обстановке взаимного доверия рассчитывали со мной степень необходимости и риска. Без обсуждения этих деликатных проблем не проходило ни одной встречи. Мы встречались по меньшей мере дважды в году. Для этого я, как правило, использовал служебные поездки по линии БНД. Во время этих встреч подробно обсуждались также детали методов подготовки и передачи информации для Советского Союза. Так называемыми тайниками я не пользовался, они были слишком подвержены опасности случайного обнаружения. Прямой контакт между партнерами остается самым лучшим и самым надежным средством связи, даже если он длится какие-то мгновения. Я регулярно ставил в известность моих партнеров о своих дезинформационных играх в БНД.

Много сведений я получил в результате операций подслушивания, которые БНД осуществляла против советских учреждений с одобрения союзнических властей. Тогда еще не было закона G-10, поэтому, как я уже говорил, распоряжения для федерального почтового ведомства о подключении подслушивающих устройств должны были подписывать верховные комиссары союзников. Я лично распорядился подключить к собственным пунктам БНД по подслушиванию примерно 30 телефонных линий советских учреждений в ФРГ. Сейчас я даже не могу указать точное число операций по установке «жучков» для подслушивания, настолько их было много.

Контроль телефонных линий советского посольства в Роландсэкке осуществлялся под кодовым названием «Картауна». Когда 28 марта 1961 г. чехословацкий рейсовый самолет ИЛ-18, направлявшийся в Париж, потерпел катастрофу над Форхгеймом (ФРГ), тотчас же усилилось подслушивание телефонов советского представительства. БНД узнала, что в самолете находились также советские граждане и дипломатическая почта, и начала контролировать все передвижения советских дипломатов в ФРГ, с тем чтобы успеть изучить и проанализировать документы политического содержания и техническое оборудование самолета. Как обычно, все телефонные переговоры записывались и направлялись для немедленной обработки и использования группе БНД, которая руководила этой операцией. В одном из материалов перехвата, осуществленного БНД, в частности,

было записано: «Группа наблюдателей с Роландсэкка под руководством консула Хотулева прибыла 29 марта во второй половине дня к 17.00 на место катастрофы и в течение всего времени, пока она находилась в Форхгейме (отель «Кайзерхоф»), постоянно поддерживала телефонную связь с Роландсэкком... При этом обнаружилось со всей определенностью, что советская сторона особенно заинтересована в том, чтобы заполучить находившийся в самолете дипломатический багаж (8 мешков общим весом в 330 кг). Советская сторона рассматривала также как крайне срочное дело установление местонахождения двух определенных ящиков».

Итак, когда БНД благодаря подслушиванию узнала, в какое время и с помощью каких транспортных средств советские дипломаты направились из Бонна к месту катастрофы, был произведен обыск почтовых мешков, а один из моторов самолета ИЛ-18 доставлен в Центр БНД. Естественно, это не ускользнуло от внимания советской стороны. В конце концов советскую дипломатическую почту, хотя и с задержкой, доставили получателю, но относительно мотора официальное заявление гласило, что найти его не удалось. Вся эта операция проводилась под грифом «совершенно секретно». БНД игнорировала все протесты советской стороны. Советская сторона знала о подслушивании и выражала свое законное негодование самым категорическим образом. Запись на магнитофонной ленте, осуществленная в рамках операции «Картауна», сообщала: «Следует отметить протест Смирнова, представленный статс-секретарю Карстенсу вечером 29 марта по поводу задержания захваченной дипломатической почты... 2 апреля Смирнов заявил в связи с исчезновением мотора, что, как ему представляется, могла быть захвачена и увезена также дипломатическая почта, поскольку вполне правомерно предположить, что если что-то уже конфисковано (доказательства такого акта имеются), то могут конфисковать и другие предметы...»

Советская сторона, имея в своем распоряжении запись подслушивания, могла теперь доказать, что БНД игнорирует все положения международного права. Смирнов заявил позже корреспондентам газет, что расследование катастрофы проводилось в нарушение существующего порядка. В этом заявлении говорилось: «Грубым нарушением международных правил является то обстоятельство, что с места катастрофы были похище-

ны мотор, запасные части, почта и груз. При осмотре немецкая сторона больше интересовалась документами, чем погибшими. Эти нарушения следует вместе с чехами зафиксировать в протоколе».

Будучи во власти антикоммунизма, широкая общественность, естественно, игнорировала тогда протест советской стороны, считая его обсуждение излишним. Этими примерами из практики действий БНД я хотел дать читателю пищу для размышления над тем, на ком лежит позорное пятно. Служба, которая постоянно ссылается на конституцию ФРГ, никогда не стеснялась нарушать эту конституцию в любой удобной для себя обстановке.

«Дружественные» службы

На вопрос, для чего Советскому Союзу и другим социалистическим странам нужны их секретные службы, я в принципе ответил в этой книге. Они, эти службы, нужны им, чтобы защищать свой общественный строй. Советский Союз еще никогда не пытался и не будет пытаться силой навязывать социализм капиталистическим странам. Социализм означает мир. Мира нельзя достичь путем войны.

Империализм до сегодняшнего дня не примирился с существованием социализма. Поэтому он старается сделать все, чтобы ликвидировать социализм. Но это означает войну. Не допустить ее и является задачей советской разведывательной службы.

Дружеское сотрудничество между социалистическими странами во всех областях означает и взаимное сотрудничество между их разведывательными службами. Поэтому смешно слышать утверждения Запада о том, что Советский Союз шпионит против своих собственных союзников. Спрашивается, для чего?

Для капиталистических стран в то же время, несмотря на все их партнерство и сотрудничество, всегда своя рубашка остается ближе к телу. В основе этого лежат экономические причины. Экономика этих стран накладывает тиски, вырваться из которых не может никто. Любое стремление к политическому сотрудничеству неизбежно наталкивается на препоны конкуренции, гонки за максимальной прибылью. Убедительными примерами этого являются нынешние протекцио-

нистские меры США против Японии и Западной Европы, искусственно завышенный курс доллара на международных валютных рынках, высокие учетные ставки на кредиты в США. Сюда следует отнести и тот факт, что ряд крупных монополий Западной Европы не участвует в «торговой войне» США против Советского Союза. Достаточно назвать, например, эмбарго на продажу зерна и труб большого диаметра, а также списки КОКОМ[1].

Непреложная необходимость обеспечить для себя наивысшие прибыли и конкурентная борьба порождают недоверие. Жизненным принципом становится стремление опередить другого, первым выйти на рынок и тем самым получить возможность диктовать цены. Поэтому при совпадении принципиальных интересов капиталистических стран в деле подавления коммунизма, хотя даже в этом вопросе уже существуют разногласия, между этими странами существуют и непримиримые противоречия интересов, которые исходят из области экономики и проникают во все сферы жизни общества, вплоть до деятельности секретных служб. Таким образом, шпионаж капиталистических стран друг против друга является вполне обычным делом, и я еще это покажу.

После поступления на работу в организацию, еще в филиале в Карлсруэ, я очень быстро и самым непосредственным образом столкнулся с вопросом сотрудничества с так называемыми «дружественными» службами, в первую очередь с американской, английской и французской секретными службами.

В начале моей деятельности в качестве руководителя агентуры тон задавали прежде всего офицеры американской разведки, что соответствовало результатам второй мировой войны. Но и английская и французская разведки во все большей мере также подключались к определению ориентации организации Гелена. Тем не менее вопрос о том, чье влияние в первые годы существования организации Гелена было преобладающим, не вызывает особых споров. Без покровительства американских секретных служб Си-ай-си, а позже ЦРУ не удалось бы спасти ядро отдела гитлеровского геншта-

---

[1] КОКОМ — Координационный комитет по торговой политике Восток — Запад. Он составляет списки товаров, имеющих якобы «стратегическое» значение и запрещенных для экспорта в социалистические страны.— *Прим. перев.*

ба «иностранные армии Востока» после второй мировой войны. Вместе с моим московским другом Альфредом мы неоднократно анализировали эту ситуацию.

После начала «холодной войны» против Советского Союза американцы без особых угрызений совести использовали организацию Гелена в своих интересах. Когда они в 1957 г. после своего официального ухода из «лагеря святого Николауса» создали по соседству в качестве совместного пункта встреч клуб «Мост», то имелось в виду, что этот дом будет открыт для всех сотрудников БНД, очевидно, чтобы обеспечить тем самым определенное американское влияние в службе. Это был, так сказать, «дом Америки» в Пуллахе, в котором предусмотрели почти все — от культурных мероприятий до изучения иностранных языков.

Надо сказать, у этого «Моста» довольно мрачная история. В бывшем большом поместье на высоком берегу реки Изар с роскошной виллой и многочисленными подсобными помещениями американские военные власти устроили в самом центре чудесного парка морг для своих солдат, погибших в южной части Германии. Там производилось их вскрытие, бальзамирование и погрузка в предписанные инструкцией цинковые гробы для отправки в США. Оборудовали даже часовню для отпевания погибших, если присутствовали их родственники. Все было сделано с размахом и содержалось в образцовом порядке.

Когда по мере смягчения оккупационного режима это поместье предстояло вернуть его владельцу, тот, узнав о его последнем применении, отказался от своих прав. Американские власти проявили понимание эмоций владельца. Они сохранили поместье за собой и переоборудовали его под место встреч сотрудников Центра БНД с персоналом штаба связи ЦРУ, который к этому времени обосновался в Мюнхене в казармах американской армии. Офицеры-разведчики оказались не такими чувствительными, как некоторые другие люди.

Так возник клуб «Мост». Там были спортивные залы, в том числе и для занятий дзюдо, фотолаборатории и лингвистические кабинеты, небольшие комнаты для бесед, где руководящие сотрудники Центра БНД могли без помех встречаться со своими «контрпартнерами»— офицерами связи из ЦРУ. Имелся кинозал с ежедневной новой программой. В 17 часов, то есть с окончанием рабочего дня, открывался бар, где угощали бес-

платно, а кухня обеспечивала и другими благами. Вот таким образом американцы хотели возместить ущерб, нанесенный их возможностям контактов и встреч с немецкими коллегами после их вынужденного переезда в Мюнхен. Отсюда и название клуба —«Мост».

Но Гелен вскоре поставил крест на этом американском предприятии, по его распоряжению правом свободного посещения клуба мог пользоваться только ограниченный и заранее утвержденный круг руководящих работников при наличии служебной необходимости. Допускались туда сотрудники не ниже начальников рефератов и только те, кто по оперативным делам имел право принимать у себя на службе офицеров связи ЦРУ. Кажется, около 30 сотрудников входили в круг постоянных гостей «Моста» и правомочных обладателей ключа к автоматическим воротам. К этим стальным воротам можно было подъехать на машине и, не выходя из нее, открыть их упомянутым ключом. Ворота оставались открытыми 6—8 секунд, что хватало для проезда машины, а затем автоматически закрывались. На автостоянке за домом гостя приветствовал привратник, который знал каждого в лицо и по псевдониму. Новому гостю полагалось появляться в сопровождении офицера ЦРУ, с которым он был связан, и тот представлял новичка привратнику. После этого новичок получал право на последующие визиты, в том числе и в бар с 17 часов, и без служебной необходимости.

Однако скоро тяга к бесплатному угощению в баре или к посещению кино поубавилась. Гелен распорядился, чтобы все личные и служебные контакты, включая посещения «Моста», записывались, а список ежемесячно докладывался ему лично. Но я продолжал договариваться о свиданиях с моими американскими партнерами, особенно в те дни, когда бифштекс с грибами по-американски, клубника с мороженым и кофе со сливками были предпочтительнее, чем то, что предлагало меню служебной столовой.

Посещение устраиваемых американцами праздничных вечеров, например на Новый год или масленицу, также по указанию Гелена разрешалось только избранному кругу лиц, однако с супругами. Становилось все яснее, что дело идет к сворачиванию интенсивных служебных и личных встреч между офицерами ЦРУ и сотрудниками Центра на всех уровнях. Но после того как клуб перестал быть таким открытым, что мог слу-

жить «мостом» для всех сотрудников БНД, офицеры ЦРУ стали приглашать их в гости на дом, где царила такая же непринужденная атмосфера, как и в прежние времена, когда подобные мероприятия происходили в «компаунде», то есть в американском Центре. Американцы по-прежнему узнавали все, что хотели знать.

Для сотрудников БНД существовало, конечно, много других запретов во всех сферах жизни, их не перечислишь, да это и не нужно. В любом случае речь идет об ограничении свободы обмена мнениями в политическом плане. Все это было, несомненно, только внешним проявлением политики руководящей клики БНД со следующими целями:

1. Развивать шпионаж в главном направлении, против Востока, во всех областях, без всяких возражений и сомнений.

2. Укреплять и расширять самостоятельность западногерманского шпионажа даже против желания европейских партнеров, вплоть до шпионажа внутри собственного союза и против американцев.

3. Добиваться ведения шпионажа внутри страны против всех демократических, либеральных и социал-демократических сил ФРГ даже вопреки воле правительства и партий бундестага.

По сути дела, зависимость организации Гелена от американцев была в историческом плане лишь конкретным проявлением двуликой сущности, присущей всем формам отношений между институтами империализма, включая их договоренности о сотрудничестве: они стоят на одной общей антикоммунистической платформе, но одновременно, участвуя в борьбе интересов между национальными или интернациональными империалистическими группировками, стараются выбросить друг друга за борт. Они всегда действуют в соответствии с господствующим в капиталистическом обществе правом сильнейшего и вытекающей из этого моралью.

В этих условиях возникло партнерство между БНД и ЦРУ, которое вылилось не в официально провозглашенную дружбу, а во взаимное недоверие. Во всяком случае, целями и объектами шпионской деятельности БНД в США были и сейчас остаются ядерная политика, деловые связи США в Латинской Америке и Африке. В БНД внимательно следили за всеми дипломатическими и политическими контактами США с Восто-

ком, особенно с Советским Союзом. Правоконсервативные силы всегда защищали и одновременно использовали в собственных интересах это противоречивое партнерство между БНД и ЦРУ.

Не может быть никакого сомнения в том, что в Пуллахе внимательно наблюдали за всеми, кто оказывался в зависимости от ЦРУ. Что же осталось от влияния американской разведки после того, как БНД стала контролировать все в Федеративной республике? Я думаю, что БНД не распознала как раз наиболее ценных агентов США в ФРГ, так как ЦРУ и в Европе использовало ложные агентурные сети и ложные концепции разведывательной работы. Недоверие с обеих сторон усиливалось. Все чаще у ЦРУ, у американских разведчиков в их центре во Франкфурте-на-Майне, мог возникать вопрос: «Что делает БНД с получаемой от ее партнеров информацией? Не преследуют ли немцы вновь великодержавные цели?» Ведь шпрингеровская пресса неоднократно давала броские заголовки: «Германия — № 1 в Европе».

О том, что подобные рассуждения не оставались без последствий, свидетельствует раскрытая позже практика американской разведки по широкой организации подслушивания в ФРГ. По всей ФРГ прослушивались телефоны, проверялась почтовая корреспонденция, а кроме того, была создана надежная агентурная сеть, независимая от западногерманских секретных служб. В результате всех этих операций ЦРУ в 50—60-е годы получало самую подробную информацию о политической деятельности партий, федерального правительства и министерств ФРГ. Такой же практики придерживались английские и французские «партнеры». Сам канцлер Аденауэр жаловался, что его в собственном кабинете подслушивают англичане.

Американцы могли формально так поступать еще в период действия оккупационного статуса. БНД часто ощущала все это на собственной шкуре и пыталась напасть на след американской агентурной сети. В конце 50-х годов Гелен приказал составить списки, в которые включались все лица, поддерживавшие активный контакт с ЦРУ. Обширный объем этих списков вызвал священный ужас у руководства БНД. Только в земле Бавария, как было видно из списков, ЦРУ имело около 600 постоянных агентов. Агенты ЦРУ сидели в каждом городе, во всех ведомствах, от полиции до канцелярий

бургомистров, даже полицейские в баварских деревнях работали на ЦРУ.

Что касается вообще деятельности ЦРУ в ФРГ, то оно осуществляло операции как в самой ФРГ, так и с территории ФРГ против Востока, а также против своих союзников. До БНД и до меня лично неоднократно доходили соответствующие директивы по использованию немцев, завербованных ЦРУ. Агенты ЦРУ, работавшие деревенскими полицейскими, чиновниками таможни или пограничной полиции, имели какую-то специфическую ценность, но очень ограниченную. Тем не менее едва ли можно было ожидать, что ЦРУ откажется от использования агентов такого рода. Последняя директива ЦРУ по этому вопросу, которую я читал в моем служебном кабинете в БНД, была от апреля 1961 г. Ее удалось получить кружным путем благодаря тому, что один сотрудник ЦРУ обращался со служебными документами в свободное время, да еще ночью, крайне небрежно. Этот документ неожиданно показал, какие задания действовавшие в ФРГ органы ЦРУ давали своим агентам в качестве пробы или на длительный срок.

В то время агентам поручали составлять обзоры о положении в соответствующей федеральной земле, в которой они действовали, а также в Западном Берлине. В таких обзорах содержались сведения о промышленности, сельском хозяйстве, транспортной системе и даже о бундесвере, полиции и пограничной охране. Но наиболее важной для американских офицеров, работавших с агентами, являлась информация, полученная, так сказать, «изнутри» представленных в бундестаге партий ХДС/ХСС, СДПГ и СвДП. Дело доходило до заданий добыть членские билеты этих партий.

В число объектов шпионажа входили также редакции органов прессы, радио и телевидения. Несомненно, имелось намерение изучить взгляды и настроения западногерманских журналистов с целью установить, одобряют ли они американскую политику в Европе или противодействуют ей. Велся учет всех мест, где состоялись или могли проводиться мероприятия пропагандистского характера. Это представляло интерес прежде всего для офицеров, занимавшихся ведением психологической войны. Настоятельно предписывалось активно направлять агентов на проведение подрывных действий в соответствующих федеральных землях. Сюда входило проникновение агентов ЦРУ во все левые и правые органи-

зации. Кто из агентов ЦРУ не мог сам проникнуть в эти организации, должен был искать источники для получения информации, характеризующей членов таких организаций.

Если исходить из того, что агенты 50-х и 60-х годов выполняли такие директивы, то можно сказать, что ЦРУ проникло в важнейшие организации и учреждения Федеративной республики и что агентурная база американской разведки сохранилась в превосходном «политически законсервированном» состоянии.

Из этого «резервуара», а также из агентуры, завербованной в социалистических странах, ЦРУ черпало кадры своих агентов-радистов. Сеть ЦРУ для подслушивания и организации агентурной радиосвязи на территории ФРГ была очень разветвленной. В 1959 г. часть этой программы осуществлялась под кодовым названием «Операция Ситрейл» 513-й группой военной разведки, штаб-квартира которой размещалась в Кэмп-Кинг в Оберурзеле. В рамках операции на территории ФРГ проводилась подготовка агентов-радистов, завербованных в социалистических странах, особенно в ГДР. Отбор радистов осуществлялся по принципу, предполагавшему полную гарантию того, что человек и в случае войны останется на своем прежнем, постоянном месте жительства и работы. Радисты, говорящие по-немецки, снабжались рациями и шифровальными таблицами для передачи наиболее важной информации в случае контрреволюционных или военных действий.

Американцев очень интересовал вопрос, сколько агентов может иметь на связи один руководитель. Несмотря на то что они имели большой опыт, им трудно было решить эту задачу. Если учитывать возможные потери среди агентов в конфликтной ситуации, а также правило американцев не создавать и не использовать агентурных цепочек, то станет понятным, что «голод на агентуру» оказался большим. Через американского офицера, с которым я поддерживал связь, мне стало известно, что разведка США действовала по правилу, в соответствии с которым агент-радист поддерживал связь только с одним агентом-разведчиком. Для контрразведок социалистических стран знание этого правила было важно, поскольку оно облегчало определение размера американской агентурной сети. Радисты БНД также подключались к американской секретной службе. Уровень обучения и инструктажа радистов был высоким.

теоретически и практически прорабатывались почти все встречающиеся в шпионском деле ситуации.

БНД тесно сотрудничала не только с секретными службами трех западных держав-победительниц — ЦРУ, английской разведкой (СИС) и французской (СДЕСЕ). Так называемая «служба связи с заграницей», которой руководил полковник Бунтрок (псевдоним — Болен), установила рабочие контакты со всеми западными секретными службами. По политическим соображениям сотрудничество такого рода нуждалось в особенно тщательной конспирации, и указанная «служба связи с заграницей» действовала под прикрытием фирмы «Флероп»[1], используя в качестве псевдонимов для всех иностранных партнеров названия цветов. Иногда их обозначали только первыми буквами этих «цветочных» псевдонимов. Так, например, под псевдонимом Г (Гортензия) фигурировал американский партнер — ЦРУ.

В отчете о сотрудничестве в области контршпионажа в 1960 г. отмечалось: «Наиболее тесное и широкое сотрудничество в отчетном году осуществлялось по-прежнему с «Флероп-Г». Обмен материалами был очень активным. Особого признания заслуживает успешно проведенное внедрение сотрудника отдела 507 (отдел контршпионажа БНД) в штаб «Флероп-Г» для работы против Карлсхорста». Далее говорится об операциях по подслушиванию: «При проведении технических операций также имело место отрадное согласие».

Здесь имелись в виду так называемые «совместные операции», в ходе которых сотрудники, находившиеся под моим руководством, совместно с агентами ЦРУ «организовывали» подслушивание, то есть устанавливали «жучки». Эти операции включали также передачу американским офицерам, с которыми я поддерживал связь, использованных Центром БНД оригиналов магнитофонных записей, полученных в результате прослушивания телефонных разговоров сотрудников советского посольства и торгового представительства. Еще одной «совместной операцией» была установка «жучков» в бюро китайского телеграфного агентства Синьхуа в Бад-Годесберге. В этом случае американцы стремились путем использования подслушивающей техники выяснить, что происходило в этом бюро и не является ли его

---

[1] «Флероп» — европейская фирма, доставляющая цветы по указанным клиентами адресам.— *Прим. перев.*

персонал своего рода передовой командой, которая предназначена в дальнейшем для выполнения дипломатических обязанностей, или же бюро служит шпионским филиалом китайской резидентуры в Швейцарии. К операции вынуждены были привлечь коллег из нидерландской и британской разведок, так как провода техники подслушивания пришлось прокладывать через дома или квартиры аккредитованных дипломатов этих стран.

Несколько противоречивой была картина сотрудничества с французским партнером — «Флероп-Н» (Нарцисс). В упомянутом выше отчете, например, говорилось: «Недоверие, которое, несомненно, существовало у «Флероп-Н» ввиду якобы недостаточно тесного сотрудничества по алжирскому вопросу, удалось в значительной мере устранить во время визита компетентного представителя «Флероп-Н» в БНД. Этого представителя убедили, что отдел 507 готов к сотрудничеству также в алжирском вопросе в соответствии с его задачами, в рамках политических и юридических возможностей».

Было бы ошибкой на основе приведенного делать вывод, что со временем секретные службы стран НАТО сами измотают друг друга. Большинство «неувязок» того времени исходило от ЦРУ, которое упорно держалось за свою ведущую роль в разведывательной сфере НАТО и не в последнюю очередь путем создания огромных «сепаратных» агентурных сетей в ФРГ, Западном Берлине и вообще в Западной Европе. Так что, объективно говоря, все столкновения происходили из стремления к гибкому разделению труда, которое, несмотря на неурядицы между национальными секретными службами, их шефами, политическими и военными лоббистами, в общем содействовало форсированию «холодной войны». В тот же период происходило формирование и укрепление секретных служб ФРГ как по отдельности, так и в их совокупности. Продолжая и приспосабливая к новым условиям практику тайной деятельности фашистов, они принимали облик, так сказать, незримого главного федерального управления безопасности, агентурное «хозяйство» которого уже едва ли уступало шпионскому воинству ЦРУ.

Одним из важных факторов в антикоммунистической деятельности западных разведок было использование отщепенцев из стран Восточной Европы и особенно из антикоммунистической организации НТС (Народно-трудовой союз). До своей легализации БНД играла в этом

деле скорее роль наблюдателя. Особую активность в использовании эмигрантов и контрреволюционеров проявляла английская секретная служба.

Сотрудничество между английскими и западногерманскими секретными службами регулировалось в соответствии с договоренностями западных союзников с правительствами земель и с федеральным правительством. Английская разведка (СИС) сумела с самого начала обеспечить себе определенное влияние и на организацию Гелена. Однако СИС неоднократно получала от этой организации лишь ту информацию, которую разрешала передавать американская сторона. Вместе с тем филиалы организации Гелена, располагавшиеся в бывшей английской зоне оккупации, продолжали в определенных рамках сотрудничать с англичанами. Англичане, которые (в отличие от американцев) не располагали в ФРГ таким аппаратом, как служба Гелена, проводили активную работу по созданию собственной агентурной сети, поддерживая для этого тесное сотрудничество с полицией и ведомством по охране конституции. Как уже упоминалось, первый президент ведомства по охране конституции Отто Йон, был, по-видимому, человеком англичан. Хотя в данном конкретном случае это не стало их большой удачей, тем не менее СИС, располагавшая в ведомстве по охране конституции доверительными связями и агентами, держала эту службу в основном в своих руках.

Английская разведка в соответствии с антикоммунистической доктриной Черчилля направляла деятельность всего своего аппарата на сбор шпионских сведений о странах Восточной Европы, в особенности о Советском Союзе и ГДР. СИС, получая от организации Гелена всю имевшуюся информацию о Восточной Европе, до 1957 г. не отвечала взаимностью. До этого года СИС передавала БНД лишь второстепенную информацию. Примерно через год после легализации организации, то есть в 1957 г., англичане вступили в трудные переговоры с западногерманскими секретными службами. Они начались во время визита в ФРГ английского министра иностранных дел Дина. При этом у меня появились шансы на ознакомление с главными направлениями разведывательной деятельности англичан. В 1956—1957 гг. английские спецслужбы использовали в ФРГ 153 офицера и 114 гражданских служащих, а также 408 немцев для выполнения специальных разведыва-

тельных заданий. Более 500 тыс. фунтов стерлингов выделялось на проведение допросов эмигрантов из стран Восточной Европы, для проверки почтовой корреспонденции и подслушивания телефонных разговоров. Эти средства, по заявлениям англичан, позволяли получать около 70 процентов общего объема информации, собиравшейся об СССР, ГДР и других социалистических странах с территории ФРГ.

В ходе переговоров с английской секретной службой обсуждался также вопрос о том, какие задания англичане могут передавать для исполнения западногерманским секретным службам. Согласно протокольной записи, при этом был затронут и в значительной мере урегулирован ряд проблем. Прежде всего обеспечение безопасности, то есть английская сторона требовала, чтобы обо всех случаях шпионажа, вредительства и подрывной деятельности, затрагивающих интересы НАТО, немедленно сообщалось англичанам. Дин вообще был уполномочен передать западногерманским службам ответственность за расследование случаев шпионажа в целом только при этом условии. Закреплялось также положение о том, что англичане могут принимать дальнейшее участие в расследовании случаев, по которым представляется необходимость информировать «правительство ее величества». Кроме того, обеспечивалась передача англичанам всех документов лиц, прибывших в ФРГ из стран Восточной Европы. Договоренности, которых добился Дин, казались мне — и не без оснований — сохранившейся частью английской оккупационной политики.

Допросы немцев и их «просвечивание» на основе заведенной английской службой безопасности картотеки регулировались в основном в соответствии с договоренностями, достигнутыми между федеральными властями, британскими вооруженными силами в Западной Германии и иммиграционными властями Содружества наций. Это, в частности, означало, что ФРГ оплачивала эти акции, в то время как английская сторона могла осуществлять секретную проверку через западногерманские службы бесплатно.

В 1957 г. в координацию действий между СИС и БНД были внесены некоторые изменения. После переговоров по вопросам координации английская сторона передала своему руководству также закрытые данные о персонале БНД. В одном из сообщений, в частности,

говорилось: «В течение последних 18 месяцев германская разведка испытывала острую нужду в персонале, которая была обусловлена ее легализацией и чрезвычайно быстрым увеличением объема работы. Эта служба имеет свои объекты разработки и передает нам большое количество информации. Ее основное внимание сосредоточено на работе против Восточной Германии. Однако документы, которые мы получаем от этой службы, свидетельствуют о том, что первые экземпляры копий передаются американцам. Тем не менее мы постоянно получаем информацию о Восточном театре военных действий. В растущем потоке информации встречаются информационные материалы политического характера, а также сведения, представляющие ценность для Объединенного разведывательного бюро, данные о результатах наблюдений за советскими ВМС и фотографии кораблей».

В соответствии с пожеланием англичан БНД создала в Гамбурге бюро, которое ежедневно информировало английскую секретную службу о судоходстве по Кильскому каналу. «Это,— как отмечала СИС,— позволило нам прекратить работу, направленную на сбор подобной информации в Гамбурге. Тем самым наша служба высвободила некоторое число оперативных работников и часть техперсонала».

Другим немаловажным фактором «холодной войны», как уже отмечалось, было создание и финансирование организаций эмигрантов из стран Восточной Европы с целью их использования против социалистических государств. Эти организации использовались одновременно для осуществления террора и в области идеологии. Исходя из моего сегодняшнего опыта, я могу сравнить эти методы только с действиями террористов в 70-х годах. Если в 50-х годах для проведения насильственных действий использовались прежде всего выходцы из Восточной Европы, то в 70-х годах существовали уже собственные «национальные силы». Среди них были сыновья и дочери высших слоев буржуазии. Однако в обоих случаях нагнетатели страха из империалистических секретных служб запугивали обывателя опасностью революции и войны, исходящей, конечно, с Востока. С момента создания организации Гелена между ней и ЦРУ, а также СИС имело место разграничение функций в том, что касалось руководства антисоветскими организациями, такими, как «Посев», НТС, украинская организация во главе с Бандерой и др.

Создание такой «пятой колонны» находилось исключительно в ведении американцев. БНД не играла здесь самостоятельной роли. Конечно, американцы не хотели допустить чрезмерного разбухания сферы власти Гелена в ФРГ, поэтому финансирование антисоветских организаций и поддержание контактов с ними в течение долгого времени находились в руках американцев. В тех случаях, когда БНД устанавливала на низшем уровне контакты с отдельными эмигрантами или их организациями, она должна была через офицеров связи немедленно информировать американцев. Если БНД получала на этом уровне информацию, то американцы забирали ее себе.

Такие операции эмигрантов, как засылка агентов в страны их происхождения, находились полностью в руках ЦРУ. Внутри эмигрантских организаций ЦРУ создавало «конспиративные ячейки», члены которых обучались владению оружием и прочим подобным ремеслам, так что они были подготовлены для осуществления террористических актов как в странах их происхождения, так и с территории ФРГ против представителей социалистических стран. В их задачи входило проникновение в социалистические страны для совершения террористических и диверсионных актов, нападение на их дипломатические представительства, то есть все, что служило нагнетанию страха, обострению «холодной войны».

В эмигрантских организациях часто происходил настоящий самосуд. Любой эмигрант, усомнившийся в целесообразности насильственных действий, желавший порвать с этим, подлежал ликвидации. Ясно, что ответственность за такого рода чистки, которые, впрочем, как теперь выяснилось, свойственны всем террористическим организациям, возлагалась на Восток.

ЦРУ иногда привлекало БНД к расследованию провалов в работе эмигрантских организаций, особенно при попытках забросить агентов с помощью самолетов, что тогда находилось исключительно в ведении американцев. В таких случаях всегда ставилась в известность БНД. Это порождало порой у сотрудников БНД чувство некоторого злорадства, так как они быстро поняли, что большинство операций по заброске с парашютами заранее обречено на провал. Советские органы безопасности, располагавшие сотрудниками с военным опытом, задерживали агентов сразу же после приземления. Мно-

гим соратникам Гелена было известно об этом еще со времени их работы в отделе «иностранные армии Востока». Некоторые из них уже ранее отклоняли предложения работать в данной области под непосредственным руководством американцев и англичан. Так, например, подобное предложение англичан отклонил подполковник Адольф Вихт, считавшийся в организации Гелена лучшим знатоком России. Английский военный следователь капитан Писториус обращался к Вихту с соответствующим предложением еще во время его пребывания в плену. Писториус тогда сказал: «Не хотите ли вы предоставить в наше распоряжение ваши знания о Советской Армии? Этим вы поможете Западу, если дело дойдет до борьбы с Россией». Отклонение этого предложения говорит в пользу подполковника. Тем не менее позднее он пришел к Гелену.

В работе с эмигрантами мне однажды пришлось иметь дело с одной связью по части контршпионажа, но только потому, что этот человек отказался сотрудничать с ЦРУ. Я завербовал его от имени БНД, но для фактической работы на ЦРУ. В результате создавалась видимость руководства этим агентом со стороны БНД, причем я должен был в то же время строго придерживаться указаний ЦРУ. В политическом отношении это оказалось очень деликатным делом, последствия которого сохраняют свое значение до наших дней, поэтому я не хотел бы дальше рассказывать о нем.

Первое дело, которое я получил в Центре БНД для обработки, также заключалось в оказании содействия спецслужбам США, причем, как это ни парадоксально, в то время организация Гелена как подчиненная ЦРУ секретная служба пользовалась большей самостоятельностью в действиях и принятии решений по эмигрантским агентурным делам, чем после легализации.

Как новичку мне поручили дело на агента под псевдонимом Ким, которое перебрасывали с одного стола на другой. Этот агент якобы создал в Австрии обширную сеть шпионажа против Востока и проник во все политические сферы советских и англо-американских оккупационных властей, эмигрантских кругов из СССР, Болгарии, Румынии, а также в австрийские учреждения.

Всю информацию, которую таскал Ким, следовало немедленно передавать американским контролерам организации Гелена. Слово «таскал» здесь применено в самом прямом смысле, поскольку от Кима можно было

в любое время суток потребовать любые шпионские материалы, будь то об эмигрантах из Южной Европы в Австрии, о советской разведке или о секретных службах Венгрии, Болгарии, Румынии и т. д. То, что Ким являлся шпионом-аферистом, давно перешедшим всякие границы доверия, было видно даже слепому, не говоря уже о вполне допустимых предположениях, что он к тому же агент-«многостаночник». Но американцы не хотели от него отказываться, так как, по чистосердечному признанию ответственного офицера ЦРУ, «его сокрушительная (в действительности выдуманная.— *Прим. авт.*) информация часто вызывала большой интерес в Вашингтоне». В организации Гелена никто не мог вычислить, скольким хозяевам он на самом деле служил. Родерих и Ришке могли только разъяснить мне, как следовало анализировать дело Кима с административной, организационной и разведывательной точек зрения, с тем чтобы сделать должные оперативные выводы, на основании которых можно было бы правильно вести его дело. Все-таки приходилось разбираться в многочисленных эмигрантских группировках из Балканских стран, в их целях и настроениях, готовить для постановки на учет сотни имен, часто воспринятых только на слух. Этот сизифов труд не помог, конечно, выяснить все авантюры Кима в австрийских шпионских джунглях, но мне самому анализ этого дела дал неоценимые знания о целях и стиле работы организации Гелена по шпионажу в третьих странах.

Ким, студент-медик, болгарин по происхождению, шпионил в Австрии главным образом за эмигрантами из Балканских стран. Руководил им сотрудник филиала организации Гелена в Бад-Райхенхалле (Бавария) бывший гауптштурмфюрер СС VI управления РСХА Маннель (он же Майер).

По делу Кима я в начале 1954 г. докладывал группе Зельмайера (он же Зеевальд), ответственного «надзирателя» за поступающими донесениями по Балканам. При обсуждении дела речь шла о том, как «отключить» от Кима источники других направлений ОГ, которых он знал, не имея на это нашего разрешения, или которые знали его. Эта проблема неоднократно вызывала разногласия между отдельными подразделениями организации. Мой доклад о шпионской сети Кима был утвержден и дал достаточно оснований для чистки этой сети. Однако нас опередила внезапная смерть Кима

в результате запущенной болезни легких, и я мог спокойно сдать дело в архив.

Приведенные примеры показывают, что «оказание помощи» ЦРУ предоставляло некоторые возможности другим секретным службам стран НАТО обходить шпионскую монополию США и за спиной американцев проникать в заманчивую для всех разведок среду эмигрантов и их организаций. Используя связанную с этим проблему «изучения Восточной Европы», можно было вообще уйти от контроля ЦРУ. Развитие событий в середине 50-х годов вокруг эмигрантских организаций, со всех сторон и на всех уровнях обставленных многими секретными службами, выдвинуло их чуть ли не на передний край натовского фронта. Поэтому неудивительно, что и БНД создала тогда в своем Центре «официальное» подразделение по эмигрантам.

В 1956 г. англичане передали ЦРУ большинство своих связей в НТС. По данному вопросу была достигнута договоренность между СИС и ЦРУ, о которой англичане проинформировали свои резидентуры в Турции, Швеции, США и во Франкфурте-на-Майне. На совещании представителей ЦРУ и СИС, состоявшемся 28 и 29 февраля 1956 г. в Лондоне, английская сторона выступила с заявлением, в котором излагались причины намерения прекратить оказание поддержки НТС. Сотрудники СИС, работавшие с НТС, имели главной задачей получение через него информации о СССР, причем ведение психологической войны с использованием НТС они, в отличие от ЦРУ, рассматривали лишь как средство выполнения этой цели. При анализе результатов семилетнего сотрудничества с НТС руководство СИС пришло к выводу, что количество полученной через НТС информации не оправдывало затраченные средства. Руководство СИС не верило также, что в дальнейшем сотрудничество с НТС будет более плодотворным. СИС, как заявил ее директор, «отказывается от участия в этих операциях не по политическим причинам, а по соображениям безопасности». Согласно опыту СИС, нелегальные операции НТС не оправдывали себя. Офицеры СИС, с которыми я беседовал на эту тему, сообщили мне, что в результате сотрудничества с БНД они получают такую хорошую информацию, что, по мнению их директора, их собственные операции с привлечением НТС мало что дают.

В то время ЦРУ уже взяло все в свои руки и в 1956 г. разработало подробные инструкции относительно ведения подрывной работы через НТС. Они предусматривали:

1. Нелегальные операции (насильственные действия в Западной Европе).

2. Использование перебежчиков.

3. Операции с применением силы в СССР.

4. Вербовка советских граждан за пределами СССР.

Руководителей НТС Радченко и Рудина (Радченко был сотрудником Центра НТС во Франкфурте-на-Майне и занимался шпионажем, а Рудин, также занимавшийся шпионажем, прошел подготовку в США) проинформировали о так называемых объективных причинах отказа английской разведки от сотрудничества с НТС. Сделка между СИС и ЦРУ была циничной, но одновременно являлась образцом совершенства. Когда я читал ее условия, я не мог отделаться от впечатления, что СИС передала своих агентов ЦРУ не только по финансовым соображениям. Требования ЦРУ были недвусмысленными, речь шла о полном изъятии этой сферы шпионажа из ведения СИС, как и в случае с БНД, что свидетельствовало о стремлении ЦРУ играть во всем руководящую роль.

В то время СИС пришлось смириться с тем, что ЦРУ единолично осуществляло всю деятельность с привлечением НТС в Западном Берлине. Шифры и радиосвязь НТС были перестроены на методы работы ЦРУ. СИС обязывалась немедленно сообщать ЦРУ о любом вновь установленном контакте с НТС. Вместе с тем СИС еще в течение долгого времени предоставляла в распоряжение агентов из НТС свои конспиративные квартиры и документацию.

Более сложным делом оказалась передача агентов НТС, действовавших в Советском Союзе, в нейтральных странах или в странах — членах НАТО. По этому поводу в одном из сообщений говорилось:

«Если связники СИС будут задавать представителям СИС вопросы по поводу отношений с НТС, то СИС обязуется не допускать заявлений, которые могут нанести ущерб использованию ЦРУ членов НТС в соответствующей стране. ЦРУ обязуется ничего не сообщать связникам во Франции, Швейцарии и Италии о том, что прежде СИС сотрудничала в этих странах с НТС.

СИС проинформирует организацию Гелена о том, что она более не сотрудничает с НТС, однако таким обра-

зом и в такой форме, чтобы это сообщение не нанесло ущерба дальнейшему сотрудничеству между НТС и ЦРУ в Германии».

Так завершился процесс концентрации шпионской деятельности НТС под руководством ЦРУ, причем СИС обязывалась выполнять вспомогательную работу в данной области. Кроме того, 30 июня 1956 г. вся собственность СИС, имевшая оперативное назначение и использовавшаяся НТС, перешла во владение НТС. Можно сказать, что работа по сосредоточению НТС под флагом ЦРУ стала новым этапом идеологического наступления и подрывных действий против Советского Союза и других социалистических государств. Наиболее жестко настроенное ядро руководителей и сотрудников НТС готовилось к дальнейшим преступлениям, включая убийства и вооруженную борьбу против «своих» стран. Представители интеллигенции и люди с «мягким характером» использовались на идеологическом фронте. Это означало использование в качестве агентов влияния или, как говорят сегодня, диссидентов, журналистов, дикторов на радиостанциях «холодной войны», таких, как «Свобода» и «Свободная Европа».

В результате наблюдения за усилиями ЦРУ по созданию «пятой колонны» в лице эмигрантских организаций и его терпимым отношением к подрывной деятельности радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа» действительно возникает вопрос, который был поставлен бывшим президентом федерального ведомства по охране конституции Гюнтером Ноллау: «В какой мере обеспечена безопасность Федеративной республики?», а именно безопасность перед действиями так называемых союзных секретных служб.

Мне ничего не известно о том, чтобы после заключения ФРГ «восточных договоров» федеральное правительство запретило ведение американцами этой скрытой борьбы против СССР и других социалистических стран. По-прежнему восточноевропейские эмигрантские организации являются орудием ЦРУ и секретных служб других стран — членов НАТО. Тезис о наличии «угрозы», охотно и настойчиво проповедуемый правоконсервативными силами, имеет целью сохранить эти пережитки «холодной войны». Одним из каналов такой пропаганды является правоконсервативная и неофашистская пресса, снабжаемая материалами ЦРУ. Аксель Шпрингер постоянно получал из этого источника «сведения», пуб-

ликовавшиеся под большими заголовками в его газетах.

В Федеративной республике происходит быстрая эскалация воинственной пропаганды на Восток, осуществляемая теми, кто постоянно оживляет подрывную деятельность против социалистических стран. Антикоммунизм и извлечение выгоды из нагнетания страха представляют собой две стороны одной медали.

Неоколониализм секретной службы

Более полное выражение политика БНД по отношению к государствам, образовавшимся в результате национально-освободительных движений, к развивающимся странам нашла в разработанной ее руководством в мае 1961 г. общей концепции, изложенной в документе под заголовком «Аспекты помощи в целях развития». По содержанию и стилю документа можно было подумать, что это не просто изложение основных идей самого канцлера в указанном направлении, а директивное руководство к действию. По служебным и побочным каналам экземпляры этого документа пошли из Пуллаха правительственным и парламентским политикам, главным акционерам, менеджерам концернов и объединений предпринимателей, военным из руководящего штаба бундесвера, доверенным лицам БНД из научно-исследовательских учреждений, а также руководителям крупных издательств и органов прессы. Рассылая документ таким адресатам, Гелен, формально являясь только высшим по должности в секретной службе помощником правительства при принятии внешнеполитических решений, еще раз предстал человеком, делающим официальную правительственную политику.

Если брать последовательность предлагаемых действий, то этот документ БНД претендовал на роль своего рода глобального «плана Маршалла», который, так сказать, путем «действенной рекламы» должен был «указать развивающимся странам путь в будущее на стороне Запада». В нем, например, говорилось: «В дальнейшем следует действовать так, чтобы меры западных государств, дающие основания для упреков в «неоколониализме», либо вообще не принимались, либо принимались в такой форме, при которой основания для подобных утверждений не были бы видны. Поскольку

структура западного мира не позволяет избежать факта, что страны этого мира преследуют в том числе и собственные, национальные интересы, необходимо организовать постоянный взаимный обмен абсолютно откровенной информацией, особенно в тех случаях, когда та или иная страна по определенным причинам считает уместным проводить политику сохранения или создания отношений зависимости».

Этот замаскированный и «абсолютно откровенно» втайне разработанный неоколониализм намечалось осуществлять «в значительной степени» путем проведения «политики создания среднего (то есть буржуазного) сословия по возможности с согласия местных правительств, но также и минуя их». В этом плане в документе констатировалось: «В обществах развивающихся стран Западу нужны прежде всего такие прослойки, к которым можно было бы подходить как к настоящим партнерам. Таковыми в перспективе могут служить не только правительства и их функционеры. Правда, на сегодня экономическая предпринимательская инициатива находится почти без исключения в руках бюрократического аппарата, но даже в экономических планах различных развивающихся стран выражается сожаление по поводу отсутствия предпринимательской деятельности в «частном секторе». К сожалению, здоровое, дееспособное среднее сословие, которое могло бы взять на себя эту задачу, почти не существует, по крайней мере в той степени, в какой оно необходимо в качестве надежного партнера Запада».

Наряду с предложениями привлекать таких «надежных партнеров Запада» главным образом путем «работы с людьми» и «без ущерба неизбежному сотрудничеству с правительствами развивающихся стран», давались советы и откровенно агентурного плана: «Недостаточно только обучать в западных высших учебных заведениях молодых людей из развивающихся стран, с тем чтобы они, возвратясь домой, вели спокойную жизнь в ведомственных канцеляриях или пополняли ряды «необеспеченной» интеллигенции. Их необходимо включать в качестве решающего фактора в разработку и осуществление планов развития или создавать им возможность основывать мелкие и средние предприятия с достаточным количеством контролируемой рабочей силы, с тем чтобы они могли оказывать помощь в удовлетворении потребностей своей страны в потребительских товарах».

Но легче сказать, чем сделать так, чтобы «Запад смог избежать всего, что в какой-то степени напоминало бы о существовании отношений зависимости». В то же время только таким образом можно было создать соответствующую обстановку, чтобы правительства и народы развивающихся стран видели в «эгоистичных колониальных властителях прошлого бескорыстных партнеров настоящего», чтобы стереть у них «впечатление», будто неоколониализм выступает в новом обличье и прибегает к новому трюку для «сохранения или создания отношений экономической зависимости».

Для Запада «оптимальный вариант внутригосударственного развития» вырисовывался в тех странах, где «между режимом и народными массами образуется возможно широкое, имеющее государственное значение среднее сословие». Это «способное к сопротивлению среднее сословие с действительно собственными интересами» могло бы «воспротивиться как выходу из берегов сил олигархии, так и радикализации масс» и не допустить «перехода развивающихся стран к построению социализма». Дальнейшая недооценка нужной Западу «политики среднего сословия» может привести к «обратному развитию отношений между индустриальными и развивающимися странами», что создает «обстановку классовой борьбы под лозунгом «богатые становятся все богаче, а бедные — все беднее». Тем большего внимания заслуживает следующий отрывок из приводимого документа: «Во внутренней политике развивающиеся страны проявляют мало склонности к демократическим процедурам. Даже там, где действуют демократические конституции, они до нынешнего дня остаются фасадами. Действительность имеет однозначную тенденцию к олигархии, причем господство семейных кланов может смениться властью либо независимых партий, которые после достижения их целей все более отдаляются от народа, либо других группировок (например, офицеры).

Признание власти и восхищение ею в любом ее проявлении, в том числе и в форме сенсационных технических свершений, присущи почти всем народам Азии и Африки, а тяга занять место поближе к власти и извлекать из этого выгоду ничуть не меньше у кандидатов на доходное место из рядов современной интеллигенции, чем у их предшественников из эпохи древнего Востока или Китайской империи. Но по количеству их сегодня значительно больше, и вероятность того,

что некоторые из них (и не самые худшие) не попадут в нужную струю и станут лидерами недовольных трудящихся масс, возрастает тем быстрее, чем медленнее идет процесс экономического роста и индустриализации этих стран. Значит, следует считаться с возможностью социальных революций в развивающихся странах после достижения ими определенного уровня индустриализации».

Вот почему в ФРГ так спешили к «раздаче кредитов», так стремились внести свой «вклад в создание среднего сословия в развивающихся странах», даже если «общая западная концепция партнерства не станет реальностью». Здесь стоило подумать и над тем, чтобы кредиты федерального правительства «вложить в руки какого-либо общества по развитию, которое сотрудничало бы с соответствующими обществами в развивающихся странах, причем состав этих обществ должен включать только людей туземного происхождения. Тогда получающий поддержку Запада местный частный предприниматель имел бы дело только с обществом по развитию данной страны, руководимым его же земляками. Предоставляемые таким образом средства теряли бы свое государственное происхождение, и в то же время можно было бы не искать обходных путей для намечаемого укрепления частного сектора в развивающихся странах, минуя их правительства». Для «западной частной экономики» тем самым гарантируется уверенность в том, что «в развивающихся странах создаются необходимые экономические предпосылки для дальнейших кредитов».

Помимо всего, «для лучшей координации в области оказания помощи на цели развития следует рассмотреть вопрос об учреждении поста федерального уполномоченного по вопросам помощи на эти цели». В сферу его деятельности могли бы входить следующие задачи:

«Значительно активизировать научные исследования по языку, истории, культуре, правоведению, народному хозяйству развивающихся стран, с тем чтобы показать их народам, что мы проявляем неподдельный интерес к их жизни и специфическим особенностям и стремимся к пониманию.

В целях устранения недостатков, проявляющихся при обучении молодых людей из развивающихся стран в западных школах и университетах, изучить вопрос об активном создании образовательных центров в самих развивающихся странах, в том числе «Немецкого универ-

ситета» в Африке по типу «Американского университета» в Бейруте, с немецким составом преподавателей на первое время. Учебные планы таких центров не должны ограничиваться техническими и естественными науками, а включать также экономические и социальные науки, историю и страноведение, педагогику, право и т. д. В качестве стипендиатов для учебы в западных странах следует привлекать относительно небольшое число особо отобранных учащихся, которые вселяют уверенность в том, что многолетнее пребывание в США или Европе не нанесет большого ущерба их привязанности к родине».

Итак, то, что суммарно декларируется как «успешная экономическая политика», каждый сведущий человек, занимающийся вопросами экономики и политики на научной основе, назовет коротко и ясно неоколониализмом. Следуя логике, он на основании вышеизложенного пришел бы к выводу, что в разработанной тогда концепции БНД откровенно присоединяется к тому «аспекту», который остается решающим для любой формы империалистической политики силы и господства и согласно которому ее двигателем, влекущим к гонке вооружений и войне, является максимальная прибыль, а с 1917 г. этой политике присуща агрессивная антисоветская и антикоммунистическая направленность.

Арест, допрос, тюремное заключение

В октябре 1961 г., чувствуя себя неважно, усталый физически, измотанный и нервный, я решил взять остаток отпуска и отдохнуть в своем доме на границе с Тиролем, поработать в саду и попутешествовать пешком. Перед отъездом я подготовил упаковку из 15 отснятых пленок «Минокс», так как вскоре после моего возвращения планировалась встреча с советскими друзьями для передачи этих материалов.

В пятницу, 3 ноября 1961 г., мне сообщили по телефону, что в ходе одной проводившейся операции по контршпионажу произошел провал и что ведомство федерального канцлера затребовало отчет. Руководимый нами и проживавший в Восточном Берлине агент (с нашей точки зрения, человек со странностями), сам предложивший свои услуги по шпионажу, был якобы арестован, и его мать, проживавшая в Западном Берлине, обратилась в этой связи в ведомство федерального канцлера.

Мы с чрезвычайно большим недоверием относились к этому источнику, прежде всего потому, что наши сотрудники, обрабатывавшие его информацию, не могли найти ей подтверждение, а это является совершенно необходимым для ее оценки. Кроме того, он сообщал сведения по слишком широкому кругу проблем, и в этой связи неизбежно возникало подозрение, что он либо используется другой стороной для введения нас в заблуждение, либо является аферистом. Дело это имело кодовое название «Банан».

Конечно, я говорил об этом человеке с моими русскими партнерами и получил точные сведения, что он не имеет никакого задания и никаких отношений с ним не поддерживается. Мне также обещали, что против него не будут приниматься меры пресечения, если только он сам себе не даст подножку и не вынудит вмешаться органы ГДР. Бывают глупые случайности. Одного задерживают, когда он укладывает в портфель секретные материалы, другой под воздействием алкоголя на заводском празднике распускает язык и начинает хвастаться, какой он «супермен». Я был уверен, что случилось что-либо подобное, так как мои советские партнеры ни в коем случае не нарушили бы своего обещания не принимать каких-либо мер против лиц, о которых они узнали от меня.

Я тут же по телефону распорядился принять необходимые меры и вызвал руководителя этого источника в Пуллах на 6 ноября 1961 г., чтобы обсудить с ним обстоятельства дела в помещении для заседаний. Это помещение расположено у северной границы окруженной забором запретной зоны. В него можно было попасть прямо с улицы. Второй вход в это помещение находился в запретной зоне и предназначался для самих сотрудников Центра. Таким образом, посетители, а ими могли быть, конечно, только сотрудники филиалов БНД, могли встречаться в резиденции Центра с руководящими сотрудниками. Входить на территорию запретной зоны они не имели права.

Я готовился к беседе с руководителем упоминавшегося агента и просматривал полученную почту, когда мне сообщили по телефону, что я должен явиться для доклада к уполномоченному Гелена бывшему генералу Лангендорфу, он же Лангкау. О времени мне сообщат дополнительно. Поскольку меня вызывали в главную квартиру, где кроме Гелена имели свои резиденции его уполномоченные Лангендорф и Венд, он же Вендланд, я взял

из своих документов подборку фотографий центра подслушивания телефонных разговоров в Кёльне. Имело смысл воспользоваться этим случаем, чтобы посетить также Вендланда и показать ему, как я организовал прослушивание телефонов и контроль телексных каналов советского торгового представительства. Ранее мы уже обсуждали этот вопрос. Вендланд являлся ответственным за подготовку материалов для законопроекта о контроле телефонов, который должен был заменить особые права союзников по этой части (его приняли в 1968 г. после острых дебатов в бундестаге). Я был заинтересован в том, чтобы меня подключили к этому делу.

Существовала даже такая возможность, что вопросом о передаче дел по подслушиванию, находившихся в руках союзников, в ведение властей ФРГ буду заниматься я. Во всяком случае, я рассчитывал на участие в этом деле, так как уже создал собственный немецкий центр подслушивания и поддерживал необходимые контакты с английским посольством, министерством связи и с главными дирекциями связи в Кобленце и Кёльне, а также с соответствующими телефонными службами.

Около 11 часов меня попросили явиться к Лангендорфу. Я сел в свою автомашину и поехал в главную квартиру. Пока я снимал пальто, караульный сообщил в приемную по телефону о моем прибытии, так что в ответ на мой звонок у соответствующей двери на втором этаже она передо мной, как обычно, открылась. Секретарша в приемной предложила мне присесть и пошла доложить обо мне. Вернувшись, она сказала, что Лангендорф сейчас примет меня, только закончит телефонный разговор. Очевидно, таким образом Лангендорф должен был дать условный знак о том, что я прибыл и что меня можно арестовать. Пока я ждал, секретарша дала мне понять, что Лангендорф намерен вручить мне медаль «Святого Георга» за 10-летнюю службу.

Через несколько минут в приемную вышел Лангендорф, поздоровался со мной, взял у секретарши упакованную медаль «Святого Георга» и свидетельство о награждении и попросил меня пройти в его кабинет. Здесь мы расположились в кожаных креслах, то есть обстановка была менее официальной, чем если бы все происходило за его рабочим столом. Лангендорф сразу же заговорил о деле «Банан», приказал доложить ему все обстоятельства, задавал дополнительные вопросы. Но вопросы были

настолько неумными, повторялись и уточнялись столько раз, что у меня не хватило терпения, и я сослался на руководителя соответствующей группы по обработке информации, с которым ему следовало бы побеседовать, если речь идет о всесторонней оценке.

Примерно через 30 минут в дверь постучали, и в кабинет вошел господин фон Бутлар, псевдоним Бернхард, ответственный за обеспечение безопасности в центральном аппарате, в сопровождении трех человек в гражданской одежде. Показывая на меня, он произнес: «Это господин Фельфе», взял Лангендорфа под руку и вышел с ним из кабинета. В это время старший из трех показал мне удостоверение сотрудника уголовной полиции и обыскал меня, спросив, нет ли у меня при себе огнестрельного оружия. Затем он сказал, что я должен пройти с ними. Он потребовал также ключи от моей автомашины, после чего мы вчетвером вышли в гардероб, где я мог спокойно одеть свое пальто. У караульного глаза вылезли на лоб, так как все, что сейчас происходило — чужие люди, которых привел Бернхард, уводили меня,— было необычным и выше его понимания.

Перед зданием главной квартиры стоял автомобиль марки «фольксваген». Мы проехали через «глухие ворота» и направились прямо в полицейское управление Мюнхена. Мои вопросы оставались без ответа. Мне сказали, что они сами ничего не знают и что я еще все узнаю. По дороге мне удалось уничтожить некоторые записи, в которых указывались условные адреса и номера телефонов. Однако я не смог вынуть из бумажника фотокопию задания, полученного мной на последней встрече в Вене. Хотя исполненные пункты были отрезаны, тем не менее оставалось достаточно пунктов, которые могли служить доказательством моей разведывательной деятельности против БНД. Впрочем, как позже выяснилось, в этом доказательстве уже не было необходимости.

В тюрьме полицейского управления меня подвергли тщательному обыску, отобрав все содержимое карманов, включая носовой платок. Моя подборка фотографий, а также личные документы были опечатаны в конверте — для следователя федеральной судебной палаты. Хотя и здесь не объяснили причины моего ареста, было уже ясно, что моя деятельность в качестве советского разведчика в федеральной разведывательной службе на этом закончилась.

В ходе первых допросов я признал, что являюсь разведчиком — что я мог еще сказать? С этого момента я мог придерживаться только одной позиции: не отказываться от своего дела, но сообщать как можно меньше сведений моему противнику в лице следователя федеральной судебной палаты д-ра фон Энгельбрехтена.

После первого допроса в Мюнхене была выдана официальная санкция на мой арест. Для его маскировки меня сразу же перевели в небольшую тюрьму в Линцена-Рейне, а через несколько дней — в подследственную тюрьму в Кобленце. Зарегистрирован я был как «г-н Безымянный».

Но бывают случайности, которые никто не может предвидеть. То, что меня так тщательно изолировали, возбудило любопытство заключенных, работавших уборщиками и поэтому пользовавшихся некоторой свободой передвижения. Один из них, который помогал заведующему этажом, сказал своему охраннику: «Послушайте, господин Безымянный, с которым нам запрещено общаться, это же господин Фельфе из Мюнхена. Я его там видел. Он живет в доме, где жил доктор Ауэрбах, семья которого после его самоубийства выехала из этого дома. Я там часто бывал и видел господина Фельфе». Так сказал заключенный, хотя, кроме директора тюрьмы, никто не знал моего имени, а в газетах о моем аресте не появилось ни строчки. Пресса узнала об этом только через четыре недели.

Однако мое советское руководство этими мерами обмануть не удалось. Оно сразу же узнало, что я и Ганс Ц. арестованы. Ведь, в конце концов, не был зафиксирован мой «признак жизни», то есть либо безобидная открытка на определенный адрес, либо какой-нибудь постоянно обновляемый знак на условленном месте, так что сразу же началось выяснение обстоятельств и были приняты необходимые меры предосторожности.

Допрашивали меня два чиновника охранного отделения федерального уголовного ведомства шесть месяцев. Они ежедневно приезжали из Бонна в Кобленц. Тем временем БНД готовила для руководившего следствием судьи «дневник» моей деятельности, что трудно было сделать быстро. Так, предстояло отыскать и собрать все дела и прочие документы, которые когда-либо проходили через мой письменный стол и которые я хотя бы визировал. Они, как мне стало потом известно, заняли три большие комнаты. Пять человек заносили в растянув-

шийся на многие годы календарь все, что я делал день за днем: служебные поездки, работа с корреспонденцией, телефонные звонки, переговоры, служебные обсуждения и совещания, встречи с сотрудниками БНД или ЦРУ. Учету подлежали также счета по расходам за командировки и проведенные встречи, официальные протоколы и записи на листках календаря, даты всех отпусков.

После завершения полицейских допросов прибыла комиссия ЦРУ, в которую входили два американца и один неизвестный мне сотрудник БНД. Главный из американцев назвался Бонхартом и работал, по-видимому, во франкфуртской штаб-квартире ЦРУ. Лично я его не знал. Вторым американцем был мистер Петти, который сопровождал и опекал меня и моих коллег из БНД в поездке по США, включая Вашингтон. Немец, который назвался Беетцем, выполнял только функции сопровождающего и блюстителя суверенитета перед тюремными властями. О деле он не имел ни малейшего представления и когда вмешивался в разговор (правда, очень редко), то становилось ясно, что в вопросах разведки и ее администрации он разбирался крайне слабо. До него, например, так и не дошло, что при том количестве бумаг, которое ежедневно поступало ко мне только для общей информации, я мог прочитать лишь какую-то их часть, а многие документы передавал дальше без всякой обработки.

Мистер Бонхарт очень торжественно заявил, что с согласия правительства ФРГ они хотели бы спросить меня о некоторых интересующих их, американцев, вещах. При этом он твердо заверил, что все сказанное мной сейчас ни в коем случае не будет использовано против меня в ходе процесса, даже если эти сведения будут расходиться с моими предыдущими показаниями или окажутся совершенно новыми. Я возразил, что не могу этому поверить, поскольку здесь присутствует сотрудник БНД, который представляет интересы и этой службы, и юстиции ФРГ, но я вполне готов побеседовать с ними. Петти сказал, что мне нечего беспокоиться, никто не испытывает ненависти ко мне и не желает мне ничего плохого. Конечно, дело должно идти своим законным ходом, но злонамеренных козней против меня строить не собираются.

Эти наполовину елейные, наполовину иронические слова послужили мне хорошим предостережением. Мистер Бонхарт перешел к систематическому допросу, руководствуясь объемистыми, написанными от руки записями.

Он спрашивал, какие сведения об известных мне явочных квартирах, номерах телефонов, сотрудниках ЦРУ и совместно проводившихся операциях я передал советской разведке и что после этого произошло. Что я отвечал на эти вопросы по отдельности, я уже сегодня не помню. Но в общем я придерживался ранее взятой мною линии и старался все преуменьшать. Я заметил американцам, как до этого говорил и западногерманским полицейским, что их познания о советской разведке, ее работе и методах руководства агентурой очень малы. Я им сказал, что русские вообще не проявляли особого интереса к американцам, то ли потому, что это не входило в компетенцию моих руководителей, то ли они и без того были в курсе дела.

Бонхарта особенно интересовала моя трехнедельная поездка в США. Он допытывался, что от меня хотели узнать об этой поездке. Когда я сказал, что на моих советских партнеров результаты поездки не произвели впечатления и что они пригласили меня совершить аналогичную поездку в СССР, Бонхарт сразу же вцепился в эти слова. Он подозревал, что в нашей группе во время поездки по США был еще один советский источник. Я сказал, что о нашем пребывании в Вашингтоне и о прослушанных нами докладах в ЦРУ мне особых вопросов не задавали и вообще, к моему удивлению, проявили мало интереса к этому.

Бонхарт был личностью, малопригодной для бесед со мной. Пытаясь переубедить меня, он при этом слишком горячился, не мог скрыть свою ярость, так что атмосфера в ходе бесед всегда была напряженной. Через неделю, во время одного из приступов бешенства, он окончательно потерял самообладание и перешел на крик: «С вами бесполезно дальше разговаривать, вы все время лжете!» Я предложил ему, если он придает какое-то значение беседам со мной, продолжить их после вынесения мне приговора, так как до начала процесса я считаю их абсолютно излишними, они не приносят пользы ни ходу следствия, ни мне. И Бонхарт сдался. Больше я его не видел. Возможно, он понял, что в своей несдержанности выдал больше, чем имел право сказать.

После ухода американцев меня перевели в Карлсруэ, где находился федеральный суд. Там, уже в официальном порядке и более детально, на основе полицейских протоколов и поступившей из БНД документации, допросы продолжил судебный следователь, уже упоминавшийся д-р фон Энгельбрехтен.

Энгельбрехтен, тщеславный лысый человек, уроженец Дрездена, бывший советник военно-полевого суда 12-й зенитной дивизии и Высших летных курсов в Дрездене, вел допросы еще в течение года, причем вежливо и обходительно, пытаясь сделать из составленных ранее полицейских протоколов стилистические шедевры. Однако спустя год он резко сбросил с себя маску дружелюбия, когда выяснилось, что из своей камеры, несмотря на полную изоляцию и строжайший контроль, я поддерживал связь с моими советскими друзьями и получал от них известия в письменной форме, а также и деньги. Этот позор был непереносим для него, человека, который так охотно провозглашал себя старейшим и опытнейшим судебным следователем федерального суда. В результате всего мечта подняться от старшего советника земельного суда до федерального судьи для него оказалась неосуществимой. Позже он перешел из федерального суда в суд по патентным делам.

Энгельбрехтен пытался реконструировать 10 последних лет моей жизни, день за днем. В этом занятии ему помогала поступившая из БНД документация. Однако с его судейской независимостью он оказался не на высоте. Так, этот независимый и подчиняющийся только букве закона судебный следователь получил изъятую у меня при аресте папку с фотографиями пункта по подслушиванию телефонов советского торгового представительства. Но мои пояснения к этим фотографиям не занесли в протокол, сама же папка не попала в список изъятых вещей и была возвращена БНД. А ведь мой подчеркнуто беспристрастный следователь должен был сразу же назначить расследование по этому делу, так как в те времена подслушивание телефонов в ФРГ западногерманскими учреждениями, а стало быть, и БНД запрещалось и представляло собой нарушение статьи 10 конституции. (Эта проблема была в законодательном порядке решена только 13 августа 1968 г., когда БНД получила право подсматривать, подслушивать и записывать подслушанное на магнитофон. До этого все это считалось противозаконным.)

Таким образом, пристрастность моего судебного следователя проявилась в данном случае в том, что он закрыл глаза на происхождение папки с фотографиями и ничего не предпринял. То же самое произошло и в другом случае. Когда в ходе предварительного следствия ведомство федерального канцлера потребовало аннулировать мой

статус чиновника и возместить за мой счет все полученное мною за время службы жалованье, суммарные размеры которого обозначались пятизначной цифрой, я поручил моему адвокату использовать мое право подачи жалобы в федеральный административный суд, находившийся в Западном Берлине. Д-р фон Энгельбрехтен озадаченно посмотрел на меня и сказал, что меня никак нельзя везти в Западный Берлин перед началом процесса и, кроме того, соответствующая палата суда не уполномочена рассматривать «секретные дела», каким является мое дело. Я коротко и ясно сказал ему, что меня явно хотят разделать на всех уровнях, а не только в федеральном суде. Если это должно стать концом для меня, то я хочу, чтобы меня похоронили по высшему разряду, с музыкой и помпой. Поэтому я намерен заявить, что наряду с моей разведывательной деятельностью в пользу Советского Союза я успешно выполнял все задания федеральной разведывательной службы, в том числе и такие, как незаконная организация прослушивания телефонов советского посольства в Роландсэкке и советского торгового представительства в Кёльне или установка многочисленных «жучков» в квартирах советских дипломатов. Я мог бы заявить также о том, что по поручению Гелена обеспечивал финансовую компенсацию услуг секретарши статс-секретаря д-ра Глобке, которую Гелен использовал для получения нужной лично ему информации, и за счет средств БНД создал фиктивную должность для ее сожителя; что опять же по поручению Гелена я организовал в Бад-Годесберге дом для гостей (название «массажный салон» употреблялось тогда только для обозначения физиотерапевтических заведений).

Д-р фон Энгельбрехтен немедленно прекратил этот разговор, и я встретился с ним снова лишь через несколько дней. Тут он заявил мне, что после последнего разговора со мной он немедленно сделал по телефону заявку на визит к Гелену (тогда мало кто имел прямой доступ к нему) и 12 ноября 1962 г. изложил ему ситуацию и мое намерение обратиться с жалобой в федеральный административный суд. После этого он, старший советник земельного суда и судебный следователь федерального суда д-р фон Энгельбрехтен, получил полномочия официально заявить мне следующее: если я не воспользуюсь своим правом подавать жалобу и признаю, что переданное мне разъяснение имеет юридическую силу, то БНД не потребует от меня уплаты долга. Затем д-р

фон Энгельбрехтен повторил это заявление по телефону моему адвокату, который все зафиксировал на бумаге, так что устные обещания были, так сказать, облечены в письменную форму.

Еще один случай показал мне тщеславную чувствительность судебного следователя фон Энгельбрехтена, которая повысила мою бдительность. Он решил применить ко мне положение о конфискации имущества, что имело отрицательные последствия не столько для меня, сколько для моей семьи. Мой адвокат заявил протест и добился принципиального решения федерального суда, в соответствии с которым это сохранившееся в уголовно-процессуальном кодексе по историческим причинам положение считалось противоречащим действующему конституционному праву, и поэтому решение о конфискации имущества должно быть отменено.

По меньшей мере в течение недели д-р фон Энгельбрехтен выглядел явно оскорбленным тем, что практика конфискации имущества, с давних лет применявшаяся им по отношению к подследственным политическим заключенным, была отменена и объявлена неправомерной. Он ясно дал мне понять, что я доставляю ему слишком много трудностей. Тем не менее упомянутое решение подхватила пресса, и оно подверглось обсуждению с участием специалистов.

Когда я однажды заметил ему, что некоторые мои показания могли бы послужить для меня смягчающими обстоятельствами по одному из пунктов обвинения, он заявил: «Я это не засчитываю, я хочу дать возможность вашему защитнику что-то для вас сделать». Прокуратура поступила точно так же, она просто «забыла», что уголовно-процессуальный кодекс предписывает ей искать не только обвиняющие, но и смягчающие или снимающие вину обстоятельства. При рассмотрении моего дела об этом даже не подумали, и такая практика была, видимо, довольно распространенной.

Мой процесс начался — после нескольких отсрочек — 8 июля 1963 г. и продолжался — в основном без допуска общественности — две недели. По указанию ведущего судьи, члена федерального суда Шумахера, по прозвищу Свирепый Пес, меня соответствующим образом готовили к процессу. За две недели до его начала он распорядился, чтобы по ночам меня контролировали через каждый час, обосновав это опасением, что я могу избежать процесса путем самоубийства. До этого судья меня в гла-

за не видел, так что он дал указание, основываясь не на личном впечатлении и хорошо понимая, что человеку, решившемуся на самоубийство, невозможно помешать выполнить свое намерение с помощью ежечасных проверок, наоборот, связанные с проверками психические нагрузки могут скорее укрепить его в этом. Все проверки проводились с большим шумом, так что спать ночью было невозможно. Человек, которого за ночь девять раз разбудят, через две недели становится физически истощенным. Именно в таком состоянии я появился в зале судебных заседаний.

Насколько торжественно и величаво вошли в зал пять членов суда третьей палаты по уголовным делам в их красных мантиях и беретах, настолько смешным показался мне этот средневековый маскарад. Они, обвинители и секретарь, двигались на возвышении, как маски во время карнавального шествия, с той только разницей, что сами себя принимали всерьез, считая, что находятся на высшей ступени юридической иерархии. И все это было спектаклем, так как приговор уже давно утвердили. Мои заявления выслушивались только в той мере, в какой это оказывалось удобным суду, а затем меня лишали слова. Я заметил, как председательствующий постоянно внимательно следил, чтобы я не сказал лишнего слова, которое могло бы вызвать скандал. Ведущий судья Шумахер постоянно пытался в ходе процесса вносить неуместную жесткость, так что председателю суда приходилось его неоднократно сдерживать. Он, например, решил сделать из меня видного и активного нациста только потому, что я в 15 лет был шарфюрером в «гитлерюгенде», то есть имел второй от начала чин в иерархии этой организации. А сам он, бывший член нацистской партии (партбилет № 3961459) и сотрудник СА, пошел на то, что приписал все это своим «политическим ошибкам» и объявил себя просто «попутчиком» нацистов, чтобы стать федеральным судьей. И именно он попытался поставить мне в упрек мое прошлое.

Через две недели был вынесен приговор. 14 лет без зачета года предварительного заключения, то есть всего 15 лет лишения свободы — самая высокая мера наказания. Я был твердо убежден, что мне не придется отбывать этот срок полностью. Я рассчитывал на половину.

Противная сторона в силу своего «понимания» моей работы заклеймила меня предателем, как и многих других разведчиков, работавших в разведывательных цент-

рах. В приговоре по моему делу от июля 1963 г. при определении срока наказания говорилось: «Его вина чрезмерно велика уже в связи с тем исключительно большим объемом его многолетней предательской деятельности и значением переданного им материала. Велика была также степень опасности его личности, и прежде всего в связи с его важным служебным положением, высоким интеллектуальным уровнем и отсутствием всякой совести».

Пусть их говорят, ведь их родина не была нашей. Я позволю себе возразить против таких утверждений только в одном смысле. Политический противник, выполняющий свою работу по внутреннему убеждению, должен бы, собственно, знать, что предательство по чисто эгоистическим мотивам не дает той силы, которая необходима, чтобы столь долго держаться, а я сумел все же продержаться целых 10 лет. В конце концов «люди из элиты» сами поняли это после того, как стало известно о моей «двойной игре». Люди же мыслящие, сумевшие по достоинству оценить мою работу, не могли согласиться с официальной версией «предателя». Даже находясь в заключении, я чувствовал их солидарность.

Понятие «предательство» всегда связано с позором человека и делает его гнусным. Этот ярлык хотели наклеить и на мое имя. Но я ничего не предал, наоборот, я остался верен своим новым взглядам, доставшимся мне так нелегко, а именно пониманию необходимости использовать все свои знания и все свое умение, свои старые связи, чтобы помочь Советскому Союзу в его тяжелой борьбе против развязывания третьей (в этом случае атомной) мировой войны. И если еще и сегодня некоторые средства массовой пропаганды называют меня предателем, то это результат раздражения как раз тем, что мне многое удалось, что я сумел внести свой вклад в обеспечение мира на стыке двух больших общественных систем. Они никогда не простят того, что человек из «их» круга, да еще принадлежавший к «элите», к СС, нашел в себе силы сотрудничать с Советским Союзом. Да я и не придаю никакого значения их «прощению». А подобного рода журналистская стряпня лишь разоблачает самих авторов, их политические взгляды. Если бы эти журналисты в своей работе действительно руководствовались политическими убеждениями, то они должны были бы признать за противником (то есть за мной) право на такие же политические, пусть и противоположные, убеждения. Но поскольку они этого не делают, то возможны только

два вывода: первый — они клевещут на меня по злому умыслу и второй — они сами видят в своей работе одно лишь прибыльное дело, а не возможность бороться за политические идеалы, хотя стремятся убедить нас в обратном.

Я целенаправленно предпринимал шаги для проникновения в БНД и в сферу контршпионажа, будучи убежденным, что именно там я принесу больше пользы той стороне, которую выбрал, опять-таки в силу моих убеждений. Когда я поступил на работу в организацию Гелена, ставшую позже БНД, я уже давно был советским разведчиком и выполнял поставленную передо мной задачу. Так какое же это было предательство?

Меня отправили в тюрьму в Штраубинге, в Нижней Баварии, где мне предстояло провести без малого шесть лет. Там меня сразу же доставили в так называемую «комнату для рапорта», где начальник тюрьмы Вагнер, который, очевидно, уже получил указания, как обращаться со мной, без всяких разговоров заорал, что он со мной расправится, он мне шею свернет, положит на лед, пока я не почернею, и т. п. В ответ на мои жалобы по поводу его обращения врач и тюремный священник сказали, что не следует воспринимать это так трагически, потому что Вагнер неизлечимо болен — у него рак желудка. Однако меня мало утешил тот факт, что он и по отношению к своим чиновникам был груб и злобен, так как его подчиненные придерживались манер своего шефа и затрудняли мою жизнь всюду, где только могли. Когда Вагнер умер, я поначалу вздохнул свободно. Однако моя жизнь стала не намного легче, так как федеральная прокуратура и БНД, очевидно, неослабно «заботились» обо мне. Мне стало известно, что уполномоченные БНД неоднократно посещали руководство тюрьмы, и я не мог избавиться от подозрения, что предпринимались попытки найти и подставить мне провокатора из числа заключенных.

Направленный против меня террор был по характеру психологическим, но от этого он не становился менее болезненным. Например, меня лишали возможности переписываться с членами моей семьи, задерживали письма от матери, отказывали в допустимых облегчениях режима, которые предоставлялись другим заключенным, зачастую злостным уголовникам. Впрочем, некоторые служители тюрьмы мне помогали или снабжали меня информацией, когда уполномоченные БНД посещали руковод-

ство тюрьмы или когда обо мне шла речь на совещаниях тюремных чиновников.

Медицинское обслуживание в рамках возможного было достаточно хорошим. Врачи, особенно невропатолог д-р Шильдмайер, и медсестры не давали мне никаких оснований для жалоб — даже наоборот. В отличие от других служителей тюрьмы, повышавших от себя еще на одну ступень строгость полученного свыше указания, они не создавали трудностей для политического заключенного.

Готовность помочь мне всегда проявлял и тюремный священник, советник по делам церкви Меркт. Он потерял ногу под Сталинградом и хорошо помнил ужасы войны, так что пищи для разговоров у нас было достаточно. Несколько лет тому назад он был духовным наставником бывшего полковника Петерсхагена, известного под прозвищем Спаситель Грейфсвальда, так как он в свое время сдал этот город без боя. Петерсхаген был также заключенным тюрьмы в Штраубинге. Во время одной из поездок в Мюнхен он попал в сети баварской юстиции, когда намеревался организовать в мюнхенских политических кругах акцию в защиту мира.

В своей книге Петерсхаген назвал священника Меркта сторонником мира, и в этой связи Меркт, как он мне признался, имел трудности по службе. Сейчас мои записки ему уже не повредят, он скончался 17 ноября 1974 г., окруженный всеобщим уважением и любовью за свою человечность, которую он сохранил в бесчеловечных условиях. Эти условия жизни в тюрьме, названные мною бесчеловечными, я хочу показать на некоторых примерах.

Трудно описать жизнь в тюрьме до приговора, когда давят мысли о предстоящем процессе, а также о моральных и материальных последствиях для членов семьи. В это время человек с психологической точки зрения живет в экстремальных условиях. Однако и период после приговора также едва ли поддается описанию, поскольку трудно передать всю монотонность жизни, психологический террор против политического заключенного и вообще все детали его положения.

В этом плане мне пришлось испытать почти все. Впрочем, существуют различия в статусе подследственного и осужденного заключенного. На эту тему в последние годы активно дискутировала и писала западногерманская общественность. При этом я часто думал, почему позволяют говорить только тем, кто находится с перед-

ней стороны решетки, почему слушают в основном только их. Тех, кого это непосредственно касается, почти или совсем не допускают к участию в подобных дискуссиях.

Подследственный заключенный находится в лучших условиях в отношении письменной связи с внешним миром, чем осужденный, который имеет возможность вести переписку только с утвержденными тюремным начальством лицами и получать только одно маленькое письмецо в две недели. Подследственному заключенному разрешается, если у него есть деньги, питаться за свой счет «светской» пищей, как это делал, например, издатель журнала «Шпигель» Аугштайн, когда он в связи с аферой вокруг этого журнала сидел в небольшой тюрьме в Карлсруэ через несколько камер от моей. Охранники не испытывали восторга от того, что им приходилось утром, в полдень и вечером приносить ему еду из близлежащего ресторана и сервировать ее на подносе.

Когда тебя вдруг запирают в помещении размером 2×4 м и ты оказываешься в полной изоляции от внешнего мира, лишенным свободы передвижения, которое заменяют 30 минут прогулки по кругу в тюремном дворе, то чувствуешь себя ошеломленным от не поддающейся пониманию нереальности этих условий.

Мне теперь ясно, что при проведении в будущем реформ просто нельзя согласиться с тем, чтобы заключенные, вопреки зафиксированным на бумаге правам, оказывались практически бесправными и беспомощными перед произволом неквалифицированных людей. Пытался ли кто-нибудь когда-нибудь выяснить, сколько было подано заключенными жалоб и сколько из них было отклонено судами или органами надзора? Я думаю, что скандалы в гамбургской и маннгеймской тюрьмах, где нашли свою смерть многие заключенные, дают ответ на этот вопрос. Но это только верхушка айсберга. Недаром представителями юстиции предпринимались такие усилия, по крайней мере на первом этапе, чтобы замять это дело.

Еще один пример. Мне не разрешили подписаться на иллюстрированный географический журнал. Когда я подал в верховный земельный суд жалобу, сославшись на мое право свободно получать информацию, гарантированное каждому немцу в статье 5 конституции, она была отклонена, хотя в то время не было никакого закона, который лишал бы заключенных этой одной из основных свобод. Вот так обстояли дела.

За мою жалобу на отказ в выписке газеты на мой счет были отнесены расходы по ее рассмотрению. Я не протестовал против этого. Но произвол тюремных властей выразился в том, что я должен был покрывать эти расходы не за счет своих личных средств, а за счет так называемых «домашних денег». Следует пояснить, что работавшие заключенные получали ежедневно 50 пфеннигов, то есть примерно 12—13 марок в месяц. За перевыполнение норм и тому подобное выплачивалась премия в размере одной марки. Половина этого «заработка» откладывалась для выплаты после освобождения, другую половину составляли «домашние деньги». Только за счет этих денег можно было оплачивать канцелярские и почтовые расходы и делать различные покупки (на сумму не больше 10 марок в месяц). Тот, у кого было мало «домашних денег», не мог себе многого и позволить, например купить табаку или продовольствия. Тот, кто часто писал заявления или жалобы, имел меньше денег для таких покупок. Тот же, кто, как и я, должен был выплачивать судебные издержки за счет «домашних денег», был лишен возможности вообще что-либо покупать.

Кому сегодня известно, что заключенные, как рабы, использовались юстицией, вернее, ее служителями в качестве дешевой рабочей силы. В тюремных типографиях, переплетных, столярных и слесарных мастерских, прачечных, ткацких цехах, на сельскохозяйственных и цветоводческих предприятиях по низким тарифам выполнялись частные заказы сотрудников органов юстиции. Это, конечно, не содействовало укреплению у заключенных уважения к законам. Было известно, что для оценки стоимости работы, выполняемой заключенными, существовали три тарифа: по высшему тарифу платили учреждения, которые заказывали, например, мебель, ковры или отдавали в переплет книги; по среднему тарифу платили сами заключенные, если они хотели, например, переплести собственную книгу; по самому низкому тарифу платили служители тюрьмы, которые могли заказывать обстановку для квартиры, ковры, корзиночные изделия, сдавать в переплет книги и т. д. Так, один учитель, работавший в тюрьме, заказал себе стенной ковер размером примерно 100×30 см, рисунок которого был взят с почтовой открытки. Заключенный, старательный работник, должен был скопировать по этой открытке рисунок для ковра, что было сложной и продолжительной работой. Затем он ткал ковер в течение более чем чет-

верти года, по пять дней в неделю, по восемь часов в день. Когда же писарь мастерской составил расчеты затрат рабочего времени и материалов — ведь больше ничто не учитывалось,— он был вынужден трижды переделывать свои счета по указанию начальника мастерской, так как нельзя же было показывать истинную цену. Когда все же получилась сумма в 125 марок, писарю сказали: «Более 95 марок эта вещь не должна стоить. Сами подумайте, как это можно сделать, ведь вы же сидите за мошенничество. Вам виднее, как этого добиться». Вот уж действительно хороший вклад в усилия, направленные на возвращение заключенных к нормальной жизни. За минувшее время кое-что в этой системе изменилось. Но самое хорошее служебное распоряжение никуда не годится, если его выполняют плохие люди.

В субботу, 18 января 1969 г., мне в тюрьме был нанесен визит. Я находился в переплетной мастерской, где в свободное время занимался на курсах переплетного дела. Около девяти часов туда позвонили и сообщили, что ко мне явился посетитель. Сразу же после этого за мной пришел чиновник... На мой вопрос, кто ко мне прибыл, он ничего не мог ответить и только сказал, что должен отвести меня в административное здание. В коридоре первого этажа административного здания нас ждал дежурный чиновник администрации, который тоже не мог сказать, кто желает меня видеть. Когда я вошел в «комнату для рапорта», чиновники остались за дверью, так что я оказался наедине с посетителем. Он встал со стула, сделал несколько шагов мне навстречу и приветствовал меня следующими словами: «Добрый день, господин Фельфе, я принес известие, которое может изменить вашу судьбу. Пожалуйста, садитесь».

Сначала мне подумалось, что посетителем является, возможно, какой-нибудь адвокат. Однако эта мысль исчезла сразу же после того, как он заявил, что передо мной открывается возможность вернуть честь, уважение, материальную независимость и обеспечить себе старость. Он сообщил, что явился по поручению «сильной и влиятельной группы», чтобы сделать мне предложение, которое позволит выполнить все мои желания и чаяния и вернет мне независимость и самостоятельность. Он уполномочен предложить мне написать мемуары обо всем периоде, то есть о 25 годах моей разведывательной деятельности, если я соглашусь после освобождения не оставаться в Федеративной республике и не уезжать в одну

из стран «восточного блока», а переселиться к какую-нибудь нейтральную страну. Единственное условие состоит в том, что я должен жить в нейтральной стране, где меня в любое время могли бы посещать члены моей семьи. Я могу также посещать их в ФРГ, но только не оставаться там на жительство. Кроме того, я не должен ездить в любую страну «восточного блока».

По-видимому, продолжал он, при этом невозможно избежать того, что представители Советского Союза установят со мной контакт, но главное, чтобы я никогда не ездил в страны «восточного блока». Мне предлагают гонорар в размере полмиллиона марок, которые будут положены на мой счет в любом банке по моему выбору в какой-либо нейтральной стране и которыми я смогу свободно располагать, как только представлю рукопись мемуаров. Я сам могу определить, сколько времени мне на это потребуется. До получения этих денег в мое распоряжение я могу с пользой вложить их в дело, например в ценные бумаги или недвижимость. Лишь мое право собственности на указанную сумму будет отложено до сдачи рукописи, но проценты с этой суммы я могу получать ежегодно.

Когда я прервал посетителя и спросил, кто он такой и по чьему поручению прибыл, он заявил, что я могу быть уверенным в наличии согласия компетентных властей на этот разговор, в противном случае он не смог бы со мной встретиться с глазу на глаз. Тех, кто поручил ему это дело, он пока еще назвать не может. Их имена я узнаю позже, когда он — при условии согласия и готовности с моей стороны — вновь посетит меня на следующей неделе, чтобы подписать со мной договор. Мне следует учесть, что предлагаемый мне гонорар достаточен для того, чтобы при обычных 6 процентах годовых на вложенный капитал обеспечить мою старость на более высоком уровне, чем чиновничья пенсия, которую я смог бы заработать обычным путем.

Затем он перешел на полемический тон и заявил примерно следующее: «Что вам делать на Востоке? Вы туда не вписываетесь, жизнь на Востоке не годится для вас. Вы, может быть, столкнетесь со многими трудностями, мы ведь знаем, что вы не будете скрывать свои мысли, а станете говорить то, что думаете. Вы ведь и Гелену, и другим своим начальникам всегда высказывали свою точку зрения, даже в тех случаях, когда ваши начальники придерживались иного мнения. В Советском Союзе

вам этого не удалось бы сделать, а теперь, когда вы будете полностью зависеть от них, тем более».

Я ответил, что никогда не боялся открыто высказывать собственное мнение, и нет оснований полагать, что я стал другим, так как применявшийся против меня в заключении террор отнюдь не способствовал тому, чтобы я изменился, напротив, в таком случае меня должны были бы окончательно сломить или убить. А вообще я считаю, сказал я, что в Советском Союзе больше ценят людей, которые свободно высказывают свое мнение, а не подхалимничают, не становятся лизоблюдами с готовым «да» на все случаи. Это соответствует моему собственному опыту, и бывший посол ФРГ в СССР Кролль подтверждает мое убеждение, его мемуары стоят того, чтобы их прочитать. Тогда посетитель изменил тон и тему беседы. Он спросил, как я представляю себе свою профессиональную деятельность, если я уеду в ГДР или Советский Союз.

Я не без иронии ответил: «Будет не так уж трудно найти занятие для меня, так как по единодушному приговору суда и оценке БНД я принадлежу к высшей категории интеллигенции».

Я нисколько не сомневался, что мне удастся найти работу в каком-нибудь издательстве, в крупной научной библиотеке или в архиве. Я вполне мог бы работать и в народном хозяйстве. Ясно, что о работе в области разведки не может быть и речи. В лучшем случае меня могут использовать в качестве советника по тем или иным проблемам, касающимся ФРГ. Большего в этом плане едва ли можно ожидать, так как семилетний перерыв слишком велик. Кроме того, в Советском Союзе также признается неписаный закон разведки, согласно которому раскрытый разведчик не может более заниматься этой деятельностью. Особенно в том случае, если он побывал в руках противника, а семилетний срок — это самый большой срок заключения, выпавший на долю кого-либо из агентов, осужденных в Федеративной республике со дня ее основания. Я ведь являюсь самым «старым по выслуге лет» среди политических заключенных. Таким образом, мое использование в разведке полностью исключено, хотя я и сам ни при каких обстоятельствах не соглашусь на это. Я уже достиг того возраста, в котором человек нуждается в покое и гарантированном существовании, к тому же семь с половиной лет заключения не прошли для меня бесследно. Посетитель ответил

на это: «Да, да, более семи лет — это вполне достаточная благодарность со стороны ваших друзей, и большего вы не получите, если поедете туда».

На мой вопрос о том, каким образом мыслится осуществить сделанное мне предложение, ведь я лишен каких-либо документов или записей, мне было сказано, что мне, конечно, помогут получить доступ ко всем необходимым документам и архивам, в том числе к материалам процесса, а также к моим показаниям во время пребывания в плену, ко всем собраниям документов современной истории, включая американский «Центр документации», газетным архивам и т. д.

Я заявил посетителю, который все еще оставался для меня загадкой, что я нахожу его предложение очень интересным, особенно условие о моем проживании в нейтральной стране, так как всегда мечтал купить старый крестьянский дом где-нибудь в Австрии и сделать его оплотом своего существования. Но чего ожидают от моих мемуаров? Может быть, того, что я с шумом захлопну за собой дверь и позволю своим заказчикам дать броский заголовок в газеты: «Советский шпион высшего класса порывает с Москвой», или, может быть, мое освобождение ставят в зависимость от моего согласия на это предложение, или имеется намерение использовать мое прежнее ремесло? В таком случае я вынужден его разочаровать. Я никогда не допущу, чтобы меня использовали для организации скандальной сенсации, и не имею ни малейшего намерения в какой-либо форме и где-либо заниматься разведывательной деятельностью. Если я когда-нибудь, возможно, и напишу обо всем пережитом с целью опубликования, неважно, для тех, кто его прислал, или для других, то все равно я не намерен допустить, чтобы кто-то злоупотреблял моим именем. Лучше я откажусь от немедленного освобождения, так как я уже преодолел «мертвую точку», и, потом, когда-нибудь меня все же должны будут выпустить? Самое позднее, через два года я отбуду две трети своего срока, и будет трудно отказать мне в условном освобождении в соответствии с параграфом 26 уголовного кодекса. Кроме того, для принятия такого решения уже не будет надобности обращаться в политическую инстанцию, решать будет только суд, который не подчиняется никаким указаниям и принимает решения исключительно на основе закона. И тогда нельзя будет утверждать, что я все еще представляю собой опасность или могу стать рецидивистом, а только

это и может быть причиной отказа в условном освобождении. Следовательно, меня уже ничто не может испугать. Возможно, дело обернулось бы иначе, если бы ко мне пришли с подобным предложением вскоре после вынесения приговора. В то время положение моего посетителя было бы более благоприятным. Теперь же меня нельзя напугать.

Нет, нет, возразил мой посетитель, на меня ни в коем случае не хотят оказывать давление и совсем не хотят, чтобы я хлопнул дверью, мне желают добра. Действительно, более глупых аргументов он просто не мог найти. Наконец он великодушно заявил, что мне могут помочь изменить фамилию.

Я, не задумываясь, ответил, что это самое лучшее предложение в ходе всей беседы, так как если бы меня звали Мюллер или Леман, то тогда мне все стало бы безразлично. Но я заинтересован в том, чтобы и с моей редкой фамилией я мог спокойно жить после освобождения.

После его нескольких пустых фраз (вроде того, что он рад моей откровенности, тем самым я облегчил его задачу и т. п.) я ему заявил, что пока он еще не получил от меня никаких обещаний, за исключением моей готовности выслушать подробности его предложения. Ведь сегодня он сделал предложение только лишь в общей форме. Он ответил, что приедет на следующей неделе, то есть через несколько дней, чтобы обсудить со мной проект договора, который я должен буду подписать. Тогда я и узнаю, какое издательство обращается ко мне с этим предложением, а сегодня он больше не может ничего сказать.

От ответа на мой повторный вопрос, как я должен его называть, он уклонился. Я сразу же сказал, что в разведке фамилии — пустой звук, ведь всем ясно, что названные фамилии не имеют никакого значения, но что приятнее обращаться к человеку, называя его по имени, даже если это имя фальшивое. На это посетитель ответил: «Называйте меня Байер». В пылу беседы он, несомненно, в тот момент не заметил, что тем самым признал свою принадлежность к разведке.

К концу беседы Байер заявил, что по его распоряжению меня изолируют до подписания договора, то есть до окончания бесед с ним, чтобы я ни с кем не разговаривал. Само собой разумеется, я должен хранить по поводу его предложения полное молчание. В противном

случае оно будет взято назад, и на этом все кончится. Я решительно запротестовал против грозившего мне вновь одиночного заключения, заявив, что оно скорее привлечет внимание ко мне. Впрочем, я готов на несколько дней лечь в лазарет, там я тоже буду один, и это никому не бросится в глаза. Байер сказал, что он не желает ничего менять, но это только на несколько дней, а потом он привезет мне что-нибудь для чтения, газеты и т. п.

Сразу же после беседы с Байером меня поместили в одиночную камеру, что означало полную изоляцию, даже прогулки в одиночку. На следующий день, в воскресенье, 19 января 1969 г., меня доставили в середине дня к директору тюрьмы Штэрку. Он лишь сообщил мне, что после беседы с господином д-ром Байером распорядился перевести меня в одиночное заключение по желанию федеральной прокуратуры. Если я хочу присутствовать на концерте, который состоится сегодня, в воскресенье, в церкви, то меня должны посадить отдельно от всех и особо строго охранять. Конечно, я отказался от концерта. Штэрк еще заметил, что д-р Байер в среду или в четверг, наверное, приедет снова.

Я предложил директору, чтобы меня не оставляли в крыле здания, предназначенном для одиночного заключения, а поместили лучше в госпиталь. Амбулаторное лечение моей болезни (ишиаса) можно было бы продолжать в стационаре, так как мое одиночное заключение вызывает ненужное внимание. Штэрк сразу же согласился с моим предложением и сказал, что он распорядится, чтобы на следующий день меня перевели в лазарет.

Когда я из административного здания вернулся в здание тюрьмы, меня вызвали на центральный пост, где дежурный чиновник передал мне сообщение директора о том, что он уже связался по телефону с главным врачом и на следующий день я должен в обычном порядке записаться к врачу. После этого меня поместили в госпиталь. Там я и ждал посещения д-ра Байера. В четверг, 23 января, Штэрк передал мне: «Господин, который вас недавно навещал, приедет завтра, в пятницу».

Но на следующий день ничего не произошло. Более того, в субботу, 25 января, то есть ровно через неделю после беседы с д-ром Байером, заместитель директора тюрьмы позвонил дежурному санитару и сообщил, что распоряжение о моей изоляции немедленно отменяется. В понедельник, 27 января, меня перевели назад в тюрем-

ное здание, и я пошел на работу. Во второй половине дня директор тюрьмы Штэрк во время своего обычного обхода мастерских зашел и в переплетную мастерскую, где находилось мое рабочее место. Он спросил, как я перенес изоляцию. Я ответил, что вообще ничего не понимаю, так как одиночное заключение было совершенно излишним. Штэрк довольно убедительно пояснил, что и он ничего не знает ни о моей беседе с д-ром Байером, ни о том, почему он не приехал во второй раз. Ему лишь по телефону дали соответствующее указание, кто, он не сказал, но это могла быть только федеральная прокуратура, которая распорядилась и насчет моей изоляции. Он не может мне что-либо объяснить, так как сам ничего не знает. Если ему что-нибудь станет известно, то он мне сообщит.

В одиночном заключении у меня было достаточно времени, чтобы подумать о д-ре Байере. Ясно, что его визит разрешен федеральной прокуратурой, в ведении которой я находился. От нее же исходило согласие на разговор с глазу на глаз и на полную изоляцию после него. Ясно было также, что здесь не обошлось без участия БНД. Но кто же стоял за д-ром Байером?

Еще в декабре 1968 г. я понял из намеков моего адвоката, что в феврале 1969 г. мог рассчитывать на помилование и освобождение из тюрьмы. Очевидно, было решено до этого предпринять еще одну попытку добиться от меня разрыва с Советским Союзом, чтобы потом использовать это на всю катушку в пропагандистском плане.

Итак, д-р Байер получил доступ ко мне через БНД. Но я не мог себе представить, чтобы эта служба выложила полмиллиона за несколько броских заголовков в газетах и даже за мой обет молчания, так как, без всяких сомнений, предложенным мне путем мои мемуары никогда не увидели бы свет. Взвесив все, я пришел к выводу, что за д-ром Байером стояли мои бывшие коллеги из ЦРУ. Очевидно, они хотели продолжить разговор, состоявшийся после допросов во время следствия. Этот вывод подтвердили попытки американцев получить информацию обо мне и установить со мной контакт после моего освобождения.

Только в четверг, 13 февраля, я снова увидел Штэрка, когда он зашел в переплетную мастерскую. Он спросил меня, как я себя чувствую. На мой вопрос, что слышно о д-ре Байере, ответил, слегка улыбаясь: «Я отказываюсь от показаний по этому вопросу», и ушел.

Вечером в тот же день, сразу после окончания работы, меня отвели к Штэрку. Все это было настолько необычным, что у меня возникла уверенность в предстоящих решающих событиях. Когда я вошел в его кабинет, он приветствовал меня, протянув руку, и сказал: «Сердечно поздравляю вас, и, пожалуйста, садитесь». Он сообщил, что мне нужно немедленно переодеться для отъезда. На следующее утро меня доставят к границе. По поручению ответственного сотрудника федерального министерства юстиции он должен передать мне, что вечером следующего дня я буду свободен, если, добавил он, «ваши друзья сдержат свое слово». Впрочем, он еще утром, когда я с ним разговаривал, знал о моем предстоящем освобождении. О д-ре Байере мы во время нашего разговора больше не вспоминали. Штэрк, несомненно, не знал о нем ничего существенного.

В пятницу, 14 февраля 1969 г., два чиновника охранной группы федерального уголовного ведомства вывезли меня из тюрьмы и доставили к границе. Оба чиновника были мне незнакомы и не называли своих имен. Держались они очень вежливо. Мне передали привет и наилучшие пожелания от сотрудника ведомства Вебера, который допрашивал меня. Ровно в 18 часов 50 минут мы прибыли на пограничный контрольный пункт Херлесхаузен. После некоторого ожидания в соседнем помещении появился господин, который объявил мне решение о помиловании: «В соответствии с решением федерального президента о помиловании вы с настоящего момента освобождаетесь из заключения с условным сроком пять лет. Вы знаете, что в течение этого срока вы не должны совершать уголовно наказуемых преступлений, так как в противном случае вам придется отбывать остаток срока, на который вы были осуждены. Вам, как гражданину ФРГ, предоставляется право свободно выбирать место своего пребывания и место жительства. В случае вашего выезда за границу ничто не мешает вам опять приехать в ФРГ или поселиться здесь. До свидания».

После краткого приветствия со стороны моего адвоката Фогеля и адвоката Штанге, представлявшего федеральное правительство, я, уже свободным, пересек государственную границу.

Незадолго до этого границу в обратном направлении пересек автобус, в котором находилось 21 человек, все агенты западных секретных служб. 18 из них были арестованы и осуждены в ГДР. Трое студентов из ФРГ

были накануне доставлены специальным самолетом из Москвы, где они были осуждены за шпионаж в пользу американской разведки. Мои друзья сдержали свое слово, что они меня никогда не оставят в беде.

Я был удивлен тем, что о факте моего помилования так быстро официально уведомили прессу. Вероятно, сочли, что такого рода действия невозможно сохранить в тайне или это можно делать только в течение короткого периода времени, в связи с чем соответствующие попытки не имеют никакого смысла. Очевидно, в Бонне были заранее подготовлены тексты заявления для прессы, которые и передали ей после поступления телефонного извещения о том, что все прошло гладко.

Привлечение прессы к этому делу было спланировано заранее. Это явствует из того факта, что снимки моего перехода границы, сделанные вечером 14 февраля, журнал «Шпигель» поместил в № 9 за 24 февраля, а «Штерн» — в № 9 за 25 февраля 1969 г. На основании этого можно сделать вывод, что фоторепортеров официальная инстанция заранее уведомила о моем переходе границы в Херлесхаузене. Фотографии других агентов — участников обмена в прессе не появились, то есть была заинтересованность только в публикации моих фотографий.

Два различных снимка были сделаны с двух достаточно удаленных друг от друга пунктов. Значит, присутствовали по меньшей мере два фоторепортера, поскольку мое пребывание на открытом пространстве длилось, самое большее, 20—30 секунд (одному фотографу было бы просто невозможно так быстро сменить свое местонахождение).

Я предполагаю, что с помощью такой предусмотрительности официальные инстанции хотели заручиться поддержкой прессы, чтобы использовать в пропагандистских целях информацию, которая также была передана прессе этими же инстанциями.

Когда я сейчас, спустя много лет, анализирую публиковавшиеся в прессе ФРГ статьи о моем обмене и обо мне самом, я не могу не согласиться (впрочем, так же, как и тогда) с Бисмарком, который говорил, что если наши враги льют на нас грязь, то это означает, что мы действовали правильно.

Мне могут возразить: это, мол, было тогда, в ФРГ сейчас существует другой политический климат. Нет ничего более ошибочного. И сейчас извлекается из архи-

вов и используется по мере надобности выдуманная тогда редакциями ложь. И не следует упускать из виду, что, как и в других областях, в данном случае также присутствует антикоммунистическая, особенно антисоветская, направленность. Писаки при этом даже не стараются вбить клин между мной и моими советскими партнерами. Они не настолько глупы. Их задача в том, чтобы снова и снова вколачивать в сознание граждан ФРГ ложь о «советской угрозе». Для этой цели им и сейчас очень кстати «опасный советский шпион» Фельфе.

Сразу же после моего освобождения из западногерманской тюрьмы в 1969 г. в Центре БНД сфабриковали «изложение» моей деятельности в пользу советской разведки. Книга получила название «Москва вызывает Хайнца Фельфе» и была опубликована издательством Хазе и Келера в Майнце. Ее заблаговременно разослали заинтересованным и услужливым журналистам, но в книжную торговлю она так и не попала. Цель этой махинации заключалась в том, чтобы сохранить и укрепить стереотип антикоммунизма, присущий службе Гелена.

Насколько велика была заинтересованность руководства БНД представить при этом советского разведчика отмежевавшимся от своих «хозяев», показали также «соблазнительные» крупные денежные суммы, которые мне предлагали во время пребывания в заключении с 1961 по 1969 г. в качестве цены за отречение от мотивов моей работы в пользу Советского Союза. Поскольку эти предложения были отвергнуты, шпионский клан Гелена — Веселя пригрозил мне опубликованием «контрмемуаров», если я позволю себе после освобождения написать правду. В западногерманском журнале «Шпигель» и других журналах ФРГ уже в течение многих лет манипулируют частями этой составленной в Пуллахе бумажки, чтобы распространять легенду о Фельфе по рецепту Гелена. Однако должен сказать, что не в моих привычках склоняться перед угрозами, хотя я в течение ряда лет вел себя сдержанно.

Когда я в Москве прочитал «тайную» историю Фельфе, меня, откровенно говоря, поразил примитивный способ изображения событий. И все же не хочу скрывать, что иногда при чтении этого опуса я от души забавлялся. Например, когда я прочитал, что соседство Фельфе с Аденауэром в Бад-Хоннефе якобы привело к установлению близких отношений между ними, и однажды, по случаю встречи со своим «старым камрадом из СС», они пили

вино из подвалов Конрада Аденауэра. Ну уж если бы это оказалось так, то мне как разведчику лучшего «начала» нельзя было бы и желать. Однако, к сожалению, у нас не было таких близких отношений.

Искажения или неверные представления я обнаружил и в книге Хайнца Хене и Германа Цоллинга под названием «Пуллах изнутри». То, что там написано обо мне, показывает, насколько велико было стремление создать легенды и подобрать формулировки, которые позволили бы БНД выйти из этой истории с хорошей миной, причем я не думаю, что авторы чего-то недопоняли, когда получали от сотрудников организации материал для своей книги.

Чтобы показать, как в результате фальшивой информации прессы искажается правда, я хотел бы в конце этой главы уточнить некоторые моменты, о которых уже говорилось выше.

Например, абсолютной выдумкой является то, что якобы мне «для последующей передачи западногерманской секретной службе» были подсунуты протоколы секретных заседаний правительства ГДР, а также отрицательные высказывания министров ГДР — представителей буржуазных партий о своих коллегах из СЕПГ и материалы, свидетельствующие о наличии в ЦК СЕПГ настроений против Вальтера Ульбрихта, как об этом говорилось в одной из опубликованных в «Шпигеле» статей. Цель такой «информации», очевидно, заключается в том, чтобы посеять недоверие между членами правительства ГДР и сомнения в отношении сотрудничества с Советским Союзом.

Я не знаю ничего о том, что я якобы смог «внедриться в далекий от моих интересов реферат по делам Дальнего Востока» и что уже в те времена в Бангкоке действовал представитель БНД. Я сомневаюсь, чтобы и сейчас там имелся такой представитель. Но, очевидно, с помощью подобной подтасовки хотели создать впечатление, что БНД имеет сеть резидентов, охватывающую весь мир. Впрочем, блеф и бахвальство всегда были основой деятельности организации Гелена.

Нередко в публикациях говорится о том, что Гелену доставляло большое удовольствие показывать своим гостям добытый мною план расположения советской разведывательной службы в Карлсхорсте, в какой-то степени являющийся козырем БНД. Большинство этих данных является плодом журналистской фантазии.

А вообще дело обстоит так, как я об этом уже говорил в процессе судебного разбирательства, а именно что разведывательную деятельность БНД против Карлсхорста советская разведывательная служба не принимает всерьез, поскольку то, что каждый может видеть и узнать, не является тайной, нуждающейся в особых мерах ее сохранения.

Наконец и окончательно дома

Когда ночью 14 февраля 1969 г. в снег и гололедицу меня встретил на границе Альфред, то это было сердечное и искреннее дружеское приветствие. Он обнял меня и сказал: «Теперь ты наконец и окончательно дома. Отдохни. Мы поможем тебе, с тем чтобы ты здесь, в ГДР, почувствовал себя действительно как дома».

Только тот, кто в какой-то степени сам пережил нечто подобное, может понять, каким долгим был для меня путь домой, как сильно напряжены были все струны моих нервов с того момента, когда я узнал о предстоящем обмене, как с течением времени это напряжение все возрастало вплоть до нескольких минут, отделявших меня от свободы,— только тот может примерно представить, что происходило во мне.

Альфреду все, очевидно, было ясно. Поэтому он оставил меня наедине с моими чувствами, не задавал никаких вопросов. В данной ситуации это была лучшая дружеская услуга, которую он мог мне оказать. Да, Альфред стал мне хорошим другом. Кроме того, я познакомился со многими другими советскими работниками, а также с их руководством, я навещаю их и теперь, когда приезжаю в Советский Союз.

Я хорошо помню генерала Короткова. Во время наших встреч в Берлине или Вене мы часто вели с ним продолжительные диспуты о внутриполитической обстановке в ФРГ. Его отличный немецкий язык, окрашенный венским диалектом, его элегантная внешность и манеры сразу же вызвали у меня симпатию. Он хорошо ориентировался в различных политических течениях в Федеративной республике. Не раз мы с ним горячо спорили, когда он выражал свои опасения по поводу возникновения и распространения праворадикальных группировок в ФРГ. Тогда я не разделял его мнения. Очень жаль,

что сейчас я уже не могу сказать ему, насколько он был прав, так как несколько лет тому назад он скончался.

Но вернемся к той февральской ночи 1969 г. Если говорить о моем тогдашнем состоянии, то я, пожалуй, не смогу подобрать нужного слова для его характеристики. Это было какое-то неопределенное состояние между напряжением и разрядкой. Недавнее напряжение еще не прошло окончательно, однако оно ослабевало. Ведь я преодолел все, что надо было преодолеть, и вот наконец свободен. Передо мною стоял вопрос: что будет теперь? Как сложится моя дальнейшая жизнь? Мне уже перевалило за пятьдесят. Смогу ли я вообще привыкнуть к совершенно незнакомому мне социальному окружению? Слова «социализм», «социалистическая страна» я знал только теоретически. Но кем я смогу работать? Как я смогу оказать максимальную пользу моим друзьям? Все это были вопросы, которые создавали новую напряженность. Я закрыл глаза и проследил еще раз мой жизненный путь. Родительский дом, школа, военное время, лазарет, учеба, реферат по Швейцарии, Нидерланды, плен, освобождение из плена, учеба в Бонне, организация Гелена, ставшая затем БНД, судебный процесс, пребывание в тюрьме.

Не хочу скрывать, что положение, в котором я вынужден был пребывать в течение почти 10 лет, требовало отношений особого доверия к моим советским партнерам. Личные отношения и общая политическая программа, которая связывала меня с офицерами советской разведки, помогли мне справиться с большими трудностями и психологическими нагрузками.

«Вот мы и приехали, мы уже на месте»,— вернул меня к действительности мой спутник. Для меня начиналась совершенно новая жизнь. Дело не только в том, что я был наконец свободен. Я вступал в новый мир, к которому мне еще предстояло привыкнуть. Конечно, этот процесс проходил не без проблем. Но мои старые и множество новых друзей делали все, что могли, чтобы я нашел свое место в новой жизни. Мне, однако, стало ясно, что моя акклиматизация пройдет лучше всего, если я найду работу, которая заполнила бы все мое существование. Я не собирался вести жизнь досрочного пенсионера, а хотел сейчас спокойно нагнать то, в чем мне до сих пор было отказано. Например, еще до войны я много занимался проблемами преступно-

сти среди молодежи и с удовольствием написал бы диссертацию на эту тему.

Тридцать лет спустя я, однако, нашел другую тему. 19 января 1972 г. я защитил диссертацию на тему «Постоянство политики германского империализма», и мне была присвоена степень доктора права. Еще до этого я получил звание доцента и стал преподавателем в моем старом Берлинском университете, носящем сейчас имя Гумбольдта, на отделении криминалистики юридического факультета. Возможно, в каком-то отношении я более неудобный, более критически настроенный и более избалованный гражданин Германской Демократической Республики, чем мои коллеги. Однако это вполне естественно, ведь я прошел путь совершенно другого развития. Он несет на себе также и отпечаток моей деятельности разведчика в пользу Советского Союза, причем там, где находился один из перекрестков главных направлений мировой политики 50-х годов. Я приложил все усилия, чтобы моими познаниями и моим опытом помочь студентам составить ясное представление об условиях жизни при капитализме.

В семидесятых годах я встретился с моими сокурсниками по учебе в Боннском университете — Хайнцем Энгельбертом и Карлом-Гюнтером Бенингером. Когда оба профессора пришли поздравить меня с 60-летием, я очень обрадовался этой встрече. Профессор Бенингер сказал мне тогда: «Да, о том, что ты взял на себя, мы, конечно, не могли и подозревать. Мы только могли констатировать, что Фельфе отошел от нас». Мы вспоминали всякие наши дела из боннского периода. А вспомнить было что, поскольку приходилось, чтобы держаться на поверхности, прибегать к различным ухищрениям.

Многие студенты, которые слушали мои лекции и с которыми я вел дискуссии на семинарах, работают сегодня на ответственных постах по защите нашей республики. Я теперь горжусь ими, как и они когда-то гордились своим профессором, поскольку я не скрывал от них, какой была моя жизнь, когда знакомился с ними. Иметь возможность гордиться своими учениками, которые хорошо проявляют себя в жизни и работе,— что еще может быть дороже для учителя?

Сейчас я уже не занимаюсь непосредственно преподавательской деятельностью. Я участвую в работе над научными публикациями, курирую деятельность молодых

научных работников, занимающихся проблемами государственного, конституционного и административного права.

Когда несколько лет тому назад на улице Унтерден-Линден в нашей столице, недалеко от главного входа в Университет им. Гумбольдта, была вновь поставлена на свое старое, постоянное место конная статуя Фридриха II, у меня иногда возникало ощущение, что в почтенное здание моего родного университета входит не профессор Фельфе, а молодой студент-юрист Фельфе.

Если бы я мог еще раз начать мою жизнь сначала, она, конечно, была бы другой. Смог бы я тогда сослужить аналогичную службу Советскому Союзу, а значит, делу мира и моего народа? Да, но наверняка в другой форме, чем та, которая отображена в этой книге. Но это и не является решающим. Решающим является то, что я, может быть, на другом месте, возможно, с самого начала в качестве преподавателя высшего учебного заведения, но так или иначе работал бы на стороне правого дела.

Я горжусь тем, что смог на решающем участке фронта внести свой скромный вклад в разоблачение тайны возникновения войны и в то, что мы можем с оптимизмом и уверенностью смотреть в мирное будущее. Поэтому тяжелые годы работы в качестве разведчика на службе Советского Союза были лучшими годами моей жизни.

Послесловие

Деятельность западногерманской разведки с самого начала окутывалась плотной завесой секретности. «Светобоязнь» БНД объясняется, видимо, тем, что ее послужной список изобилует моментами, которые не могут украсить ничью биографию. Выход в свет мемуаров Х. Фельфе — человека, посвященного во многие тайны Пуллаха,— вызвал у БНД серьезное беспокойство. Об этом можно судить хотя бы по тому, с каким усердием близкая к БНД пресса пыталась дискредитировать книгу. Но попытки не увенчались успехом. Воспоминания Х. Фельфе, существенно дополнившие другие публикации о БНД, были встречены в ФРГ с большим интересом.

Таким образом, несмотря на противодействие Пуллаха, биография западногерманской разведки пишется, в ней остается все меньше белых пятен. Что же представляет собой разведка ФРГ? Какую роль играла и продолжает играть она во внешней и внутренней политике ФРГ?. Попытаемся кратко ответить на эти вопросы, опираясь на факты, изложенные в книге Х. Фельфе, а также имевшие место после его ухода из БНД и известные из других источников.

Предшественница БНД — так называемая организация Гелена была создана американцами в 1946 г. в качестве подсобного инструмента шпионажа против СССР и восточноевропейских стран. Она являлась плотью от плоти фашистских спецслужб. Многие ее сотрудники имели за плечами «школу» СС, СД, гестапо, абвера. Принадлежность к этим организациям служила своего рода рекомендательным письмом при приеме на работу во вновь создаваемое разведывательное ведомство. Так, в нем под началом бывшего гитлеровского генерала Гелена нашли приют оберфюрер СС, шеф тайной полевой полиции В. Крихбаум, штурмбаннфюрер СС, шеф гестапо города Киля Ф. Шмидт, штурмбаннфюрер СС Э. Аугс-

бург, оберштурмбаннфюрер СС Г. Зоммер, оберфюрер СС Ф. Панцингер, руководивший массовыми убийствами советских граждан на временно оккупированной фашистами территории, штандартенфюрер СС В. Рауф и многие другие военные преступники. Как выяснилось недавно, становлению организации Гелена активно помогал лионский палач К. Барбье, который до 1951 г. спокойно проживал в ФРГ под вымышленным именем.

Бывшие нацисты принесли с собой в западногерманскую разведку не только профессиональный опыт, но и дух фашистской Германии. Им было нетрудно адаптироваться на новом месте работы: внешний враг предполагался тот же — Советский Союз. Наставники из спецслужб США не скрывали, что рассматривают СССР как потенциального противника в следующей войне. Что касается внутренних функций, то одним из первых заданий, поставленных американцами перед организацией Гелена, явилась слежка за «левыми» — дело также хорошо известное.

Махровый антикоммунизм, патологическая ненависть к Советскому Союзу, свойственные большинству сотрудников организации Гелена, не могли не сказаться на деятельности западногерманской разведки. «Антикоммунистический синдром» проявлялся не только в формах и методах ее работы, но и в явной тенденциозности по отношению к социалистическим странам, в стремлении выдавать желаемое за действительное. Эти черты, верно подмеченные Х. Фельфе у Гелена, стали характерными и для всей западногерманской разведки, неоднократно демонстрировавшей свою склонность сознательно дезинформировать вышестоящие инстанции.

Занимаясь по заданию американцев разведкой на Востоке, организация Гелена поставляла Вашингтону информацию о вооруженных силах и вооружениях Советского Союза. Тем самым Гелен получил возможность оказывать влияние на американскую оценку ситуации в Европе, и он умышленно запугивал американских стратегов «советской военной угрозой».

В 1956 г., отмеченном рядом острых политических событий (Суэцкий кризис, контрреволюционный мятеж в Венгрии), на XX съезде КПСС прозвучал призыв к смягчению конфронтации между военными блоками, к созданию основ мирного сосуществования в будущем. Прогрессивная международная общественность приветствовала эти предложения СССР. Эксперты же БНД,

проанализировав их, определили, что они «опасны для свободного мира». Гелен лично — как внутри страны, так и за рубежом — занялся обработкой политиков, которые, по его мнению, были «парализованы ядом мирного сосуществования».

С правительством Аденауэра, прочно стоявшим на позициях «холодной войны», Гелен действовал в унисон. Спустя десятилетие ситуация на Европейском континенте заметно изменилась. Ростки нового мышления начали пробиваться и в боннской восточной политике, но БНД, так и не покинувшая окопов «холодной войны», всячески противилась этому. Она усиленно продвигала в правительственные круги «информацию» о том, что Советский Союз использует переговоры с западными странами исключительно для достижения своих «агрессивных» целей. Видный западногерманский политический деятель Э. Бар, ознакомившийся с «информацией» подобного рода, назвал ее чушью. Однако в ФРГ и за океаном имелись влиятельные силы, у которых подобные «сведения» пользовались повышенным спросом.

С приходом к власти в 1982 г. в ФРГ правоконсервативного правительства ХДС/ХСС — СвДП количество получаемых БНД «заказов» на дезинформацию от власть имущих заметно возросло. Так, например, выступая весной 1986 г. на торжествах по случаю 30-летнего юбилея БНД, Ф.-Й. Штраус потребовал от разведки доказательств того, что Советский Союз уже давно работает над программой, аналогичной СОИ, и потому все упреки в этой связи в адрес американцев якобы «необоснованны». Поскольку таких доказательств нет, БНД принялась в очередной раз стряпать дезинформацию по старым рецептам Гелена.

На протяжении многих лет западногерманская разведка усиленно работает над «документальным» подкреплением тезиса о «советской военной угрозе», о «советском военном превосходстве». Выполняя заказ военно-промышленного комплекса, БНД инспирирует появление на свет различных «исследований», проталкивает в средства массовой информации откровенную дезинформацию, призванную напугать обывателя. Так БНД «открыла» решающее превосходство СССР в танках, затем «многократное превосходство» по ракетам средней дальности. После встречи в Рейкьявике БНД «обнаружила», что страны Варшавского Договора превосхо-

дят страны НАТО по тактическим ракетам в соотношении 10:1. Доказательств, как всегда, разумеется, нет.

БНД не единственная служба в НАТО, которая специализируется на подобной стряпне. Порой бывает даже трудно определить, кому принадлежит пальма первенства в том или ином «открытии», но о приоритетах в данном случае, как правило, не спорят. Натовские спецслужбы наперебой цитируют друг друга, ссылаются на «достоверные» данные коллег. Разумеется, первую скрипку в этой перманентной кампании дезинформации играет Центральное разведывательное управление США.

Как и во времена Гелена (бывший шеф разведки вышел на пенсию в 1968 г.), острие деятельности БНД направлено против социалистических стран. Х. Фельфе рассказал в своих мемуарах о плане «Юно» — подготовке контрреволюционного переворота в ГДР. Аналогичные устремления продемонстрировала БНД позднее в отношении Венгрии, Чехословакии, Польши. Агентура БНД в этих странах всячески способствовала обострению кризисных ситуаций. По тайным каналам туда широким потоком шли инструкции для антисоциалистических сил, деньги, подрывная литература, множительная техника, оборудование для подпольных радиостанций, оружие.

В широких масштабах ведет БНД в социалистических странах шпионскую работу. Ее сотрудники, выступающие под видом дипломатов, журналистов, бизнесменов, рьяно ищут отщепенцев, готовых за 30 сребреников продать интересы своей родины. Так, например, в Советском Союзе арестован и осужден агент БНД советский гражданин И. Суслов, занимавшийся шпионажем в области космических программ. Его «наставник» из БНД П. Арсене, находившийся в Москве под видом представителя фирмы «Карл Шанценбах», был выдворен из СССР. Ни Суслов, ни его хозяева не преуспели на шпионском поприще, однако совершенно очевидно, что их деятельность нанесла серьезный ущерб доверию, без которого невозможно успешное деловое сотрудничество между странами.

О том, какие задания и инструкции дает БНД своей агентуре, засылаемой в социалистические страны, дает представление вопросник, составленный западногерманской разведкой в связи с аварией на Чернобыльской АЭС. Западногерманскую разведку, в частности, интересовало, имели ли место волнения и беспорядки среди

эвакуированных советских граждан, протесты населения против строительства АЭС, насколько подорван престиж советской атомной техники среди наших партнеров по СЭВ, каковы последствия аварии для сельского хозяйства Украины, снабжения Киева водой и электроэнергией. Этот вопросник принесла в советское посольство в Бонне секретарша одной из западногерманских фирм. Она обнаружила его в бумагах своего шефа, собиравшегося в деловую поездку в Москву. Последний почти не скрывал от подчиненных свое давнее сотрудничество с БНД.

Разведка ФРГ активно действует против советских граждан и непосредственно на самой территории ФРГ. За сотрудниками советских дипломатических, торговых и иных представительств, их семьями, членами делегаций, спортсменами, туристами организуется скрытое наблюдение, их разговоры прослушиваются, а вещи подвергаются негласному досмотру. Предпринимаются попытки склонить отдельных лиц к сотрудничеству с БНД или к невозвращению на родину.

Характерный пример — случай с В. Шуваловым, сотрудником смешанной советско-западногерманской фирмы «Неотайп», который попал в автомобильную аварию и получил серьезные травмы. Шувалов сначала был доставлен в военный госпиталь бундесвера, а затем попал в руки западногерманских спецслужб. Пытаясь склонить его к предательству, сотрудники спецслужб не стеснялись в выборе средств, используя весь апробированный арсенал — от попыток подкупа и шантажа до угроз физической расправы и применения психотропных средств. К счастью, у советского гражданина хватило сил противостоять всему этому.

К подрывной деятельности против СССР БНД активно привлекает также членов антисоветских эмигрантских организаций, таких, например, как НТС, ЗЧ ОУН [1], сотрудников немецкой редакции журнала «Континент». В этих организациях окопались предатели всех мастей, в том числе бывшие фашистские приспешники. В благодарность за «услуги» БНД щедро финансирует их деятельность.

В этой же среде БНД по заданию ЦРУ подбирает кадры для национальных редакций подрывных радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа», которые ве-

[1] Закордонные части организации украинских националистов.

дут психологическую войну против социалистических стран. «Отделы по изучению аудитории» этих радиостанций занимаются, по существу, разведкой.

Использует БНД в своих интересах и так называемый «остфоршунг» — различные фонды, институты, общества, кружки, занимающиеся «изучением» СССР и восточноевропейских социалистических стран. Подобные учреждения существовали в Германии еще до второй мировой войны. Они широко использовались гитлеровцами для сбора и систематизации разведывательной информации. После разгрома фашистской Германии эти организации, скомпрометировавшие себя связями с нацистами, были распущены, однако в годы «холодной войны» вновь возродились в еще большем количестве. По данным исследователей ГДР, ныне в ФРГ их насчитывается около 250 — гораздо больше, чем в любой другой западноевропейской стране.

Во многих отношениях система «остфоршунга» и шпионская служба — одного поля ягоды, и потому неудивительно, что между ними быстро возникло взаимопонимание и сотрудничество. В настоящее время БНД является основным «заказчиком» и потребителем продукции системы «остфоршунга», она же принимает активное участие в планировании и финансировании деятельности этих институтов. Делается это зачастую скрытно, через работающих в «остфоршунге» кадровых сотрудников БНД.

С помощью агентов БНД пытается проникнуть в так называемый «восточный институт» Ватикана, куда по церковным каналам стекается обширная информация о положении в социалистических странах, причем характер этих сведений выходит далеко за рамки религиозных дел. Дорогу в Ватикан в свое время проложил еще Гелен. В 50-х годах он направил в Италию в качестве резидента своего брата Йоханнеса. (Х. Фельфе совершенно справедливо подметил стремление Гелена «порадеть родному человечку» — на ответственные посты в разведке тот пристроил 16 своих ближайших родственников. По примеру шефа действовало и его ближайшее окружение: по семейной протекции на теплые места в центре и за границей было устроено около ста человек.)

Йоханнес, выступавший в Италии как «профессор Джованни», установил обширные связи в Ватикане через внучатого племянника папы Пия XI — Конте Фер-

рети, который активно работал на БНД. Другой агент западногерманской разведки в папском окружении, маркиз де Мистура, создал целую агентурную сеть из священнослужителей. Одним из самых ценных агентов считался прелат Аристид Брунелло, личный советник папы Иоанна XXIII. Агенты БНД в Ватикане не только собирали информацию, но и активно использовали свое официальное положение для оказания давления на восточную политику святого престола.

Новая характерная черта в деятельности послегеленовской БНД — широкое использование техники. Вдоль всей границы ФРГ с социалистическими странами — от Балтийского побережья до Баварских Альп — высятся мощные железобетонные вышки, напичканные самой современной электроникой. Специалисты БНД, ведущие отсюда прослушивание линий связи стран — участниц Варшавского Договора, хвастаются, что они слышат все «аж до самой Сибири».

Если «уши» БНД для прослушивания закордонного эфира торчат как огородные пугала, то аналогичная техника для внутреннего использования, напротив, отличается крайней миниатюрностью. Это всевозможные подслушивающие, подсматривающие, записывающие устройства, с помощью которых ведется слежка за «подрывными элементами», всеми, кто, по мнению БНД, представляет угрозу для безопасности ФРГ. Эта деятельность разведки прямо противоречит конституции ФРГ, запрещающей БНД заниматься внутренним шпионажем, но, очевидно, основной закон страны писался для наивных людей. Напомним, что еще при создании организации Гелена американские спецслужбы поручили ей слежку за «коммунистическими агентами». Американские и западногерманские спецслужбы всегда понимали друг друга с полуслова. В разряд «коммунистических агентов» попали не только коммунисты, но и все те демократически настроенные люди, которые выступали против ремилитаризации Западной Германии, втягивания ее в реакционные военные блоки, против превращения ФРГ в военно-политический плацдарм США на Европейском континенте. Это были социал-демократы, беспартийные, писатели, ученые, видные общественные деятели.

В последнее время БНД и федеральное ведомство по охране конституции (БФФ) под предлогом борьбы с терроризмом выступили инициаторами ряда законопроектов о внутренней безопасности. Один из них —

«О сотрудничестве органов безопасности в области информации». Этим законопроектом, в частности, предусмотрено создание так называемой «интегрированной служебной сети данных». В ней с помощью новейшей электроники будут объединяться данные на лиц, содержащиеся в картотеках и досье всех спецслужб ФРГ, а также многих гражданских ведомств страны, в частности финансовых. Для этой цели создается гигантский технический аппарат, предпринимаются попытки ввести новые, считываемые с помощью электроники удостоверения личности. Таким образом, в нынешней ФРГ находит логическое завершение предпринятая еще нацистами попытка создать государство тотальной слежки, населенное «прозрачными гражданами». Вся разница заключается лишь в том, что на помощь агентам-доносчикам приходит электроника. Комментируя этот законопроект, профсоюзный журнал «Друк унд папир» (ФРГ) писал, что в итоге деятельность западногерманских спецслужб «окажется вне какого-либо организационного или технического контроля. Телефонная сеть превратится в невод для тех, кто любит ловить рыбу в мутной воде, а электронным концернам это принесет миллиардные прибыли».

Под «колпаком» БНД постоянно находились и находятся ведущие деятели Социал-демократической партии Германии. Их в БНД считают ни много ни мало как «замаскированными коммунистами», а потому — «самыми опасными врагами государства». И в этом вопросе у БНД полное единство взглядов с ЦРУ. Осенью 1977 г. тогдашний шеф американского шпионского ведомства адмирал Тэрнер провел в ФРГ секретное совещание с руководством БНД. Обсуждался вопрос о согласовании действий в отношении социал-демократических правительств в Западной Европе и отдельных политиков, выступавших за разрядку напряженности. Пожаловавшись на «непонимание» американского курса со стороны правительства Г. Шмидта, Тэрнер потребовал от руководителя БНД Г. Весселя, чтобы тот активнее ориентировал западногерманскую разведку на «партнерство» с американцами.

Очевидно, следуя этим указаниям, БНД при участии ЦРУ, а также правой прессы ФРГ организовала провокационную кампанию против руководителей СДПГ В. Брандта, Г. Венера, Э. Бара. На основе сфабрикованного «документа Бара» была предпринята попытка

доказать, что Бар замышляет «финляндизацию» ФРГ и вывод ее из НАТО, что в ближайшем окружении руководства СДПГ действует «восточная» агентура и что Венер — «красный шпион».

Занимаясь разведкой внутри страны, БНД тем самым вторгается в сферу деятельности другой западногерманской спецслужбы — федерального ведомства по охране конституции (БФФ). Это порой вызывает определенные осложнения между ними, но все внутренние склоки отходят на второй план, когда речь заходит о совместной борьбе с «левой опасностью».

Едва ли не главная «опасность» для БНД и БФФ сейчас — антивоенное движение в ФРГ. Наступление на него ведется массированно, одновременно по нескольким направлениям, с использованием всего арсенала вооружений спецслужб — от новейшей техники до агентов-провокаторов. Участники мирных антивоенных демонстраций открыто и негласно фотографируются, идентифицируются, ставятся на учет. Эти данные становятся основой для их последующего преследования по месту работы или учебы.

В среду антивоенного движения активно внедряются агенты спецслужб. Они не только собирают информацию о планах и намерениях борцов за мир, но и пытаются оказывать влияние на характер самого движения. В определенной степени им удается дезориентировать и разобщить антивоенное движение на Западе, навязать его участникам тезис о «равной ответственности» СССР и США за гонку вооружений. Используя контакты с социалистическими странами, агентура спецслужб в антивоенном движении пытается инспирировать в социалистических странах создание некоего «независимого» движения за мир, которое на деле бы действовало в интересах империалистических сил.

Совместные акции против антивоенного движения лишь один из аспектов сотрудничества американской и западногерманской разведок. Другое характерное для наших дней поле совместной деятельности БНД и ЦРУ — подрывные акции против Демократической Республики Афганистан. Начало сотрудничеству в этом направлении также положил Гелен. В архивах, которые он передал американцам в 1945 г., находилось много документов о деятельности немецких агентов в Афганистане. Проанализировав фашистские досье, американцы поручили организации Гелена активизировать работу с наиболее

ценной агентурой. Одновременно началась совместная деятельность по расширению агентурной сети с целью обеспечения стратегических интересов США в этом регионе, а также противодействия растущему стремлению афганского народа к самоопределению.

Особый размах деятельность БНД в Афганистане получила после Апрельской революции, поставившей под угрозу позиции ФРГ и США в этой стране. Пытаясь восстановить свое былое влияние, БНД в тесном сотрудничестве с ЦРУ осуществляет широкий круг акций, направленных на свержение законного правительства ДРА, подрыв его попыток добиться политического урегулирования так называемой афганской проблемы. С территории соседних стран БНД засылает в Афганистан агентов для сбора информации, поддержания контактов с подпольными организациями, проведения актов диверсии и саботажа. В самой ФРГ находятся многочисленные тренировочные лагеря ЦРУ для подготовки афганских контрреволюционеров. БНД оказывает ЦРУ всяческое содействие в этой противоправной деятельности.

С разведывательными заданиями в Афганистан направляются граждане ФРГ, выступающие как журналисты, представители различных общественных организаций и фондов. В частности, БНД активно использует в антиафганской деятельности «Фонд Конрада Аденауэра», «Фонд Отто Бенеке», организацию помощи беженцам «Хелп». (Член правления этой организации, Г. Кёстер, бывший депутат бундестага от ХДС, в январе 1984 г. рассказал в журнале «Ойропеише веркунде» о том, как осенью 1983 г. он активно участвовал в боевых действиях в Афганистане на стороне душманов.)

Одним из заданий, поставленных БНД перед своими агентами в Афганистане, был сбор «доказательств» применения советскими войсками в борьбе с душманами химического оружия. Несмотря на все старания, таких доказательств найдено не было, и организаторам этой антисоветской провокации пришлось ограничиться домыслами платных дезинформаторов из «Квика» и других правых изданий ФРГ.

БНД помогает ЦРУ в снабжении американской агентуры фальшивыми западногерманскими паспортами. Так, шпионивший в Иране сотрудник ЦРУ Джордж О'Киф получил фальшивые документы на имя гражданина ФРГ Йозефа Маркуса Вольфа. Этот факт стал

известен в результате захвата иранцами американского посольства в Тегеране.

Через ФРГ при посредстве БНД ЦРУ осуществляет поставки оружия своим тайным союзникам во всем мире. Противозаконный оружейный бизнес в традициях и самой БНД. В 1964—1970 гг. вопреки всем нормам международного права и внутренним законам ФРГ западногерманская разведка продавала списанное вооружение бундесвера в самые взрывоопасные регионы мира. Действуя через торговые фирмы «Мерекс», а затем «Добертин», БНД, несмотря на торговое эмбарго ООН, поставляла оружие южноафриканским расистам, «черным полковникам» в Греции, режиму Яна Смита в Южной Родезии.

БНД дано право самой определять, в какой степени парламент и финансовые ведомства могут контролировать ее деятельность. Если руководитель БНД объявляет ту или иную операцию «секретной», то возможности контролирующих органов практически равны нулю. Пользуясь своим особым статусом, БНД нередко «проворачивает» весьма сомнительные, с точки зрения законности и морали, операции. Характерный пример — использование так называемых частных детективов.

С одним из них — Вернером Маусом, прославившимся в ФРГ операциями, стоящими на грани преступления, БНД в августе 1979 г. заключила секретный контракт об организации усиленной охраны толстосумов от «террористов». Гонорар за эту «услугу» составлял около 850 тыс. марок ФРГ и складывался примерно поровну из пожертвований заинтересованных фирм и бюджетных средств БНД, то есть денег рядовых налогоплательщиков. Так, расходуя общественные деньги, БНД превратилась в «частную лавочку» тех, кому в действительности принадлежит власть в ФРГ. Оценивая эту историю, эксперт по правовым вопросам фракции СДПГ в бундестаге А. Эммерлих заявил: «Демократическое государство, от которого попахивает духом продажности, ставит под угрозу основы своего существования».

Частные детективы типа В. Мауса, нанятые БНД, не подчиняются предписаниям, распространяющимся на государственных служащих. По словам видного деятеля СДПГ Х. Эмке, «частный детектив может делать все — взламывать двери и прослушивать телефоны. Если его на этом поймают — отвечает частный детектив, а не его наниматель». Благодаря такому приему «рука БНД»

становится еще длиннее. Руководителей разведки не смущает, что люди типа Мауса творят много грязных дел. Члены следственной комиссии, расследовавшей дела Мауса, считают, что частный детектив «практически провоцировал» преступные деяния, чтобы потом положить себе в карман премии от страховых обществ. «За наличные,— заявил один из сотрудников полиции,— Маус для собственных нужд заставлял работать на себя чиновников». Так БНД, которая сама себя напыщенно именует «системой раннего оповещения в целях обеспечения мира», на практике оказывается детонатором в длинной цепи преступлений и провокаций.

Пожалуй, более точным будет определение лондонской газеты «Дейли экспресс», которая назвала БНД «огромной подпольной силой». Действительно, только верхушка этого айсберга — штатные сотрудники БНД — представляет собой внушительную рать — более 7 тыс. человек. В чьих же интересах действует западногерманская разведка?

В книге X. Фельфе рассказывается о том, что в свое время организация Гелена сыграла роль магнита, притянувшего к себе наиболее реакционные силы послевоенной Германии. С определенной поправкой на время можно утверждать, что аналогичную роль играет БНД и в нынешней ФРГ. Симпатии западногерманской разведки по-прежнему на стороне крайне правых. Она является прежде всего орудием военно-промышленного комплекса и политических кругов ФРГ, вынашивающих реваншистские планы. После десятилетия некоторой «нестабильности» в период правления в ФРГ социал-либеральной коалиции ХДС/ХСС — СвДП федеральная разведывательная служба вновь набирает вес и влияние. В тесном союзе с ЦРУ она в немалой степени способствовала и способствует нагромождению завалов на пути к взаимопониманию и прочному миру между народами Европы. Чтобы расчистить их, требуется немало усилий политиков, историков, публицистов. X. Фельфе — среди тех, кто занят этой нужной и важной работой.

Н. Колосков

Содержание

Хайнц Фельфе

Мемуары разведчика

Заведующий редакцией А. В. Никольский
Редактор И. П. Башкирова
Младший редактор Т. К. Сперанская
Художник В. Г. Фескин
Художественный редактор Е. А. Андрусенко
Технический редактор Т. А. Новикова

ИБ № 7168

Сдано в набор 25.11.87. Подписано в печать 19.03.88. Формат 84×108 1/32. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,91. Усл. кр.-отт. 17,22. Уч.-изд. л. 18,21. Тираж 200 тыс. экз. Заказ № 549. Цена 90 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7

Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск, проспект Ленина, 49.

90 коп.

Рекогносцировка в джунглях разведывательной службы
Руководитель реферата Швейцария — Лихтенштейн
Куда идешь, германский рейх?
Путь найден
Я поступаю в организацию Гелена
Вывеска меняется — фирма остается
Шпионаж БНД внутри страны
Тайная война против социализма
Мои операции
«Дружественные» службы
Неоколониализм секретной службы
Арест, допрос, тюремное заключение
Наконец и окончательно дома